ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владимiръ Мономахъ.

1862

СЕРПЕНЬ

(АВГУСТЪ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША И ТИБЛЕНА И К°.

Одобрено цензурою. С. Петербургъ. 9 октября 1862 года.

МЫСЛИ ЮЖНОРУССА.

VI.

На какомъ языкѣ должно обучать народъ?

Хочъ не въ ладъ,—да шйроко ступáв.
(Народная пословица).

Вопросъ объ украинской народности и литературѣ переходитъ изъ области предположеній въ область дѣйствительности: теперь не только научнымъ образомъ разъясняются характеристическія черты народности южнорусской, но и самая рѣчь украинская становится рѣчью литературною. Какъ ни юна еще эта литература, но въ ней уже чувствуется могучесть южнорусскаго *генія*: изящество, сила и возвышенность поэзіи Шевченка, истиннаго сына народа украинскаго,—убѣждаютъ въ этомъ до-очевидности. Обновленіе и развитіе южнорусской народности на новыхъ началахъ — есть *совершающійся фактъ*, предъ которымъ должны бы умолкнуть всѣ возгласы; здѣсь та же непобѣдимая жизнь, та же логика событій, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ... Но какъ при другихъ случаяхъ, такъ и при этомъ, появляются люди, лишенные чутья жизни, невѣрующіе логикѣ событій: дѣйствительность не удовлетворяетъ ихъ предзанятымъ идеямъ— и они придумываютъ разныя теоретическія соображенія, которыми будто-бы уничтожается сила совершающихся событій. Очевидно съ перваго взгляда, что логикѣ теоретическихъ соображеній не устоять передъ логикою дѣйствительности уже и потому, что первая—мечтаніе, а вторая — жизнь; но она, эта логика мечтаній, несостоятельна и сама въ себѣ, предъ судомъ безпристрастной критики. Такую именно несостоятельность, неосновательность, соображеній мы встрѣтили въ статьѣ, напечатанной въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» за май

1861 года: «по поводу распространенія грамотности въ югозападной Россіи.»

Извѣстно, что грамотность есть лучшій проводникъ сознательно-разумныхъ понятій въ среду народа. Такъ-какъ народъ ближе всего самъ къ себѣ—къ своей собственной народности, то, очевидно, и грамотность его должна быть первѣе-всего своя, родная,—т. е. народъ долженъ пріобрѣтать грамотность преимущественно *на языкѣ* своемъ, *родномъ* ему. Кажется, противъ этого нечего спорить. Такой способъ обученія народа грамотности, т. е. на языкѣ родномъ, — будучи и естественъ и законенъ, скорѣе приводитъ и къ цѣли—*къ распространенію* грамотности: народъ съ большею легкостью и охотою усвояетъ то, что ближе его сердцу. Съ этою цѣлью — съ цѣлію распространенія грамотности въ народѣ южнорусскомъ, разрѣшено изданіе букварей на народномъ языкѣ, и они принимаются народомъ съ большимъ сочувствіемъ. Такое явленіе не могло не быть привѣтствовано всѣми, кому дорого просвѣщеніе и благо народа, и *граматки* стали быстро распространяться въ Украинѣ; но, какъ явленіе доселѣ небывалое, оно возбудило въ нѣкоторыхъ какое-то недовѣріе къ себѣ и вызвало ихъ сужденія *противъ* распространенія грамотности народно-украинской. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ и авторъ статьи, о которой сказано выше и которая побудила насъ взяться за перо.—Насколько основательности въ доводахъ этого неизвѣстнаго намъ (авторъ почему-то скрылъ свое имя) противника естественности—мы тотчасъ увидимъ.

Начинаемъ разборъ сужденій автора въ томъ порядкѣ, въ какомъ они излагаются у него. Поставивъ своею задачею рѣшить вопросъ, который, по словамъ автора, стали задавать себѣ многіе — «не обучать ли украинскій народъ на малорусскомъ нарѣчіи и по малорусскимъ букварямъ?»—авторъ, по заведенному порядку, старается, прежде всего, показать важность вопроса. Какъ же онъ разсуждаетъ объ этомъ?..

Это любопытно. «Самъ-по-себѣ этотъ вопросъ не имѣлъ бы особеннаго значенія; но мы обращаемъ на него вниманіе потому, что одни, *по простотѣ своей, не могутъ* понимать важнаго значенія его...» Останавливаемся на этихъ словахъ въ недоумѣніи... Что это такое: вопросъ (объ обученіи народа малороссійскаго на языкѣ малороссійскомъ) и не имѣетъ особеннаго значенія и имѣетъ важное значеніе? Можно ли разсуждать такъ: этотъ вопросъ не имѣлъ бы *особеннаго значенія*, если бы другіе понимали *важное значеніе его?* Держась приведенныхъ словъ автора, мы рѣшительно не понимаемъ:—даетъ ли

авторъ какое-нибудь значеніе вопросу, который онъ берется рѣшить, или нѣтъ, потому-что авторъ, въ одно и то же время, и не намѣренъ давать этому вопросу *особеннаго* значенія и даетъ ему *важное* значеніе, упрекая тѣхъ, кто, *по простотѣ*, не можетъ понимать этого значенія. Правда, авторъ говоритъ, что этотъ вопросъ не имѣетъ особеннаго значенія *самъ-въ-себѣ:* но когда онъ, вслѣдъ за этимъ, упрекаетъ другихъ въ непониманіи важности предложеннаго вопроса, то не объясняетъ—какое онъ, въ этомъ случаѣ, разумѣетъ значеніе вопроса—значеніе-ли вопроса самого-въ-себѣ, или иное. Такъ-какъ авторъ, въ первой части своей періодической рѣчи, говоритъ о значеніи вопроса самого-въ-себѣ, то должно думать, что онъ разумѣетъ это же значеніе вопроса и во второй части. Если же онъ разумѣлъ другое какое-либо значеніе, то отчего не сказалъ этого? Не обязанъ же читатель искать, въ рѣчи другаго, еще особаго, внутренняго, смысла, *отличнаго* отъ наружнаго,—искать для того, чтобъ сколько-нибудь понять наружный смыслъ рѣчи, весьма трудный для пониманія по отсутствію чего-то... весьма нужнаго.

Значеніе вопроса *самого-въ-себѣ* о распространеніи грамотности среди украинцевъ на украинскомъ языкѣ, въ этомъ случаѣ, тоже, какъ и значеніе слѣдующихъ вопросовъ: о распространеніи грамотности среди сербовъ на сербскомъ языкѣ, среди поляковъ на польскомъ, и проч. Грамотность есть ни болѣе, ни менѣе, какъ средство къ образованію: вотъ значеніе всякой грамотности самой-въ-себѣ — украинской и не-украинской. Поэтому, авторъ напрасно относится къ заданному вопросу съ замѣчаніемъ, что этотъ вопросъ безъ *особеннаго* значенія (самъ-въ-себѣ): вопросъ не имѣетъ и не можетъ имѣть притязанія ни на какое *особенное* значеніе: у него есть *свое* значеніе, которымъ онъ и довольствуется. — Мы обращаемъ на этотъ вопросъ вниманіе и потому,—продолжаетъ авторъ,—что «другіе, подъ покровомъ благожелательности, скрываютъ свои заднія мысли, слишкомъ неблагопріятныя развитію нашего народа и, что не менѣе важно, будущимъ мирнымъ судьбамъ его.» Послѣ неудобопонятныхъ разсужденій автора о важности означеннаго вопроса, мы здѣсь встрѣчаемъ болѣе понятныя, но, тѣмъ-не-менѣе, весьма странныя разсужденія въ литературномъ спорѣ. Что это, въ самомъ дѣлѣ, за *заднія мысли*, о которыхъ говоритъ авторъ? Вѣроятно, польско-католическія притязанія? Такъ почему бы прямо и открыто не вывести ихъ на свѣтъ, не показать, въ чемъ они состоятъ, гдѣ ихъ корень, какова ихъ сила,

значеніе для народной жизни... Дѣлать намёки, на основаніи предполагаемыхъ въ комъ-то заднихъ мыслей, — несправедливо въ-отношеніи къ обществу: можно предполагать много всякихъ заднихъ мыслей во всякомъ, не исключая и автора разбираемой нами статьи; но какое значеніе будетъ имѣть это безъ ясныхъ данныхъ и доказательствъ? Читателю покажется, что вы сражаетесь съ своими собственными мечтаніями, или — если онъ вамъ повѣритъ, то будетъ безплодно смущенъ — и только: пользы тутъ немного.

Не можемъ не обратить вниманія и на нѣкоторыя выраженія въ самомъ вопросѣ, который берется авторъ разсмотрѣть и о важности котораго онъ такъ неискусно разсуждаетъ. Авторъ говоритъ—«не обучать ли малороссійскій народъ на малорусскомъ *нарѣчіи?*» Вѣроятно, авторъ недаромъ сказалъ — на малорусскомъ *нарѣчіи*, вмѣсто того, чтобы сказать на малорусскомъ *языкѣ*, потому что нарѣчіе и языкъ—двѣ вещи разныя. Какъ же онъ думаетъ: признаётъ ли ту рѣчь, которою говоритъ народъ малороссійскій, самостоятельнымъ языкомъ—такимъ, какъ языкъ великорусскій, сербскій, польскій и проч., или же русскимъ нарѣчіемъ — какъ московское, владимірское, нижегородское, и проч? Такъ-какъ мы всякой фразѣ автора имѣемъ право давать серьёзное значеніе, то думаемъ, что авторъ считаетъ малороссійскій языкъ однимъ изъ русскихъ *нарѣчій*. Но автору слѣдовало бы прежде доказать это, а не выдавать за что-то положительно-извѣстное. Авторъ, безъ-сомнѣнія, знаетъ, что существуетъ другой взглядъ на этотъ предметъ и существуетъ не даромъ. (Такъ, знаменитый славянскій филологъ, Миклошичъ, признаетъ южнорусскій языкъ *языкомъ самостоятельнымъ*). А между-тѣмъ, рѣшеніе вопроса—считать ли малороссійскую рѣчь языкомъ или нарѣчіемъ, — имѣетъ весьма важное вліяніе и на рѣшеніе другаго вопроса—того, который берется рѣшить авторъ, т. е. какъ обучать малороссійскій народъ — по малороссійскимъ ли букварямъ, или нѣтъ. Такъ-какъ, не уяснивъ перваго вопроса, авторъ порѣшилъ съ нимъ съ-плеча, бездоказательно, то, разумѣется, и сужденія его по второму вопросу, какъ мы увидимъ, вовсе не убѣдительны.

Авторъ не изгоняетъ совершенно языка украинскаго изъ народнаго образованія: «мы не исключаемъ совершенно,» говоритъ онъ, «употребленія малорусскаго текста въ букваряхъ и книжкахъ для народнаго образованія.» Ну, слава Богу! Авторъ повеликодушничалъ и пощадилъ тебя, несчастный языкъ—священное достояніе цѣлаго народа. Какъ не нелѣпо было бы налагать запрещеніе на безвинный языкъ, но есть

и *такіе* противники нашей народности. Нашъ авторъ, видно, великодушнѣе... Зато—какъ дорого обошлось украинскому языку это великодушіе! Вѣроятно, привыкнувъ измѣрять достоинство и значеніе *слова—количествомъ*, а не *качествомъ*, авторъ проговорился, что дѣлаетъ уступку нашему языку только изъ снисхожденія, что, на самомъ дѣлѣ, языкъ малороссійскій того не заслуживаетъ, такъ-какъ литература малороссійская скудна и ничтожна! «*Какъ ни скудна (или лучше сказать, какъ ни ничтожна) малорусская* книжная *литература*, мы не отвергаемъ ея пособій для народнаго образованія». Но, г. анонимъ! являясь снисходительнымъ, наблюдайте справедливость: ужели въ самомъ дѣлѣ литература малороссійская скудна или — по-вашему — *лучше сказать* — ничтожна? Вѣдь ничтожество равно нулю. А литература малороссійская имѣетъ памятники и изъ прошедшаго, и современные. Что́ литература малороссійская по количеству скудна *сравненіи съ другими литературами*—противъ этого никто не станетъ спорить, но называть ее ничтожною вообще—это недобросовѣстно. Но пусть наша литература и скудна до ничтожества,—что́жъ изъ этого? ужели потому, что литература украинская скудна, нужно ограничивать распространеніе ея среди того народа, которому она родная? котораго чувства и понятія она выражаетъ яснѣе и доступнѣе всякой другой? Въ такомъ случаѣ, и Сербы, и Болгары, и Великороссіяне (что́ и было когда-то) должны отложить въ сторону изученіе своего роднаго языка и заняться прежде всего изученіемъ другихъ, болѣе развитыхъ, литературъ — англійской, нѣмецкой, французской?.. Нѣтъ—благоразумнѣе поступать иначе: если литература какого-либо народа скудна, то долгъ того, кому она близка,—заботиться всѣми силами о ея развитіи (начиная съ употребленія народныхъ букварей), а не бить ее наповалъ. Но авторъ разбираемой статьи полагаетъ противное; вотъ его собственныя слова́: «хотя по происхожденію мы принадлежимъ къ южнорусскому племени, однакоже рѣшительно думаемъ, что нашъ народъ должно обучать прямо по букварямъ на общерусскомъ книжномъ языкѣ (разумѣется, что молитвы могутъ быть написаны церковнославянскимъ алфавитомъ), *не исключая впрочемъ* прибавленія какихъ-нибудь статей нравственнаго содержанія на малорусскомъ нарѣчіи,—*хотя и это не составляетъ особенной, безусловной, необходимости*». Напрасно авторъ, называя себя южноруссомъ, думаетъ подкрѣпить этимъ свои разсужденія противъ малороссійскаго языка: мы тоже изъ южноруссовъ, но ду-

маемъ, вмѣстѣ съ весьма многими, совершенно иначе. Именно: нашъ народъ, какъ и всякій другой народъ, должно обучать грамотности прежде всего на его *родномъ* языкѣ, знакомя его при этомъ и съ в.-русскимъ языкомъ—близкимъ ему во многихъ отношеніяхъ. Говорить же, что знакомство съ нравственными понятіями посредствомъ народнаго языка не составляетъ необходимости, т. е. что знаніе роднаго языка можетъ быть отложено всторону,—значитъ говорить нелѣпость,—такую же, какую говорили, въ былыя времена, великороссы о своемъ языкѣ, предпочитая его французскому. Не смотря на то, авторъ пріискиваетъ доказательства и для той своей мысли, что малороссъ долженъ изучать прежде всего великорусскій языкъ, а свой родной оставлять въ пренебреженіи. Послушаемъ эти любопытныя доказательства.

«Кто изъ поселянъ (?) выучится читать по букварямъ на общерусскомъ книжномъ языкѣ, тотъ ровно ничего не потеряетъ *въ отношеніи къ своему «просторѣчію»* (!). Азбука того и другаго языка одинакова—и, *если ему угодно*, онъ можетъ прямо приступить къ чтенію своихъ книжекъ.» Удивительное доказательство! Если азбука одного народа сходна съ азбукою другаго, то онъ долженъ бросать *свой* букварь и браться за изученіе *чужаго*! Сербы пусть не смѣютъ брать въ руки своего букваря и скорѣе принимаются за изученіе русскаго,—потому что азбука въ русскомъ букварѣ сходна съ азбукою въ сербскомъ. Французы, Англичане и другіе европейскіе народы пусть забрасываютъ свои народные буквари и со всѣмъ усердіемъ изучаютъ древнелатинскія грамматики,—потому что ихъ азбука сходна съ латинскою! Что это вы сказали, г. анонимъ?!

Нѣтъ спора, что сходство азбуки одного языка съ азбукою другого благопріятно для знакомства съ обоими языками, но почему же именно я долженъ изучать чужую азбуку, сходную съ моею, а не мою, сходную съ чужою? Вѣдь, изучая свою, я могу читать и чужую—потому, что онѣ обѣ сходны. Но я изучаю эту азбуку *первѣе всего* по моимъ букварямъ, потому что эти буквари *мои*, *родные:* вотъ разумная—важная причина того, почему я берусь сперва за изученіе *своего* букваря, хотя азбука его и сходна съ азбукою другого языка. Въ этомъ случаѣ, знакомство съ другимъ—родственнымъ намъ—языкомъ, желаемое авторомъ и нами, происходитъ само-собою, а между-тѣмъ не нарушается, не оскорбляется великое нравственное чувство! Потери нѣтъ, а польза несомнѣнная.—Выписываемъ дальнѣйшія разсужденія автора о выгодахъ обученія по великорусскому букварю,—выписываемъ болѣе для озна-

комленія съ способомъ разсужденій автора: «много, говоритъ онъ, важныхъ выгодъ отъ изученія малороссами русскаго, а не малороссійскаго языка, но самая первая выгода та, что выучившемуся читать по букварю общерусскому вы открываете возможность читать и другія полезныя ему книги, которыми такъ богата уже русская литература»... Какъ видите, авторъ опять сбивается на ту дикую мысль, что если своя литература бѣдна, а чужая богата, то скорѣе бросай свою и берись за чужую. Зачѣмъ намъ, Славянамъ, толковать о своей литературѣ—кто о русской, кто о польской, о сербской и проч.? Скорѣе примемся за англійскую, нѣмецкую, французскую! Эти богаты, а наши бѣдны... Правда, кто умѣетъ читать и понимать *скудную* южнорусскую литературу, тотъ можетъ удобно читать и обильную литературу великорусскую: но автору почему – то невыгодно быть въ прямыхъ, близкихъ отношеніяхъ къ бѣдной родной матери въ виду богатой тетушки. Тетушкѣ первѣе всего—привѣтъ, а матери—потомъ—кивнемъ головой, а пожалуй, по его мнѣнію,—не бѣда и совсѣмъ отъ нея отворотиться. *Сыны родихъ..... тіи же отвергошася мене*... «Кромѣ того,» прибавляетъ авторъ—все въ пользу изученія в.–русскаго букваря,—«при помощи такого букваря, *поселяне*, въ своихъ *общинахъ*, скорѣе съумѣютъ пользоваться нужными для нихъ *циркулярами правительства* и сами, не прибѣгая къ сторонней, часто убыточной для нихъ, помощи, станутъ вести по своимъ дѣламъ по крайней мѣрѣ самую главную переписку, вести счеты, отчеты и тому подобное.» Безподобно! И такъ полякамъ, евреямъ, татарамъ, грузинамъ, нѣмцамъ и другимъ инородцамъ, живущимъ въ Русскомъ государствѣ, нужно отложить въ сторону изученіе родной для нихъ грамоты и заняться всѣми силами изученіемъ грамоты на томъ языкѣ, на которомъ пишутся правительственныя распоряженія, судебныя дѣла и проч. Кажется, такъ разсуждали въ былыя времена и австрійскіе нѣмцы, налагая запрещеніе на славянскій языкъ въ Австрійской имперіи. Что́жъ изъ того вышло?.. Предоставляемъ автору любоваться послѣдствіями такой системы... Русское правительство думаетъ иначе: оно позволяетъ инородцамъ заниматься роднымъ языкомъ сколько душѣ угодно. Если нужно, оно переводитъ правительственныя распоряженія и на языки нерусскіе. Безъ–сомнѣнія, никто не станетъ отрицать необходимости знакомства съ русскимъ языкомъ и для не–русскихъ, живущихъ въ Русскомъ государствѣ; но слѣдуетъ ли отсюда, что для этого они должны забывать свой родной языкъ? А малороссу легче,

чѣмъ кому-нибудь другому, вести знакомство съ в.-русскимъ языкомъ: изучая свою русскую грамоту, онъ неизбѣжно знакомится и съ в.-русскою грамотою, потому что азбука въ той и другой одинакова; слѣдовательно».... слѣд. разсужденія автора о необходимости малороссу изучать великорусскій букварь, отложивъ всторону свой,—страдаютъ отсутствіемъ всякой основательности.

Высказавъ *такія* доказательства въ пользу изученія малороссами великорусскаго языка и забвенія своего, авторъ прибѣгаетъ къ другимъ — политическимъ, историческимъ, филологическимъ и какимъ-угодно доказательствамъ, все въ пользу той же предзанятой мысли. Не будетъ ли онъ счастливѣе въ этихъ, по его словамъ, болѣе широкихъ и важныхъ соображеніяхъ? «Есть», говоритъ авторъ, «другія, болѣе широкія и болѣе важныя послѣдствія употребленія общерусскаго языка въ народномъ обученіи, которыхъ мы иногда не должны терять изъ виду, *если дѣйствительно желаемъ прочнаго блага нашему народу въ будущемъ, а не гоняемся только за призраками оригинальныхъ выходокъ и, изъ-за какихъ нибудь своихъ частныхъ интересовъ, не зложелательствуемъ ему втайнѣ.*» Что́ это такое—мы рѣшительно не понимаемъ. Должно быть что-нибудь въ родѣ заднихъ мыслей, о которыхъ любитъ намекать авторъ... Пока онъ ясно ихъ не покажетъ намъ, до-тѣхъ-поръ всѣ эти странныя фразы мы вправѣ считать выходками баронской фантазіи, призраками авторскаго воображенія... «Знакомя всѣ русскія племена съ общерусскимъ книжнымъ языкомъ,»—говоритъ авторъ далѣе,—«мы тѣмъ самимъ поддерживаемъ между ними внутреннее единство, а въ единствѣ важнѣйшій залогъ ихъ крѣпости, несокрушимой для самаго завистливаго ока нашихъ западныхъ недоброжелателей.» Все это прекрасно; но, какъ намъ кажется, написано подъ вліяніемъ страха, у котораго, — извѣстно, — глаза велики. Развѣ, вводя народные буквари, кто-нибудь говоритъ малороссамъ: — «не знакомьтесь съ другими языками и знайте *одинъ свой?*» Мы, напротивъ, отъ души желаемъ всѣмъ малороссамъ быть какъ – можно ближе знакомыми съ великорусскимъ языкомъ; мы считаемъ это необходимымъ; но тѣмъ не менѣе желаемъ, чтобы малороссы дорожили и своимъ роднымъ языкомъ и занимались имъ настолько, насколько вообще нужно заниматься *роднымъ* языкомъ. А такъ-какъ, кромѣ этого, малорусскій и великорусскій языки весьма сродны между собою, какъ сродны и самые народы, то и нѣтъ основанія, по причинѣ различія

языковъ, опасаться за единство между народами, говорящими этими языками: различіе между двумя языками и народами существуетъ и не можетъ не существовать — и, однакоже, единство между ними есть и не можетъ не быть. Что́ глубже — единство или различіе? Конечно, единство. Значитъ, совершенно напрасно авторъ опасается за единство при видѣ различія: единство будетъ, и различіе будетъ. Различіе въ языкахъ малорусскомъ и великорусскомъ не настолько важно, чтобъ разорвать существенныя связи и отношенія между двумя народами. Равно и наоборотъ: уничтоженіе разностей въ языкахъ не настолько само-по-себѣ существенно, чтобы, посредствомъ его, могъ образоваться,—изъ двухъ разныхъ народовъ—одинъ. Не говоримъ уже о томъ, что это намѣренное уничтоженіе единства и разности въ языкѣ невозможно на дѣлѣ; — оно возможно развѣ съ исчезновеніемъ самихъ народностей... Послѣ этого, никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора, что еслибы въ югозападной Руси, въ прежнія времена, былъ употребляемъ не тамошній—малорусскій и бѣлорусскій, а книжный русскій языкъ *наподобіе нынѣшняго* (?), то, какъ выражается авторъ, метаморфозъ, совершившійся въ нѣкоторыхъ слояхъ южнорусскаго населенія, не могъ бы совершиться (стр. 106). » Почему же, въ самомъ-дѣлѣ, способенъ предохранять отъ метаморфоза—именно в.-русскій, а не южнорусскій языкъ? Это тѣмъ страннѣе, что тогдашній книжный южнорусскій языкъ, по словамъ самого же автора, былъ весьма близокъ къ книжному русскому языку. А желать, какъ желаетъ того авторъ, чтобы столѣтіями раньше южнорусскій народъ имѣлъ *современный* книжный русскій языкъ—значитъ желать нелѣпаго...

Чтобы сильнѣе доказать необходимость изученія малороссами языка в.-русскаго—въ видахъ сохраненія единства между народами великороссійскимъ и малороссійскимъ, авторъ старается доказать необходимость между ними единства *вообще*, и для этого пускается въ исторію.—Здѣсь онъ исчисляетъ тѣ, всѣмъ извѣстныя, бѣдствія, которыя терпѣла Малороссія до присоединенія къ Великороссіи, и тѣ выгоды, которыя она пріобрѣла съ присоединеніемъ. Никто не говоритъ противъ этого; но изъ приводимыхъ авторомъ историческихъ доказательствъ, можно заключить, что, по его мнѣнію, народъ южнорусскій обязанъ *изъ благодарности* забывать свой языкъ и принимать великорусскій!? Въ такомъ случаѣ, и соединенный съ Россіею народъ польскій долженъ пренебречь свой языкъ для языка русскаго? Въ такомъ случаѣ, и Италія, за услуги Франціи, должна принять букварь французскій?.. Опять

повторяемъ: единеніе можетъ существовать между разными, тѣмъ болѣе—сродными, народами, при естественномъ различіи ихъ языковъ.— Вспомнимъ Швейцарію, гдѣ, бокъ-о-бокъ спокойно и дружно живутъ и французы, и нѣмцы, и итальянцы, гдѣ разнообразіе народностей, въ отдѣльныхъ кантонахъ, ничуть не препятствуетъ единству цѣлаго.

Обративъ вниманіе на природное различіе языковъ южнорусскаго и великорусскаго, авторъ не видитъ и въ этомъ препятствія къ усвоенію украинскимъ народомъ языка великорусскаго, съ забвеніемъ собственнаго. «Обыкновенно,» говоритъ онъ, «ссылаются на несходство между южнорусскимъ языкомъ и нынѣшнимъ книжнымъ общерусскимъ. Но это несходство не такъ велико, чтобы оно могло быть препятствіемъ къ господству между нами одного книжнаго языка, конечно—русскаго.» (Автору почему-то нравится какой-то книжный языкъ, держащійся всторонѣ отъ народнаго). Но вѣдь всякій книжный языкъ чѣмъ ближе къ народному, тѣмъ онъ лучше; единеніе книжнаго языка съ языкомъ народнымъ—лучшее достоинство книжнаго языка, и къ этому свойству долженъ стремиться всякій книжный языкъ, потому-что онъ существуетъ для народа, а не народъ для него. Слѣд., и книжный русскій, если теперь и не вполнѣ народенъ, то современемъ долженъ сдѣлаться народнымъ. Впрочемъ, кто же не видитъ, что нынѣшній русскій книжный языкъ есть все-таки языкъ *особый*, а не южнорусскій? И этотъ-то языкъ предлагаетъ авторъ усвоить народу малороссійскому?!.... Мысль о существующемъ *книжномъ* русскомъ языкѣ, общемъ будто-бы и народу великороссійскому и малороссійскому, и значитъ, равно отстоящемъ и отъ народнаго великорусскаго и отъ южнорусскаго языковъ, есть мечта автора: такого общенароднаго языка нѣтъ, а есть языкъ *книжно-русскій*, но не *народный*. Употребленіе этого языка въ Малороссіи есть необходимость или подражаніе, а народъ всегда вправѣ отказаться отъ подражанія и жить своею жизнію. Что касается до замѣчанія автора, что и древній книжный малорусскій языкъ былъ весьма сходенъ съ древнимъ книжнымъ великорусскимъ языкомъ, то это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что и тотъ и другой книжные языки отступили отъ своего народнаго и брали для себя въ образецъ мертвый, общій имъ, языкъ церковнославянскій. Но это не могло продолжаться долгое время; скоро книжный языкъ въ Великороссіи началъ мало-по-малу проникаться стихіями народнаго языка—великорусскаго; а въ послѣднее время, такое же явленіе возникло и въ народѣ южнорусскомъ, но съ

тою разницею, что послѣдній стремится свой *народный*—коренной—языкъ развить въ книжный литературный. Авторъ указываетъ на то, что въ малороссійскомъ языкѣ много мѣстныхъ различій или нарѣчій. такъ-что будто-бы трудно и опредѣлить, какое изъ нихъ избрать литературнымъ и общеупотребительнымъ. Но въ великороссійскомъ языкѣ также много, и даже больше, мѣстныхъ нарѣчій и, однакожъ, это не помѣшало сдѣлаться литературнымъ и общеупотребительнымъ нарѣчію московскому; тоже, безъ-сомнѣнія, будетъ да почти и есть, и у насъ: возобладаніе одного нарѣчія совершится постепенно, свободно, и воображаемое авторомъ препятствіе—вовсе не препятствіе.

«Въ-заключеніе», говоритъ неистощимый въ пріискиваніи доказательств[illegible] авторъ, «не можемъ не коснуться еще нѣкоторыхъ, чрезвычайно-важныхъ, побужденій къ употребленію общерусскаго книжнаго языка въ народныхъ букваряхъ. Не забудемъ, что и враждебныя намъ *западныя* стремленія, прикрываясь личиною благожеланій, направлены именно къ разъединенію двухъ племенъ русскихъ—сѣвернаго и южнаго. Съ этою цѣлію и нашимъ недругамъ хотѣлось бы, подъ предлогомъ сочувствія нашей народности, убѣдить насъ ограничиться въ обученіи народа только малорусскимъ языкомъ. Кто не знаетъ подлинной цѣли подобныхъ благожеланій, тотъ быть-можетъ повѣрить искренности ихъ; но мы достаточно понимаемъ истинный смыслъ ихъ, а потому знаемъ, чего они заслуживаютъ.»

Принимаемъ, согласно съ авторомъ, что существованіе этой задней мысли не подлежитъ сомнѣнію и что наши недруги желаютъ намъ употребленія народнаго языка для своихъ цѣлей: что́жъ изъ этого? Слѣдуетъ ли отсюда, что употребленіе малороссійскимъ народомъ своего языка *само-въ-себѣ* дурно? Подобная логика странна, очевидно. Пусть наши недруги благожелательствуютъ намъ по недобрымъ побужденіямъ, а мы будемъ дѣлать свое дѣло по добрымъ, законнымъ и чистымъ побужденіямъ. Притомъ, не всѣ же такъ близоруки, чтобъ не видѣть дѣла въ его настоящемъ видѣ и не отличить добро отъ зла. Можно слушать всякія сторонніе рѣчи и не терять своего умаразума; та́къ, мы слушаемъ что́ говоритъ авторъ—и не разстаемся однакожъ съ своимъ собственнымъ убѣжденіемъ.

Нельзя не обратить вниманія на слѣдующее подстрочное примѣчаніе, поставленное авторомъ (тоже какъ доказательство) въ видѣ точки и восклицательнаго знака къ своей статьѣ: «съ большимъ удовольствіемъ мы получили положительныя свѣдѣнія изъ разныхъ мѣстъ нашего юж-

норусскаго края, что народъ желаетъ учиться именно на общерусскомъ книжномъ языкѣ.» Не споримъ: быть-можетъ, авторъ и получилъ такія свѣдѣнія; но вникнулъ ли онъ во всѣ причины этого неестественнаго явленія?.. Да притомъ, мы невольно должны нѣсколько смутить его удовольствіе... Свидѣтель любви южнорусскаго народа къ своему родному языку—не какія-нибудь свѣдѣнія невѣдомаго автора, а распространеніе сочиненій на украинскомъ языкѣ, не исключая и народныхъ букварей... Если и среди самихъ малороссовъ находятся противники развитія народнаго языка, то это явленіе хотя и неутѣшительное, но и неудивительное. Еслибъ авторъ, еще немного лѣтъ назадъ, собиралъ въ Россіи свѣдѣнія о желающихъ учиться французскому языку вмѣсто русскаго, то къ какому неутѣшительному выводу пришелъ-бы онъ!.. Не говоря о многихъ причинахъ и препятствіяхъ, самая новость дѣла возбуждаетъ въ непривычныхъ—рутинистахъ—папистахъ—ретроградахъ и т. п.—недовѣріе, противорѣчіе и даже противодѣйствіе. Но это явленіе временное, хотя, во многихъ, и естественное. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ—и голосъ противниковъ нашего народнаго языка будетъ такимъ же голосомъ вопіющихъ въ пустынѣ, какимъ кажется намъ голосъ автора. «*Добре речéшъ*» (скажемъ ему словами украинского народа), «*да въ громáду не беру́ть...*» а «*громáда—велúкий чоловікъ.*»

Г. Т.

Іюнь 1861 г.
Кіевъ.

VII.

И МОЯ ЛЕПТА.

Не вважа́ючи на всі тру́дністи, на́ші писа́телі виявля́ли и виявля́ють ми́рові найкра́щий квіть наро́днёго життя́—на́шу га́рну мо́ву.

Черезъ вели́кого на́шого Кобзаря́ и ми́-сами́, и де́-які и́нші славья́не, навіки зродуміли ту́ святу́ пра́вду, що на́ша мо́ва не то—що га́рна тільки для слу́ху, а ма́е въ собі и таку́ си́лу, що мо́же на́шому ло́дові розігріть се́рце и освіжи́ть го́лову. Де́-які зъ по́страхомъ прислуха́лись до на́шої мо́ви: ти́мъ-то й тру́дно було́ на́шимъ писа́телямъ безъ упи́ну прямува́ти по тій доро́зі, що веде́ людъ нашъ до правди́вої освіти; а тепе́ръ, якъ обізва́вся високопова́жний нашъ діяписа́тель, Мик. Ив. Костомаровъ, и своїмъ щири́мъ, розумнимъ словомъ (*Основа, червець 1862 р.*) ви́яснивъ вели́ку вагу́ учёбниківъ на рі́дній мо́ві; якъ показавъ, котрі зъ нихъ найпотрібніші и яки́ми вони́ повинні бу́ти, да ще, до-того, розігна́въ де́-кому страхъ, а де́-кому сумлі́ння—на–щотъ того, що коли́ ми поведемо́ наро́дъ нашъ до освіти на своїй мо́ві, то не тільки не зро́бимось нікому черезъ те́ ворога́ми, а ще́ більшъ здружимо́ся, а мо́же й въ приго́ді ста́немо:—то, після́ сёго, дорогі мої земляки́ — Україньці, нема́ чого́ га́яти ча́су: візьмемось за це́е ді́ло зъ любо́вью и доведе́мъ ёго́ до кінця́; не бу́дьмо на цей го́лосъ глухи́ми и нерозу́мними, а докажімо, що любимъ и поважа́емо наро́дъ свій не слова́ми тільки, а й сами́мъ ді́ломъ!

Го́лосъ в.–п. добро́дія М. Ив. Костомарова не оста́вся го́лосомъ вопію́щого въ пусти́ні. Добро́дій Степа́нъ Пога́рський одкликнувся на той го́лосъ и пе́рвий принісъ свою́ ле́пту на же́ртвенникъ до́брого ді́ла: »не дать же намъ себе́,« ка́же вінъ, »на-пота́лу—ти́мъ, що́ заду́мали провести́ у нашъ людъ граматки́, пи́сані латинськими ли́терами.«

Ні, добродію! Нічого намъ лякатись ні по́льськихъ граматокъ, ні

дру́гого чого́, коли́ ми—сами́ щи́ро візьмемося за пока́зане ділó: *пра́вда ви́явитця*, мовля́въ наро́дъ, и, съ по́міччю Бо́жою, все зле́-лихе́ одъ насъ одсту́питця.

Добро́дій Пога́рський пи́ше (*Основа, липець 1862 р.*), що коли́ зберéтця гро́шей карбо́ваньцівъ ти́сячъ зо дві, тоді мо́жна оповістúти конкурсъ, и, ви́давши одинъ учéбникъ и прода́вши ёго́ яку́ тамъ часть, бра́тись за вида́ння дру́гого. Мик. Ив. Костомаровъ ка̀же, що люде доста́тні помо́жуть, чи то, пакъ, повúнні бъ помогти́ намъ у цёму́ ділі. Бу́демо жда́ти... и гро̀шей, и книжо́къ — чи то́ руко́писей. Де́-які книжки́ уже́ напúсані, дру́гі вже пúшутця: тільки ще грошей въ насъ небага́то. Гро́ші тепéра найпотрібніші; гро́шей и гро́шей пода̀й намъ, Бо́же! *Були́ бъ гро̀ші*, мовля́въ, *а пора́да бу́де*. А по́ки-що́, то я своіхъ 50 карбо́ваньцівъ даю́ на до́бре ділó.

Зосимъ Недоборовський.

Дода́токъ. Зазива́емо на трудъ и на по́мічъ уся́кого—и бага́того и вбо́гого—хто тільки лю́бить свою́ Краіну, свій наро́дъ, и ду́мае стать ёму́ у пригòді. Хто ма́е гро́ші, неха́й пожéртвуе части́ну для лю́ду, на учéбники; хто ма́е тала̀нъ и знаття́—неха́й пúше книжкú. Про́симо слать и свої гроші и свої труда́ на ру́ки *Миколая Йвановича Костомарова, въ Петербургъ, на 9-й линії Василевского острова, домъ Карманова*; ви́брані лю́де тутъ усé розбери́ть,—візьмуть на розва̀гу и дотéпність книжо́къ и потрéбу цеі, чи дру́гоі, для народу, та й прису́дять грома́дою и росхо́дъ на печа́ть и скільки ви́дати гро́шей за пра́цю. Хоча́ тепéра тутъ перекладáетця, на на́шу мóву, *Евáнгелія*, и пúшетця: *священна й церковна истóрія, геомéтрія и космогра̀фія*,—да сé не ста́не на зава́ді нікóму, коли́ чийсь и́нчий трудъ бу́де пригодніший.

Часъ уже́ намъ усімъ стара̀тись для нашихъ дітокъ, и для на́шого хліборо́бного лю́ду: черезъ ёго жъ то трудови́й пітъ ми багатіли и доста́ткомъ и освітою! *Ред.*

КОБЗАРЬ.

LXVII.

МАТИ — ПОКРИТКА.

У на́шімъ ра́і, на землі,
Нічо́го кра́щого нема́е,
Якъ та́я ма́ти молода́я
Зъ своімъ дитя́точкомъ мали́мъ.
Буває, и́ноді, дивлю́ся,
Диву́юсь ди́вомъ — и печа́ль
Охва́тить ду́шу; ста́не жа́ль
Мині ії... и зажурю́ся,
И передъ не́ю помолю́ся,
Мовъ передъ о́бразомъ святи́мъ
Тиéі ма́тері святóі,
Що въ миръ нашъ Бо́га принесла́.

Тепе́ръ ій лю́бо, лю́бо жи́ти!
Вона́ сере́дъ-ночи встає́,
И стереже́ добро́ своє́,
И дожида́е того́ світу,
Щобъ зновъ на ёго подиви́тись, —
Наговори́тись... »Це моє́,
Моє́!..« — и ди́вится на ёго,
И мо́литця за ёго Бо́гу,
И йде́ на у́лицю гуля́ть
Гордíйше са́моі царúці,
Щобъ лю́дямъ, ба́чте, показа́ть

Своє́ добро... »а подивітця —
Моє́ найкра́ще надъ всіма́! —
И ненаро́комъ и́нший гля́не, —
Весе́ла, ра́да, — Бо́же мій!
Несе́ до-до́му свого́ Йва́на,
И ій здає́тця — все село́
Весь день дивѝлося на́ ёго,
Що тільки й ди́ва тамъ було́,
А більше не було́ нічо́го....
Щасли́вая!....

Літа́ мина́ють;
По-тро́ху діти вироста́ють;
И ви́росли, и розійшлѝсь
На заробітки, въ москалі...
А ти оста́лася, небо́го,
И не оста́лося нико́го
Съ тобо́ю до́ма.... Наготи́
Старо́і нічимъ одягти́
И ви́топить зимо́ю ха́ту;
А ти нездýжаешъ и вста́ти,
Щобъ хочъ ого́нь той розвести́...
Въ холо́дній молѝсся осе́лі
За іхъ—за діточо́къ....

А ти́,
Великому́ченице! Се́ла
Мина́ешъ, пла́чучи, въ-ночі,
И по́лемъ — сте́помъ идучи́
Свого́ ти си́на закрива́ешъ,
Бо й пташка иноді пізна́е
И защебе́че: — онъ, байстря́
Несе́ покри́тка на база́ръ. —

Безтала́нная! де ділась
Краса́ твоя́ та́я,
Що́ всі люде дивова́лись?
Пропа́ла, нема́е!..

Все забра́ла дити́ночка...
И ви́гнала зъ ха́ти;
И ви́йшла ти за ца́рину
Зъ хреста́ ні́бі зня́та;
Старці тебе́ цура́ютця
Мовъ тіі прока́зи;
А воно́ таке́ мале́ньке —
Воно́ ще й не ла́зить,
И коли́-то воно́ бу́де
Гра́тись—и промо́вить
Сло́во: »ма́мо,« — вели́кее,
Найкра́щее сло́во!...
Ти зрадіешъ—и роска́жешъ
Дити́ні правди́во
Про панича́ лука́вого, —
И бу́дешъ счасли́ва....
Та недо́вго: бо не ді́йде
До-зро́сту дити́на, —
Пійде собі сліпця́ води́ть,
А тебе́ поки́не
Калікою на роспу́тті,
Щобъ соба́къ дражни́ла,
Та ще й ви́лае... за те, бачъ,
Що на світъ роди́ла,
И за те́ ще, що такъ тя́жко
Дити́ну люби́ла...
И люби́тимешъ, небо́го,
Поки́ не заги́нешъ
Межи́ пса́ми, на моро́зі,
Де-не́будь під тино́мъ...

LXVIII.

Ой одна́, я одна́,
Якъ били́нонька въ по́лі,
Та не да́въ мині Бо́гъ
А ні ща́стя, ні до́лі;
Ті́льки давъ мині Богъ
Красу́, ка́рії о́чі, —
Та й ті́ ви́плакала
Въ самоти́ні дівочій;
А ні бра́тіка я,
Ні сестри́чки не зна́ла,
Між чужи́ми зросла́,
Та вже й вя́нути ста́ла...
Де́ жъ дружи́на моя́,
Де́ ви, до́брії лю́де?!
Іхъ нема́, — я сама́,
А дружи́ни — й не бу́де...

LXIX.

Мовъ за поду́шне оступи́ли
Оце́ мене́ на чужи́ні
Нудьга́ и о́сінь... Бо́же ми́лий!
Де́ жъ захова́тися мині?
Що діяти? Уже́ й гуля́ю
По цімъ Ара́лу, и пишу́ —
Віршу́ю — ни́щечкомъ грішу́ —
Богъ-зна́-коли́шнії случа́і
Въ душі своій перебира́ю
Та спи́сую, щобъ та печа́ль
Не пе́рлася, якъ той моска́ль,
Въ само́тню ду́шу... Лю́тий зло́дій
Впира́етця-таки́ та й го́ді...

Т. Шевченко.

ДНЕВНИКЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Отрывокъ четырнадцатый, и послѣдній.

17 апрѣля 1858.

Н. Д. Старовъ прислалъ М. М. Лазаревскому написанное слово, сказанное имъ въ честь мою на обѣдѣ у графини Н. И. Толстой. Какъ вещь дорогую для меня, заношу его въ мой журналъ (1).

В. М. Б-л-з-рський познакомилъ меня съ профессоромъ Кавелинымъ. Привлекательно-симпатическая натура.

Тотъ же Б-л-з-рський познакомилъ меня съ тремя братьями Жемчужниковыми. Очаровательные братья!

Вечеромъ въ циркѣ-театрѣ слушалъ оперу *Жизнь за царя*. Геніальное произведеніе! Безсмертный М. И. Глинка! Петровъ въ роли Сусанина, по-прежнему хорошъ, и Леонова, въ роли Вани, хороша, но далеко не Петрова, которую я слышалъ въ 1845 году.

18 апрѣля.

Получилъ милѣйшее письмо отъ милѣйшаго С. Т. Аксакова, на которое буду отвѣчать завтра: сегодня я увлекся своею *Лунатикою* (?) Еслибы не мѣшалъ обязательный Сошальскій, то я кончилъ бы *Лунатику*. Но увы! нужно было оставить невещественное слово и приняться за вещественное дѣло, т. е. за увѣнистый обѣдъ.

---

(1) См. въ іюльской книжкѣ »Основы« статью: »Значеніе Шевченка, проводы тѣла его въ Украину« стр. 9-я. *Ред.*

Вечеромъ, съ тѣмъ же обязательнымъ Сошальскимъ, поѣхали мы къ милой и талантливо-голосистой пѣвицѣ, мадмуазель Гринбергъ. Тамъ встрѣтился я съ Бенедиктовымъ, Даргомыжскимъ и съ архитекторомъ Кузьминымъ—старымъ и хорошимъ знакомымъ. Музыкальное наслажденіе заключилось смѣшнымъ и приторнымъ мяуканьемъ Д—скаго. Точно мышонокъ въ когтяхъ кота; а ему аплодируютъ. Странные люди, эти меломаны! а еще страннѣе такія пѣвцы, какъ Д—скій.

19 апрѣля.

Вчера Сошальскій пригласилъ меня съ Михайломъ Л. на борщъ съ сушеными карасями, и на вареники. А сегодня графиня Н. П. проситъ запиской къ себѣ обѣдать и обѣщаетъ познакомить съ барономъ Штенгелемъ. Мы предпочли барона борщу съ карасями, и за измѣну были наказаны; онъ не пришолъ къ обѣду. Одичалый баронъ!

За обѣдомъ познакомился я съ адмираломъ Голенищевымъ. Адмиралъ—товарищъ графа Ѳедора Петровича. Простой, и, кажется, хорошій человѣкъ.

Вечеръ провелъ у Галагана. Онъ прочиталъ описаніе своего *будынка*, збудованного имъ въ старомъ малороссійскомъ вкусѣ, въ Прилуцкомъ уѣздѣ. Барская, но хорошая и достойная подражанія, затѣя.

20 апрѣля.

Обѣдалъ у К. Д. Кавелина, и тамъ же познакомился съ Галаховымъ — составителемъ русской хрестоматіи.

21 апрѣля.

Безъ всякой цѣли, до обѣда, шлялся по городу. Вечеромъ пошолъ въ театръ. Спектакль вообще былъ хорошъ, а увертюра *Вильгельма Теля* — очаровательна. Хваленый теноръ С—въ ниже всякой посредственности; а ему аплодируютъ. Семенъ, въ роли отца Линды-ди-Шамуни, очень хорошъ.

Изъ театра зашелъ къ Б-л-з-рському и засталъ у него К. Д. Кавелина. Съ разговора о минувшей и будущей судьбѣ Славянъ,

мы перешли къ психологіи и философіи, и просидѣли до трехъ часовъ утра. Школьничество... Но очаровательное школьничество!

22 апрѣля.

Тоже, безъ всякой цѣли, шлялся до обѣда, — только уже не одинъ, а съ Семеномъ. Вечеромъ, съ Семеномъ же, пошли къ землячкѣ М. Л. Мокрицкой, и до второго часу съ удовольствіемъ переливали изъ пустого въ порожнее.

23 апрѣля.

Вчера условились мы съ Семеномъ, чтобы сегодня, часу въ первомъ, ѣхать посмотрѣть дачи. Ровно до двѣнадцати часовъ была погода хорошая; потомъ пошелъ дождь — *затяжной*, какъ его называютъ. Мы просидѣли весь день дома, читали Гумбольдта *Космосъ*, и глядя въ окно, повторяли поговорку: »вотъ тѣ, бабушка, Юрьевъ день!«

24 апрѣля.

Предположенія мнѣ никогда не удаются; а не могу отказать себѣ въ удовольствіи сочинять предположенія. Сегодня, напримѣръ. Выходя изъ дому, я располагалъ провести время такъ: сначала зайти въ академію посмотрѣть выставку; потомъ зайти къ Іордану, своему будущему профессору; потомъ къ барону Клодту, и въ заключеніе, къ графинѣ Н. П. и у нея остаться обѣдать. Таковъ былъ проэктъ; а случилось вотъ какъ. Въ первой залѣ, въ академіи, встрѣтился мнѣ Зимбулатовъ и Борисполець, — мои старые и искренніе друзья. Наскоро обошли мы выставку, отправились къ Зимбулатову и время до обѣда провели въ воспоминаніяхъ. Я совершенно-доволенъ неудачею.

Вечеромъ собрались мы съ Михайломъ Л. къ брату его, Василю, да зашли къ Семену, и тамъ провели вечеръ. Тоже неудача.

25 апрѣля.

Въ 10 часовъ утра пошелъ проститься съ А. Н. Мокрицкимъ, отъѣзжающимъ въ Москву. По дорогѣ зашелъ къ М. И. Сухом-

лину, да по дорогѣ же зашелъ къ барону Клодту, полюбовался монументомъ и прошолъ въ академію. Въ первой залѣ встрѣтился съ Жемчужниковымъ, а въ послѣдней—съ Семеномъ. Изъ академіи поѣхали съ Семеномъ на Петербургскую Сторону, искать дачу. Дачу нашли, оставили задатокъ, и въ 6 часовъ вечера пріѣхали домой. Вечеромъ, съ Семеномъ же, были у Н. И. Петрова, слушали безконечные и безплодные толки о эманципаціи.

26 апрѣля.

На обѣдѣ у Сошальскаго лично познакомился съ поэтомъ Курочкинымъ и съ братомъ его, Николаемъ, достойнымъ молодымъ человѣкомъ. Поэтъ Курочкинъ многое обѣщаетъ въ будущемъ. Дай Богъ, чтобы сбылись мои надежды.

27 апрѣля.

Обѣщался обѣдать у художника Л — ча и, по-разсѣянности, совралъ.

28 апрѣля.

Сошальскій подарилъ мнѣ часы стѣнные, а Василь Лазаревскій — термометръ. По милости добрыхъ людей, главные инструменты имѣю для опытовъ надъ акватинтой. Когда же пріймусь за самые опыты?

29 апрѣля.

Зашелъ къ Дзюбину. Не засталъ его дома, спросилъ завтракъ и оставилъ ему, за угощеніе, случившуюся со мною рукопись: »*Посланіе до мертвихъ, живихъ и ненарожденнихъ земляківъ*«, надписавши — *на память 1-го мая*, тоже по разсѣянности.

30 апрѣля.

Пошли съ Семеномъ въ Лѣтній Садъ, съ намѣреніемъ посмотрѣть монументъ Крылова. По дорогѣ, зашли въ Казанскій соборъ посмотрѣть картину Брюлова. Но, увы! она такъ умно — удачно — поставлена премудрыми, что и кошечьими глазами видѣть

ея невозможно... По дорогѣ зашли въ Пассажъ полюбоваться шляющимися красавицами и Алеутскими болванчиками, и прошли въ Лѣтній Садъ. Монументъ Крылова, прославленный *Пчелой* и прочими газетами, ничѣмъ не лучше Алеутскихъ болванчиковъ. Безсовѣстные газетчики! Вмѣсто величественнаго старца, баронъ Клодтъ посадилъ старичка въ нанковомъ сюртукѣ съ азбучкой и указкою въ рукахъ. Баронъ, безъ умысла, достигъ цѣли, вылѣпивши эту жалкую статую и барельефы — именно для дѣтей, — но никакъ не для взрослыхъ. Бѣдный баронъ! Оскорбилъ ты великаго поэта, и тоже безъ умысла.

Оскорбленные барономъ, мы взяли яликъ и поплыли на Биржу. Полюбовались величественной биржевой залой, прошли въ скверъ, посмотрѣли на обезьянъ и попугаевъ, и зашли на постоянную выставку художественныхъ произведеній. Бѣдный Тырановъ! онъ и свое болѣзненное маранье тутъ же выставилъ. Грустное, тяжелое впечатлѣніе!

Находившись до-упаду, мы на яликѣ переплыли Неву, прошли часть бульвара, въ окнахъ магазина Даціаро полюбовались акватинтами, взяли извощика и отправились домой обѣдать.

Вечеромъ былъ у Б-л-з-рського и у Круневича.

1 мая.

Рѣшили мы съ Семеномъ провести день какъ-нибудь, а вечеромъ отправиться въ Екатерингофъ посмотрѣть праздничную публику. Часу въ первомъ пошли мы въ академію на выставку и зашли къ графини Н. П. Не застали ее дома и прошли къ Остроградскому съ намѣреніемъ тамъ и пообѣдать. Не удалось. М. В. и его благовѣрная В. Д. больны, а дѣти гулять ушли; мы послѣдовали ихъ примѣру и, пошлявшись по набережной Невы, возвратились домой.

Въ 8 часовъ вечера, вмѣсто Екатерингофа, зашли къ Б-л-з-рському и весело болтали до первого часу.

2 мая.

Были съ Семеномъ въ Эрмитажѣ, въ отдѣленіи древней и новой скульптуры. Я не воображалъ въ такомъ количествѣ остат-

ковъ древней и новой скульптуры въ Эрмитажѣ; вѣроятно, онѣ собраны со всѣхъ дворцовъ. Прекрасная мысль. Въ отдѣленіи новой скульптуры, меня очаровалъ Танерини своей *Умирающей Душенькой*, и обидно разочаровалъ покойникъ Ставассеръ своей неуклюжей *Русалкой*. Смотрѣли музей древностей, библіотеку, и, на первый разъ, тѣмъ кончили. Вниманіе утомилось. Залы музея отдѣланы съ бо́льшимъ вкусомъ, нежели картинная галерея.

Изъ Эрмитажа прошли мы на выставку цвѣтовъ. Изумительная роскошь цвѣтовъ и растеній! Но густая толпа хорошенькихъ зрительницъ мѣшаетъ вполнѣ наслаждаться произведеніями Флоры. Въ толпѣ посѣтителей встрѣтилъ старыхъ друзей моихъ — Маслова и толстѣйшаго Сережу У—рова. Не графа, а просто — У—рова.

3 мая.

Былъ въ Эрмитажѣ, одинъ, безъ Семена. Его утомила вчера античная галлерея и древности и онъ отказался мнѣ сопутствовать. *Ледащо!* Въ Эрмитажѣ встрѣтился и познакомился съ знаменитымъ граверомъ Іорданомъ. Онъ слышалъ о моемъ намѣреніи заняться акватинтой, и предложилъ мнѣ свои услуги въ этомъ новомъ для меня дѣлѣ. Обрадованный его милымъ искреннимъ продложеніемъ, я обошелъ два раза всѣ залы съ цѣлію выбрать картину для первой пробы избраннаго мною искусства. Послѣ внимательнаго обозрѣнія, остановился я на эскизѣ Мурильо—*Святое Семейство*. Наивное, милое сочиненіе. Я не видалъ картины этого содержанія, которой бы такъ шло это названіе, какъ геніальному эскизу Мурильо. И такъ, съ Божіею и Іордановою помощію, принимаюсь за опыты, а потомъ и за Мурильо.

Въ 4 часа оставилъ я Эрмитажъ и зашелъ на выставку цвѣтовъ. Волшебный переходъ! Впродолженіе нѣсколькихъ часовъ внимательнаго созерцанія произведеній великихъ мастеровъ, я утомился, отяжелѣлъ духомъ, и вдругъ—живая, свѣжая прелесть природы и искусства благотворно охватываетъ меня и обновляетъ. Разнообразная зелень, массы свѣжихъ роскошныхъ цвѣтовъ, музыка и, въ-довершеніе очарованія, толпы прекрасныхъ молодыхъ, свѣжихъ, какъ цвѣты, женщинъ. Я обѣщался въ 5 часовъ обѣдать у Уваровыхъ, и пробылъ въ этомъ раю до 6 часовъ. О столица!

Вечеромъ передавалъ мои впечатлѣнія Семену и его милѣйшей Александрѣ Ивановнѣ.

4 мая.

Былъ у Ѳ. И. Іордана. Какой обязательный, милый человѣкъ и художникъ, и, въ-добавокъ, живой человѣкъ, — что́ между граверами большая рѣдкость. Онъ показалъ мнѣ, впродолженіи часа, всѣ новѣйшіе пріемы гравюры акватинты. Изъявилъ готовность помогать мнѣ всѣмъ, что́ отъ него будетъ зависѣть. Я разстался съ нимъ вполовину будущимъ граверомъ.

Отъ Іордана зашелъ ненадолго къ графинѣ Н. П., а отъ нея пришелъ къ граверу и печатнику Служинскому, тоже за свѣдѣніями, засталъ его за обѣдомъ, и о дѣлѣ не было рѣчи. Зашелъ къ старымъ друзьямъ, Уваровымъ, съ цѣлью у нихъ обѣдать. Старикъ Уваровъ сообщилъ мнѣ, что сопутникъ мой отъ Астрахани до Нижняго А. А. Сапожниковъ здѣсь и завтра уѣзжаетъ въ Москву. Я пустился къ нему, засталъ его дома, но онъ меня не принялъ по случаю скораго обѣда. Это меня немного сконфузило, я отряхнулъ прахъ отъ ногъ своихъ, и по дорогѣ зашелъ къ черниговскому земляку своему, Н. И. Петрову, гдѣ и пообѣдалъ на-распашку.

Вечеромъ поѣхали съ Семеномъ къ графини Н. П., гдѣ и пробыли до бѣлаго дня.

5 мая.

Въ Эрмитажѣ встрѣтилъ товарища по академіи, Михайлова, бывшаго фаворита К. П. Брюлова. Обойдя картинную и античную галлерею, зашли мы въ *Лондонъ* позавтракать. До выѣзда своего изъ Рима въ Мадритъ, Михайловъ часто видѣлся съ К. П. Брюловымъ въ Римѣ и разсказалъ про его изумительное, неслыханное скаредничество. Великій Брюловъ великаго Рембрандта перещеголялъ въ этомъ таинственномъ искусствѣ! Разставшись съ Михайловымъ, пошелъ я обѣдать къ Л — чу, — тоже ученикъ и любимецъ великаго Брюлова. Л — чъ повторилъ мнѣ слова Михайлова съ варіаціями. Кромѣ нравственнаго безсилія, не-чѣмъ растолковать подобное явленіе.

Съ Служинскимъ зашелъ къ Н. И. Уткину и не засталъ его

дóма. Вечеромъ съ М. Лазаревскимъ пошли къ Семену и тóже не застали дома.

6 мая.

Съ Семеномъ поѣхали мы къ Энгельгардту и не застали дома. Зашли къ Курочкину—тоже; зашли къ землячкѣ М. С. Кржисевичъ, и она насъ встрѣтила—рѣзвая, веселая, молодая, какъ и десять лѣтъ назадъ. Чудная женщина! ея и горе не беретъ. А горя у нея немало. Она, на-дняхъ, возвратилась изъ Москвы и привезла мнѣ три короба поклоновъ отъ моихъ московскихъ друзей. Гостепріимная землячка предложила намъ завтракъ, а мы не отказались. Позавракавши и весело поболтавши, мы взялись за шапки, какъ вошелъ Громека и съ нимъ еще какой-то кіевскій землякъ.

Семенъ, за какой-то надобностію, зашелъ къ Юзефовичу, оберъ-секретарю синода, и меня потащилъ съ собою.

Разставшись съ новымъ знакомымъ, поѣхали мы обѣдать тоже къ новымъ знакомымъ—къ Степановымъ, изъ Харькова. Послѣ обѣда, Семенъ пошелъ въ театръ, а я—къ Сухомлинову, гдѣ встрѣтилъ стараго знакомаго и земляка, академика Никитенка. Изъ декламатора-профессора Никитенко превратился въ простого любезнаго старика, въ разговорѣ не избѣгающаго даже малороссійскихъ выраженій. Пріятное превращеніе!

7 мая.

Отъ 10 до 12 часовъ, Семенъ, съ своимъ ученикомъ, пѣлъ разные дуэты, А. И. имъ акомпанировала на фортепьяно, а я слушалъ и, по-временамъ, аплодировалъ... Съ какимъ трепетнымъ наслажденіемъ я воображалъ подобную сцену въ Новопетровскомъ укрѣпленіи; а теперь, когда осуществилось мое лихорадочное ожиданіе, я смотрю и слушаю какъ самую обыкновенную вещь. Странный — человѣкъ вообще, въ томъ числѣ и я. Послѣ дуэтовъ вышли мы съ Семеномъ на улицу, безъ всякой цѣли. Зашли случайно въ музыкальный магазинъ Пеца поболтать, а потомъ зашли къ художнику Соколову, полюбовались рисованными имъ земляками и землячками, и пошли къ Дзюбину; не застали дóма. Возвратились къ Семену и, дождавшись Юзефовича съ семействомъ, принялися обѣдать.

8 мая.

Написалъ письмо Н. А. Брылкину, отослалъ на почту, и собрался итти въ Эрмитажъ работать, какъ вошелъ Н. Курочкинъ и Вильбуа. Планъ мой внезапно измѣняется. Вмѣсто Эрмитажа, пошли мы къ Семену потолковать насчетъ постановки на сцену оперы Вильбуа. Семена не застали дома. Зашли къ Софьѣ Ѳедоровнѣ — тоже самое. Зашли въ трактиръ, пообѣдали и разошлись.

9 мая.

Было намѣреніе вытащить Дзюбина въ Павловскъ. Онъ не согласился и я пустился пѣшкомъ на Крестовскій къ Старову. Въ ожиданіи обѣда, обошелъ съ Ноздровскимъ половину Крестовскаго и Петровскаго острова. Пообѣдалъ и пѣшкомъ же возвратился домой.

Вечеромъ были съ Семеномъ у m-elle Гринбергъ. Она много и прекрасно пѣла. Какая славная, пламенная была бы актриса!...

10 мая.

Началъ работать въ Эрмитажѣ. Въ добрый часъ сказать, въ худой помолчать. Во второмъ часу пошолъ на англійскую набережную проводить Сухомлина за границу. Простившись съ Сухомлиновымъ, зашелъ къ Н. И. Петрову; у него случился билетъ для входа въ Исакіевскій Соборъ, и мы отправились, и насъ не впустили, потому что билетъ подписанъ Васильчиковымъ, а не Гурьевымъ. Китайскій резонъ.

11 мая.

Работалъ въ Эрмитажѣ до трехъ часовъ. Обѣдалъ съ Антоніемъ Совою у Б—рського, и за успѣхъ будущаго журнала *Слово* выпили бутылку шампанскаго. Вечеромъ съ Семеномъ отправились къ графинѣ Н. П. Толстой и возвратились въ 4 часа утра. Къ великой радости хозяйки, послѣдній весенній вечеръ былъ оживленъ какъ-обыкновенно, и необыкновенно веселъ. Семенъ и мадмуазель Гринбергъ были душею общей радости.

12 мая.

Проводилъ Грицька Галагана въ Малороссію, а потомъ пошелъ къ графинѣ Н. И. съ цѣлью устроить себѣ постоянную квартиру въ академіи. Она обѣщаетъ, и я вѣрю ея обѣщанію. Разставшись съ Н. И., зашелъ ненадолго къ художнику Микѣшину, и потомъ къ Глѣбовскому. Счастливые юноши и паки счастливые художники!

По приглашенію Троцины и прочихъ земляковъ, пришелъ я къ Дюсо, въ 5 часовъ, обѣдать, и неожиданно встрѣтилъ Нижегородскихъ моихъ пріятелей — Лапу и Бабкина. Послѣ обѣда ѣздили съ Троциною и Макаровымъ кое-куда—неудачно.

13 мая.

Заказалъ мѣдную доску. По дорогѣ зашелъ къ Курочкину и не засталъ дома. Зашелъ къ землячкѣ Кржисѣвичъ — тоже самое. Зашелъ къ Градовичу, и въ дверяхъ встрѣтилъ сестру Троцины, сегодня возвратившуюся изъ-за границы. Свѣжая и здоровая. Поѣздку за границу должно принять за нормальное лѣкарство.

Вечеромъ былъ у поэта *А. Совы* и онъ мнѣ записалъ свое прекрасное стихотвореніе *(Do poety ludu)*, а Каменецкій записалъ малороссійскую пѣсню: первая пѣсня, которую я знаю, безъ рифмы.

* *
*

Забіліли сніги,
Заболіло тіло,
Ще й головонька.
Ніхто не заплаче
По білому тілу
По бурлацькому:
Ні отець, ні мати,
Ні братъ, ні сестриця,
Ні жона ёго;
Ой тільки заплаче
По білому тілу
Товаришъ ёго.
»Прости мене, брате,
Вірний товаришу!
Можеть я й умру;

Зроби мині, брате,
Вирний товаришу,
Съ клинъ-древа труну;
Поховай мене, брате,
Вірний товаришу,
Въ вишневімъ саду, —
Въ вишневімъ садочку,
На жовтімъ пісочку
Підъ рябиною.«
Рости, рости, древо,
Тонкее, высоке,
Кучерявее;
Та й роспусти гилля
Зъ верху до коріння,
Листъ до долоньку;
Покрий тее тіло
Бурлацькее біле
Ще й головоньку,
А щобъ тее тіло
Бурлацькее біле
Та й не чорніло,
Одъ ясного сонця,
Одъ буйного вітру
Та й не марніло!

14 мая.

Дни нечаянныхъ встрѣчъ: третьяго дня съ Лапой, вчера съ Троцкой, а сегодня прихожу къ графинѣ Н. П. обѣдать и встрѣчаюсь съ моимъ единымъ, моимъ незабвеннымъ другомъ, М. С. Щепкинымъ. Онъ пріѣхалъ сюда по случаю юбилея Гедеонова. И не зная моего адреса, искалъ меня въ академіи, и зашелъ къ графинѣ, зная что я тамъ бываю. Догадливый мой великий другъ!

Послѣ обѣда, графиня, со всѣмъ семействомъ и мы съ нею, отправились къ адмиралу А. В. Голенищеву. Старикъ былъ въ восторгѣ отъ неожиданнаго гостя. Тутъ же встрѣтилъ я и познакомился съ барономъ Штейнгелемъ, съ Тобольскимъ другомъ Михайла Л.

15 мая.

Обѣщался быть у М. С. въ 7 часовъ утра и проспалъ до 10. Хорошъ пріятель! Ушолъ въ Эрмитажъ и работалъ до трехъ часовъ. Вечеромъ пошелъ до Семена и не засталъ дома.

16 мая.

Не умывшись поѣхалъ къ М. С., но онъ уже исчезъ; съ горя зашелъ къ Курочкину, — спитъ. Зашелъ къ Энгельгардту, — въ ваннѣ. Пошолъ къ мѣднику, взялъ доску и, на-авось, зашолъ къ землячкѣ М. Ст. засталъ дома. Наболтавшись до-сыта, провелъ ее къ Градовичамъ и пошелъ домой. Вечеромъ восхищался пѣніемъ милочки Гринбергъ, съ Сошальскимъ и Семеномъ; въ восторгѣ, заѣхали ужинать къ Борелю, и погасили свои восторги... Цинизмъ!..

17 мая.

Изъ пріюта, въ 7 часовъ утра, отправился къ М. С. Щ., засталъ еще въ халатѣ. Наговорились и уговорились обѣдать у К. Д. Кавелина, что́ и исполнили въ 4 часа. Вечеромъ былъ у Семена и не засталъ до́ма. *Гульвйса!*

18 мая.

Очаровательная Александра Ивановна Артемовская сегодня именинница. М. Лазаревскій купилъ для нея роскошный букетъ цвѣтовъ, а я отнесъ ей и приподнесъ; и я въ барышахъ и она невправѣ сказать, что я поздравилъ ее съ пустыми руками. И вѣжливо, и дешево....

Отобѣдавъ у именинницы, я, съ Лазаревскимъ, вскорѣ отправились къ графинѣ Н. И. и нашли тамъ М. С. Щепкина. Великій другъ мой, по просьбѣ графини, прочиталъ монологъ *Скупого Рыцаря*, Пушкина, *Фейерверкъ*, и *Разсказъ Охотника*, изъ комедіи Ильина. И прочиталъ такъ, что слушатели видѣли передъ собою юношу пламеннаго, а не 70-лѣтняго старика Щепкина. Геніальный актеръ и удивительный старикъ. По-обѣщанію, и я, съ горемъ по-поламъ, прочелъ имъ свои *Неофиты*. Не знаю, насколько они меня поняли,—по-крайней-мѣрѣ внимательно слушали.

19 мая.

Въ 12 часовъ проводилъ моего великаго друга, М. С. Щепкина, на Московскую желѣзную дорогу. На Михайловскомъ театрѣ

смотрѣлъ Садовскаго, въ роли *Расплюева* (Свадьба Кречинскаго). Послѣ Щепкина, я не знаю лучшаго комика. Самойловъ далеко уступаетъ Садовскому. Г. Снѣткова 2-я играла слабо. Какъ бы хороша была моя незабвенная Піунова!

20 мая.

До трехъ часовъ работалъ въ Эрмитажѣ. Обѣдалъ у моихъ старыхъ друзей У—ровыхъ. Сергѣй У—овъ, веселѣйшій толстякъ на свѣтѣ, сказалъ слѣдующій экспромтъ разносчику апельсиновъ:

Напрасно, разносчикъ, въ окно ты глядишъ
Подъ бременемъ тягостной ноши;
Напрасно ты голосомъ звонкимъ кричишъ:
Лемоны, пельцыны хороши!
Не обольщай меня мечтой
Плодовъ привозныхъ изъ чужбины:
Нѣтъ, душу полную какой-то пустотой
Не соблазнятъ златые апельсины.
Я отжилъ жизнь свою давно,
И всѣ души моей желанья
Сосредоточилъ я въ одно
Разоблачонное отъ счастья ожиданье.
Напрасно, разносчикъ, въ окно ты глядишъ, *и проч.*

Вечеромъ былъ у Семена, и милѣйшая Александра Ивановна играла лучшіе мѣста изъ *Трубадура*. Очаровательно играла!

Повернувся я зъ Сібірі,
Та не маю долі:
Хоть, здаетця, не въ кайданахъ,
Та не маю волі.

Слідять мене злиі люде
День, часъ и годину,—
Прийде туга до серденька,
То ледві не згину.

Зовуть мене розбійникомъ —
Кажуть, що вбиваю:—
Я нікого не вбивъ ище,
Бо самъ душу маю.

Возьму гроші въ багатого,
Убогому даю,
И, такъ людей поділивши,
Самъ гріха не маю.

Маю жінку, маю дітокъ,
Однакъ іхъ не бачу;
Якъ згадаю про іхъ долю,
То гірко заплачу.

Треба мені въ лісі жити,
Треба стерегтися...
Хоть, здаетця, світъ широкий
Та нігде подітьця.

Сочиненіе этой, весьма немудрой, пѣсни приписываютъ самому Кармелюку. Клевещутъ на *славного лицаря*. Это рукодѣлье какого-нибудь мизерного Падуры.

(Съ 21 мая по 13 іюля 1858 г. ничего въ »Дневникѣ« не записано).

13 іюля 1858.

СОНЪ.

На пáнщині пшеницю жáла;
Втомúлася; не спочивáть
Пішлá въ снопú, — пошкандибáла
Ивáна-сúна годувáть.
Воно́ сповúтее кричáло
У холодóчку за снопóмъ;
Росповила, нагодувáла,
Потéстила, — и ніби сномъ,
Надъ сúномъ сúдя, задрімала.
И снúтця ій той спинъ Иванъ —
И уродлúвий, и бáгатий,
Не одинóкий, а жонáтий
На вóльній, бáчитця... бо й самъ
Ужé не пáньський, а на вóлі
Та на своімъ весéлімъ пóлі
У-двохъ собі пшеницю жнуть,
А діточкú обідъ несýть...
Та й усміхнýлася небóга...
Прокúнулась — немá нічóго!
На Йвáся глянула; взялá,
Ёго́ гарнéнько сповилá,
Та, щобъ дожáть до *лановóго*.
Щé конý дожинáть пішлá....
Остáтню, мóже; Богъ помóже,
Той сонъ твій справдúтця....

Т. Шевченко.

Примѣчаніе. Послѣднихъ двухъ стиховъ нѣтъ въ этомъ стихотвореніи, напечатанномъ, при жизни Тараса Григорьевича, въ *Русской Бесѣдѣ*. И, дѣйствительно, эти два стиха нарушили бы художественную цѣльность поэтическаго созданія; но они дороги для насъ, какъ указаніе на то, какой заботой, какой надеждой постоянно была занята душа истиннаго кобзаря-народолюбца; ими же оканчивается и *Дневникъ*, — Дневникъ — драгоцѣнный по своей правдивости, простотѣ, искренности и по автобіографическимъ подробностямъ. Намъ кажется, что Шевченко, какъ поэтъ, художникъ и человѣкъ, полнѣе всего высказывается въ *Дневникѣ*. Кто внимательно прочтетъ его, отъ начала до конца, тотъ сразу составитъ себѣ живое представленіе объ этомъ геніальномъ явленіи, и не только будетъ удивляться ему, пораженный многосторонностью ума и серца этого дивнаго самоучки, широтой и истинностью его взгляда на жизнь и искусство, но и полюбитъ его, какъ человѣка, со всѣми его слабостями, которыя онъ такъ-глубоко сознаетъ и въ которыхъ такъ-откровенно сознается. Насъ упрекали, зачѣмъ мы печатали весь *Дневникъ* сподрядъ, не исключая многихъ мелочей — и не занимательныхъ и, въ то же время, слишкомъ обнажающихъ темныя стороны домашней жизни поэта. По мнѣнію этихъ строгихъ судей, образъ поэта долженъ оставаться свѣтлымъ и величавымъ, какъ его произведенія: слѣдовало выбрать лучшія страницы изъ *Дневника*, а не помѣщать такихъ подробностей, которыя прочесть было бы непріятно самому Шевченку.

Мы руководились иною мыслью; мы, напротивъ, жалѣемъ, что принуждены были выпустить нѣкоторыя мѣста, гдѣ рѣзко высказываются и его негодованія, и ненависть, и желчные приговоры, и насмѣшка; мы увѣрены, что поэтъ не упрекнулъ бы насъ за это. Шевченко, при жизни, скрывалъ только свои задушевныя думы и самыя нѣжныя проявленія своего сердца; но никогда не старался скрыть и тѣмъ-болѣе закрашивать тѣ пятна, которыя наложила на него многопечальная и многотрудная жизнь, продержавшая его, отъ колыбели до могилы, въ черномъ тѣлѣ. Онъ никогда не подымался на ходули, никогда не разыгрывалъ роли; будучи, безъ малѣйшихъ усилій, истинно-возвышенъ, неподражаемо-великъ въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ, (изъ которыхъ многія еще не напечатаны), — онъ никогда въ жизни не высился во весь свой ростъ, становясь рядомъ, рука-объруку, съ людьми обыкновенными, рядовыми. Посмотрите, сколько *очаровательныхъ* личностей онъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу, какъ онъ восхищается ими — и какъ мало самоувѣренности, довольства *самимъ-собою* выражается въ его *Дневникѣ!* Въ жизни, онъ былъ еще скромнѣе. »*Ти у насъ бувъ старшій одъ усіхъ, а якъ заговоришъ, то мовъ наймéньший братъ,*« вполнѣ справедливо сказано въ *голосінні* одной Украинки у его гроба.

Насъ, Украинцевъ, нерѣдко обвиняютъ въ увлеченіяхъ, даже въ пристрастіи къ своимъ героямъ... Да, это съ нами случается; но если кѣмъ мы увлекались по-справедливости, то это Шевченкомъ,— если мы преданы кому съ заслуженнымъ вполнѣ пристрастіемъ, то къ Шевченку. Шевченко принадлежитъ къ числу тѣхъ необычайныхъ личностей, въ которыхъ, какъ въ Гарибальди, можно видѣть слабости, ошибки, но зато еще силь-

нѣе привязаться къ нимъ, еще нѣжнѣе любить ихъ. Пускай, въ напечатанномъ нами *Дневникѣ*, увидятъ Шевченка всего, каковъ онъ былъ; пускай изъ него поймутъ, что наше пристрастіе не то, которое боится правды для своихъ любимцевъ. Тому, кто имѣлъ полное право отнестись къ своей *Музѣ* — къ своему главному призванію — съ словами:

»Ми не лука́вили съ тобо́ю, —
Ми про́сто йшли́: у насъ нема́
Зерна́ непра́вди за собо́ю:

тому не страшна правда. Въ этомъ должны сознаться всѣ, даже люди въ родѣ тѣхъ господъ, которые осуждали почтеннаго соплеменника, г. Совинъскаго, за его оцѣнку Шевченка... Немногіе рѣшатся теперь напомнить собой пѣтуха, который не умѣлъ отличить, въ сору, жемчужныхъ зеренъ. *Ред.*

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ВАРІАНТЫ УКРАИНСКИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПѢСЕНЪ.

I.

ОЛИКСІЙ ПОПОВИЧЪ (1).

Эй, по Чорному морю,
На камені біленькім,
Тамъ сидить сокілъ ясненький,
Жалібненько квиле-проквиляе,
И на Чорне море
Спильна поглядае,
Шо на Чорному морю
Шось не добре начинае:
Злосопротивна хвилечна
Хвиля вставае,
Судна козацькі-молодецькі
На три части розбивае:
Перву часть ухопило
У *Біларанську* (2) землю занесло;
Другу часть схопило
У Дунай въ гирло забило:

---

(1) Сохраняемъ произношеніе и распредѣленіе стиховъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится у доставителя, которому приносимъ глубочайшую благодарность. Дума о бурѣ на Черномъ морѣ, припоминаетъ Владимірова богатыря, Алёшу Поповича, и Садка Богатаго, купца новгородскаго, въ великорусскихъ былинахъ. *Ред.*

(2) *Біло-арапську.*

А третя часть тутъ ма́е —
Посередъ Чорного моря,
На бистрій хвилі,
На лихій хуртовині потопляе.
При той часті
Було війська много;
А бувъ старшиною
Грицько Коломниченко, —
По всёму війску барзе окличенъ,—
Словами промовляе,
Слізами обливае:
»Эй, козаки, панове-молодьці!
Добре ви дбайте,
Гріхівъ не тайте!
Исповідайтеся ви
Милосердному Богу,
Чорному морю,
Отаману Кошовому,
Хто на собі гріхи́ мае!«
Тутъ всі козаки
Та́къ замовчали,
Якъ въ ротъ води набрали.
Тільки озоветься
Оликсій Поповичъ,
Гатма́нь запорожець:
— Эй, козаки, пани-молодьці!
Добре ви чиніте,
Самого мене —
Оликсія Поповича — возьміте,
До моеі шиі
Камінь біленький привьяжіте,
Очі моі козацькі, молодецькі,
Червонною китайкою затміте,
У Чорне море
Самого мене спустіте:
То нехай я буду
Своею головою
Чорное море дарувати,

Ніжъ я маю
Много війська безвинно
На Чорнімъ морі погубити, —
Ніжъ я маю много душъ —
Віръ христіянськихъ
На Чорному морі потопити. —
Тое козаки якъ зачували,
Словами промовляли,
Слізами обливали:
»Эй, Оликсію Поповичу,
Славний лицарю и писарю!
Ти жъ Святе Письмо
По тричі на день читаешъ
И насъ — простихъ козаківъ —
На все добре научаешъ;
Про шо жъ ти одъ насъ
Гріхівъ більше маешъ?
Оликсій Поповичъ
Тое зачувае,
Словами промовляе,
Слізами обливае:
— Эй, козаки, панове-молодьці!
Я Святе Письмо
По тричі на день читаю,
И васъ — козаківъ простихъ —
На все добре научаю,—
Одъ васъ-таки гріхівъ більшъ маю:
Шо якъ въ охотне військо одъіжжавъ,
И зъ отцемъ и зъ матірью
Вопрощенія не мавъ,
И старшого брата
За брата не мавъ;
И старшу сестру
Барзе зневажавъ, —
Стремінемъ у груди однихавъ:
А ще зъ города вибігавъ,
Триста душъ дітей маненькихъ
Конемъ своімъ добримъ розбивавъ,

Кровъ христіянську
Безвинно проливавъ;
А молодіі же́нп
За ворота вибігали,
Дітокъ маленькихъ
На руки хватали,
Мене, Оликсія Поповича,
Кляли-проклинали.
А ще мимо сорока церковъ пробігавъ
Шляпи не здіймавъ
И на себе хреста не покладавъ,
И отцевськоі — матчиноі
Молитви не споминавъ...
Либонь мене, козаки панове-молодьці,
Найбільше той гріхъ споткавъ.
А ще мимо царськоі громади пробігавъ,
За своею го́рдощу шляпи не здоймавъ
На день добрий не дававъ...
Либонь мене, козаки панове-молодьці,
Найбільшъ той гріхъ споткавъ.
Эй, се не Чорне море
Мене отопляе:
Се отцевська, - матчина
Мене молитва карае.
Эй, колибъ мене отцевська матчина молитва
На Чорному морю не втопила,
Одъ смерти боронила!..
Якъ буду я до отця, до матері
И до роду прибувати,
То буду я отця и матіръ
Штити, шанувати, поважати,
И старшого брата
За рідного отця почитати;
И близькихъ сусідъ
За рідну братію
У себе вживати. —
Якъ ставъ Оликсій Поповичъ
Гріхи Богу повідати,

То заразъ стала злосопротивна
Хвилечна хвиля
На Чорному морю притихати:
Притихала и впадала,
Мовъ на Чорнімъ морі не бувала;
Усіхъ козаківъ до острова
Живцемъ прибивала.
То козаки на островъ виходили,
Великимъ дивомъ дивовали,
Словами промовляли,
Слезами обливали:
Шо на Чорномъ морі,
На бистрій хвилі,
На лихій хуртовині потопали, —
Ні одного козака,
Черезъ Оликсія Поповича,
Междо військомъ не стиряли.
Оликсій Поповичъ
На-чудо вихожае,
Бере въ руки Святе письмо,
По тричі на день читае:
И всіхъ простихъ козаківъ
На все добре научае:
»Слухайте, козаки, панове-молодьці,
Якъ сé Святе Письмо просвіщае,
На все моленіе указуе:
Который чоловікъ
Отцевську — матчину молитву
Штить, шануе, поважае,
Того отцевська — матчина молитва
Зо дна моря винімае,
Одъ гріхівъ душу одкупае,
До царствія небесного провожае;
Та отцевська — матчина молитва
У купецтві и въ ремествi,
И на полі и на морі,
На помічъ приспівае.
Намъ годитьця тое спамьятати,

За которими молитвами
Стали ми хліба — соли поживати.«
Дай, Боже, миру царському,
Народу християнському,
Усімъ на здравіе, на многі літа мати!
(Записано въ Харьковской губерніи отъ лірника)

II.

ПРО СЕМЕНА ПАЛІЯ.

Ой и підъ ругою, підъ Саборею,
Ой підъ вишневимъ садомъ,
Тамъ Мазепа наметъ напинае,
Все кубочки сповняе.
Ой исповняе та тіі кубочки
Все зеленимъ виномъ,
Вітати Палія Семена.
Ой ище жъ Палій, ой ище жъ Семенъ
Меду й вина сёго не напився;
А уже жъ Палій, а уже жъ Семенъ
Изъ своіхъ нігъ звалився.
Ой и крикнувъ проклятий Мазепа
На свої *лайтани*
»Возьміть Палія Семена,
Та забийте въ кайдани,
А на руки скрипиці,
Та посадіть Палія Семена
У превеликій темниці;
А самъ же я пойду, самъ же я поіду
До государя на столицю«.
Якъ озвався та Палій Семенъ,
Та сидячи у темниці,
То стало жъ чудно, то сталось чудненько
У государя на столиці:
»Ой бреше, бреше проклятий Мазепа,
Якъ песъ, на столиці!«

Тоді крикнувъ великъ світъ государь
На свої москалі:
»Возьміть ви сёго плута Мазепу
Та закуйте въ кайдани,
Та посадіть плута Мазепу
У превеликій темниці!
Та приставте ви Палія Семена
Та до мене на столицю...
Ой чи можешъ ти, Палію Семене,
Та Мазепу звоювати?
Будешъ ти зъ мене, Палію Семене,
Великую плату брати«.
—»Ой не хочу я, великъ світъ государь,
Великої плати брати,
Тільки не подозволяйте изъ Украіни
Да віку некрутівъ брати,
А ні некрутівъ, а ні подушного,
А ніякої плати,
То можу я плута Мазепу
Заразъ звоювати«.
Ой уже жъ хмель, тонкая хмелина,
Коло дерева вьетця:
Уже жъ шведзький король съ Паліемъ Семеномъ
Підъ Полтавою бьетця.
Ой уже жъ хміль, тонкая хмельнина,
Зъ тичини похилився:
Уже жъ шведський король Палію Семену
У ніженьки поклонився.

(Записана одъ Сави Бовкуна, въ Лубенськімъ повіті, на річці Сліпороді, въ селі П. И. Рудановського, 17-го августа 1860-го року, Андріемъ Пригарою, кандидатомъ юридическихъ наукъ).

III.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

(1775).

Та славне жъ було Запорожья,
Та и всіма сторонами,
А тепера ніде жити,
— — — — —
Та бережися жъ, Калнишевський,
Та й відъ чистого ставу;
Бо втеряешъ Запорожья
И козацьку славу.
Та й не вберігся Калнишевський
Та й відъ синёго моря;
— — — — —
— — — — —
Та наступила чорна хмара,
Иде дощикъ зъ неба:
Зруйнували Запорожья —
А колись буде треба.
Та й зройнували Запорожья,
Та забрали клейноти;
Наробили сіромахамъ
Превиликоі скорботи.
Та наіхали відкупщики
Риболовні скупляти:
Тоді стали Запорозці
Підъ Турка втікати.
Та зібралося сорокъ тисячъ,
Та підъ Турчина жити,
Заприсягли Турчинові
Вірненько служити.
Та добре було, та добре було
Та підъ Турчиномъ жити,
Та яковось, та яковось
За невіру служити!..

(Сообщено г. Ѳедоромъ Щербиною).

IV

Ой за Богомъ — за рікою,
При Турецькій гряниці,
Тамъ стояли пікине́ри,
Зъ ними компані́йці.
Въ зеленую неділеньку,
Якъ стало світати,
Компанійці пікинерамъ
Заразъ дали знати: —
Иде орда изъ-за гарда,
Много съ прапора́ми:
Поляжемо, милі браття,
Тутъ ми головами.
Маіоръ Тищовъ (1) командувавъ:
— Стійте, не боёмся!
Хоча жъ орди много иде —
Ружжомъ отобьёмся.
Маіоръ Тищовъ командовавъ —
И храбро стояли;
Пікинери чрезъ Богъ-ріку
Утікати стали.
Стали жъ вони утікати,
Стали топитися,
А Нагайці, съ сильнимъ обо(*зомъ?*),
Стали ломитися.
Якъ нагнали пікинерівъ —
Кололи й рубали,
А послідки съ-підъ каміня
У полонь забрали.
Якъ добули пікинерівъ
При Турецькій двері,
Останніі изъ походу
Идуть пікинери.

(1) Ртищевъ?

Стрінуть отці и матері,
За синівъ питають.
— Уже жъ вашихъ синівъ давно
Орли доглядають!
Остался ваші сини
Надъ Богомъ-рікою,
Поселились у Мигеі (1)
Ономъ (?) слободою.
Не надійтесь своіхъ синівъ
Съ походу ніколи:
Уже жъ вони вамъ оддали
Послідні поклони.

(Сообщено Маріей Ивановной Надхиной, изъ г. Новомосковска, черезъ Г. П. Надхина.

---

(1) Въ другой разъ было пропѣто: *въ Семигеі.*

Принося искренную благодарность всѣмъ доставителямъ, повторяемъ свою просьбу спасать отъ забвенія цѣнные памятники народной поэзіи и исторіи и сообщать ихъ въ *Основу — Ред.*

ГАРКУША.

ДРАМАТИЧНІ КАРТИНИ, У 3-ХЪ ДІЯХЪ (1).

ЛИЦЕДІЇ:

Прохоръ Семеновичъ Бутузъ, сотникъ, старий чоловікъ.
Пані Маруся, жінка ёго, по 17-му г.
Галя, молошна ії сестра.
Катерина, клюшниця, стара баба.
Хведіръ, джура сотниківъ.
Хорунжий, обиватель, и сусіда сотниківъ.

Куць, Бебехъ — обивателі, трохи молодші одъ сотника.
Гаркуша, отаманъ розбійниківъ.
Обухъ, ёго джура.
Власъ, Помело, Вакула — старшина у розбійниківъ.
1-ий, 2-ий — розбійники.

Дворові люде сотника, козаки, народъ, розбійники, дівчата и козачки.

ДІЯ І.

(Обстанова: спальня сотничихи; въ кутку ліжко зъ пологомъ; кругомъ дивани и дзиглики, прикриті пістряними чехлами. На стінахъ висить броня и бандура. Посередині двері у дівочу, а далі видко ще й другі двері въ сіни. На правій стороні спальні — вікно, а на лівій — двері въ покоі сотника. Въ дівочій дівчата матають нитки й прядуть. Сотничиха, смутная, сидить біля стола, схиливши голову на руку. Галя стоіть біля неі).

ВИХОДЪ І-ий.

СОТНИЧИХА, и ГАЛЯ.

Галя. Та годі тобі, мое серденько, сумувать и вбиватьця! Якъ таки: четвертий місяць, якъ одружилась, а й досі усе плачешъ,— очі не висихають! Пора бъ вже тобі й привикнуть...

Сотничиха. Привикнуть до своеі неволі, до бридкого сотни-

(1) Зъ оповідання Флора Ульяновича, въ моёму романі: *Братья-Близнецы*

ка, до ёго осоружного кохання?!.. Чи ти знаешъ, що мій нелюбъ теперички міні ще гидший ставъ, якъ до шлюбу...

Галя. Не ти жъ перва одружилася зъ старимъ, — та й живуть же щасливо, неначе зъ молодими. А коли вже вінъ такий тобі гидкий, нащо йшла за ёго?

Сотничиха. Хібажъ ти не знаешъ, що мене матуся приневолила...

Галя. Знаю; ти жъ довго спричалась, а тамъ такъ швиденько згодилась. Я вже подумала, чи не причарувавъ тебе чимъ, справді, панъ сотникъ...

Сотничиха. Лихо мене тяжке згодило! Ось слухай: спершу, матуся мене вмовляла, улещала, навколюшкахъ передо мною стояла—просила, я й слухать не хотіла; далі, матуся сварилась, лаяла мене, била, хотіла прокляти, а я все-таки не згодилась; та вже якъ матуся сказала, що вона бідна, и стала мене корить, що відіймаю въ ii остатній шматокъ хліба, тоді я, завьязавши очі, покорилась лютій моій долі!.. Лучче лежать у сирій землі, аніжъ жить зъ нелюбомъ! *(Плаче.)*

Галя. Рідна ненька згубила свою дитину!.. Вона думала, що для дівочого серця тільки й треба що срібла, золота та убрання.

Сотничиха. Я одъ тебе, Галю, ніколи не таілась. Слухай, я тобі роскажу, що найгіршъ точить мое серце й не дае міні спокою ні вдень, ні вночі...

Галя. Роскажи, мое серденько, розважъ свое горе: ти знаешъ, що ніхто тебе такъ не любить якъ я.

Сотничиха. За-кільки днівъ до мого шлюбу, разъ пішла я у лісъ посумувать та поплакать. Було ще рано,—сонечко тільки що викотилось изъ-за гори, и я, замисливши, схиливши голову, йшла собі. Коли разомъ щось залопотіло... озирнулась, дивлюсь — стоять передо мною два козаки верхи, неначе зъ землі выросли. Той, що іхавъ попереду, сидівъ на білімъ коню, въ червоному жупані. Такого гарного, моторного козака міні не доводилось ніколи й бачить. Жупанъ на ёму бувъ ввесь у золоті; броня блищала самоцвітнимъ каміннямъ; а я тільки й бачила ёго чорні очі, що сяяли неначе зорі середъ темної ночі. Серце мое затокотіло, въ грудяхъ сперся духъ, а я стояла—и все на ёго дивилась, мовъ причарована. И козакъ, зупинивши коня, тежъ дивився на мене; далі усміхнувсь та й каже: »Здорова була, моя

горличко! сёгодні, якъ бачу, зійшло два соньця разомъ... не знаю, яке й краще!..« До смерти не забуду ёго погляду, ёго усмішки! зъ-підъ чорного вуса, якъ жемчужне намисто, заблищали зуби, зъ очей посипались искри и всю мене запалили; ёго голосъ и тепереньки чую. Міні стало страшно, и я, мовъ несамовита, побігла у гущину та й сховалась. Зъ того часу, козакъ не виходить у мене зъ голови; тільки ёго одного й бачу, тільки про ёго одного и думаю, и гадаю!

Галя. Давно бъ призналась!.. Такъ отъ воно що: тебе причаровали чорні очі!.. Я заразъ приведу Зіньку-шептуху, то вона скропить тебе водицею и розібье ті чари. *(Хоче йти).*

Сотничиха *(удержуе)*. Пострівай! сі чари, сі муки, милі мойму серцю; вони тільки мене й держуть, и втішають на світі!

ВИХОДЪ 2-ий.

Тіжъ и КАТЕРИНА.

Катерина *(приледжуючись до Сотничихи)*. Все плаче та вбиваетця!.. Чого жъ тобі ще бракуе, моя пані кохана?.. Панъ сотникъ тебе любить, души въ собі не чуе; ти—въ багацтві, въ роскоші, якъ рибонька въ плесі; глянь на себе, — вся въ перлахъ, въ яхонтахъ, въ шмарагдахъ, грезеті, въ оксамиті?.. Увесь світъ изходи, то щасливішої панії не побачишъ. Усі тобі завидують, а ти...

Сотничиха *(перехоплюе)*. А я завидую найбіднішій хуторянці. Зъ милимъ и въ простій хатинці була бъ щасливіша!...

Катерина. Ро́сказні, моя пані кохана! Се тобі такъ здаетця; якъ бачу, не коштовала ще ти гіркої; безъ достатку и зъ милимъ нудно жить на світі. Покорися жъ своій долі, полюби пана сотника... якого ще тобі чоловіка?.. панъ на всю губу, всі ёго поважають, всі ёго боятця!..

Сотничиха (*зъ досадою*). А я ёго, гидкого-бридкого, зневажаю! вінъ неначе гробакъ точить мое серце!

Катерина. Охъ, моя пані кохана! попалась би ти другому чоловікові, —не стала бъ такъ кирпу гнути!..

Галя *(перехоплюе)*. Годі тобі, стара воркотухо! твої влещання ще гіршъ засмутили панію...

(За лашту́нками чутно голосъ Сотника):

Хведоре! нехай коней сідлають, та щобъ гончихъ и хортівъ на швори позбірали!

Катерина. Сотникъ, сотникъ!.. Годі плакать, моя пані кохана! панъ сотникъ дуже сваритця, якъ угледить твої слёзи, и на насъ, підвла́снихъ, зганя свое серце.

(Сотникъ за лаштунками):

Добре нагодовать народъ и козаківъ, що зібрались на полювання. Та щобъ було чимъ нагодувать людей Бебеха, Куця и Хорунжого, бо й вони тежъ прийдуть.

ВИХОДЪ 3-ій.

Тіжъ и СОТНИКЪ.

Сотникъ. Добридень, моя кралечко, моя лялечко! *(приледжуетця)*. Усе така жъ заплакана! и поглядъ той же, похмурий. Чого жъ тобі треба, чого бажаешъ? скажи тільки, слово промовъ— и все, якъ зъ неба, посиплетця!

Сотничиха *(чуло)*. Я бажаю смерти, одніі смерти!

Сотникъ *(сміетця)*. Ну, скажіть-таки на милость, якъ ёго на світі вгадаешъ, чого часомъ бажають гарні молодиці?... Чи тобі жъ таки, моя кралечко, бажать тіеі смерти? Тобі тільки жить та Богу дякувать, що послявъ тобі такого чоловіка, якъ я!.. Не дуже я молодий, правда,—затежъ десять молодихъ за поясъ заткну!... Якого тобі ще треба *(беретця вбоки)*, чимъ не воякъ?...

Сотничиха. Чомъ же ти не пішовъ на війну?

Сотникъ. Чомъ?.. и безъ мене багацько дурнівъ знайшлось! Та шо́ тамъ и робить на тій войні? Отъ, якъ-би́ були ли́царі, то бъ я сівъ на свого шпака, та й поіхавъ на турниръ...

Сотничиха *(перехоплюе)*. Недалеко бъ заіхавъ: заразъ би пьяного привезли до-дому.

Сотникъ. Брехня! я бъ наполонивъ чоловіка зъ двадцять лицарівъ, привівъ би іхъ до тебе, та й сказавъ: »кланяйтесь, бісова німота, моій жіньці, пані Марусі,—отъ такъ! *(Хапае за коміръ Катерину и пагинае ії до нігъ Сотничихи)*.

Катерина *(жалібно)*. Змилуйся, пане сотнику, схаменись! Який я лицаръ? я—стара баба! *(Про-себе)* Глянь, який бравий—

и старої баби не злякавсь! *(За лаштунками чутно ловецькі рога).*

Сотникъ. Отъ и пани-товариші збіраютця! *(Катерині)* Наготуй намъ снідання, та щобъ більшъ було настоёкъ, запіканокъ, наливокъ — и полинкової, и мьятної, и курдимонової и калганівки...

Катерина. Чую, пане сотнику. *(Виходить зъ Галею).*

ВИХОДЪ 4-ий.

Тіжъ, КУЦЬ, БЕБЕХЪ и ХОРУНЖИЙ *(въ броні, зъ фузіями, пистолями и кинжалами).*

Куць, Бебехъ и Хорунжий *(разомъ)*. Великоименитому пану сотнику и найпрекраснішій пані Марусі доброго здоровья и всякого благоденствія бажаемо и низенько кланяемось!..

Сотникъ *(сановно протягує на нихъ руку)*. Здорові були, пани товариші! просимо сідати,—щобъ усе добре сідало. *(Містяття и сідають)*. Сёгодні запросивъ я васъ до себе на полювання — таке, що якъ світъ-сонця, то ще такого у нашому краю не бувало. Зо всеі околиці зібравъ на облáву козаківъ и народъ,— просто, *посполите-рушення*: всю мою броню роздавъ охотникамъ, одніхъ тенетъ вистачить на дві милі.

Куць, Бебехъ и Хорунжий. Ого-го-го!..

Сотникъ *(перехоплює)*. Та се ще не все,—а отъ-що: сегодні зъ нами буде полювать и найпрекрасніша моя жінка, пані Маруся!..

Куць, Бебехъ и Хорунжий *(весело)*. Пані Маруся! Ай, пане сотнику! оттакъ вигадай!

Сотникъ. Всіхъ ведмедівъ и вепрівъ вилущимо, всіхъ вовківъ, лисиць, витравимо.

Бебехъ. Глянь! а чи давно жъ ти, пане сотнику, переставъ боятьця ведмедівъ и вепрівъ?

Сотникъ. Та я й чорта не злякаюсь, якъ до чого припаде! *(Готують закуску; Катерина и дівчата покривають стіль и ставлють блюда, тарілки, пляшки й чарки).*

Бебехъ. Ну, гледи жъ, пане сотнику! я вже тобі сёгодні дорожу: всіхъ ведмедівъ и вепрівъ прямісінько на тебе випру! Роби зъ ними щó самъ знаешъ...

Сотникъ *(скоро)*, Чи ти не здурівъ?! аджежъ я стоятиму біля пані Марусі... ти ще ії до-смерти перелякаешъ!

Куць. Не бійсь, пане сотнику: я самъ буду біля пані Марусі, всіхъ ведмедівъ и вепрівъ перестреляю! *(Показуе на рушницю.)* Всіхъ таки до одного! *(Цілуе руку пані Марусі.)* Не бійсь, моя *крулево!*

Хорунжий. Та годі вамъ, пани-товариші, изъ пустого въ порожнє переливать! Ведмеді и вепрі намъ нестрашні; а отъ, послухайте, яке лихо насъ чека: е відъ чого зимислитись и потилицю почухать; особливе тому, у кого, якъ у жида, грошей и така гарна жінка, якъ пані Маруся!

Сотникъ *(швидко)*. Яке тамъ лихо? Печина тобі въ ротъ и сіль у вічі!..

Бебехъ. Чи не сарана?

Куць. Падіжъ, хвороба?

Хорунжий. Гіршъ! Сёгодні мій своякъ, зъ Стародуба, давъ міні звістку, що до насъ мандруе у гості Гаркуша, — отъ-що!

Усі. Гаркуша!... Гаркуша!

Сотникъ. Несподіване лихо, кара Божа! Що теперечки будемо робить, пани товариші?

Куць. Далеко куцому до зайця, такъ и Гаркуші до панеі Марусі: я самъ ії оборонюю!...

Бебехъ и Хорунжий. Голови наші положимо за паню Марусю!

Сотникъ. Спасибі вамъ, пани-товариші... Нехай насъ милуе и хранить Господь одъ такого ворога! Хіба ви не чули, який се паливода Гаркуша?..

Бебехъ. Де ще той Гаркуша, а ти вже, пане сотнику, и нісъ похнюпивъ. Не бійсь: Гаркуша не який-небудь дурень — голови підъ колесо не підсуне. Мало у тебе того люду, — козаківъ?.. Та й ми не сидітимемъ, згорнувши ручки: сидячого, кажуть, татаре беруть!

Хорунжий. Нехай тільки сунетця, то ми ёго на першій осиці провітримъ!

Куць. Се ёму не зъ Литвинами дзекать... я ёго одинъ!...

Бебехъ. Ударь лихомъ объ-землю, пане сотнику! бачъ, скільки у тебе заступниківъ! Де ще той у біса й Гаркуша, а ти вже й злякавсь!...

Сотникъ. И не думавъ лякатись! Якъ до чого припаде, то я ёго на шматки пошарпаю, — якъ мишъ въ ступі задавлю!... Вже я его не помилую!.. Випьемо жъ, пани-товариші, й поснідаемо; пора вже й на полювання...

Хорунжий. Розумне слово и слухать гарно!

Куць. Давно бъ та́къ!

Сотникъ. Почастуй же насъ, кралечко моя, ручковою, щобъ запіканка посолодшала. *(Сотничиха частуе и кланяетця).*

Куць *(випива и пильно дивитця на Сотничиху).* О, та яка жъ смашна! Оттакъ би й до смерти усе пивъ, та на тебе дивився бъ, моя крулево!

Хорунжий. Веселе бъ життя було...

(Випивши по чарці, сідають за стіль).

Сотникъ. Ну, пани-товариші, випьемо по другій: по першій не снідають! *(Ще пьють и ідять. Сотничиха тежъ зъ ними сидить, схилившись на руку. Дівчата прислугують.)*

Куць. Що́ се за мара така — Гаркуша? розкажіть, будте ласкові; признатьця, я про ёго не багато де-чого й чувъ...

Бебехъ. Тимъ-то такий и смілий!

Хорунжий. Э, не взявъ ёго катъ, — зъ біса-завзятий козакъ! Вінъ зъ Січи; розказують, що разъ, у бенкеті, кругляючи горілку, полаявся вінъ зъ куріннимъ отаманомъ, та якъ затопивъ ёго по виску михайликомъ, такъ вінъ и дуба давъ. Отъ, Гаркуша, щобъ не мотатьця на шибеници, або не крутитьця на палі, и давъ зъ Січи дропака́, та й не одинъ, а підмовивъ зъ собою ще кільки січовиківъ, такихъ же харцизівъ якъ и самъ, та й стали різать та грабувать народъ хрещений, — не такъ простихъ, якъ нашого брата, та ще й багатого. Спочатку, розбива́въ вінъ біля Дніпра, а теперечки и по Десні, та й до насъ не прошений поверта. Якъ послухаешъ, що́ про ёго вигадують, такъ волосся до-гори підіймаетця: ёго й куля не бере, бо вінъ характе́рникъ, и такий здоровий, що карбованьця згина на долоні, шістерню въ млині здержуе; на все здатний: зъ пистоля кулею летючу птицю бье, досконально грае на бандурі, співа, вірші компонуе; ище молодий, а такий зъ ёго козарлюга, що на яку дівчину, або молодицю, не накине окомъ, то такъ ії й причаруе до се́бе....

Сотникъ. Брехня, тричі брехня! гидкий-бридкий, більшъ

здався на чорта, якъ на чоловіка; а гляне на кого, то неначе поломьямъ опалить!

Бебехъ. Такихъ-то жіночки наші й люблять:—щобъ однимъ поглядомъ ії спаливъ!

Хорунжий. А який сміліий, матері ёго ковінька! Чи чули, яку вінъ штукерію викинувъ въ Острі?... Розсердився за щось на військового писаря, та, у-день, витягъ ёго зъ-за пе́чи, и вже на третій день знайшли ёго въ лісі: висить на сучку, обідраний якъ заяча тушка. А въ Мглині — такъ ще лучче: просто, пріхавъ у двіръ до сотника и одшмагавъ ёго канчуками: »суди,« каже, »по-правді и хабарівъ не бери.«

Куць. Ёму до всёго діло е!.. Якъ ёго досі самого не почепи́ли на шибениці?

Хорунжий. Ёму самъ бісъ помага, — одъ ёго не втечешъ и не сховаесся!...

Сотникъ *(скоро)*. Брехня, тричі брехня! То́ все ви́гадки старихъ бабівъ!

Бебехъ. Жаль козака! Пішовъ би на войну, покаявся, то й Богъ би ёго помилувавъ и царица пожалувала; а то—пропаде ні за спасибі, бо якъ нахопитця на ёго Куць або сотникъ, то пропаде, якъ собака на ярмарку!... *(Сміетця)*.

Сотникъ. Тільки бъ міні ёго знайти, — а тамъ вже заливъ би я ёму за шкуру не одну кварту гарячого сала! Ловить вовкъ, та вже якъ и вовка піймають!..

Куць *(налива въ шклянки)*. Пани-товариші, объ ка-зна-чімъ забалакались, и досі не пожегнали здоровья пані Марусі. *(устає)* Здоровьячко нашоі крулевоі пані Марусі!

Всі. На здоровья!... Голови наші положимо за нашу крулеву, пані Марусю! *(пьють)*.

ВИХОДЪ 5-й.

Тіжъ и ХВЕДІРЪ.

Хведіръ *(захапавшись, подае листъ сотнику)*. Якийсь козакъ, неначе січовикъ, у строкатому кунтуші, на червоному коню... тее... на строкатому,— убігъ у двіръ, тиць мині у руки сю цидулку; »віддай«, каже, »сотникові«, та й счезъ!

Сотникъ *(розглядує письмо.)* Воскомъ запечатане, и якось чудно надписано: *До вась-пана Прохора. (Розвіртує и читає; далі, зъ-лякомъ, випуска письмо съ рукъ).* Пропавъ я, нещасливий, на-віки пропавъ, зъ худобою, зъ жінкою!.. *(Закриває лице руками и хниче.)*

Всі *(перелякавшись.)* Богъ зъ тобою, пане сотнику!.. що́ се за письмо?... відкіля воно?

Хорунжий *(підіймає письмо.)* Отъ побачимо. *(Голосно чита)*: »Вась-пане Прохоре! Довідались ми, що у вась-пана до чорта всякого добра: перегіннихъ горілокъ, смачнихъ наливокъ, запіканокъ и дубовая скринька, та ще й не порожня. И ще довідались, що у вась-пана, старої собаки, молода и дуже гарна жінка, — сидить у світлиці, якъ пташечка въ клітці. Проізжаючи черезъ тутешню околицю, заверну и до тебе въ гості зъ товариствомъ и, щобъ ти, старе опудало, подобався панії сотничисі, наряжу тебе въ червоную шапочку и чобітки, якихъ вась-панъ зроду не бачивъ, які й не снились тобі. Прихильний до тебе Тарасъ Гаркуша.«

Бебехъ. Собака!

Куць. Погано, Тетяно!

Сотничиха. Про яку се шапочку и чобітки пише Гаркуша?

Хорунжий. Здере шкуру зъ голови и зъ нігъ: отъ яка шапочка и чобітки.

Бебехъ. А ти вже злякалась, моя пані коханая, думала що справді, подобаетця тобі панъ сотникъ! *(Сміетця).*

Сотникъ *(плаче.)* Пропавъ я нещасливий, пропавъ! ратуйте, пани-товариші, не дайте загинуть сироті!...

Бебехъ. Чи не соромъ тобі, пане сотнику, хлипать, мовъ стара баба? Тільки-що храбрився, а теперечки й слинишъ. Чого ти злякався? Подивись, скільки у насъ народу, та якого ще! кожний самъ піде на ведмедя; та ще й, якъ нарошне, зібрались до купи, підемъ ёму навперейми, и не сёгодні, такъ завтра, приведемо Гаркушу до панії Марусі, якъ цуцика на ланцюжку!

Куць и Хорунжий. Такъ, такъ... приведемо Ирода... Знатно вигадавъ: заразъ видко бувалого козака!...

Сотникъ *(сміліше).* Якъ та́къ, то й та́къ! Тільки, пани-товариші, я́къ би намъ та́къ Гаркушу перепинить, щобъ не дуже до ёго зблизитись?...

Хорунжий *(налива въ чарки.)* Випьемо жъ, пани-товариші, щобъ наші дóма не журились!

Всі *(пьють.)* На погибель харцизу, прочварі!

Сотникъ. Куди жъ намъ, пани-товариші, простувать?

Бебехъ. На Густинський гай, по-біля ёго йде Мглинський шляхъ, а по дорозі наберемо щé козаківъ, и таке військо вистачимо, що й Кримського хана звоювали бъ!

Сотникъ *(наливае въ чарки)* Випьемо жъ, пани-товариші, та, помоливши Богу — и въ дорогу!.. тільки, будте ласкові, обороняйте мене; а якъ піймаемо, то я задамъ вамъ такий бенкетъ, що й небу буде жарко!

Всі. Голови наші положимъ за тебе, пане-сотнику!... Положись на насъ!... *(Пьють.)*

Сотникъ *(трошки пьяний, хоче обнять Сотничиху.)* Прощай, моя кралечко, прощай, серденько мое! *(Сотничиха одпихуе сотника и виходить изъ-за столу; всі встають.)*

Куць *(цілуе руку у сотничихи.)* Найпрекраснійшая крулево....

Бебехъ *(одводить Куця.)* Годі тобі умизгатьця, пора въ дорогу!

Сотникъ *(випивши чарку наливки.)* Въ дорогу, въ дорогу, пани товариші! Та й задамъ же я диявольському сину чосу! буде вінъ згадувать сотника Бутуза! шаблю, пистолі, мушкетъ! *(Пьяний хилитця.)* Мині тільки... до чого припаде... *(Хведіръ, Куць и Бебехъ одягають сотника; засовують ёму за поясъ пистолі, вішають мушкетъ; помоливши, причеплюють шаблю до правого боку. Хорунжий частуе сотника.)* Великий на світі чоловікъ сотникъ Бутузъ!... *(Обіймa Катерину, цілуе, и крітко тулить до серця; думае, що вона Сотничиха.)* Прощай, моя кралечко, прощай, мое серденько!.. Тьфу... *(Плюе и одпихуе).* Відьма Київська, відкіля вона взялася?! Гледи мині, доглядай панію, якъ ока свого! а коли тее... крий, Боже... то я тебе, чортову кочергу, живцемъ въ землю закопаю!... Чуешъ?...

Катерина *(низенько кланяючись.)* Чую, пане сотнику! *(Про себе:)* хочъ бй тебе мертвого скорішъ въ землю закопали!

Всі *(виходячи).* Прощайте, прощайте! *(Виходять; дівчата прибірають зъ столу).*

ВИХОДЪ 6-ий.

СОТНИЧИХА и ГАЛЯ.

Сотничиха (*боязко*). Поіхали!... Другимъ часомъ, виіздъ мого нелюба звеселивъ би мене, а тепереньки, сама незнаю відъ чого, мині такъ сумно!... Бідне мое серце токотить, якъ не выскочить зъ грудей... Що́ то воно міні віщуе?.. певно не радість: на мою долю досталось тільки горе та слёзи... (*плаче*).

Галя. Чогожъ ти боісся, мое серденько? хибажъ не бачила, скільки народу зібралося? я́къ-таки не оборонитьця відъ того Гаркуши?

Сотничиха (*боязко*). И сама незнаю, відъ чого, — здаетця, неначе яке лихо мене спіткае сёгодні!

Галя (*весело*). Не смуткуй, моя ластівко; щобъ розважить тебе, я тобі заспіваю (*співае*):

(Котилися вози зъ гори та въ долині стали,
Кохалися, любилися, та вже перестали (*bis*).

Кохалися-любилися, що мати не знала,
А тепе́ра розійшлися, якъ та чорна хмара (*bis*).

Ой у полі росте вишня — чому не черешня?
Кохалися, любилися — чому не бере́мся! (*bis*)

Котилися вози зъ гори, — поламались спиці:
А вже міні не ходити на ті вечерниці (*bis*).

Ой у полі нивка, — на ій материнка;
Тамъ дівчина жито жала — сама чорнобривка (*bis*).

Ишовъ козакъ дорогою: »помагай Бігъ, женче!«
Вона жъ ёму одказала: »здоровъ бувай, серце« (*bis*).

А вже жъ тая слава по всімъ світі стала,
Що дівчина козаченька серденькомъ назвала (*bis*).

ВИХОДЪ 7-ий.

Тіжъ и КАТЕРИНА (*вбіга злякана*).

Катерина (*захапавшись*). Охъ, мині лихо!.. Тільки-що панъ сотникъ сховався зъ військомъ за гору, дивлюсь, ажъ зза саду ідуть

два козаки—Січовики, чи що́? Той, що въ червоному жупані, на білому коню, такъ и простуе сюди у будинокъ; ёму кажуть: нема панівъ до́ма, а вінъ, неначе ёму позакладало, іде собі та й іде.... Пропала моя головонька!... Що́ зо мною буде, якъ панъ сотникъ довідаетця, що, безъ ёго, приїздивъ молодий козакъ?... Панъ сотникъ мене нещасливу зъ світа зжене!... (*За лаштунками чутно:*) Сотника нема дома, — не велено нікого пускати!

Катерина. Мій Боже милий!... Иде, иде!.. що́ міні на світі робить?... (*До Сотничихи.*) Сховайся, моя пані кохана, сховайся! (*Веде Сотничиху до ліжка и ховае підъ пологи*).

Сотничиха (*злякавшись*). Не пускайте, не пускайте! (*Сотничиха закриваетця пологомъ; Катерина и Галя біжять въ дівочу. Гаркуша переступае порiгъ*).

Катерина, Галя и дівчата. Нема сотника до́ма, — не велено нікóго пускать!

ВИХОДЪ 8-ий.

Тіжъ и ГАРКУША.

Гаркуша (*увійшовши и озираючись.*) Коли не велено, то й не пускайте!

Сотничиха (*виглянувши зза полога, и закриваючись*) Вінъ! той са́мий!

Гаркуша (*вследівши Сотничиху, підходить до неї*). Не прогнівайся, моя пані кохана, що я, непрошений, увійшовъ у твою світличку. Міні сказали, що нікого нема дома; колибъ знавъ, що ти одна, то не осмілився бъ тебе сполохать. (*Цілуе руку у Сотничихи*). Не покладай на мене твого гніву, пані кохана! (*Про-себе:*) Та й ласий же кусъ!

Сотничиха (*випручуе руку*). Чого тобі треба, козаче?... Сотника немае дома...

Гаркуша. И безъ ёго обійдемось. У мене е невеличке діло; хотівъ бувъ цидулочку до сотника написать, такъ теперечки вже не треба: я тобі роскажу, моя пані кохана, — а ти ёго за мене попросишъ, то воно ще й краще зробитця. Тільки вже не сердься на ме́не, моя горличко! (*Цілуе ії руку*).

Сотничиха (*смілішъ*) Я не се́ржусь, козаче... яке жъ тамъ у тебе діло до сотника? (*До Катерини и Галі:*) Идіть собі.

ВИХОДЪ 9-ий.

ГАРКУША и СОТНИЧИХА.

Гаркуша (*підводить Сотничиху до столу и сідають рядомъ*). Ось-яке. Оттакъ, якъ бачишъ, зъ самісінького малку, я — круглий сирота на світі, — одинъ, якъ билина въ полі... Я бувъ тоді по сёмому року, якъ, одного разу, приіхавъ до мого опікуна запорожець; якось я ёму подобався, отъ вінъ мене и взявъ изъ собою у Січъ. Опікунъ мій згодився, — бачишъ, легшъ було тоді загарбать сирітську худобу!...

Сотничиха (*чуло*). И Бога не побоявся!

Гаркуша. Одначе Богъ заступився за сироту; Січовикъ ставъ міні за рідного батька, запорозька Січъ за рідну матіръ, а товариші були мині рідними братами. Я вирісъ на коні, въ походахъ; загартувався на війні зъ Татарами, Турками, Нагайцями и не нарікаю на свою долю. Провештавшись двадцять два годи зъ Січовиками, схотілось міні навідатьця у рідний край, — глянуть на свій хутірець и поклонитьця батьківській и матчиній могильці. Приізжаю—и щóжъ? сутяжники загарбали всю мою худобу и не зоставили міні ні кришки, ні покришки.

Сотничиха. Де жъ ти теперечки живешъ, козаче?

Гаркуша (*смутно*). Дé трапиця: въ лісу, въ полі, по-підътинню...

Сотничиха (*жалібно*). Лишко тяжке!

Гаркуша. Поки на Вкраіні лицарствували, то хочъ дéколи одъ Ляхівъ та Татаръ и приходилось намъ не-до-чмиги, такъ ще великого лиха не було: заберуть, щó знайдуть, та й тільки; а теперечки, якъ покинули шаблю й мушкетъ, та взялись за ті пірья, — такъ щó й гармáти! заберуть все до нитки — и хату, и гай, и поле, та й пустять обідраного сироту!

Сотничиха. Якъ земля носить такихъ дряпіжнихъ людей! Не журись, козаче: я попрошу сотника, — вінъ за тебе заступитця!..

Гаркуша (*цілуе руку въ Сотничихи*). Спасибі тобі, моя горличко!

Сотничиха. Чи не хочешъ пополуднувать?

Гаркуша (*палко*). Цілісінький день не івъ, и істи хотілось,

та якъ тебе, моя крале, побачивъ, то й про хлібъ святий забувъ. Чимало-таки повештався я по світу на своему віку: бувъ за Кавказомъ, въ Турещині, въ Польщі, а такихъ гарнихъ молодиць не доводилось бачить, якъ ти, моя горличко, — та, певно, хочъ увесь світъ вйходи, то не побачишъ!..

Сотничиха (*соромливо*). Не смійся, козаче; щобъ ти знавъ — и я сирота, якъ и ти, и моя доля така жъ нещаслива!...

Гаркуша (*живо*). Нещаслива! Хтожъ загубивъ твою долю?

Сотничиха *(жалібно)*. Рідна матуся приневолила мене одружитись зъ старимъ, осоружнимъ сотникомъ, бо вінъ дуже багатий....

Гаркуша. Злая жъ твоя доля, моя горличко! Не ворковатимешъ ти съ сизимъ голубомъ, не обійме тебе рука милого; на білій твоій шийці повйснуть, якъ холодна гадюка, золоті ланцюги. Ти въ самоцвітахъ, въ жемчузі, въ грезеті, въ оксамиті, а душа твоя пошарпана и въ бідному твоему серці, якъ въ пусті, облуплені стіни и купа цегли, закуреної димомъ!

Сотничиха (*плаче*). Правда твоя, козаче; ти кажешъ, неначе бачивъ пошарпану мою душу и бідне мое серце.

Гаркуша (*оглядуетця и, побачивши бандуру*). Однакъ, моя горличко, ви таки не дуже сумуете зъ сотникомъ, — у васъ и бандура е. (*Здйма бандуру*). Щобъ хочъ трошки розбить твою тугу, заспіваю тобі пісню (*настроює бандуру, виграва, а далі співае*).

»Чи я въ тебе, мати, не твоя дитина,
Коли моя мука тобі теперъ мила?
Охъ, мати, мати, ти жалю не маешъ:
Хто прийшовъ по серденьку, забуть заставляешъ.«
— Спитай же ти, доню: котру теперъ любить?
Що вінъ тебе́ молодую за любовъ осудить!
»А въ горо́ді частоколи, два кущики піжма;
А хто любить та покине, той не діжде тижня.
А въ горо́ді частоколи, два кущики рути;
А хто любить та покине, не діжде минути.
А въ горо́ді чистоколи, два кущика мьяти;
А хто любить та покине, не перейде хати.
А въ горо́ді чистоколи, два кущики дроку;
А хто любить та покине, той не діжде року.
Ой не ходи коло води, не тужи за мною:
Ти не будешъ мині мужемъ, я тобі жоною.

Ой не ходи коло води, буде хвиля бити,
Щобъ съ тобою не стояти и не говорити.
— Якъ я любивъ по-прежнёму, не буду цуратьця,
Не попущу тебе, мила, иншому достатьця.«

(Розжалоблена сотничиха плаче, Катерина и Галя виглядують зъ дівочої и журливо слухають).

Сотничиха (*зітхнувши*). Охъ, козаче! якъ-же ти гарно и жалібно співаешъ: душа рветця, серце кровью обливаетця, а все бъ слухала тебе, до смерти бъ слухала...

Гаркуша. Ти плачешъ, моя горличко? оглянулась на свою неволю, на свое лихо?... Не журися жъ, не сипъ зъ ясныхъ очей жемчугу: ти починаешъ тільки жити и не вгадаешъ, що́ й завтра буде! (*Цілуе Сотничиху, а вона ёго легенько одпихуе*).

Сотничиха (*жалібно*). На мою долю достались одні муки; я бажаю смерти, смерти!...

Гаркуша (*палко дивитця на Сотничиху*). А якъ знайдетця таке серце, що тільки для тебе буде битьця въ грудяхъ, такі очі, въ котрихъ побачишъ свое щастя?...

Сотничиха (*перехоплюе*). Перестань, козаче: мині и весело и страшно тебе слухать... Не дивись на мене такъ пильно, твої очі мене спалять (*закриває лице руками*).

Гаркуша. Якъ бачу, то я ще гіршъ розвередивъ твою болячку, моя горличко? Заспіваю ще швидкої, чи не розвеселю тебе сіею! (*Устае й співае*):

Ой на дворі метелиця.
Чому старий не женитця?..

(*Гаркуша виправляетця, брязька підківками, далі підступае до Сотничихи, бере за руку и танцюе. Сотничиха встае, дивитця, усміхаетця, стука ко́рками, и тежъ пускаетця у танець, — спершу тихенько, а тамъ — смілішъ.*)

ВИХОДЪ 10-ий.

Тіжъ, КАТЕРИНА, ГАЛЯ, дівчата и дворові хлопці. (*Въ дівочій, дівчата и хлопці танцюють и регочутця*).

Галя (*гледючи на Гаркушу и Сотничиху*). Отъ пара, такъ пара! не сотникові рівня!

Дівчата *(сміютця)*. Спарувать би сотника съ тіткою Катериною; нехай би собі удвохъ танцювали!

Хлопці. Та й важно жъ садить тропака! Певно, у ёго въ чоботяхъ чорти сидять! *(Гаркуша зъ Сотничихою обіймаютця, крутятця)*.

Катерина *(хоче здержать Сотничиху)*. Годі, годі, кажу вамъ!.. Зовсімъ сказились! пропала тепереньки моя головонька: сотникъ съ світа зжене! *(Ловить Сотничиху,—Сотничиха увіртуетця, Гаркуша загорожуе Сотничиху, пхае Катерину, вона пада, схоплюетця и знов хоче розвести.)* Ратуйте! хто въ Бога віруе — ратуйте!.. *(Утомивтись, Сотничиха пада на дзиликъ и закрива лице руками. Гаркуша сіда біля неі; хлопці и дівчата регочутця)*.

Катерина *(сердито)*. Оттеперечки пропали—такъ пропали! всі загинемо! и самъ панъ сотникъ, якъ почуе, що тутъ безъ ёго діялось, то лусне зъ досади! Глянь, якъ ii разносило! На чоловіка и глянуть не хоче, а до запорозця горнетця, — мокримъ рядномъ прилипа... *(Підходить до дівчатъ и хлопцівъ)*. А ви що тутъ робите, яропуджі діти? Чи такъ ви слухаете пана сотника?.. Чимъ-би витурить вамъ геть якъ чортамъ дявольську мацапуру,—а вони ще похваляють, регочутця, танцюють?.. Отъ я васъ! *(Підходить близче, — хлопці и дівчата тікають)*. Глянь, який гармидеръ підняли! усе поперекидали... Се, мабуть, не запорожець, а самъ чортъ зъ рогами! *(Виходить; Галя за нею)*.

ВИХОДЪ 11-ий.

СОТНИЧИХА и ГАРКУША.

Сотничиха *(сміетця)*. Що се зо мною сталося? якъ несамовита!.. Такъ міні весело стало, такъ легенько, неначе на крилахъ мене носило!

Гаркуша *(обнімае Сотничиху)*. Отъ бачишъ, моя горличко! а ти вже налагодилась вмірать!.. Куди жъ поіхавъ твій сотникъ?

Сотничиха. Гаркушу ловить.

Гаркуша Помогай ёму Богъ!.. Добре бъ зробивъ, якъ-би піймавъ дявольського харциза. Чуприна до-гори підіймаетця, якъ послухаешъ, що про ёго люде росказують; кажуть, що вінъ зъ

живихъ людей шкуру здирае, маненькихъ дітокъ на сковороді жарить, наче той шашликъ...

Сотничиха (*затика уши*). Охъ, не розказуй, козаче: страшно й слухать!

Гаркуша. А тобі доводилось, моя горличко, бачить Гаркушу?

Сотничиха. Богъ милувавъ. Мині здаетця, якъ-бй я ёго побачила, то одъ страху вмерла бъ.

Гаркуша. Боронь тебе, Боже! А вже тобі не минуть ёго рукъ...

Сотничиха (*злякавшись*). Щó се ти, козаче, вигадуешъ?

Гаркуша. Гаркуша—хитрий зъ-біса, прудкий якъ куля; а до гарнихъ молодиць ласий якъ ведмідь до меду. Багацько у ёго и срібла й золота, и драгоцінного каміння, а такоі жемчужини, якъ ти, моя горличко, певно немае.

Сотничиха (*пуливо*). Не лякай мене, козаче: мині й такъ страшно!

Гаркуша. Чого тобі боятись, моя горличко? Твій сотникъ такий завзятий козарлюга,— та й військо въ ёго таке велике, що, певно, вже теперечки й піймали Гаркушу. (*Встае и беретця за шапку*). Прощай же, моя пані кохана! спасибі тобі за твою ласку, — не поминай лихомъ...

Сотничиха (*скоро*). Куди жъ се ти, козаче? глянь: нічъ на дворі!

Гаркуша. Для мене все одно — щó день, щó нічъ.

Сотничиха. А Гаркуша?

Гаркуша (*сміетця*). Мині не страшний Гаркуша. Я не сотникъ: у мене нема ні скарбівъ, ні гарноі жінки.

Сотничиха (*жалібно*). Хто жъ мене оборонить одъ Гаркуши? Хиба тобі, козаче, мене не жаль?.. Останься... Хто жъ виіздить на-нічъ?.. Я тебе не пущу. (*Бере за руку Гаркушу*).

Гаркуша. Якъ такъ, то мушу остатця; бо, по нашому лицарському закону, ми повинні слабого боронить! (*Кладе шапку*). Теперечки треба, про всякий случай, бути на готові: сидячого татари беруть. (*Вилядуе въ вікно*). Обухъ!

ВИХОДЪ 12-ий.

Тіжъ и ОБУХЪ.

Обухъ. Пане-отамане...

Гаркуша. Гледи, коней не розсідлувать. О-півночі треба сподіватись Гаркуши!

Обухъ (*усміхаетця*). Кому жъ про се й знать, якъ не тобі, пане-отамане.

Гаркуша. На-случа́й набіжить, ви́палишъ зъ пистоля, и поспішай зъ кіньми икъ сёму вікну. (*Показуе на вікно*).

Обухъ. Буде, якъ звелівъ, пане отамане. (*Виходить*).

ВИХОДЪ 13-ий.

СОТНИЧИХА и ГАРКУША.

Сотничиха (*ласкаво*). Теперечки повечеряемо: ти, за цілісенький день, нічого не івъ. (*Підходить до дверей*). Давайте вечерять!

Гаркуша. Я бъ и одъ хліба одцурався, тільки бъ мині, оттакъ, жити зъ тобою укупі, моя горличко! (*Ставляють на стіл вечерю; Гаркуша й Сотничиха сідають*).

Сотничиха (*частуе Гаркушу*) Випий же на здоровьячко, мій лицарю, моя оборono!

Гаркуша (*пье*). Бувай здорова! (*Частуе Сотничиху; вона доторкуетця устами и ставить чарку на стіл*.) Теперечки нічого не бійся, моя горличко: я тебе и одъ самісінького чорта оборoню!

Сотничиха. Зъ тобою я нічого на світі не боюсь... Сёгодні я така щаслива!

Гаркуша. И я тежъ, моя горличко.. Якъ-би́ та́къ що-дня, до смерти?..

Сотничиха (*важко зітхнувши*). Не моя се доля!..

Гаркуша (*наливае дві чарки*). Бажаю тобі, моя горличко, одъ щирого серця, щобъ твій вікъ такий же бувъ щасливий, якъ твоя гарная врода, и щобъ все те сталось, чого ти бажаешъ!... Випьемо жъ по повній, то, може, воно такъ и буде?

Сотничиха (*весело*). И надія вже щастя! (*Гаркуша цілуе Сотничиху и пьють обое*).

Гаркуша (*встае*). На-добра-нічъ, моя горличко! Спочивай, а завтра у ранці роскажешъ, що тобі снилось. (*Цілуе сотничиху въ лобъ*).

Сотничиха (*схиливши голову до грудей Гаркуши*). Прощай, козаче! Спасибі тобі... (*Гаркуша иде на половину сотника; Сотничиха провожа ёго очами; Галя виходить изъ дівочої.*)

ВИХОДЪ 14-ий.

СОТНИЧИХА и ГАЛЯ.

Сотничиха (*жалібно.*) Отъ и нічъ.... Якъ на крилахъ перелетіли ті часи, неначе все те щастя міні тільки снилось!.. Бідне мое серце, що́ воно міні віщуе? Я бажала смерти, а теперички схотілось ще жить, хочъ те життя лякае мене гіршъ смерти. Мертвимъ—вічний спокій, а живимъ — нетерпуча мука: розлука зъ милимъ!..

Галя. Що́ се ти росказуешъ, мое серденько? Така була весела, а теперечки зновъ зажурилась?

Сотничиха (*схаменувшись*). Ти тутъ, Галю? Здаетця, я нічого не росказувала... (*Прикладуе руку до серця:*) Серце росказувало!..

Галя (*пильно дивлячись на Сотничиху*). Що́ се зъ тобою дiетця, мое серденько? Ти неначе увъ огні горишъ?..

Сотничиха (*ламае руки*). Галю, рибко моя! (*обійма Галю*) ратуй мене, ратуй! утечемо відсіля!

Галя (*пугливо*). Куди жъ намъ тікать, мое серденько?

Сотничиха. И сама не знаю!.. Якъ-би можна, то я сама бъ одъ себе бігла. Та втежъ, хочъ-би на край світа зайшла, а все відъ ёго не втічу, все вінъ буде зо мною,—оттутъ! (*прикладуе руку до серця*).

Галя. Теперечки вже я й сама бачу, мое серденько, що се одъ очей! (*Тимъ-часомъ, розмовляючи, Галя здійма зъ Сотничихи убрання и дае ій білу кофту. Сотничиха ляга на ліжко*).

Галя (*запинаючи пологъ*) На-добра-нічъ, мое серденько! (*Галя запалюе ночникъ, виходить и зачиняе за собою двері. Музики граютъ тиху. Гаркуша тихенько уходить въ спальню, прислухаетця, замикае на защіпку двері въ дівочу и підходить до вікна, махае хусткою и іде на половину Сотника. Черезъ минутку чутно вистрелъ зъ пистоля. Сотничиха прокинулась и розвела пологъ; чутно другій вистрілъ,—сотничиха зскакуе зъ ліжка. Чутно за лаштунками:* »Гаркуша, Гаркуша! *Въ дівочій тежъ голосятъ:* »Гаркуша, Гаркуша! ратуйте, хто въ Бога віруе!«)

ВИХОДЪ 15-ий.

СОТНИЧИХА и ГАРКУША.

Гаркуша (*вбіга въ спальню*) Гаркуша, Гаркуша!..

Сотничиха (*якъ несамовита, біга; далі тулитця до Гаркуши*). Ратуй мене, козаче, ратуй!

Гаркуша (*бере на оберемокъ Сотничиху и несе до вікна*). Обухъ!

Обухъ (*за лаштунками*). Пане-отамане!. (*Гаркуша висажує у вікно безпамьятну Сотничиху и самъ счеза. Двері зъ дівочої тріщять, розломуютця и розчиняютця; убіга Галя, за нею дівчата.*)

ВИХОДЪ 16-ий.

ГАЛЯ и ДІВЧАТА.

Галя (*підбігаючи до вікна*). Поіхали, помчались якъ стрілка изъ лу́ка! (*Ламае собі руки. Завіса спадае.*)

Олекса Стороженко.

ЗАСПІВЪ (¹).

Кобзо, моя непорочна утіхо!
Чомъ ти мовчишъ? Задзвони міні стиха,
Голосомъ предківъ святихъ задзвони,
Давні пригоди міні спомяни.
Може, чие неспанілее серце
Тяжко забьетця, до серця озветця,
Якъ на бандурі струна до струни.
Хто не зуміе озватись річами,
Хай обізветця дрібни́ми слізами:
Ти жъ свої речі дзвони-промовляй,
Душамъ братерськимъ заснуть не давай.
Хай недовірки твої каменіють,
Хай вороги твої съ жа́лю німіють, —
Ти рідну се́мью до-купи ззивай.
Гей, хто на горе, на лати багатий!
Сходтеся мовчки до вбогої хати,
Мовчки сідайте въ мене по лавка́хъ,
Мовчки сумуйте по вбогихъ братахъ.
Темно на-дво́рі, зоря не зоріе,
Вітеръ холодний одъ півночи віе,
Квилять вовки по степахъ-облогахъ.
Кобзо! ти наша утіха едина...
Поки прокинетця сонна Вкраіна,
Поки дождетця своеі весни,

(¹) П. А. Кулішъ згоди́вся, щобъ ми перепечатали оці стихи́ зъ *Черни́говського Листка́*-Поспішаемо зазнаёмить чита́телей *Осно́ви* зъ га́рними ду́мами щи́рого Украіница, и дя́куемо високоповажному сочини́телеві. *Ред.*

Ти намъ по хатахъ убогихъ дзвони.
Стиха дзвони, нехай братнее серце
Важко забьетця, до серця озветця,
Якъ на бандурі струна до струни.

Кулішъ.

ПАРУБОЧИЙ ЖАЛЬ.

Въ-осени́, памьята́ю, було́,
Якъ прийшли́ вони́ въ на́ше се́ло,
Якъ дивитись на їхъ всі сипну́ли,
Тільки вгле́діли, що за горбо́мъ
Підняла́ся ку́рява стовпо́мъ
И моско́вськиі пісьні почу́ли.

Мо́же, й га́рно співають вони,
Мо́же й га́рні на по́глядъ самі —
Та вже лу́чче бъ було́ іхъ не зна́ти,
И не чу́ть и не ба́чить у насъ на селі...
Було бъ се́рцю мойму́ веселій —
Не прийшло́сь би зъ нудьго́ю блука́ти...

Вони́ до́лю въ мене одняли́,
Мою́ ра́дість на ли́хо звели́,
Надъ кохáннемъ моімъ насміялись!
Що мину́ло — тому́ вже не бу́ть...
Вже давно́ ій пісьні не чу́ть...
Не кохáтись, якъ спе́ршу кохáлись!

За зимо́ю и дру́га мине́,
А не сяде вона́ повзъ мене́
И любо́вно у вічі не гляне,
Про кохáння не ста́не пита́ть:
Бу́де въ на́криткахъ вікъ доживáть
И — якъ зло́мана квітка — завьяне!..

Насміявся лихи́й чоловіка̀ъ!
Загуби́въ ії сла́ву на-вікъ
И дівочую я́сную вро́ду....
Що коли́бъ-то де́ се́рце подіть...
Не схотівъ би на не́і гледіть
А ні зга́дувать въ ду́мці изро́ду!

Вже забу́въ би давно́ й москалі́въ,
Якъ були́ вони́ въ насъ на селі́
И що́ ско́ілось въ ту́ю годи́ну....
Та ні!.. Ма́буть, того́ не забу́ть! ..
Ха́й же да́лій вони́ собі йду́ть
Й не верта́ютця въ на́шу краіну!

Хрущъ.

---

* *
*

Блаки́тнее не́бо все зірка́ми ся́е, —
Люблю́ я туди́ поглядать, —
Та по́глядъ мій су́мно по не́бу блука́е,
Бо щось тамъ мое́і не знать.

Міжъ зіръ золоти́хъ десь на я́снімъ просто́рі
Вона́ заблуди́лася тамъ,
Якъ ту́тъ, на землі, безъ пуття́ и безъ до́лі,
Давно́ заблуди́вся я самъ...

Хрущъ.

ДУМКА.

Шумлять ло́зи при доро́зі,
Забіліло въ полі;
Метіль мете; буйний вітеръ
Розходивсь на волі;
Гуля собі, — нема ёму
На світі зупи́ну,
Гуля собі черезъ гори
Та черезъ долини.
Колибъ міні, вітре буйний,
На часъ твої крила.
Тоді бъ мене людьска воля
Нічимъ не спинила, —
Тільки бъ вечера діждався,
Заховалось сонце, —
Полинувъ-би до милої —
До ії віконьця;
Черезъ садокъ перекинувсь
Зъ широкого поля
Та й нахиливъ край-віконця
Високу тополю...
Кликнувъ милу потихеньку....
Чуе — хтожъ-то кличе?
Та й подума: »чудний вітеръ,
Чудні ёго річі.«
Я бъ усе, що е́ на серці,
Росказавъ дівчині,
Росказавъ–би, якъ у світі
Тяжко сиротині,
Якъ безъ неї душа болить,
Мовъ слізами плаче,
Якъ за нею вбиваетця
Серденько козаче.
Можебъ вітру послухала

Моя чорноброва,
Може бъ вітрові сказала
Хочъ ласкаве слово...

Невідомий.

ОСІНЬ.

Уже о́сінь кра́сить ли́стя,
Топо́ля жовтіе,
Ве́рби, ло́зи обпада́ють,
Бе́рестъ червоніе;
Скрізь, де гля́нешъ, пу́сто въ по́лі,
Де́-де коза́къ о́ре,
И вже пти́ця въ край тепліший
Одліта́ за мо́ре;
Вже не гріе со́нце я́сне,
Мовъ-би одцура́лось,
Не́бо на́че насу́пилось —
У тума́нъ убра́лось...
Ску́шно, пра́вда, — та е ду́мка,
Що весно́ю зно́ву
Листъ зеле́ний заквіча́е
Байра́къ и дібро́ву;
Все оживе́, що́ повья́не,
Все помолодіе,
Весе́ліше й со́нце гля́не
И зе́млю пригріе;
Бу́ду зно́ву, безталанний,
Весно́ю втішатись...
Тільки весні життя мого
Уже не вертатись!..
Не вернутця вже до мене
Літа молодіі...
Що день божий, що часъ божий
И мій листъ жовтіе.
Здавить горемъ мое серце, —
Я кажу: »минетця!«

Ажъ и чую, Боже милий,
Якъ доля сміетця: —
— Ні, козаче, — вона каже,
То спрежду бувало:
Поки цвівъ ти, якъ калина,
То й лихо минало. —

Невідомий.

ПОЖЕЖА.

Не за моеі памяти, прийшовъ у наше село батько сёго Пітушенка, що церкву збудовавъ: кацанъ такий здоровий, чорнявий, вже не молодий. — Пітуховимъ звали; — черезъ те й синъ Пітушенко. Де той Пітуховъ до того часу тягався, нихто не знавъ; а казали люде, що живъ вінъ у тій пущі, що підъ Київомъ, у якомусь *красному трахтирі* и що чимало душъ занапастивъ. Якъ прийшовъ вінъ у село, заразъ и сівъ у паньскому шинку; туди, далі, оженився, узявъ удову-козачку и самъ у обчество приписавсь. Тогді тілько й дознались люде, яка у ёго сила грошей була; заразъ почавъ у землю вкидатись. Понаскуповувавъ землі більшъ ніжъ день на сто; мо'бъ-ще й більшъ придбавъ, колибъ не вмеръ.

Після ёго тілько й зосталось семьі, що удова, та синъ, — оцей самий Пітушенко Семенъ. Вінъ мені неначе товаришъ: знаю ёго изъ самого малку; такий швидкий хлопець бувъ, що й не доведи Господи; чи боротись, чи у булки грати, се вже ёго діло. Парубковавъ вінъ не довго; мати заразъ и оженила, бо не було кому господарювати. Узявъ вінъ Горпину Поставцівну. Що за славна молодиця була; якъ згадаю, ії такъ неначе бачу, бо й я думавъ ії сватати, та якось забарився, а сей Семенъ и перебивъ.

Не нахвалитця Семенъ жінкою, Горпина чоловікомъ, а стара Пітушиха обома. Однимъ тілько журятця: годъ пять якъ побрались, а Богъ дітокъ не посилае; вже й на прощу ходили и до знахарівъ кидались — не пособляе.

Отъ, якось почали люде балакати, що Горпина товста; ми не ймемо віри; сказано: инколи одна баба збреше, а десять рознесуть; ажъ захо-

дить до мене Семенъ, за якимъ-сь діломъ, такъ и той не втерпівъ — похвалившись.

Се вже після Покрови було увъ-осени я саме тілько-що зъ лісу приіхавъ, а жінка й каже: »приходивъ челядникъ Пітушенківъ, на хрестини кличуть, та вже й подавно кликали; я, каже, тебе дожидала«.

Убрались ми, узяли хлібъ и пішли. Підходимо до хати, ажъ тамъ неначе бжоли гудуть; скілько зазнаю, на хрестинахъ никóли такого галасу не бувало. Ми у хату, поздоровили; не вспівъ я ще й сісти, а тутъ Семенъ заразъ изъ чаркою, а самъ вже підпьяний на радощахъ, що дитини діждавъ; а гості ще пьянійши: хто співае, хто таке верзе, що й ладу не добересся. Погуляли;—вже бъ слідъ йти намітку замочувати, а Семенъ просить, щобъ ще по чарці, та по другій, випили, та все жінку хвалить. »Ось«, каже, »Гарпина: потішила таки мою душу. Спасибі тобі, моя голубко;« та все ій частуе: »випій, жінко, чарочку, полехшае, заразъ по животу пійде, усяке лихо минетця. Коли мене любишь, то випій«. Тій бідній не до горілки,—стогне, да не хоче чоловіка сердити; чарокъ, може, изъ пять при мені випила, а вінъ, кажуть, ій ще й до мене частувавъ.

Випивъ и я тогді зъ-дебела, ледве жінка додому дотягла. У-ранці уставъ, такъ и голови не зведу; пораюсь на дворі, гній викидавъ зъ кошари, та ворота поладнавъ, а жінка до Семена на зливки пішла. Се вже законъ такий. Ажъ и по мене челядникъ біжить: »Идіть, дядьку, хазяинъ кличе«. Чоловікамъ не гараздъ и слідъ на тіи зливки ходить. »Ні«, кажу хлопцеві, »не піду;« такъ де вже відкараскатись: зновъ Семенъ шле: щобъ бувъ, та й годі. Прихожу, ажъ тамъ таке-жъ тирло, якъ и вчора; нема й одної людини тверезої, и жінка моя *коваля* (1) співае; а Семенъ тілько ходить, да частуе, и Горпини не минае; тая вже проситця й молитця, бо цілу нічъ, кажуть, нездужала, а вінъ усе одно: »випій, полехшае; хиба-жъ ти не рада, що у насъ Левко е«.

Прийшовъ я до-дому, звісно вже не тверезий, упавъ на припечокъ и заснувъ; прокинусь, вже нічъ; ажъ тутъ у віконце стукають, жінка одчинила: иде у хату Семенова челядка. »Що таке?« »Хазяйка,« каже, »вмерла,—такъ по вашу бабу прислали.

---

(1) Пісня, що разъ-у-разъ співаютъ пьяні на хрестинахъ. Надрюковати ії не можна.

Я на похороні не бувъ, у лісъ іздивъ; тоді саме комору перероблювавъ, а бабуся моя тамечки у Семена ажъ три дні сиділа, такъ се вона розсказувала. »Зразу,« каже, »Семенъ усе плакавъ, одначе ще не такъ журився, хоча до людей озивався; а вже, якъ почавъ його панъ-отець корити: »ти,« каже, »пьяниця, ти душу занапастивъ; черезъ тебе жінка на той світъ пішла; ти ії опоівъ горілкою, душегубець ти! багато треба прохати Бога, щобъ вінъ тебе помилувавъ,« та й наложивъ на його, панъ-отець покуту, щобъ чотирі обідні на вколяшкахъ вистоявъ, ходивъ на усяке служенне у церкву, чи на йутреню, чи на часи, чи на вечерню, и до року щобъ не женився«.

А Семенъ, — каже моя баба — мовчить, ни слова панъ-отцеві, у землю дивитця, та вже й не плаче, тілько важко зітхае. Съ того часу, якъ умовкъ, то й люде розходились, вінъ не попрощався.

У неділю бувъ я у церкві; стоіть Семенъ цілу обідню на вколяшкахъ, а стари жонки, що у вутрені були, кажуть, що й утреню цілу вистоявъ.

Тижнівъ черезъ шість пішовъ я у церкву: стоіть Семенъ на вколяшкахъ; вже й покуту, що панъ-отець наложивъ, отбувъ, такъ самъ на себе наложивъ, щобъ до року, що службу, на вколяшкахъ вистояти.

Хазяйство чисто занехавъ, мо-бъ и звівся, колибъ не стара його мати; тая усімъ орудовала.

Продасть що-небудь мати, а Семенъ заеви гроши забере на церкву, або дзвінъ справить, або плащаницю, або корогву. Самъ разъ-у-разъ у церкві; жадноі служби, у великий пістъ, не пропустивъ. Якъ годъ минувъ, панъ-отець и каже Семенові: »Добре, сину, ти покутовавъ; оженись теперь, та господарюй. Одмоливъ ти свій невільний гріхъ!« »Ні, панъ-отче,—каже Семенъ: — колибъ я сто годъ його одмолювавъ, то тоді бъ хиба Богъ мене, душегубця, помилувавъ. Загубивъ я першу милу, загубивъ свою вірну дружину, не знайти мені такоі,—не оженюсь до-віку«.

Господарюе стара мати, а Семенъ усе у церкві; научивсь читати, на крилосі читавъ, співае було изъ дякомъ; а тутъ ще громада його титаремъ наставила, такъ вінъ мало-що й до-дому навертався: або у церкві, або у панъ-отця святи-книги читае. Горілки и не коштуе, по бесідахъ не ходить, хиба инколи до старихъ людей зайде побалакати, а тиі його поважають и слухають, якъ вінъ про мучениківъ та святихъ росказуе. И за порадою до його ходили, чи тамъ дочку отдати, чи парубка одружити. Сказано: Божа душа—святий чоловікъ; щобъ вінъ кого

вилаявъ, або изъ кимъ посварившись, сёго й зъ-роду не було. Коли стара Пітушиха челядку попобье, або челядника вичубуе, то вінъ матці, звісно, ничого не сміе сказати, а нишкомъ пійде та перепросить, щобъ не сердились, та ще й подаруе що-небудь.

Такъ отъ-який той Семенъ бувъ.

Титарствуе Семенъ, та Бога молить, щобъ ёго помилувавъ; стара Пітушиха господарюе, а тимъ-часомъ Левко росте та росте.

Така чорноброва, гарна дитина була, сей Левко; тілько який-сь неначе чудний: грае було изъ хлопцями, а прийде до дому, сяде, та й думае. Се, мабуть, черезъ бабу: тая, що-вечіръ, було, ёму казки каже, про мертців, про відёмъ, або яку давнину, якъ гетьмани воювались, якъ татарва находила, села руйновала, могили насипала: надана на усі забобони баба була; а Левко усе вислухае, та хлопцямъ на гулянкахъ и переказуе. Ось, каже, яки ваши діди були.

Де вже хлопці гуляютця, вінъ завсігда за старшого: безъ того и гуляти изъ іми не стане. Пійде геть, а вони заразъ завернуть, бо безъ ёго імъ нудно: вінъ усімъ приводъ дае.

Чудний таки Левко бувъ; одно слово: чудний. Разъ, якось мій хлопець погубивъ воли. Пішовъ я самъ шукати, а вже сонце низенько, саме вечоріе, тепло, та гарно. Иду, ажъ бачу: на кручі, по-надъ річкою хтось сидить—на річку дивитця. А въ насъ одинъ берегъ річки високий, ще й лісокъ порісъ, а другий луговий, а за лугомъ степъ, и краю не видно ёму. Підхожу, ажъ то Левко. (а вінъ тоді вже підпаробочимъ бувъ) »Левко,—питаю,—чого се ти тутъ?»Вінъ и не учувъ, якъ я й підходивъ, якъ и озвавсь. Я и у-друге питаю: »Чого се ти тутъ сидишъ?« Вінъ якъ подивитця на мене, я ажъ злякавсь,—такъ грізно, неначе розбійникъ. »Тебе,—каже—дядьку, не займають, такъ тобі яке до мене діло? не на твоій ниві сижу; а хочабъ и на твоій, то зъ сёго шкоди нема«.

Колибъ не такий случай, що волівъ шукавъ, то я бъ не втерпівъ, попобивъ би Левка, бо не слідъ ёму такъ старому чоловікові відказувати, та думка така, мо'бачивъ волівъ, — а якъ попобью, то й не скаже.

— »Чи не бачивъ моіхъ волівъ« —питаю.

— »Онде,— каже Левко,—»въ очереті.« Показавъ мені пучкою, а самъ знявся, та й пішовъ; тихесенько йде, та все на річку позирае; а річка наша зъ берегівъ очеретами, та осокою позаростала, а по-середині

вода чиста, синя, тихо-тихо ллетця. Про сёго Левка, сосіди кажуть було, що сяде опівночи у саду, та соловья до самусенького світу слухае; або якъ поіде на ночліги, то замістъ того, щобъ коней пасти, цілу нічь по степу, та по лісу, виіздить. Дивуютця люде на таку чудасію. »Се,— кажуть,—зъ роскоши, самому робити не хочетця: челядники та люде перероблять,—черезъ те и по-надъ кручами тягаетця, и на коняхъ ганяе, и соловья слухае,—балуетця;« такъ и то не річъ, бо гріхъ ёго и ледачимъ назвати. Якъ піднявсь на ноги, такъ бабі велику помічъ дававъ, челядникамъ приводъ дасть, усе розскаже, и самъ поможе у всякому ділі. Та що й за гарний парубокъ бувъ! високий, чорнавий, а на лиці білий, наче дівчина. Сказано: усімъ Бігъ ёго наділивъ, и багатий вінъ и вродливий, и розумний; а сильнійшого надъ ёго чоловіка на всёму селі не було, — дарма, що ще літъ не дійшовъ.

Одно въ ёму не гарно було: що никого вінъ не послухае, що усякимъ чоловікомъ гордуе, що було хоче, щобъ усе по ёго було. И батька и бабу не гараздъ поважавъ.

У нашому селі е хазяинівъ изъ пять—чумаківъ. Розбалакався якось изъ іми Левко про чумацьке житте, про дорогу, та степа, та солоні озера, про Кримъ та про Чорне море. А вже нихто такъ не набреше, якъ чумакъ: цілу зиму, наче тхіръ у ямі, зъ полу не злазючи, люльку смалить, — такъ надумаетця.

Послухався Левко чумацькихъ брехень, та й прийшовъ до баби.

— Дайте мені, бабусю, грошей, куплю волівъ, чумаковати буду.

— Що се ти, унуку, задумавъ,— каже ёму Пітушиха: — яки въ мене гроши? хиба ти не знаешъ, що батько усі гроши на церкву отдае.

— Шкода-жъ,—каже Левко, — якъ нема грошей: жити мені тутъ надокучило, пійду у москалі.

Тоді саме наборъ бувъ; Турокъ, чи що, збунтовавсь.

—Пійду,—каже Левко бабі,—объявлюсь голові, що самохіть иду у службу.

Злякалась баба, побігла до панъ-отця, по Семена: отъ таке и таке, каже, лихо; думала, що Семенъ почне сина одговоряти. А той и каже: Щожъ? якъ хоче йти у москалі, нехай иде кровъ за віру Християнську проливати; відъ сёго одмовляти гріхъ.

Бачить баба, що біда, а удачу Левкову знае, що якъ сказавъ, такъ

воно́ й буде,—достала глечикъ изъ карбованцями, що ще ії чоловікъ закопавъ, та й отдала Левкові.

Почавъ нашъ Левко чумаковати. Зразу усі звичаі чумацькі перенявъ, походивъ літо, грошей придбавъ силу, такъ, за сі гроши, ще волівъ купивъ. На весні рушають наши чумаки у Кримъ, а старий отаманъ у дорогу не пішовъ: треба новаго поставити. Думали-гадали, та й наставили Левка. Той зразу и одмагався, а далі й каже: »Коли жъ вамъ треба, щобъ я бувъ отаманомъ, коли наставляете, такъ и слухайте жъ мене. Худоба у дорозі уся моя: я порядкую, а ви (се до хозяинівъ такъ каже) поки не прийшли до дому — моі челядники; вернемось — тоді забирайте ваши мажи, ваши воли и робіть изъ іми, що знаете«. Чумаки зразу думали, що вінъ шуткуе, а туди-далі, якъ загуляли у дорозі, а худоба ненагодована стоіть, та якъ почавъ Левко хозяинівъ, за сиви чуби, изъ корчми виводити, то бачуть, що не на вітеръ казавъ Левко. Лаютъ Левка цілу дорогу, а битись не сіпаютця, бо не подужають, и горілку вже не такъ пьють, бо сорому боятця, щобъ парубокъ та за чубъ не узявъ. Прийшли зъ дороги, мажи цілі, воли дужи, не покалічени; лають Левка, якъ зберутця, а на самоті коженъ бачить, що, за ёго головою, усімъ чумакамъ добре. Цілу зиму у шинку лаяли да похвалялись на Левка, а на весні такижъ ёго отаманомъ наставили. Чотири года ходивъ Левко у дорогу; на пьятий умерла стара Пітушиха, такъ вінъ зостався, щобъ доглядати хозяйства; та й безъ того, незнаю, чи пішовъ би вінъ у дорогу, бо вже склалося ёму лихо.

Я, дарма що старий, а цікавий, такъ мені весело послухати, якъ челядь гуляе; а вона, наче знае, разъ-у-разъ біля мого двора на майдані сходитця.

Що я за́-молоду за охочий до сіхъ улиць, та грищъ бувъ! було тілько й ждешъ свята, щобъ погуляти. Та не довелось мені й погуляти: молодимъ батько оженивъ. Ажъ кумедно, якъ теперь згадаю: було, лежу изъ жінкою у коморі, да якъ почуемо, що челядь співае, да гарцюе,—и плачемо у-двохъ, що намъ не можна йти до іхъ, а инколи повиходимо изъ комори, та підъ грушею и сядемо, та й слухаемо, а на серці такъ тмянно, — примівъ би литівъ до челяді.

Разъ, сопілка якъ заграе підъ нашею коморою, коло самій кроваті, не втерпіли ми зъ жінкою, скочили, та й танцюемо, ажъ містъ ходоромъ

ходить. Батько й вчувъ у хаті, вскочивъ у комору изъ чепліею, та й ну насъ окладати. »Я,—каже,—думавъ пожежа, а се ви, скажені«.

И досі весело мені, якъ почую, що челядь гуляе, а се у мене дочка, що у мьясниці заміжъ пішла, та хлопець, на улицю ходили, такъ не втерпишъ: було, хочъ и соромно, и не слідъ мені старому, а роспитаешъ, що въ іхъ на йулиці, та на грищі робитця; яка дівка изъ якимъ парубкомъ гуляе... така вже у мене придибаха погана.

Сей Левко, літомъ, черезъ чумаство, на улицю не ходивъ, а вже на грищі, такъ вінъ самий старший, та ще й отаманомъ молодецькимъ бувъ; у ёго й скринька була на схованні. Задивляютця дівчата на Левка, а въ насъ и дівчата тоді гарні були; теперь якось попереводились, заміжъ повиходили, а молодши не підросли. Никого зъ гарнихъ дівчатъ не вподобавъ Левко; підпала ёму підъ мисли Галя Зазубельна. Вона хоча й сирота, а грунтівка и хата своя и поля день пять; та хиба бъ Левко на сі злидні позавидувавъ? и чімъ вона ёму уподобалась—самъ не знаю. Я й старий и поганий, а на таку, ей-же-Богу, не позавидувавъ-би: суха, низенька, білява, неначе вирачковата: очи зелени, чи голуби, таки здорови. Я більшъ чорнявихъ люблю: чи молода, чи стара, а все чорнява. хочабъ моя жінка, — куди вона годитця: шостий годъ у баби ходить, а ось, подивлюсь: очи чорни, брови чорни, то й згадаю свою молодість.

Білява, або руда—що? пристаріе—неначе та жаба стане; и кобила ворона краща відъ сивої.

Левко и самъ чорнявий, а вподобавъ таки Галю, та ще якъ уподобавъ! проводить ії разъ-у-разъ, а якъ нема ії на грищі, такъ и вінъ не всидить, все коло ії двора похожае. Та не любить ёго Галя, усе, було, дівчатамъ каже, що боітця Левка. Отъ,—каже,—колибъ мене Василь Левенець проводивъ, — я бъ сёго кохала.

Сей Василь бувъ такъ-собі парубіка; вінъ и майстеръ бувъ — критникъ; на вдачу плохий, ёго й гласу було нечутно, тілько на сопілку грае.

Постерігъ Левко, що не горнетця до ёго Галя: »се,—думае,—вона така на-вдачу; «а того що въ ії инший на думці—не догадуетця черезъ те, що дуже гордий бувъ; думавъ, що кожна, аби вінъ схотівъ, мусить ёго полюбити.

Обробились люде,—починаютця весілля. Заходить до мене старий Пітушенко, просить, щобъ ишовъ у свати. »Синъ,—каже,—хоче жену собі чи *піймати*, чи *поняти*«. Я й не разчовповъ гараздъ; Семенъ усе якось по-церковнёму казавъ.

Одягся я й пішовъ. Товаришемъ мені бувъ Підтока Иванъ.

Законъ вже звісний; по-переду у шинкъ, изъ парубкомъ, випити для смілости. Купивъ Левко горілки; я й питаю ёго: »Кого-жъ будемо сватати«. Вінъ и каже:—Галю.—А я вже відъ дочки чувъ, що у Галі на думці. Не буде, думаю, ладу; треба хоча випити добре, щобъ не такъ соромно було. Підійшли підъ хату Степана Зазубельного (се ii дядько) постукали у вікно, заразъ и отчинила намъ ёго молодиця... тамъ така баба швидка, пронозувата! якъ подивилась, що ми у сватахъ, (Левка ми приховали) подивилась, кажу, що перши хозяини у сватахъ, заразъ и засвітила.

Увійшли ми у хату; старий заразъ знявся и дочка ёго зъ полу зскочила: дівка вже давня була, погана, ряба, та руда, завсігда розпатлана, наче чортъ зъ-підъ купи. А теперь прибралась, и хустку загряничну повьязала. Мені смішно: не до тебе, думаю, довби (а ii довбою звано) прийшли. Почали ми теревені верзти; якъ усе переказали, хлібъ на стілъ положили, Степанъ и питае насъ про молодого. Якъ сказавъ мій товаришъ, що Левка сватаемо, такъ стара ажъ підскочила, а старий и очи вирачивъ. Заразъ укликали Левка; були бъ зовсімъ ёму свою довбу отдали, та я вже догадавсь, та й питаю про Галю. Старий заразъ и губи накопиливъ, бо ёго дочка багато старійша відъ Галі була, та ни який бісъ не бравъ. »Хиба мені,—каже,—за ею бігати: де вона тягаетця«? А тутъ и Галя у хату увійшла. Питаю я Степана, чи отдасть небогу за Левка. Вінъ и одказавъ: — Се якъ вона схоче; а самъ на полу й лігъ. Я тоді до Галі: — Ну, небого,— кажу, — кажи зразу, чи пійдешъ, чи ні?

Вона одмагатись: и того нема, и другого нема.

— Се все пусте, — кажу я: — тобі уся матчина худоба досталась. Не води бо насъ, не вари зъ насъ води.

— Ні,—каже, — не пійду: ще мені рано, — гулятиму до весни.

Кивнувъ я Левку, щобъ ii у сіни вивівъ. Пошли вони собі. Сіли ми зъ Підтокою на лаві, а Степанъ люльку палить; стара ажъ на пічъ залізла, и довби не видно, тожъ на печі. Сидимо мовчки, а світло горить; таки довгенько балакавъ Левко зъ Галею, мабуть усякъ благавъ, та нічого не врадивъ. Идуть у хату. — Щожъ, — питае Иванъ: — магаричъ, чи що.

— Ні,— каже Галя: — разъ казала не пійду за ёго, такъ нихто мене не присилуе.

Бачу — треба йти геть. Узяли хлібъ и Левко за нами.

— Не хоче?—питае Иванъ.

Левко тілько кивнувъ головою.

— Знаешъ що, Левко,—каже Иванъ:—вернемось у хату, да висватаемъ Стеху (се такъ довбу звали). Захотілось таки Івану магарича.

Ничого не одказавъ Левко, тілько плюнувъ, трохи не въ нісъ Івану.

Ми пішли до-дому, а Левко у дворі зоставсь. (Про се вже я опісля взнавъ). Мо'вже сердце ёго чуло. Потушили у хаті світло, а вінъ у кошарі стоіть, притаівшись, сочить, чи не вийде Галя. Трохи згодя вийшла Галя, стала на порозі, та злегка й свистить. Чуе Левко, що у саду Галиному тожъ хтось свиснувъ, коло ії хати, що пусткою у саду стояла. Галя у садокъ. Левко попідъ тинню слідомъ и ставъ підъ грушею. Чуе—ажъ Галя засміялась та й поціловала когось. Се Василь. Цілуютця, та ще про Левка балакають. Що вони кажуть проміжъ собою, не чутно ёму; стоіть вінъ, не живий, не мертвий. Чуе, ще поціловались — набалакались, се вже часъ росходитись. Левко на улицю, та й ставъ. Ажъ иде Василь проти ёго, та якъ ухвативъ за груди, та потрясъ ёго, той бувъ умеръ зъ-ляку.

— Такъ се ти,—каже,—поганий хурбетъ, наймитъ! будешъ мені перебивати, будешъ зъ мене сміятись!.. Га, кажи? розщавлю, якъ муху.

Той зъ-ляку тілько труситця; божитця, що не сміявся, та проситця.— Не бий мене, братіку,—каже:—я, ей же Богу, тобі не ворогъ, не нівичъ бо мене: я й такъ слабосильний чоловікъ, нездужатиму, на подушне не зароблю.

Плаче бідний Василь, а Левко тілько ёго трусить, а далі піднявъ ёго оборучь, та якъ вдарить объ мерзлу землю, у того ажъ кровъ зъ рота побігла. Вбивъ би Василя, колибъ не вчула Галя; вибігла вона на улицю, та й почала пробі кричати; Левко покинувъ Василя и пішовъ до дому.

Такъ, черезъ тиждень, чуемо: засватавсь Левко; у чумака Пилипенка висватавъ дочку и зъ Василемъ погодився, перепросивъ ёго, а той самъ радъ ёму кланятись.

— Ходи,—каже ёму Левко,—до Галі: хиба я тобі бороню? се я тоді пьяний бувъ, такъ завівся; а теперъ я засватавсь, такъ мені яке діло.

Кличе Василя до себе крити, подруживъ изъ імъ, а той, сказано, парубокъ плохий, усе ёму росказуе, якъ и зазнавсь изъ Галею, що вона ёму каже, та й похвалився, що Галя ёго у свою хату водить и що вінъ тамечки що-свято ночуе. Василь росказуе, а Левко наче й не чуе сёго, наче й справді не ёго діло.

У суботу у-вечері, зібралось насъ чоловіка зъ десять въ шинку, сидимо та балакаемо, ажъ чуемо—дзвонять,—а вже нерано, мо'й о-півно-

чи було; повискакували ми, бачимо: пожежа; а люде такъ и біжать. Що таке горить? Кажуть: Зазубельни. Ми мерщій туди, ажъ горить Галина хата, криша такъ и палае. Бігае Степанъ Зазубельний, да тілько голосить. »Ой,—каже,—пропавъ я на-віки«. Чуемо ми, ажъ и у хаті, що горить, хтось озиваетця, а підійти за огнемъ не можна. Неначе Галинъ та Василівъ гласъ. До дверей,—двери замкнети. Питаемо—де ключь; Степанъ каже: Галя забрала. А Степанъ ще й вікна залізомъ позаковувавъ, бо у тій хаті усячина лежала.

Набігли люде, отбили сінні двери, ажъ якъ затрещать крокви! усі поодскакували: упала криша, такъ и засипало сіни; въ хаті, ще кричать Василь та Галя, а тутъ и вмовкли: столя обурилась. Тогді тілько постерегли, що хатьні двері товстимъ колкомъ березовимъ підперти.

Тутъ и панъ приіхавъ, якъ дознавсь що у хаті люде горять, заразъ усіхъ насъ облаявъ, що не ратуемо; самъ було кинувсь, ажъ пече, вінъ и назадъ. »Двадцять карбованцівъ—каже—дамъ, хто у хату вскочить.« Усі стоять; ажъ идуть саме весільни, а попереду Гордій Летяга. Вінъ нашъ, козакъ; батько ёго и хазяінъ бувъ, а вінъ, черезъ горілку, чисто усе рішивъ; пьяний, препьяний, зъ весілля йде. Якъ почувъ, що двадцять карбованцівъ панъ дае, и не зупинивсь; солома горить, а вінъ у ії, ажъ вище колінъ, встрібнувъ, ухопивъ дрючокъ, та й кинувъ намъ. Узяли ми дрючокъ, а вінъ, мо'такъ Богъ давъ, щобъ душегубця пізнати, не то що не обгорівъ — и не присмалився. Парубки міжъ собою заразъ и почали казати: Левківъ дрючокъ, вінъ изъ імъ сёго вечора ходивъ.

Гордій ускочивъ у хату, а Галя саме коло дверей лежить. Вінъ и витягъ ії на двіръ, а самъ упавъ, кричить: води, води! бо на ёму штани сгоріли и ноги пузиремъ знялись. Галя-жъ мовчить, наче мертва, а лиця ії й пізнати не можна! увесь порепався и очей не видно. Утягли обохъ у хату...

А за Василемъ нихто й не посмівъ кинутись. Похожае панъ на пожезі, та порядкуе, щобъ воду носили, та й почувъ, що парубки міжъ собою про дрючокъ балакають. Питае, де той Левко, бо вінъ Левка мо'й зроду не бачивъ.

Левка на пожезі не було,—не посмівъ прийти. Кажуть, мо'дома.

Панъ и каже отаманові (1): »Біжи, знайди Левка и приведи сюди«

(1) Отаманомъ зовуть соцького.

Отаманъ и такъ не живий, не мертвий, ходить; бо знае, що вже безъ суда не обійдетця—слідствие наіде; та що клопітъ наберетця, а часомъ и у зуби попаде. Радъ, що хоча панъ приіхавъ, хочъ, думае, не такъ одвічатиму.

Узявъ отаманъ чоловіка трохъ, побігли по Левка. Панъ увійшовъ у хату. Галя лежить, та важко дише, а Гордій кричить на усю хату; вже й витверезився. Подивився панъ на ёго ноги, ажъ злякався: чисто шкури нема, а у Галі тілько видъ попікся та голова, бо вона у хутрянці була, такъ поломья не вспіло дошкулити. Тимъ часомъ и пожежу загасили, тілько одна хата й згоріла, бо вітру не було. Витягли и Василеве тіло; плаче надъ нимъ мати, убиваетця, голосить, —черезъ ёго и хазяйство держалось. Ведуть Левка: а вінъ дома бувъ, (спавъ, чи мо'такъ лежавъ, — тілько притаівся). Якъ почувъ, що голосить Левенчиха надъ синомъ, побілівъ, кажуть, увесь, та скривився неначе всмихнувся. Увéли ёго у хату. Каганець горить. Лежить на полу Галя, Гордій далі, а панъ середъ хати изъ тимъ березовимъ дрючкомъ.

— Ти,—питае панъ, — Левко Пітушенко?

— Я, — наче не своімъ голосомъ, одказавъ Левко.

Панъ лівою рукою показуе ёму Галю, а правою дрючокъ.

— Дивись, — каже, та у вічи Левку дивитця. А той стоіть — то біліе, то червоніе; панъ очей не зводить, и люде усі на Левка дивлятця.

Левко понурився, дивитця у землю, — а далі піднявъ голову: — Чого дивитесь на мене, — озвавсь: — душегубця не бачили? Я хату підпаливъ, я іі дрючкомъ підперъ, я своімъ ключемъ сіни зачинивъ! Чого дивитесь? Вяжіть! куйте, та мерщій, бо мені душно тутъ.

Ми стоімо усі, ажъ и панъ неначе засмутився.

— На що-жь, — питае, — запаливъ ти хату?

— Ваше якъ діло! — ревнувъ Левко: — вяжіть, кажу вамъ, швидче. Вяжить-же.

Нарядивъ отаманъ три підводи, положили на одну Галю, на другу Гордія, на треттю посадили Левка изъ сторожею; повезли у городъ. Цілу дорогу, кажуть підводчики, Галя стогнала; а Левко мовчавъ, та очей не зводивъ зъ воза, де вона лежала.

Печенихъ положили у больниці, а Левка здали увъ острогъ. На другий день занедужавъ вінъ, гарячка напала; усе Галю згадувавъ, та

того підводчика, що візъ ії у городъ, та просивъ, щобъ швидче іхавъ:— мене, — каже, — огнемъ пече, якъ вона стогне; вези, — каже — ії швидче, бо не сила моя на ії дивитись.

Старого Пітушенка, на той часъ, якъ була пожежа, у селі не було; возивъ попенятъ у губерню,—у школу, чи що. Якъ приіхавъ, та почувъ про свое лихо, тілько упавъ передъ образомъ, та застогнавъ; давъ ёму панъ-отецъ води напитись, вінъ и очунявъ; перехрестився, прочитавъ молитву, та й каже: хвала Богу милосердному: се вінъ карае, за моі та за батькови гріхи.

Повізъ Семена панъ-отецъ у городъ, до сина; той не пізнавъ батька, бо вже безъ памяти бувъ. Перехрестивъ ёго Семенъ, та й поіхавъ до дому.

Тижнівъ черезъ два, чуемо—вмеръ Левко; передъ смертю кажуть, наче очунявъ, попрохавъ хвершала (бо и вінъ у больниці лежавъ), щобъ покликали Галю. А Галя одужала, тілько сліпою зосталась.

Увели Галю; побачивъ ії Левко, и тяжко, тяжко заплакавъ: — Умираю, Галю, — каже: — прости мене, що я тебе обізвічивъ; хоча менї у пеклі легше буде, — а самъ важко, важко дише, бо вже кінець ёго приходивъ.

— Нехай, тебе Богъ простить,—каже Галя, —якъ я тебе прощаю.

Піднявсь Левко на лижку, простягнувъ руки, мо'за ії хотівъ ухопитись, та упавъ и вмеръ.

А тутъ смотритель набігъ. Хвершала у зуби, сторожа тожъ:—нащо, каже, ви дівку у рештанську привели: черезъ васъ, каже, рештантъ вмеръ, ви ёго потревожили.

Вигоівсь и Гордій; зовсімъ вигоівсь. Давъ ёму панъ двадцять карбованцівъ, окружний десять; зъ губернії хтось пятдесять прислався, ще й медаль ёму повісили; та ще за крадежку треба було ёму хлосту дати, такъ и те подарували.

Зразу бувъ оханувсь, купивъ волівъ, а далі якъ запивъ: — менї, — каже, — горілка на увесь світъ славу дала; мене усі знають: якъ менї ії не пити? Тижнівъ три зъ шинку не вилазивъ; та пішовъ якось на споръ — пятнадцять осьмухъ випити; випивъ та й умеръ; ще за ёго й тяганина була.

А Семенъ Пітушенко продавъ усю свою худобу, тисячь дватцять, або

тридцять (1) грошей зібравъ, за сі гроши збудовавъ сю церкву, а собі тілько де-яку поганійшу одежину зоставивъ, щобъ до смерти було у-чому ходити. Разъ-у-разъ вінъ біля сіеі церкви, ми й сторожа не наймаемо, бо вінъ ii и у ночі стереже.

Окромі хліба ничого не їсть, та й то, якъ панъ-отець, або добри люде дадуть; а якъ забудуть про ёго, то й голодний сидить. Усе у церкві та у церкві, усе молитця; може надіетця одмолити батькови та синови гріхи.

Митро Олелькович.

С. Минино, Козелецького повіту.
2-го Стичня, 1862 року.

(1) Четвертаківъ.

НАТАЛЬ-ОЗЕРО.

I.

...Була́ у мене ста́рша сестри́на, кві́точка рожева́ на порі́! Що́ то за щи́ра, те́пла душа була́. Якъ згада́ю про неі, ажъ на се́рці весели́нько стане...

Були́ ми у ба́тька, відъ покі́йниці-не́ньки, двойко́, якъ голубя́токъ па́ра, — я й сестру́ня Наталя; та ще, відъ пе́ршоі татусе́вої жі́нки, братъ намъ бувъ, Хведіромъ зва́вся, що писарюва́въ десь у го́роді; зъ на́ми жъ жила́ и бабу́ся Івга, не́ньчина ма́ти.

Я ще невили́чкимъ хлопьёмъ бувъ якъ поме́рла наша не́нька, и якъ згада́ти про не́і, то тільки й па́мьятки по ній оста́лось, що, було́, и́нколи, візьме мене́ до се́бе на́ руки, поса́де на коліни, та голу́бе, голу́бе,— а далі підні́ме мою го́лову, та такъ пильне́нько поди́вится мі́ні въ очі,—ажъ у само́і слёзи наве́рнутця: ди́вится, ди́вится, та ще́ більшъ почне́ мене́ жа́ловати, пести́ти... а тутъ де́ візьметця Ната́ля, — прилити́ла, почипи́лася ій на шию, обівье́тця рука́ми, пригорта́етця, и, якъ та я́сочка, зазира́е ій въ о́чі... и цілу́е и про́се, и мо́ле — не тужи́ти...

Ба́тько нашъ на ви́дъ бувъ висо́кий, ажъ похили́вся; чорня́вий зъ про́сіддю; бро́ви стоя́ли я́кось сторчъ, такъ-що й розгледіти очі ёго було тру́дно,—тільки було блища́ть бли́скавкою; и все сва́ритця, гомони́ть; одна Ната́ля ёго розважа́ла; вінъ, здавалось, тільки іі и люби́въ, ею й коха́вся; а то більшъ мо́вчки до всіхъ. Що́ за туга́ була у ба́тька,—ніхто́ не знавъ, а роспи́тувати само́го не посмі́ли.

Ще зъ давне́і пори́ тату́сь працёва́въ у чума́цтві: сіль, ри́бу вози́въ; а то таки́ й па́сіку держа́въ чима́лу; овечо́къ було мо́же зъ со́тню, та й земля́ таки днівъ зъ со́рокъ, або й більшъ... Ки-

ли́жъ ми у сімъ же селі, й на сімъ же гру́нті, ті́льки дво́рища було бі́льше; — отъ-то, гень, й пенько́й ще зоста́лись відъ ти́хъ вербъ, що коли́сь росли́ кругомъ ба́тьківського мі́ста, пригорну́вши весь двіръ зъ садко́мъ, до самісенького оттого озера, що стано́ве рі́чка... а садо́къ той увесь бувъ зарі́съ вишиннёмъ, сливнако́мъ и рясни́ми гру́шами и я́блуннемъ.

Ха́та наша стоя́ла прічі́лкомъ на шляхъ, що йде зъ нашого села́ на Голодра́бівку, па́ньске село; ми жъ були, якъ спо́кинъвіку й теперъ — въ коза́цтві.

Двіръ у насъ бувъ широ́кий та весе́лий, а біля́ са́моі комо́ри стоя́ла престаре́зна гилля́ста гру́ша; підъ нею, въ-лі́тку, и́нколи було́ вече́ряемъ и обі́даемо; кругомъ же ха́ти, підъ ві́кнами, бу́йно порі́съ бузо́къ, а між нимъ а́грусъ й порі́чки, міні на втіху; ту́тъ же були́ й грядочки́ зъ любисткомъ, нагідка́ми, чорнобри́вцями, травья́нцями и зірками — на втіху Ната́лі... Се все понаса́жовавъ, понасіёвавъ ді́ду́сь Оме́лько, що живъ у насъ въ-приймахъ. Він бувъ зъ Голодра́бівскихъ паньща́нъ, и першъ доглядавъ па́ньськихъ садкі́въ, а зоста́рівся, то й пусти́ли ёго на свій хлібъ; бувъ він безро́да, то й приставъ до насъ доглядати двору, па́сіки й хазя́йства, — якъ було панотець, зъ Михайломъ, та Панько́мъ, — на́шими жъ приймата́ми, — поберутця чі то на Дінъ, або Марнопо́ль, за ри́бою, а чі въ Кримъ за сіллю.

Ве́село, кажу́, було у насъ въ дво́рі, що весь порі́съ дрібне́нькимъ споришо́мъ: комора, повітки́, лёхъ, кошари, — все я́кось прия́зно поглядало; дідъ Оме́лько такий вже чупуру́нъ бувъ, що й соломи́нка даре́мно не валя́лась; оце́, поба́че, якъ що не такъ, вже й за мітлу́, турбу́етця, прибира́е... За комо́рою була́ клуня, а ко́ло неі тікъ, й становились стіжки́ й скирди́; а далі слався й горо́дъ, весь въ маку́, со́няшникахъ и гарбуза́хъ, що повили́сь по всімъ тина́мъ, та цвіту́ть, та повивертавшись гріютця на со́нці, мовъ після доброго обі́да.

Зъ рундука́, въ старчо́вій лі́сці, була невиличка кали́тка въ садокъ... а садо́чокъ той, по весні, якъ зацвіте́,—мовъ молоко́мъ візьметця: бжо́ли, мете́лики, о́си, бабки́, чмілі́, такъ и рію́ть, гудя́ть. дзижча́ть, сную́ть відъ квіта до квіта... а, по вечерній зорі, або ранкомъ, якъ заллютця у бе́резі, по густи́мъ лозамъ, соловейки, — то такъ, здаетця, й окаменівъ би тамъ на віки-вічні... ажъ духъ займаетця...

Було́ пі́дешъ, узе́нькою сте́жечкою, ажъ до самісенького берега, забире́сся пі́дъ висо́кий кущъ пи́жма, або мьяти, що поросла берегомъ, лежешъ, зани́шкнешъ, дивисся и слухаешъ... Нічъ зоряна, а ні хмари́ни; гень и мі́сяць, такий черво́ний, випливае и тихимъ сві́томъ лле на о́зеро, що геть-геть простяглося до острова, котрий зарісъ дубнякомъ, вільхами, вербами, висо́кими осокора́ми, й густими кущами ліщи́ни, гло́ду й кали́ни... а по другимъ краямъ, на плава́хъ, стоіть и маяче въ воді висо́кий, густи́й, широколи́стий оче́ретъ, пови́тий бере́зкою и тимъ си́нёчервоненькимъ горо́шкомъ, що цвіте́ ажъ до самісенького сні́гу... и́нде, поверхъ води, колищутця лапасті латахи́ зъ жо́втими квітами и тиковка́ми, гостроли́стий різа́къ, и ті біле́сенькі, та повні, якъ пи́вонь, маківки́, що, мовля́въ, де тільки руса́льна зъ молодико́мъ поголу́блятця, тамъ вони́ врожа́ютця й цвітуть... край бе́рега жъ—пі́вники, гнучкі ло́зи, жовті́е пісо́чокъ, и стоіть височе́нна гилля́ста верба, стоіть и купа́е свої віти въ воді; а до неі привьязаний, сти́ха хита́етця чо́вникъ дідуся Оме́лька... ве́рші й ятірі вже по за́хистамъ... карасі, язі́, щу́ки, о́куні, — виля́скують по воді... де́-де залопоти́ть по латаха́мъ водяна́ ку́рочка, озове́тця ли́ска, ка́хне кри́жня, або прогуде́ бугай... а тутъ садо́чокъ паху́че ві́е, розлага́етця пі́сня соловейка, — ажъ лунь по о́зеру йде́!..

Лю́ба була́ краса́ бо́жого сві́та, любі були́ и нічь зо́ряна, и о́зеро сине́сеньке, и пісні́ соловейка, й садочокъ паху́чій,— всёго жъ мілі́шъ мінї на́ світі була моя Ната́ля, моя рідне́нькая сестри́ця-жалібни́ця!

И що́-то за весе́ле, мото́рне дівча́ було́! На́-зрістъ височе́нька, гнучка́, станочокъ якъ та раіна, бровеня́та чо́рні, о́чі сине́сенькі, якъ той про́лісокъ по весні; — погля́не, мовъ приголу́бе, заспіва́, на́-що й соловейка!.. Оце́ було якъ убере́тця до це́ркви, наді́не на го́лову gáлёнку, заквічаетця конва́ліею й барві́нкомъ, вплете въ ру́су густу́ та до́вгу ко́су стрічки, одя́гнетця въ ке́рсетъ, мере́жчаті рукава пове́рхъ, ніжки́ въ стрільчатихъ панчішкахъ й черво́нихъ черевичкахъ,—де́ мовъ та́я либе́дь пливе́; всі було зазира́ютця; а вона́ така прівітна до всіхъ, — усміхнетця — у всякого чо́ло проясни́тця... А мене́ жъ-то було пести́ть, й сказати не можна!.. Вона, моя голу́бка, дідъ Омелько, й Михай-

ло, було й одъ сéбе не одпускáють... Оце ся́демо обíдати, або вечéряти пíдъ гру́шою, — то вже Натáля такъ й наровúть, щобъ пíдсу́нути мíнí чого ласéнького:—»íжъ, Ивасю, на здоровья!« промóвить, усмíхнетьця, та й поцíлу́е:—»íжъ, братýню, покíль сестра перéдъ очúма«,—скаже, й почервонíе... Михайло те жъ мене вітáвъ,—роскáзувавъ за чумáцтво, щó-то вінъ бáчивъ на Дону́, въ Марнопóлí, за Перекóпомъ... а дíдýсь Омéлько було зазивáе мене въ пáсíку щобъ медку́ дáти, та оповідáти якъ живуть панú,— щó-то за Москва, куди вінъ разъ водúвъ хýри панáмъ; або згадáе й старовину́... про чубáтихъ Запорóзцівъ, въ червонихъ жупáнахъ, сíчовихъ орлятъ,—про íхъ характерникíвъ,—ворожбитівъ, а тó зтихá й заспíвае про Чáлого, Петрýню, Палíя Семéна... Живъ я, якъ кітъ въ тéплому зáпíчку; и сúто, и вéсело й казóкъ довóлí!.. Що жъ найлюбíшъ було мíнí, то по óзеру, зъ Натáлею, въ чóвнику поплáвати... Щó-то й Натáля любúла тéе óзеро! Ще змаличку, — оцé було́ бабýся Івга пíде у берегъ, то й вона за нею бíжúть, стара́ зъ наймичкою полóтна кладе, а вона знай, якъ рúбонька хлюпóщитьця на бережку́, спíва́, збирáе черепáшки, грáе въ кремняшкú, а не тó—сплетé вінóчокъ зъ барвíнку, надíне на голóвоньку—и рада, й весела! Абó наберé крихóтъ та й бíжúть до берега годувáти вівсянку, й кáже: »то воно тíлькп днемъ рибúна, а въ ночí—русальні дíтки, що при мíсяцí колúшутьця на латахáхъ та на онъ-тихъ білесенькихъ маківкáхъ.«

Вúросла Натáля зъ дівку, а та жъ була дитина. Було́, въ лíтку, ранéнько збуде менé; иди,—каже—Ивасю, купатись,—Богъ здоровья даé! — а сама вже й викупалась, очúцí якъ зíрочки сяють, сама білéнька, свíжéнька, щоченя́та червонíють, ще й мóкрі кóси не заплéтені,—а вонá менé розбýркуе, та цілу́е, та примовляе. Очí злипáютьця відъ сна, позíхаешъ, потягáесся;—а далí схóписся й бíжúшъ веселéнько мерщій до берега. Не вспíвъ вúйти зъ води, якъ тутъ й Натáля, й білéнька сорóчечка для мéне, зъ мереженимъ кóмíромъ и червóною стёжкою; убрáвся, а Натáля вже й на чóвнику: — сíдай, Ивáсю, попливемó!...

Усíлись любéнько. Сóнечко вже встáло и крáсить сизéнькі хмарúни, що гéнь по небу простяглися й облилúся жóвтогарячимъ свíтомъ... Отъ и берегъ бíжить; садóкъ крúеться за очерéтомъ; утя́та такъ и шнúрять по-надъ головáми; а тутъ щýка вúскочила, ляснула хвостóмъ по водí, та впьять на днó пірнýла... все

ру́шило жити: те гуде́, те gельgоче, те сви́ще, те турчи́ть те щебо́че,—а тамъ, на селі́, вілъ заревівъ, кінь заржа́въ, півні́ співа́ють:—а ми́ пливимо́ ни́шкомъ, та ті́льки осміха́емося... Доплили́ до острова, та въ лісъ; а тамъ ожи́ни, полуниць,—куди не глянь, нарвимо́ зъ ми́ску, аби́ ста́ло на варе́нички, та й до дому... а тамъ вже ба́тько турбу́етця коло во́зівъ; Михайло го́не волівъ зъ водопою; Оме́лько-дідусь тя́гне до па́сіки, та сту́ка ріжко́мъ по чо́боту, — збира́етьця нюхну́ти... бабуся Івга, зъ куде́лею підъ рукою, спотикаючись несе́ глекъ зъ молоко́мъ; а Панько́, поки́ль на́ймичка гото́е сні́дати, вже дуди́ть на сопільці, та міні підмо́ргує до та́нцівъ,—тутъ и поко́тъ зъ вовчко́мъ несу́тьця до ме́не, спина́ютьця, ле́две не зва́лять;— а я притьмо́мъ до груші, пуць на землю, та колесомъ кругомъ гру́ші й обернуся... всі сміють-ця, а міні такъ весели́нько-ве́село... Вставили сніданя, батько промовивъ »Отче нашъ«, всі перехрести́лись та й посіда́ли кружкома́;— отъ ту́тъ-то й ра́да, що́ на той день робити? а позаду ме́не, звичайне́нько, въ́тсторонь, поко́тъ зъ вовчко́мъ простяглися, обли́зуютьця, та виля́ють хвостами: вже знають, що й імъ пожи́ва буде!..

II.

Якъ поме́рла наша матуся, то ба́тько-то́ бувъ неговорьки́й, а то́ вже й го́лосъ ёго рідко чува́ли; знай, все ходивъ у доро́гу;— зе́млю віддававъ сусідамъ зъ половини; у па́сіці сидівъ дідъ Оме́лько; коло насъ жила́ бабуся Івга, зъ куде́лею, що й зъ ру́къ у неі не випада́ла;— а вінъ було лі́то й зі́му у доро́зі зъ Михайломъ та Панькомъ. Сі були бра́ття й жили́ у насъ въ прийма́хъ; зостались ще дітьми-си́ротами, ба́тько й прийня́въ іхъ; якъ підрос-ли́, хова́въ для нихъ пла́ту за роботу,—а ста́ли годя́щими,—ку-пи́въ імъ волівъ, та й прийнявъ въ товари́ство чумакова́ти. Михай-ло бувъ старши́й братъ, вже парубокъ настоящій; на видъ чор-нявий, висо́кий, суховатий, та дужий:—бува́ло паровицю плече́мъ підва́жуе; по́глядъ мавъ ти́хий, а ходу́ зъ по́вагомъ. Панько́ жъ, ще тільки у́си засіялись, тежъ бувъ парубійко здатний,—весе́лий та жартли́вий: знай, все коли не виспівуе, то тринди́ка, або́ йду́-чи підтанцёвуе; така́ вже була́ ёго вдаха до пісе́нь, та до та́н-цівъ: їсти не дай, — тільки загра́й!

Хве́дора жъ, брата нашого, першъ ми ма́ло й ба́чили; якъ

напья́въ брузуме́нти на ши́ю, то такъ въ го́роді й застря́въ; тільки й чу́тки було, що знай про́се у ба́тька гро́шей, а той ёму висила́, або́ й самъ, по доро́зі, заво́зе въ городъ; ми́ жъ ёго ма́ло й знали; разъ тільки, якъ вінъ задумавъ бувъ одружи́тись зъ якою-сь непутящою вдово́ю-моско́вкою, то батько, щобъ не набра́тьця сорома́, поіхавъ у городъ, привізъ ёго до-до́му, та й проде́ржавъ щось мі́сяць або́ два; отъ-тоді-то ми роспізна́ли нашого бра́тіка!.. Оце́ було́ день наста́не, со́нце вже височе́нько пі-дібьетця, а вінъ спить; а проснє́ться, якъ почне́ одяга́тись та чепури́тись, то, гле́дя на нёго, ажъ ну́дно ста́не... а далі якъ прийми́тьця виридова́ти: и те́ не такъ, и то не по нёму... ну, якъ па́нська боля́чка!.. А вже кому́, а мінї да́вся въ знаки́: и те принеси́, й туди побіжи́, и того украдь... да́лебі, и кра́сти вчивъ, а я, дурне́ хлопья, слухавъ безпутнёго... та ще гара́здъ якъ вінъ бувъ тверезий, а то якъ злига́вся зъ на́шимъ дякомъ, гугня́вимъ Самійломъ, та почавъ, ни́шкомъ відъ батька, зъ нимъ гуля́ти, то й оста́нне пуття́ пропа́ло... А що́-ще найгіршъ було мінї: дивитьця, та слу́хати, якъ вінъ почне́ було глузува́ти зъ моеі Наталі, або кепкова́ти зъ бабу́сі Івги, та дорі́кати діду Омельку крепацтвомъ... Ми́ршаве, клишоно́ге, недорі́ка, а й воно ще всякого псує́, на глумъ пі́днима́е, сивола́пою мазе́пою вибрі́хуе!.. Якъ би була во́ля, та си́ла, то та́къ-би, здаетьця, й задуши́въ злу личи́ну! Доставалось, за́-очі, й батьку́... А Ната́ля-се́рце, такъ же коло ёго впада́ла, годи́ла ёму:—чого забажа,— вже й вродилось! батько, ча́сомъ, на нёго загри́ма, вже вона й тутъ: и про́се, й мо́ле... Отъ же й спрова́дили Хведірка́ въ городъ на писа́рьство, коли не пройшло и ти́жня, якъ ось чутка, що вінъ таки,— на перекі́ръ батькові,— одружився зъ нікче́мною моско́вкою. Засмути́вся тату́сь відъ сіі вісти́, ажъ посивівъ увесь, якъ голубъ зроби́вся бі́лимъ; одрікся відъ Хведірка, казавъ, щобъ й на́ очі вінъ не явля́вся; а все-таки, якъ слі́зъ відъ насъ Хведірко, то я́кось стало и въ дворі́ ясні́шъ, и въ душі весели́ше.

Оце́, якъ наста́не свя́то, прийдемо зъ церкви, пообі́даемо въ садку пі́дъ ко́лесомъ (тамъ така́ гилляста я́блуня була, ко́лесомъ зва́лася), а ве́черомъ, якъ зійдутьця дівча́та та парубки́, то пі́снямъ, та́нцямъ, жартамъ, й кінця́ не було!.. згада́ешъ, — жи́ти-бъ не хотівъ, — такъ було хо́роше! Оце́ Панько, якъ пі́де на ви́думки, то чого́ тільки вінъ не перебреше́! На́що ба́тько бувъ смутний,

або дідусь Оме́лько хи́рий,—о́джежъ й вони було осміха́ютьця відъ Панькови́хъ бре́хень!.. Оце було́ престáве москаля́ зъ ве́дмідемъ й козо́ю, або па́на зъ жи́домъ, або якъ слідъ ходи́ти по гу́сячі та по инди́чачі .. то регітъ й не втихае́... Миха́йло-жъ більшъ въ-о́дсторонь; хочь и вінъ було співае, та все пісні поважні чумацькі, або й войскові коза́цькі; татýсь дуже любивъ слýхати сі пісні; та й дідъ Оме́лько не разъ слёзи втиравъ, слýхаючи якъ було Миха́йло затягне:

Уста́нь, Ха́рьку, уста́нь, ба́тьку, прóсять тебе́ лю́ди!
Ой якъ пі́демъ до цариці,—по прежнёму буде!...

А Ната́ля було слýхае не наслýхаетьця, ті́льки очи́ці втирае. А тутъ, де візметьця Панько, та ви́ступцемъ, на впри́сідки, якъ вда́ре:

Ой гоцъ-гоцака!
Любить дівка козака́,
Все мене́, все мене́,
Не Се́мена — а мене́!
Все мене́, все мене́,
Не все́ мина́, а мине́!...

Сю пісню я й до́сі не забувъ, бо Панько́ навчивъ ії мене на-згадъ про нёго серде́гу.

Хочъ я ще мали́мъ, нерозýмнимъ хлопьёмъ бувъ, а все таки́ разъ лýчилось міні запримі́тити, що Миха́йло залиця́вся на Ната́лю, и вони́ собі коха́лись.... Лýчилось же міні ось-якъ:

Разъ, ще по-весні, нагле́дівъ я на вербі́, що стоя́ла край огоро́да, гніздéчко шпачківъ; пильнова́въ іхъ до́вго; вже дідъ Оме́лько и кліткý міні зробивъ ха́ткою, въ-завви́шки зъ мене, думка була забра́ти молоде́нькими, пі́длітками; — отъ вже й діждався пори́, що треба вже іхъ бра́ти, та, на той часъ, якось про се забувъ; отъ, разъ, після вечéрі, лежý собі коло бабусі Івги, вже й мавъ засипа́ти, а тутъ и прийшло́ на дýмку: а що, якъ шпачки́ ви́летять? Чимъ більшъ думаю про се, тимъ жа́лю більшъ; лежý и сонъ мене не берé; — дýмаю-гада́ю, а далі тихесенько й ви́лізъ зъ-підъ рядна́; дивлюсь: повний мі́сяць такъ и ся́е, зорі ажъ горять... отъ, я меріщи́й ни́шкомъ у садокъ, та въ огородъ; ажъ ось, чую, хтось зти́ха, у бéрезі, співа́е; прислýхуюсь,— ажъ голосъ Миха́йла:

Свíте мíсяць яснéсенько,
Вúйди, мúла, тихéсенько,
Вúйди, серце, не барись,—
Та до мéне пригорнись!...

Сеі пісні опісля Наталя менé навчила; а тоді я стоявъ, та тíльки слýхавъ; ажъ ось-глель, — и Наталя, якъ тутъ вродúлась; сіли вони на бережкý, підъ вербóю, обнялúсь та й розмовляють любéсенько; а я тоді притьмóмъ до шпачківъ, — злізъ на вербу, духъ затáівъ, та мерщій сорочкою й заткнýвъ дупло́... а далí, потихеньку й запустивъ туди рýку, — щупаю, — ажъ тільки одне пірья, а шпачківъ — поминай якъ звали!... Дýже міні жаль стáло, не стямився якъ и зъ верби спустúвся, та якъ зарúдаю, та побіжý... не счýвся якъ и біля́ Наталі опинúвся... вона мене пригортáе, та голýбить, та випúтуе, — ледве я очнувся. Михайло тежъ мене привітавъ, хвалúвся що влóве міні грáтьця земляно́го зáйчика, та такúй й шпачки відъ ёго рукъ не втичуть: отъ я й втихомúрився, злігъ на коліна Натáлі, довго слухавъ, якъ вони розмовляли, а далі й заснувъ; не счýвся якъ ранкомъ и проснувся опьять підъ рядно́мъ, коло бабýсі Івги. Того жъ дня, якъ плававъ зъ Наталею на чóвні, вонá тíльки сказáла міні, щобъ я нікóму не хвалúвся, що бáчивъ ії зъ Михáйломъ, и мавъ би Михайла за брата, бо скóро. въ-осенú, буде у насъ весілля, и тоді вонá дасть міні саму найкрáщу квітку зъ найкрáщихъ стёжокъ; — я зъ тимъ и зостався; Михайло жъ, до мéне, й ще привітнíший бувъ. Та недовго прийшлось жити взáтишку, мабýть недобрий чоловікъ позавидувавъ, лихé óко зъурóчило наше щастте.. .

III.

Незабаромъ, після Спаса, зъ чумакáми нáшого жъ селá, батько проводúвъ Михáйла въ Марнопóль.

Якъ тепéръ згадати, — була недíля, весь двіръ нашъ бувъ у цéркві, а опісля пан-отéць Герáсимъ прихóдивъ до насъ и водосвятіе творúвъ; кропивъ хýри, що йшли въ дорогу, благословлявъ Михайла на прáцю, а далі, по обіді підъ кóлесомъ, рýшили й провóдили ми Михайла ажъ за село, а я, зъ йншими хлопьятами, пробігалась ажъ до могилóкъ... Побрáлися чумáченьки виспівуючи, тíльки возú риплять; ідýть сірі та полóві тихóю ходóю, тíльки геть-геть кýрява по широ́кому шляху́ піднімáетьця.

Пішóвъ Михайло; смутно стало у насъ у дворі; а гіршъ усёго сумувáла Натáля, нинáче серце чýло недóленьку... Ждáли ми зъ Натáлею Покрови́; думка була, якъ вернетьця Михайло, то й весіллю бути... такъ воно́ склáлось, та не такъ стáлось.

Скóро пíсля́ прóводівъ Михайла, щось ставъ недýжати нашъ татýсь: сóхне, бухи́ка, а далí́ й залíгъ; вже й бáбу и лíкарівъ звали, ні! не помагá! Далі татýсь перестáвъ ,й лічи́тьця, та поєднáвъ ледащаго Самíйла, щобъ той ходивъ до нёго пíсьмó читáти; отъ, благодаре́ніе Бóгові, такъ, мóже черезъ ти́ждень, або два, бáткові полéгшало, вже буцíмъ й здоровий ставъ, тíльки и́нколи кашляне́; думали: слáва Богу, усе гаразд! ажъ ні.... Опія́ка Самíйло влізъ въ душу тáта, та й ставъ клонити ёго на свою стежку.... Щó то плáкала-ридáла Натáля, щó то вимовля́ла бáткові гíркими слёзами! ні! буцíмъ не чýе й не бáче та остáннє здорóвья гýбе, дóбру слáву гáнить! Першъ було, зъ Самíйломъ пьють то у нёго, то у садкý пíдъ кóлесомъ, а то вже почáли́ вчащáти й до ши́нку; а якъ прочýли про се пья́ниці, яри́ги и вся́ке ледащо, то такъ якъ вóронъ на трупъ ки́нулись до на́шого двору... гóре тя́жке, ли́хо вáжке!

Ждáли Покрови́, якъ Бога, — чи не прийде Михайло, чи не зупи́нить вінъ тáта, бо бáтько поважавъ и слýхавъ Михайла: тимъ Хведірко, й ремстовавъ на Михайла, и безвинно мавъ ёго собі за лю́того вóрога.

Разъ, въ обíдню пóру, чýемо, ідуть наші чумаки́, співáють... ми зъ Наталею притьмомъ за воро́та чи не йде Михайло? Прой-шла одна вáлка, а далí й дрýга, — нема!... Натáля побліда, ажъ трýситьця, а очі повнíсенькі слёзъ... стоíмо, ждемо, а питáти я́кось страшно... ажъ óсь тягне Максимъ Вовкогінъ и привертáе до нашóго двору; дивимось—ажъ за ёго паровúцями й нашихъ три пáри йдуть, а Михайла — нема!... Де жъ Михайло? пи́та Наталя— Недужий, въ Мариопóлі зостався, — одказýе Максимъ.... Якъ почýла се Натáля, то такъ и зомлíла; а далí закри́ла очі рукáми, та мóвчки, якъ несамови́та, й пíйшла въ садóкъ; а я побíгъ до Оме́лька дiда, та за Панькомъ; батька не було дома. Причáлили хури до комóри, ви́прягли волівъ, та й почáли́ гуртомъ сумовáти за Михайломъ; Панько ажъ плакавъ, а далі побíгъ роспи́товати, що й я́къ стáлось; та небагáто й вінъ довідався, — всі въ одинъ гóлосъ оповідáли, що Михайло зостався хворий

въ Марнопо́лі; а хури наші принявъ Вовкогі́нъ, — отъ и всі вісти!... Батько якъ прочувъ про се, то першъ, днівъ зо́ три, ні горі́лки, ні хлі́ба въ ротъ не бравъ, тяжко сумова́въ, та моли́вся Богу; а далі́ якъ закури́въ, — то вже на́що Самійло лидащи́ця ги́рява,—одъ-же й той відъ нёго відступи́вся.... Пье тату́сь, ажъ ли́хо сміється! а Наталя день и нічъ вбива́ється, якъ го́рлиця, вся змарніла, очи́ці поту́хли, — знай, все ни́шкомъ пла́че.

Такъ заста́ла й зима́; ги́не добро; худо́бонька зъ двора́ такъ и пливе́; тілько дідусь Оме́лько й турбува́вся ко́ло хазяйства. Передъ Різдвомъ вмерла бабу́ся Івга, а після Різдва́, Панька́ взяли́ въ москалі... ба́тько жъ все мовчить та пье на безголовья,—пье, на́че у нёго поже́жа въ гру́дяхъ; нема́ ёму ні дня, ні но́чі, — ні будня, ні свята!... А тутъ ще на́ лихо, якъ довідався Хведірко що́ у насъ діється, ки́нувъ городъ, та, якъ разъ передъ Великоднимъ святомъ, до насъ, зо всімъ згіддемъ и перебра́вся. Ба́тько, спершу, не хотівъ пуска́ти ёго й до дво́ру, а далі, махну́въ руко́ю та й поття́гъ — геть до ши́нку.

Ната́ля хили́лась щи́римъ серцемъ до брата Хве́діра й жінки ёго Кули́ни, — такъ ні: не на ти́хъ напала,— й не дивлять ся; теперъ-то Хведірку була воля! Вбра́лись въ світли́цю та й зажили́. Хведірко осі́вся на хазяйстві.... Було́ вже намъ, си́ротамъ, горя, а більшъ усёго натерпі́лась, сердешна Ната́ля, відъ того га́спіда Кулини!... Дня не прохо́дило, щобъ не було ла́йки та сва́рки; — одни́ми слеза́ми вилива́ла свое горе бі́дна сестру́ня, та ждала, чи не повернеться зъ Марнопо́ля Михайло, чи не зарату́е ду́шу?...

Загосподарёва́въ Хведірко́; на все́ село осла́вився: позва́ми зъ сусі́дами, а соба́чимъ життёмъ до́ма; ба́тька прибра́въ у ру́ки, ча́сомъ и гри́мавъ, а то, разъ, ле́две й рукъ на нёго не наложи́въ, та вже Ната́ля заступи́лась та вговори́ла, — а той мовчить ажъ пла́че, та мо́ле: хочъ ча́рочку щобъ дали́!..

Пра́ву лю́ди ка́жуть, що одно́і бі́ди не бувае: — якъ ли́хо йде, то ще́ за собою ни́зку веде́; якъ пі́де вже на безголо́вья, то тільки держи́сь, якъ про́рва у гре́бли, — одно́ другого пру́дко поганя́е; такъ и зъ нами: тутъ, відъ Хведірка́, нема́ життя, а то ще приіхавъ до ёго яки́й-сь то ро́дичъ ёго жі́нки, — відставни́й му́ндирь....

Отъ-той доканáвъ! — зо́всімъ спої́въ ба́тька, а самъ бувъ такий вже опія́ка, що й горілка ёго́ не проймала. Чоловічого ви́ду

на нёму не було́, та й звірю́ки тако́і наврядъ чи найдетьця! Рижий, волосся ёму іжако́мъ, пи́ка мовъ зъ підо́шви викроена, таранкова́тий, ву́си щіткою, — нічого каза́ти, га́рний бувъ му́ндирь, бодай й не знати! а безсоромі́тно лайливий, то й сказа́ти не можна! Всі ёго жаха́лись, одна Кули́нка па́нькалась зъ нимъ, а Хведірко́ трохи́ й не боя́вся его.

Отъ-тутъ вже гірка́ перелила́сь черезъ край! напа́ли Хведірко зъ жі́нкою на серде́шну Ната́лю, щобъ пийшла за того му́ндіра за́міжъ; по́ідомъ въілись; що дня гризу́ть ій то́лову, ще й ба́тька до того́ підмовля́ють; а далі́ й порішили: хо́че, не хо́че, а нехай, буцімъ, ба́тькову волю не переступа́, а йде за му́ндиря, та порішивши назна́чили й весілля на після́ Пе́тра.

IV.

Мину́ла зеле́на неді́ля, пройшла́ й Петрівка, — Ната́ля хо́де якъ несамови́та; першъ було одріка́лася відъ своеі напа́сти, відъ му́ндиря; а то́ вже не пере́че, мовчить, тільки слізьми свое го́ре вилива́е: — гле́дя на се й Кули́на мовъ прихі́льніша ста́ла, та все Ната́лі свого ро́дича вихваля́е; влища́е, що вінъ и сяки́й, и таки́й, що вінъ и бага́тий и родови́тий, й вона́, че́резъ ёго, му́ндиршою стане.... Слу́ха Наталя, та мо́вчки-мовчить....

Ажъ ось и неділя близько; приіхала ті́тка Хи́ма зъ Байрака, щобъ порядокъ на весі́ллі да́ти; прибули́ й посе́стрини дружечка́ми, а ра́дощівъ ні́, нема́!... Вже й корова́й спекли́, княже́цькій калачъ на столі́, гі́льце стоі́ть розукра́шене, крий Бо́же, яке́ хороше!... Пішла моя Ната́ля просить на весілля.

Хо́де Ната́ля, якъ світъ бо́жій ій завья́заний; дру́жечки заквічані, веселе́нькі, молоде́нькі, коло іі щебе́чуть, виспі́вують та витя́гають голосні́ше, а вона въ дука́тахъ, квітахъ; сине́сенькій шушо́нъ черво́ною стёжкою оторо́чений, шо́вковимъ плато́чкомъ стано́чокъ перехва́чений, така́, здаетьця, пи́шна ді́вчина, якъ квітонька роже́ва у садо́чку... та на се́рці го́ре лю́те, гадю́кою впило́ся!.. хо́де, а ніби не жива́, кла́няетця — й слёзи на о́чахъ... Прийшла до дому, ажъ тамъ вже музи́ки, почали́сь та́нці, пісні́, — а дівча́тъ-дівча́тъ, якъ ма́ку на вгоро́ді! Е зъ кимъ поговорити, е́ кому́ повилича́ти!...

Ба́тько зъ своімъ товари́ствомъ, пiдъ ко́лесомъ, допили́сь, до того́, що тамъ и позасинали, а я, зморивши́сь на все гле́дя, забра́вся у курiнь до дiда Оме́лька, зари́вся въ дiдову оде́жу та й не счу́вся, якъ и заснувъ.

Чи до́вго спавъ, чи нi, — не знаю; ажъ ось, чу́ю, мене́ бу́дять; одкрива́ю о́чi — тiльки що на́ свiтъ почина́е благословитьця; дивлюсь,—Ната́ля передо мною, така́ яка и вчо́ра: заквiчана, въ дука́тахъ, намистi, въ спине́сенькому керсе́тi, червоною стёжкою оторо́ченiмъ, рукава сороч ки въ мере́жкахъ, а сама́ бiда́-бiда́! нахили́лась до ме́не та й каже: — вставай, Iвасю, мо́же скупаесся, вода свiже́нька, здорове́нька; ось я принесла́ тобi сороче́чку и ту́ю квiти́ну зъ стёжокъ, що обiщалась—сёгодня мое вiнчання!... Дивлюсь, квiтка у неi въ рукахъ, та така́ жъ га́рна, така га́рна, що я заразъ схопився, та мерщiй до бе́рега, а Ната́ля пiшла́ за мною.

Ще всю́ди тихо було, тiльки що зо́рi почали́ бле́кнуть, и мiсяць поблiдъ; по дворахъ все спало.... Отъ, я й вскочивъ въ воду, — тепленько, гарненько; пiрну́въ разiвъ тричi, похлюпоста́вся, та й на берегъ, — ажъ тамъ уже и бiла сороче чка лежить, комiръ iй и рука́вцi змере́жанi черво́нними и си́нiми мере́жками, та такъ лю́бо-га́рно, що й не надивитьця! се менi, Ната́ля подару́нокъ на весiлля зготовила. Одя́гся, озирну́вся въ воду, а далi дивлю́сь — Ната́ля стоiть пiдъ вербо́ю, та пильне́нько дивитьця на о́зеро, а воно таке тихе́ та привiтне; оце пробiжить вiтере́ць по очере́ту, зтиха́ заколи́шетьця хвили́на, зани́шкне, й знову озеро гладе́ньке якъ скло.... Отъ прибiгъ я до Ната́лi, пригорнувся до неi, — а вона пришпи́лює мiнi квiткуна гру́ди й ка́же: сядьмо, Iвасю,—а сама слiзоньками такъ и вмива́етьця; ся́дьмо, — каже, та слу́хай, мое серденя́тко; слухай, моя брати́но-сироти́но, моя роди́на рiдне́сенька; слу́хай, що я тобi буду каза́ти: — якъ поба́чишъ коли Михайла, скажи ёму, що я любила, ду́же люби́ла ёго, що й вiкъ свiй занапащаю за ёго! нема мiнi життя, на сiмъ свiтi, пошука́ю кра́щого кра́ю... скажи: що буду молитись за ёго, и за тебе, мое голубя́тко; ви́прошу, вамъ у Бога долю, хочъ сама ii не ма́ю... — та ка́жучи се пригорта́е мене́ до се́бе, та голу́бе, та примовля́е, моя жалiбни́ця, такъ, що й я розпла́кався; а далi й каже, скрiзь слiзъ осмiха́ючись: — перестань, Iва́сику, сёгодня мое вiнчання, а ти будешъ заплаканий, — не гоже? Иди лишъ спа́тки, а я тутъ сама скупаюсь!

Я було й пішовъ, та мабуть серце чу́ло щось недо́бре,—огля́нувся назадъ, ажъ бачу, Ната́ля, пливе́ чо́вникомъ по озеру; я мерщій до берега: возьми й мене, сеструню! крикнувъ ій, а вона озирну́лась та й каже: ні, Івасю, тобі не слідъ тамъ бу́ти де я бу́ду, — йди до до́му!—а сама роздягаетьця.... Я жъ ду́мавъ що вона ско́ро вернетьця, скупа́вшись, та й залігъ у травi, на бе́резi, й не счувся якъ и заснувъ.

Тільки й сни́тьця міні, що яко́-сь я ви́соко літа́ю; такъ міні ве́село та га́рно, ажъ ось и покійна не́ня біля мене й Ната́ля тутъ же, цілу́ють мене́ та жа́лують, а міні такъ га́рно, такъ га́рно, що я запла́кавъ, та й проснувся. Дивлюсь — дідъ Оме́лько йде; у́здрівъ мене́ й каже: мабуть, Івасю, ти ра́но проснувся, що вже вспівъ й на весілля такъ причипури́тьця! ходімъ лише́нь ятірі́въ трусити; чи не пійма́емъ яко́го карася́ въ смета́ну? Глянувъ я на себе, у́здрівъ квітку и згадавъ про Ната́лю, й пита́ю діда: а Ната́ля де? — Мабу́ть ще спить після вчора́шнёго, каже дідъ.—Ні, кажу, — вона поплила купа́тись.... Дідъ погледівъ коло верби, чо́вника нема; о́страхъ ёго взявъ, почавъ гука́ти, — Ната́лі не чуть!... Тільки я пригле́жуюсь, ажъ гень-геть мрі́е, середь озера, човникъ, а на нёму нико́го не видко; я й кажу се дідові. — Го́споди! чи ни лучи́лось чого!—сказавъ вінъ, а самъ ажъ тру́ситьця; а далі мерщій пі́ддюпцемъ до дво́ру, збуторажи́въ усіхъ, побі́гли, роздобули́ човна́, та на озеро; пійма́ли дідівъ чо́вникъ, ажъ въ нёму вся одежда Ната́лі такъ доладу́ скла́дена: й керсе́тъ, черевички, дукати́, намиста́, а поверху — вино́чокъ; усе́, усе́ е, опрічъ сорочки, та хре́стика....

Довго шукали ії й на о́стровi, й на бе́резi, и въ о́зері невода́ми лови́ли, — нема! Мабуть пійшла́ підъ пла́въ; такъ и загинула моя сестри́на!

V.

Ско́ро після́ сёго, ще до Іллі, повернувся въ село́, зъ ху́рою до́брихъ сірихъ волівъ, и Михайло; якъ почувъ сердега що у насъ ста́лось, — такъ и умився слёзами; и все, було, мене роспи́туе за Ната́лю. Самъ же оповіда́въ, що якъ вінъ занеду́жавъ въ Марнополі, то прохворавъ ажъ до самісенькоі Покрови́, а далі оста́вся відробля́ти хазя́іну, у которого живъ; по́тімъ попавъ у Керчъ, и тамъ

працёвавъ, щобъ не вертáтьця зъ пустими руками до-дому; казавъ, що славъ до насъ листи́, та мабу́ть вони, коли́ не пропада́ли на по́шті, то Хведірко перехва́тувавъ, бо ніхто́ у насъ въ дворі й не чувъ про іхъ; и за Миха́йла ма́ли ми думку, що вже мабу́ть вінъ загинувъ въ чужій сторонí.... Проживъ у насъ Михайло днівъ зо три, посумовавъ підъ вербо́ю, край озера, кажнісіньку ніченьку, а далí попрощався, та й поли́нувъ зъ нашого села.

На самісенького Спáса татýсь Богу душу віддавъ; а якъ умеравъ, мене призвавъ, мовчки перехристивъ та, скрізь слёзи, пилнéнько гледя на мене, и одійшовъ. Тільки я зъ дідомъ Омéлькомъ и були́ біля́ его, и очі ёму закрили; Хведірко жъ зъ жінкою десь гостювали.

Після по́хоронъ батька, Омелько дідусь, зібра́вши свої клу́нки, почипи́въ то́рбу, та й поплентавъ на прощу́ у Київъ; и якъ пішовъ, то тільки я его й бачивъ!

Хведірко скоро проци́ндривъ всю батьківщи́ну, та й переіхавъ опьять у городъ; тамъ, кажуть, служивъ у жидівъ ватажко́мъ объізчиківъ; жінка его ки́нула, та забра́вши останню худобину десь ділась зъ родичемъ му́ндиромъ, а Хведіръ після сёго зовсімъ спився, та й загинувъ ма́рне десь у шинку́.

Про Миха́йла була чу́тка, що вінъ пластова́въ у Чорномо́рії и яко́сь попа́въ до черкесівъ въ нево́лю; тамъ, ка́жуть, підрізали ёму подо́шви на нога́хъ, набили́ зъ кінського хвоста́ січки, щобъ не втікъ, та й приста́вили коней доглядáти; Михайло жъ, буцімъ, тамъ и одружи́вся зъ нехристкою й дітóкъ мавъ нехрещéнихъ, а далí засумова́въ на чужи́ні, та й задумавъ утіктú; ви́ждавъ для сёго пори́, та ви́бравъ що-найкра́щого о́гиря, — а дру́гімъ поперерізовавъ го́рла, та й махнувъ до Ку́бані... ажъ ні, — мабуть така его до́ля, — черке́си таки́ вловили́ его, та й завдали́ ёму люту муку, а да́лі й зкроши́ли на дрібне́сенькі шмато́чки... Та́къ козакъ и загинувъ!

Зоста́вшись спрото́ю, мене привітила тітка Хима, що зъ Байрака: тамъ я зрісъ, одружився зъ моею старою, спромігся́ грошенятами, та й викупивъ оцей двіръ покійного батька, та вже не той що бувъ колись!... Нікому коло него турбоватись! нема въ мене дідуся Оме́лька! мабуть вже й кісточки его розсипались, нехай ёму перомъ земля! свята́ душа бувъ чоловікъ!..

Бага́то годі́въ проли́нуло, а якъ гляну на те озеро, такъ и згадаю свою сестру́ню Наталю: отъ мовъ жива стоіть передо мною зъ своімъ тихи́мъ поглядомъ, привітною ласка́вою мо́вою!

Ка́жуть люди, буці́мъ Ната́ля зробилась руса́льною; що дехто и ба́чивъ, якъ у місячну та зо́ряну нічъ, ніби вона́ вихо́дить изъ озера, та си́дя на березі че́ше свої довгі ко́си, плете́ вінки́ зъ барві́нку, сти́ха співае, и году́е ри́бку жовте́нькимъ пісо́чкомъ; а по вечерній, або ранній зорі, скрика́е пти́цю на кормъ, а та лети́ть до неі зо́ всіхъ краінъ: сіда коло неі, вьетьця, пле́щетця одъ-того, буцімъ, на озері й дичини багато. А въ те́мну нічъ, та ще́ въ бурю, буці́мъ, Ната́ля хо́де по о́зеру та втихоми́рюе хвилі, щобъ не ви́кинули рибини на берегъ; щобъ не рознесли гніздъ бо́жоі пти́ці, не залили́ бъ іхъ мане́нькихъ ді́токъ; и ма́ютъ тоді по ві́тру, неревитиі барві́нкомъ, роспущенні густі ко́си; зорями горятъ іі очі, а соро́чечка місячнимъ світомъ ся́е... На́ зіму жъ, буцімъ, Наталя стано́витьця лебддю и ли́не на Ку́бань, де впьять ро́битьця русальною; а на ту пору й Михайло, що за гріхъ життя́ зъ невірою, пасе, кажуть, по високимъ горамъ, зарізанихъ нимъ коней, гоне свій табу́нъ, тежъ до Ку́бані, и тамъ вони стріча́ютьця, та не видима си́ла діле іхъ річкою и держе врізь; ходять вони по берегу безъ мо́ви, безъ привіту та простягають руки одно до другого; а наста́не весна́, то Ната́ля, буцімъ, то зновъ вертаеться на озеро, а Михайло гоне свій табунъ въ високіі гори... И такъ вони́ будуть зходитьця поки́ль не ви́мре все одро́дде Миха́йлове, що приживъ зъ не́христкою.

Я сёму повіда́нню не дуже йму віри; за Михайла ще не скажу́, не зна́ю! а що Ната́ля, хоча́ й втопи́лась, — такъ іі жъ довели́ до того, та таки́ й святий хре́съ бувъ на ній; я се добре знаю! а що дичини багато на о́зері, — то я не даю́ іі би́ти... Ната́ля була така жалібни́ця, — побаче було кровъ, вже й слёзи на оча́хъ!... А о́зеро люби́ла, — що й вікъ свій дівочій у нёму втопила!.. Тимъ-то й зоветьця воно́ Ната́ль-озеромъ...

Моде́стъ Ди́мський.

7 октября 1861.
Хоро́ль.

ЖИЗНЬ ВЪ ОДНОМЪ СЕЛѢ.

Село »Непроходи́-Лісъ«, въ которомъ мы поселились, тянется на пространствѣ пяти верстъ надъ покатостью крутого берега широкой логовины. Въ недавнія еще времена; здѣсь, какъ видно, была прекрасная рѣчка, а теперь — болото; оно образовалось отъ запруды, и поросло *лепехою* и *очеретомъ*: по берегу ростетъ осина и молодая береза.

Тараны и Половины составляютъ главныя фамиліи села Непроходи́-Ліса: вѣроятно, съ нихъ первыхъ началось село, а потомъ уже другіе лѣпили свои хаты, какъ ласточкины гнѣзда, по окраинѣ рѣки. По правой сторонѣ нашей усадьбы была Таранівщина, по лѣвой — Полови́новщина. Мы жили въ самой срединѣ села. Земля, на которой стояла наша усадьба, не пахалась тридцать лѣтъ и никѣмъ не была занята. До нашего поселенія жилъ здѣсь козакъ Го́йда; послѣ него только и осталось слѣда что́ вишнёвый запущенный садъ и чуть замѣтные два мѣста, гдѣ стояли хаты. Въ память Гойды мы назвали свою усадьбу Гойдалівщиною. Это самое лучшее и дорогое мѣсто въ степи. Задняя сторона нашей усадьбы примыкаетъ одной стороной лѣса къ логовинѣ; съ правой стороны открывается видъ на рѣчную заросль, за которою виднѣется большой лѣсъ, — и открывается часть *левáды* (рощи) и *стáву* (пруда) Тарановъ; сюда выходятъ ближайшія сосѣдки, съ коромыслами, на плечахъ, мыть бѣлье; и часто, съ появленіемъ ихъ, изъ высокой осоки съ крикомъ подымается вверхъ стадо дикихъ утокъ и цапель; невозмутимою остается бѣлая стая домашнихъ гусей, но не надолго. Вслѣдъ за сестрами и матерями, съ веселымъ смѣхомъ и крикомъ, прибѣгаютъ къ пруду дѣти и начинаютъ бросать на гусей комками земли и палка-

ми. Недовольная стая выходитъ на берегъ; гуси сычатъ, гергочутъ, протягиваютъ и наклоняютъ голову до самой земли, и, наконецъ, гонятся за мальчишками; но видя ихъ неотвязчивость, съ гнѣвнымъ крикомъ снимаются и летятъ въ село, гдѣ раздѣляются уже на партіи и — по домамъ. По правой сторонѣ отъ просѣки полосой потянулся лѣсъ изъ дуба, бѣлыхъ тополей, огромныхъ дикихъ грушъ, березъ и дикихъ вишень. Лѣвая сторона нашей усадьбы, къ Половиновщинѣ, открыта на село и вѣтряныя мельницы; а передняя ея сторона глядитъ прямо въ необозримую глубину степи и на *могилы* (курганы), величественно подымающіяся подъ зеленымъ покровомъ. Налюбоваться нельзя вдоволь этимъ мѣстомъ! Средину нашей усадьбы пересѣкаетъ чудная, цвѣтущая долина, и идетъ почти до самой левады Тарановъ, въ видѣ пестраго пояса. Что́ за свѣжесть шелковой травы! что́ за ароматъ въ воздухѣ. Однимъ словомъ, она у насъ слыветъ за преддверіе рая. А когда, поворотивъ по долинѣ влѣво, вы входите въ гущину лѣса, просто что́ то обаятельное! Васъ охватываетъ разомъ ароматическою свѣжестью, провожаетъ пѣнье соловьевъ, воркованье дикихъ голубей, шумъ листьевъ и тихое колебанье стройныхъ деревъ. Право, тутъ чувствуешь себя обновленнымъ, блаженнымъ. Не хочется уйти отсюда; какъ бы удерживаютъ теплыя нѣжнѣйшія объятія. Мы назвали это тихое, безмятежное уединеніе *раемъ*. Въ палящій степной зной чрезвычайно пріятно туда удалиться. Часть долины, граничащей съ усадьбой Тарановъ, была у насъ подъ огородомъ—благодатная земля! Все у насъ всходило и вырастало превосходно. По преданью, на этомъ мѣстѣ родилась такая морковь, что лопаткой вырывать нельзя было,—ломалась: такое все было громадное! У насъ арбузы были въ 20 ф., дыни въ 18 ф., огурцы простые въ $^3/_4$ ф. Крымская рябина, бѣлая акація, демянки и хито все это росло отлично, безъ пособія парниковъ и ученыхъ садовниковъ.

Всѣ обычаи, вся бытовая обстановка въ селѣ Непроходи-Лісъ тѣ же, что́ и во множествѣ другихъ нашихъ селъ; но — увы! — и этотъ закутокъ отчасти не спасся отъ вліянія непрошенныхъ, коварныхъ, гостей. У нѣсколькихъ женщинъ — я замѣтила — не было уже нашей поэтической простоты и женственности, которую всего болѣе тутъ, въ захолустьѣ, и ожидаешъ встрѣтить. Много надѣлали зла, въ-продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, кочующіе въ окрестностяхъ ремонтёры и барышники, выкармливающіе ежегодно огромные табуны лошадей на широкихъ степяхъ. Вмѣстѣ съ травой, они вытравили нѣсколько дорогихъ

для насъ сельскихъ цвѣтковъ и. вытравля наше хорошее, посѣяли свое — чужое и дурное. Чистый украинскій языкъ и задумчиво-нѣжныя пѣсни у многихъ смѣнились искаженнымъ *московскимъ;* на-мѣсто нашей обычной застѣнчивости и сдержанности появился, совершенно противный намъ, солдатскій разгулъ и удаль. Хотя народъ нашъ и неподатливъ, но эта зараза овладѣла нѣкоторыми слабыми личностями и физически и нравственно. Въ понятіяхъ, рѣчахъ и смѣхѣ появилась пренепріятная разладица; это никогда не созвукнется съ соловьиной пѣсней, съ вишневыми садами, съ *запашными* зельями, ни съ нашими, полными глубокой любви и тоски, думами-пѣснями. Иногда мнѣ случалось слышать поселянку, поющую *польку* вмѣсто *козачка*; но всё хорошо на своемъ мѣстѣ: я съ удовольствіемъ готова слушать а в.-русскую пѣсню, но чтобы пѣлъ ее не иностранецъ. Одежда здѣсь не подверглась, однакожъ, чуждому вліянію: чисто-украинская; въ нѣкоторыхъ семействахъ сохранились даже *кунтуши*.

Вышивками на рубашкахъ здѣсь щеголяютъ; *мережки* и гладь бѣлыми нитками великолѣпны, а красными и синими нитками, какъ вездѣ, въ другихъ украинскихъ селахъ, здѣсь не вышиваютъ. Здѣсь говорятъ: *Дурна́ця*! *Се тільки дітямъ цяцькува́ти*.

Въ первые годы нашего пребыванія въ Гойдалівщинѣ, мы (насъ было всего двое) жили въ простой хатѣ, которую выстроили надъ самой доро́гою. Она стояла въ углу усадьбы, къ лѣвой сторонѣ, т. е. въ сосѣдствѣ съ Половинами. Мебель наша состояла изъ *по́ла* (родъ широкихъ наръ, у самой стѣны), стола, лавокъ и двухъ креселъ, и еще три полки; на двухъ изъ нихъ помѣщались книги, а на одной — яблоки и груши для запаху и для крестьянскихъ дѣтей. Мы вели очень простую жизнь. Съ восходомъ солнца вставали, гуляли, читали, занимались садоводствомъ, цвѣтами, *огоро́диной*, птицей и пособляли больнымъ по лѣчебнику, большею частью простыми домашними средствами. Это помогло намъ сойтись съ народомъ; сперва насъ дичились, потомъ полюбили.

Первое удачное наше пособіе было сосѣдкѣ Таранихѣ: у нея распухли ноги, и при всемъ этомъ она, несчастная, должна была носить воду на гору изъ *криниці* (родника). (Тараниха была бѣдная вдова и у ней одна дочь). Я дала ей совѣтъ по домашнему лѣчебнику, и успѣла ей помочь. Какъ она была рада! Съ этого начались и дальнѣйшія наши знакомства. Она трубила вездѣ, что я—*чарівни́ця*, и этому охотно вѣрили, видя ея здоровою. Вскорѣ къ намъ стали обращаться не только изъ нашего села, но

даже изъ окрестныхъ. Ранней весной, когда заливало болото, къ намъ приплывали въ чолнахъ, переходили въ бродъ, пріѣзжали и приходили пѣшкомъ. А одна бѣдная, опухшая женщина, приползла къ намъ за версту: она не могла ѣхать. Эти бѣдные люди не умѣли помогать себѣ никакими средствами, не собирали никакихъ полезныхъ травъ (что въ другихъ мѣстахъ на Украинѣ всегда дѣлается *на Симона-Зилота*: дѣвушки и женщины гурьбой отправляются за зельями въ лѣса, въ поля,—хотя этотъ день и не празднуется); у здѣшнихъ были только душистыя травы для мытья головы: любистокъ, васильки, мята, рута для *вілець* и проч., но и то рѣдко: и то, гдѣ много дівчатъ въ семействѣ, и оно зажиточное. И такъ они оставались безъ всякихъ лечебныхъ пособій. Городъ въ 35 верстахъ, итти къ лекарю далеко, да и съ какими средствами? чѣмъ заплатить? чѣмъ прожить? какъ оставить семью? хозяйство? Естественно, что они рады были мнѣ какъ рѣдкой находкѣ и преувеличивали мое простое знаніе до чародѣйства. Сильно больныхъ, которымъ нужна была строгая діэта или строгій уходъ, мы брали къ себѣ. Одна дѣвочка, которую девять недѣль била лихорадка, такимъ способомъ скоро у насъ оправилась. Несчастную женщину, которая приползла къ намъ, мы тоже оставили у себя. Она сдѣлалась больна больше отъ тягостей жизни, отъ заботъ, отъ того, что ей нечего было ѣсть. Мужъ ея—пьяница, какъ люди крайне-бѣдные, они даже не имѣли собственной хаты и жили въ *підсусідках* у одной доброй, превосходной старушки, которая не требовала ея къ себѣ на работу, а ходилъ только мужъ, когда бывалъ трезвъ. Но на рукахъ у нея оставалось двое дѣтей; одному было уже по третьему году, но она еще продолжала кормить его грудью, потому что нечего было больше ѣсть: мужъ все пропивалъ. Съ опухшимъ тѣломъ, въ лихорадкѣ, тяжело (говорила она) и воды принести, а не то что варить, хоть бы и было изъ чего. »А хлопець (продолжала она) изъ мене душу тягне, їсти хоче, а въ мене мочи нема; чоловікъ же пье, та гуляе.« Я рѣшительно приказала ей оставить кормить здороваго мальчика, а старшему ея сыну велѣла ходить къ себѣ за готовой провизіей. Ее оставила я у себя, чтобъ она отдохнула. Проживя у меня двѣ недѣли, какъ она сдѣлалась весела, какъ пободрѣла! Опухоль по немногу начала спадать,—и какъ она была счастлива! Спокойная жизнь, чистый воздухъ, хорошая легкая пища помогли ей. Выйдетъ, бывало, на солнышко, ляжетъ на мягкой муравѣ и грѣется. »А въ мене,« (говоритъ) »и сонця не було: у панії на призьбі такъ сиро! Охъ, спасибі вамъ; оддячу я

тепе́ръ за всі года́; не робо́та, а забо́та круши́ть чоловіка.« Старшій сынъ ея часто бѣгалъ къ матери провѣдать, и пообѣдать. Двѣ недѣли спустя, бѣжитъ онъ по саду не *стѣжкою*, а какъ попало, не чуя подъ собой земли. Вбѣгаетъ въ хату запыхавшись и говоритъ: »Ма́мо! ба́тько пі́вня зарі́завъ и зві́въ; и тебе́ зва́въ, щобъ шла́ до-до́му жи́ть.« Она не пошла; она рада была сколько-нибудь отдохнуть отъ тяжкаго бремени —отъ вѣчной думы о завтрашнемъ днѣ; кромѣ того, здоровое дитя видимо снѣдало ея здоровье, а куда скрыться отъ него? Вѣчная тоска о дѣтяхъ ни на минуту не давала ей покою; а м. т. даже слабой надежды на исходъ изъ тяжкаго положенія не было... Она радовалась, что мальчикъ отвыкнетъ отъ нея, и начала чувствовать себя лучше. Иногда не лекарство нужно для избавленія отъ недуга, — нужно только отвратить глаза отъ того, что́ ложится на душу тяжелымъ камнемъ. Дитя ли ей не мило! но оно снѣдало ее. А когда она бывала здорова, чего́ бы она не сдѣлала для него! Для полнаго выздоровленія ей нуженъ былъ по-крайней-мѣрѣ цѣлый мѣсяцъ спокойствія, чтобы сколько-нибудь освѣжить ея силы, подавленныя гнетомъ жизни.

Но вотъ — чрезъ нѣсколько времени сынъ ея снова возвращается въ слезахъ. »Ба́тько мене́ поби́въ и ка́же:—якъ за́разъ не прі́йдешъ, то й тебе́ побье́, а самъ збіра́етця на косови́цю: голова́ прихо́дивъ заганя́ть, щобъ шли́ на казну́ коси́ть, куди́сь дале́ко.« Не успѣлъ мальчикъ добѣжать до-дому, какъ мужъ несчастной пришелъ самъ съ плетью... но его не допустили.

Она еще не могла ѣхать; она все еще болѣла, и вотъ снова поползла домой — ха́ты и дѣтей досматривать. Отправляясь, она благодарила меня за то, что я избавила ее *отъ чумы*. Такъ она назвала своего пьянаго мужа. »Бі́дна моя́ голо́вочко!« продолжала она: »хоті́ла вамъ, па́ні, подарува́ти пі́вня... и послі́днёго чоловіка зві́въ!..«

Дѣти, то крикомъ, то просьбами, порядочно мучили ее; къ тому жъ—то не по силамъ подыметъ, то постоянная нищета на глазахъ: »и те́ уробить (какъ она говорила) тре́ба, и дру́ге; а тутъ и пі́дсосі́дкамъ зави́дно, що стара́ па́ні, спаси́бу ій, мені таку́ ува́гу ро́бить и не зове́ мене́ на робо́ту, лаютця: ми, кажуть, твою́ робо́ту ро́бимо.« Все это тяжело падало на ея душу. Лекарства, которыя я ей посылала, она принимала не вдругъ, а раздѣляя на нѣсколько разъ. »Такъ мені га́рно! Що́ ковтну́ тро́шки, такъ мині й поле́гшае.« Но чрезъ нѣсколько времени, она начала все безразлично ѣсть: и лѣсныя груши, и грибы, и другое

неудобоваримое для ослабѣвшаго желудка... И вотъ, мужъ ея, возвратясь домой, вскорѣ послѣ того пришелъ къ намъ — просить досокъ на гробъ!.. Онъ не тужилъ за женой. Скоро опять женился. Онъ пересваталъ всѣхъ на своемъ селѣ, но ни одна даже бѣдная вдова, не рѣшилась раздѣлить съ нимъ кусокъ хлѣба. И такъ, онъ женился на какой-то вдовѣ въ чужомъ селѣ;—а извѣстно, у насъ это большой позоръ—не найти себѣ дружины въ родномъ селѣ. Дѣти не любили ни отца, ни мачихи: разбрелись. Старшій въ погóничи, тотчасъ же послѣ смерти матери, пошелъ, а меньшой жилъ больше у *дя́дька*, пока не подросъ, а потомъ и совсѣмъ оставилъ ихъ, хотя и отецъ и мачиха желали одного изъ нихъ имѣть при себѣ какъ попи́хача, какъ работника. Невольно приходила на мысль та украинская пѣсня, въ которой отецъ, второй женидьбой своей, разогналъ дѣтей изъ родной хаты, и не найдя во второй женѣ прежней любви, началъ тосковать о своихъ дѣтяхъ, ходилъ и зазывалъ ихъ къ себѣ:

Хóдить бáтько по вáлу,
Клúче дітéй до-дóму:
—Идíть, дíти, до-дóму,
Не бýде вамъ розгóну.—
»Живú, татý, якъ сáмъ знáвъ,
Колú ти нáсъ розігнáвъ.

Ни одно изъ его дѣтей не воротилось. Они довольно натерпѣлись отъ него и при жизни матери; но та своими ласками смягчала его нестерпимое обхожденіе.

Мы часто дѣлали прогулки въ степь. Верстахъ въ трехъ отъ насъ есть дикій, вишнёвый садъ и молодой густой лѣсъ; туда нужно спускаться байракомъ очень красивымъ, поросшимъ превосходной травой и шиповникомъ; онъ весь въ цвѣту; запахъ дикихъ цвѣтовъ такъ и обдавалъ насъ.

Еще было и другое любимое мѣстечко: въ степи же, полянка, окруженная небольшой полосой вишень въ видѣ вѣнка. Въ срединѣ его, на полянѣ, растутъ чрезвычайно крупныя *полóвнúці* (клубника) и *ожúна* (ежевика). Прелести вишневыхъ деревъ, весной, когда они въ цвѣту, потомъ усѣяны ягодами, а потомъ иволгами и скворцами, и оживлены ихъ капризнымъ неуловимымъ какъ музыка Шопена пѣніемъ, я не берусь описывать. Все это можно вообразить и почувствовать, долго вглядываясь и вслушиваясь. Иногда мы здѣсь пили чай, почти потонувъ въ высокой густой травѣ; наше общество составляла добрая, единственная наша знакомая, старушка Терещиха и ея сынъ, надѣлявшій насъ дичью;

мы вмѣстѣ варили себѣ косарскую кашу. Это мѣсто было такъ близко, что мы ходили сюда пѣшкомъ, черезъ баштаны и черезъ волнующіяся поля, покрытыя рожью, тяжелымъ золотистымъ колосомъ, какъ-то особенно звучавшимъ при малѣйшемъ вѣтрѣ; насъ встрѣчало пѣнье перекликающихся перепеловъ и вьющагося въ воздухѣ жаворонка; такъ полно всего прекраснаго разомъ, что какъ-то дѣлалось даже совѣстно одному всѣмъ этимъ пользоваться; подѣлился бы съ кѣмъ-нибудь далекимъ! Что́ за воздухъ благоуханный, что́ за раздолье! Какой роскошной пеленой раскинулась передъ нами степь. Какое приволье! Боже мой! Съ какою радостью удѣлилъ бы этого простора и цѣлебнаго воздуха какой-нибудь жертвѣ городской жизни, въ родѣ несчастнаго Акакія Акакіевича!..

Продолжая свою прогулку мы минали ниву за нивой. Вотъ полоса льну,—голубаго какъ небесная лазурь; вотъ кусокъ проса съ роскошными кистями и игрой красокъ, мѣняющихся какъ хамелеонъ: вотъ фіолетовый, вотъ золотой, вотъ зеленый, масаковый. Тутъ ряды подсолнечниковъ потянулись, какъ золотая нить; тутъ картофель отдѣлилась отъ всего своей матовой зеленью; наконецъ вотъ и широкое привольное пастбище. Время жаркое,—полдень; скотъ нашъ весь покоится и пастуха нашего въ травѣ не видно. Когда мы приблизились къ своему стаду, то чумацкіе волы *голубий* и *зелёний* и *гли́ва:* (съ такимъ названіемъ они и куплены), также и другіе безъ названій приподнялись съ своихъ мѣстъ; за ними телята, коровы, лошади, и длиннымъ рядомъ побрели по степи и шли прямо къ намъ на встрѣчу. Точно встрѣчали Адама и Еву въ раю! Молодые жеребята весело рѣзвились по степи, а все остальное протягивало намъ свои морды. Телята лѣзли въ карманъ за хлѣбомъ; волы, коровы протягивали свои мокрые, добродушныя морды и сопѣли ужасно, выражая этимъ свою признательность и желаніе получить изъ рукъ огурецъ или яблоко. Лошади фыркали и тоже сунули свои красивыя головы. Съ какимъ изумленіемъ приподнялъ голову пастухъ, спавшій въ высокой травѣ, и не нашелъ возлѣ себя своего стада!

Весну, лѣто и осень мы жили въ селѣ. Во время разныхъ построекъ, мазанокъ и лѣченія, мы познакомились бо́льше съ своими избранными, лучшими сосѣдками. Нѣкоторыя личности мнѣ хочется описать почти ихъ собственными словами. Иногда, очень пріятно, наполнялъ наше время странствующій кобзарь Архипъ, съ своими прекрасными, заунывными пѣснями и грустными разсказами о своей жизни и объ измѣнчивости всего на

землѣ (1). Когда онъ, бывало, поетъ, то у нашихъ воротъ непремѣнно собиралось общество душъ изъ 20 поселянъ. Стараго и малаго трогала родная пѣсня, брала за самое сердце! Этотъ, уже разбитый, дребезжащій, но чистый, голосъ еще казался лучше и меланхоличнѣе вдали. Я часто уходила въ райскую долину и слушала его, сидя на пригоркѣ. Слышались рыданія, жалобы,—сопровождаемыя игрою кобзы. Нѣкоторыя изъ его слушателей плакали. Дочь Архипа, 7-ми лѣтъ, его *поводи́рка*, между-тѣмъ, тутъ же съ крестьянскими дѣтьми игралась въ куклы и пересыпалась пескомъ.

Вотъ еще одно изъ воспоминаній сельской нашей жизни. Вечеромъ, сидимъ мы въ своей хатѣ, надъ дорогой, отдѣленной широкимъ и довольно глубокимъ рвомъ. Всѣ люди наши ушли ужинать въ другую хату, помѣщавшуюся, пока, на другомъ концѣ усадьбы, такъ-что еслибы мы и кричали, то голосъ нашъ не достигъ бы ничьего слуха.

Я сидѣла у самого окошка; передо мной горѣла на столѣ свѣча; я что-то работала; товарищъ мой лежалъ на *полу́*. Вдругъ—слышу издали лѣнивое скрипѣніе воза и обычное—*цобъ, гей, ге—ей*; потомъ затихло. Потомъ я слышу, — кто-то карабкается по рву и обваливается; я думала, собака, но нѣтъ: слышу тяжелые и усиленные попытки взобраться на ровъ: еслибъ это былъ человѣкъ, то для этого есть ворота въ пяти шагахъ отъ хаты. Мнѣ сдѣлалось даже страшно. Что-то тяжелое рухнуло въ ровъ и земля оборвалась и посыпалась... Слышу — еще одно усиліе; оборачиваюсь—человѣкъ уже у окна; вижу страшно загорѣлое лицо, усы, красные большіе губы; смѣющійся открытый ротъ и зубы прижавшіеся къ самому стеклу моего небольшого окошечка. Страхъ обнялъ меня: что́ за привидѣнье! Вдругъ какъ гаркнетъ: *добри́-вечі́ръ*! Я вся вздрогнула »*Пусті́ть у ха́ту, багачу́ взять лю́льку запали́ть.*« Надо пустить. Мой товарищъ взялъ свѣчу и идетъ ему на встрѣчу: я вслѣдъ за нимъ. Отпираемъ дверь; входитъ мужчина — высокій, загорѣлый, запыленный, въ высокой шапкѣ, которую онъ поспѣшилъ снять. *Відло́га* торчитъ,— видно — чѣмъ-то наполнена крѣпко: *пу́га*, перекинутая черезъ плечо, тянется по земли; *люлька* въ рукахъ и кожанный *гамане́ць* съ табакомъ. Онъ не вошелъ, а скорѣе ввалился огромными, съ запахомъ дёгтя, *чобо́тями*. *Халя́вы* широкія, длинныя,

(1) См. въ Запискахъ о Южной Руси, изданныхъ г. Кулишемъ, въ 1856 году, т. I, стр. 8. *Разсказы Архипа Никоненка о себѣ-самомъ.*

внизу сапога образовавшія нѣсколько глубокихъ складокъ, куда набилось столько пыли, что можно бы было вспахать и посѣять. Я обратила особенное вниманіе на сапоги: хорошими сапогами, изъ достатку шитыми, выражается *заможность* козака.

Увидавъ насъ, чумакъ остановился и подался назадъ отъ удивленія. Началъ кланяться и извиняться: »*Простіть; може, я що лишне сказавъ, або зробивъ щó незвичайне!*« Мы его успокоиваемъ. »*Я дивомъ дивувався*, продолжалъ онъ, *щó се таке*? Тридцять лѣтъ пустувала ся земля. Іхавъ я у Крымъ за рибою, оставивъ пустку: Теперъ, повертаюсь відтіль—и хата стоіть и огонь горить. Я думавъ, чи не морока се мені. Ніякоі хати такъ швидко, здаетця, збудувати не можна, а се видно той скарбъ показався, що козакъ Гойда тутъ схоронивъ; пійду, думаю, доторкнусь. Прийшовъ близче, бачу — и люде тутъ. Простіть, будте ласкові; я думавъ, що тутъ такъ хто живе.« Съ этимъ онъ очень быстро откинулъ полу відлоги, опустилъ свою руку въ карманъ и оттуда вынулъ рожокъ съ табакомъ, изукрашенный рѣзьбой; одоткнувъ его, обратился къ моему товарищу: »*кете табаки*,« но мой товарищъ отказался; онъ поклонился и ушелъ. Мы опять услыхали медленно-тяжелые шаги воловъ и его *гей ге-ей!* На другой день, онъ по селу говорилъ, что ему совѣстно, что, можетъ быть, онъ что-нибудь *незвичайне* сказалъ.

Тѣснѣйшее мое знакомство было съ Степанидой и Катериной— двумя молодыми солдатками; онѣ были между собой въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и вмѣстѣ приходили къ намъ заработывать. Мы нанимали ихъ обмазывать хаты, снимать вишни и т. п. Однажды. Степанида была въ грустномъ настроеніи, и начала вспоминать свое дѣвичество и вообще перебирать свою жизнь. Постараюсь передать ея разсказъ слово въ слово, ея украинскою рѣчью, ничего не прибавляя и не прикрашивая.

Усе тіі, що пити — гуляти,
Та нікому сиротині порадоньки дати.

»Була я крепачка, мене батько викупивъ изъ неволі; хорошій чоловікъ изъ козаківъ трапився по сердцю — вінъ насъ и одруживъ. Любощі якъ сонъ; не заісй, не заспишъ; разъ чоловікъ родитця, разъ и любить... Недовго я пожила зъ нимъ на волі и криламъ не дали розмахатись. Вбігла разъ хутко Катря у хату да й каже: »оттакъ, стрице! Наші хлопці покидали чуби!..« Трохи згодомъ забрали й мого... Черезъ чотирі місяці, Богъ давъ мені дитину, утіху, розвагу мою. Оце, було, все не сама я въ хаті:

чи що́, то до ёго й гомоню́. Воно́ до ме́не й одзива́етця. Чи про ба́тька що згада́ю, якъ то ві́нъ тамъ на чужі́й сторо́ні въ тяжкі́й неволі оберта́етця, а воно́ мені́ мале́е пле́нтае рученя́тами: гу, ка́же, агу́!— ра́да я! Коли́ смію́ся, а коли́, якъ тя́жко, то й гиркі́ми обіллю́ся. Тепе́ръ воно́, моя́ дити́на, и поматае мені; оце, чи до ове́чокъ ра́но вста́ть—подоїть, чи до ота́ри одігнать, воно́ не засни́ть, мене́ й збу́дить; чи на жнива́ пойду́ и ёго візьму́, наки́нувши коли́ску на пле́чі: воно́, моє се́рце, не да́сть мені й по́статі дойти́, уже́ й гука́е. Піду́—ёго́ погоду́ю, погомоню́ й оддишу. Не діло мене́ крушило, а ту́га насе́рдна... Коли́-то я ёго́ поба́чу! Жду́ не діжду́сь, якъ объ весні́ ла́стівки... отъ, и на во́лю ви́хопилась... мо́въ изъ огню́ да въ по́ломья! Бо́же! яки́мъ пі́томъ ба́тько облива́вся, корпу́ючи ту копі́йку за мою́ ду́шу! Одружи́тися вдру́ге затя́всь, а ще́ таки́й жва́вий, що лу́чше вся́кого первоцвіта, серде́шний!.. Не хо́чу, ка́же, паруватись, а хочъ одну́ ду́шу я самъ ви́ратую; а то́ — поки со́нце зійде, роса́ й о́чі ви́бье; неха́й хочъ на ону́ку поста́влять коро́въ... да й ви́зволивъ мене́. Звісно, всі ми во́лі жда́ли, якъ воронъ кро́ві. А вже́, якъ кому́ на сі́мъ світі не тала́нъ, счастья до́лі нема́, то чи й ку́пишъ;... а якъ кому на добро кладетця, то й на ски́нку прядетця... Я все журу́ся... Такъ журба́ й пре́тця въ ха́ту; здае́тця, ажъ осе́ля підійма́стця отъ поту́ги. Здае́тця, якъ би я не ходи́ла тогді Га́лею, якъ бра́ли мого́ Мико́лу, уби́лась би, або втопи́лась... упи́ну се́рцю не було́, хо́дономъ-хо́дономъ вилось... Ві́нъ каже: не жури́сь, та доглядай дити́ни; а у само́го се́рденько якъ ри́бонька на у́доньці трепе́четця. Ми бі́льшъ ніче́го не сказа́ли одно́ одному́. Такъ на́че у ме́не зъ живо́і се́рце ви́рвали... До сусідъ я не вчащаю, и до мене одна́ Ка́тря часті́шъ дові́дуетця. Мій чоловіка́ъ у москаля́хъ, и ії; у ії дво́е діто́къ, у ме́не одно́: такъ и тішемось зъ лихо́ю годи́ною попола́мъ. Усі коза́чки — дівча́та мене́ тепе́ръ цура́ютця, гри́мають, а ніхто вже́ якъ іхъ матірки́, тітки́. Ви́несло, ка́жуть, тебе́ изъ кріпа́цтва! щоб тобі до-віку було́ тамъ смо́рщкомъ сиді́ти! що жва́вого коза́ка, ка́жуть, оди́ла. А пе́ршъ у-ку́пи, було́ якъ ви́рвусь, гуля́емо, баля́си то́чимо, на Велико́днихъ святка́хъ у хре́щика и въ во́рона. Бі́жимо, було, узя́вшись за ру́ки, черезъ усе́ село́, мовъ вінокъ хто роспусти́въ, такъ ті дівча́та, ма́ючи всякимъ цві́томъ — плахта́ми, запаска́ми, стёжка́ми. Ча́сто було́ ростру́сять бага́то квіто́къ и всякого запа́шного зілля, по селу́ бі́жучи, мовъ спра́вді зъ вінку позбива́лось: а нарубо́цтво, зачу́вши на́ши спі́ви, повихо́дять на колодки: такі́ огря́дні, да одягні́, чорнобро́ві, да хоро́ші якъ оди́нъ. Инколи квітки́ пуска́ють намъ у за́пуски, а хто якъ кого, то й влу́чить въ дівчи́ну, да ка́жуть: »се

моя су́жена загуби́ла кві́тку,« а се, ка́же, моя́, а тре́тій собі́. А якъ хто, то й підні́ме та заткне́ за ша́пку та по́слі й допи́туетця, котра́ згуби́ла. Жа́рти, сміхи повод и́лись. Якъ яки́й дівку любить, то́ й гроші дае, щобъ музи́ку найма́ли и танцювали... Оце́ жъ було́ и на Різдво́ вкупі колядуємо: я, було́, усе́ бере́зою.—Ну-бо, ка́жуть дівча́та,—ти́ почина́й: у те́бе го́лосъ мовъ дзвіно́чокъ. Я почну́, а вони́ й підхо́плють. Було́, хочъ у чому́, — я пере́дъ веду́; и на весілля́хъ, то я — пе́рша; да́ромъ, що въ кріпа́цтві була́, а го́лосъ ви́кохався... А тепе́ръ ся бере́за ско́ро изъ ко́реня зва́литця!.. А у це́ркву якъ увійду́, то ті́льки глипъ — гли́пъ на ме́не; о́чі ти́, якъ стрі́ли, проймають: то одна́, то дру́га, а матірки́ и поодвірта́ютця: а я підъ собо́ю и земл і не чу́ю; свічки́ хочъ передо мно́ю и миготя́ть, да такъ и ве́рнутця ко́лесомъ. Сиріцтво моє́... ні́кому заступи́тися.

»Якъ не бра́ли ще́ мого́ Мака́ра у москалі́, то й го́ре не въ го́ре. А то—у це́ркву йде́шъ, а но́ги тру́сятця, якъ у злодія. Да я вже́ за сі́мъ и не тужу́: загуби́вши го́лову, по воло́ссямъ не пла́чуть. Налліо́тця о́чі жа́ромъ та й байду́же: и́ноді, підъ ху́стину гля́ну,—воно́ мині́ усміхне́тця, мовъ со́нечко зійде,—такъ мені́ и оділле одъ се́рця. Перемага́юся, було́, усе́ ёго́ жду́чи. Здае́тця, усі ві́кна попрогле́жовала, ёго́ визира́ючи... Бо́же! хочъ-би го́лосъ подавъ... Ка́тря вбіжи́ть, погомони́ть, мене́ розва́жить: а кріпа́чки хочъ би одна́, такъ якъ и коза́чки: се́рдятця... та́къ-то мій Мака́ръ усімъ полюби́вся; краса́ на все село́... тре́ба жъ, — мині упа́въ! »Бачъ,« ка́жуть: »ба́тько замо́жний, дакъ вона́ за́разъ и відпроторилась відъ насъ; ми вже́ ій не рівня; вона́ вже на́шої ту́ги, боля́чокъ насе́рднихъ, и не збагне́... А якъ забра́ли въ москалі мого чоловіка, то лякали, лякали мене́: »ось пове́рнитця зъ москалівъ!... вінъ ій, замість зозулі, накує́ удо́домъ. А вже́ бъ, кажуть, крепака́ одъ жінки не оддали́ бъ. И ба́тько бъ ії у ла́тках ъ да въ посто́ляхъ не ходи́въ, — заробітки ці́лі бъ були́. Добре,—кажуть,—що шовко́ві бро́ви удали́сь, ходя́ павли́на да видъ королівський,— дакъ и козака́ доско́чила!... А про свою́ ма́тіръ и забу́ла?!

»И не хо́дять, и не хо́дять до ме́не...»Не схоті́ла, ка́жуть, на́шої ділити тяготи́! Ма́ти ії не діли́ла!? що у припо́лі и ії саму́ изъ по́ля, на па́нщині знайшо́вши, прителю́щила, — де ско́комъ, де бо́комъ та пі́дбігцемъ, — несла́ навманя́, то чегерняка́ми, то по-підъ тинню, щобъ лю́де не назирили... и душе́ю, мо́же, того́ та́къ ско́ро наложи́ла. Тепе́ръ попаде́сся чо́ртові на воло́ву шку́ру, а тоді́ бъ Богъ спасъ... а́нгеломъ би понесла́сь твоя́ душа́ на не́бо, ти бъ

своé тутъ одслужúла... Нехáй же теперъ погуля́е на вóлі... порáдуетця, черезъ тúнъ, якъ ми хиля́емось!«

»Оттáкъ усі менé докаря́ють и цурáютця. Одрізана скúба одъ хлíба,—уже не притýлишъ!.. Я вже на іхъ и не дивлю́сь и не змагáюсь: ми все собí у-двóхъ изъ Кáтрею.«

Мѣсяцевъ черезъ семь послѣ моего пріѣзда въ Непроходúлісъ, дитя у Степаниды заболѣло. Наступила глубокая осень... Послѣдніе остатки желтыхъ древесныхъ листьевъ вѣтеръ срывалъ и вертѣлъ, съ неистовствомъ, въ воздухѣ, и разносилъ ихъ по всему двору. Чѣмъ-то грустнымъ, безотраднымъ повѣвало на душу. Длинныя, темныя ночи, вой волковъ, лай волченятъ и собакъ, на разные голоса, и вторящее имъ дикое завываніе вѣтра. Вокругъ, куда ни глянь, все подернуто печалью... Пѣсни на селѣ замолкли; группы сребристыхъ тополей, дубовъ и березъ, нѣкогда прекрасныхъ, стояли потемнѣвшими островами, какъ что-то зловѣщее. Надъ крышами подымались столбы дыму; хáты унизались разными приготовленіями къ зимѣ. *Капустяный листъ*, на длинныхъ шнуркахъ, виситъ большими *нúзками* подъ соломенною кровлею, будто сердито-нахлобученной шапкой; тамъ же калина, повязанная пучками; *кіяки* (кочаны) кукурузы, въ видѣ бахрамы, вокругъ хаты; все отцвѣло; даже дівчата казались отцвѣвшими, отжившими. Пѣсня слышалась очень, очень рѣдко, гдѣ-нибудь на огородѣ, у запоздавшихъ только хозяекъ. Но къ полудню, съ появленіемъ теплыхъ солнечныхъ лучей, дѣлалось веселѣе; тогда люди становились не тáкъ похожи на неповоротливыхъ медвѣдей и на сычей. Хáты, уже поновленныя и вымазанныя къ зимѣ,—сіяли подъ изморозью на солнцѣ.

Въ такую осень, въ такой прекрасный день, я пошла довольно рано, по-надъ крутымъ берегомъ широкой котловины, къ своимъ больнымъ и знакомымъ. Я люблю заходить въ хаты мопхъ землячекъ: у нихъ такъ хорошо! Лѣтомъ онѣ готовятъ себѣ обѣдъ въ сѣняхъ, если не на открытомъ воздухѣ, въ устроенной нáскоро маленькой печкѣ на одинъ казанокъ;—оттого хáта—какъ цвѣтникъ. Чисто, свѣтло, свѣжо; образа обрамлены шитымъ рушникомъ и въ цвѣтахъ; *сволокъ* тоже украшенъ засохшими гвоздиками. На стѣнахъ наивныя картины религіознаго и юмористическаго содержанія и *рушники* на колышкахъ; посреди *сволока* вбитъ гвоздь, на которомъ виситъ шапка хозяина, а изъ-за сволока выглядываетъ псалтырь у грамотнаго, а у неграмотнаго—*карбіжъ*, *грéбінь и днúще*.

Иду я лѣсомъ; тихо кругомъ; только листъ покрытый инеемъ

и замерзшими каплями, дождя, шумитъ подъ ногами, блистая кристаллами и драгоцѣнными камнями, да иногда послышится трескъ, который производитъ печально бродящій по́ лѣсу скотъ, ломая кусты и собирая послѣднюю добычу съ молодыхъ отпрысковъ или запоздалой травки, скрывшейся подъ листомъ. Я пропустила нѣсколько хатъ, и повернувъ всторону, зашла къ одному мальчику, моему бывшему паціенту, чтобъ занести ему примирительный пряникъ: онъ былъ на меня золъ за мое несносное лѣченіе. Я лѣчила его лѣтомъ отъ золотухи; для успѣха, нужно было не только солнце, но даже степной палящій зной, и притомъ еще необходимо было ему смывать голову и пить настой изъ травъ; когда, бывало, его мать приносила больного ко мнѣ и, по моему указанію, ставила его на полъ и, охвативъ его лѣвой рукой поперекъ, другой смывала ему голову теплымъ наваромъ изъ кореньевъ, то онъ, бѣдняжка, переступая съ ноги на ногу, обыкновенно кричалъ: *лѣлю, лѣлю замо́чишь!—Да я дру́гу, чисте́ньку, дамъ*, — отвѣчала мать; но это его мало утѣшало; онъ сердился на меня, — и часто у моихъ воротъ подымался оглушительный визгъ его.

Подаривъ пряникъ своему маленькому врагу, я продолжала свой путь дальше, до Степанидиной хаты, чтобъ посмотрѣть больное, даже ненадёжное, дитя ея. Вчера бѣдная Степанида была очень печальна. Приближась къ ха́тѣ, я увидала на *присьбі* (завалинкѣ) ея отца; локти его упирались въ колѣни: лицо было закрыто руками. — Чого се, — думаю, — сердега Захарко суму́е, — чи спить? — *Сйва шапка* совсѣмъ нависла на его брови; и онъ этого не замѣчаетъ. Когда я подошла къ нему, шаги мои вывели его изъ глубокой думы: здрастуй, Заха́рко! — Онъ снялъ шапку, медленно всталъ и, едва кивнувъ головой, показалъ мнѣ на дверь, сказавъ тихо: »Идіть до хати.« И самъ вслѣдъ за мной пошелъ. Войдя въ хату, я была поражена неожиданностью послѣ того впечатлѣнія, которое на меня произвела моя прогулка по обнаженному лѣсу и печальный Захарко. У Степаниды — большое общество, и — странно! — всѣ въ цвѣтахъ, какъ на свадьбѣ. Что́ это?.. Или не воротился ль ея мужъ? — подумала я. Баба суетится возлѣ печи — только-что *паляниці* вынула; Катерина крошитъ *ло́кшину* (лапшу). Степанида тоже очищаетъ снизу паляниці, стоя къ порогу спиной... Когда я сказала: здраствуйте, Богъ на помічъ! тогда Степанида поворотилась ко мнѣ съ поклономъ, и я замѣтила, что ея глаза очень заплаканы. Я догадалась, что́ все это значитъ, — что́ промелькнуло у меня въ умѣ,

когда я увидала на присьбѣ печальнаго Захарка; онъ рѣдко посѣщалъ Степаниду съ тѣхъ поръ, какъ ему не удалось ее видѣть счастливою, — развѣ въ важныхъ только случаяхъ. Не умерла ли Га́ля? — И я боялась этому повѣрить. Въ первую минуту я отчета себѣ не могла отдать, что́ вокругъ меня. Теперь я начала подробнѣе все разсматривать. На *скри́ні* (большой сундукъ), которая, у небогатыхъ людей замѣняетъ и столъ, не случайно лежитъ куча разной зелени, барвінку, руты и калины: то лежитъ Га́ля, въ вѣнкѣ изъ руты и калины, съ восковымъ крестомъ въ рукахъ. На лавкѣ множество дѣтей различнаго возраста, начиная съ старшей Катерининой дочери, до крошечной; всѣ въ цвѣтахъ и въ *нами́сті*; у нѣкоторыхъ полная шея нанизанной рябины, за неимѣніемъ намиста: всѣ онѣ сидятъ чинно, и такъ часто, какъ цвѣты въ разсадникѣ. Баба тотчасъ поднесла мнѣ кануну и горячей *варе́ної*: (1) »Викушайте, она сказала мнѣ кла́няясь. Степанида, между-тѣмъ, промела *хусткою* лавку и печально молчала... Въ первый разъ въ жизни мнѣ случилось быть у народа въ такую минуту: я не знаю, что́ мнѣ дѣлать, что́ сказать, ка́къ съ этой вареной поступить, какъ приговаривать; отказаться, значитъ обидѣть; пить — это для меня невозможно. Я совершенно озадачена! зачѣмъ всѣ въ цвѣтахъ, когда матери такъ грустно? Я прикоснулась губами къ рюмкѣ; но, вслѣдъ за тѣмъ, меня начали угощать варе́ными яйцами и пали́ницами. Обычай — для народа святыня: я не смѣла отказаться... Степанида бѣдная всхлипываетъ. Я знаю, какъ ей хочется поговорить обо всемъ со мною: (я съ ней была въ большой дружбѣ), но она не можетъ! она пыталась, но не въ силахъ: лицо ея подергивало, — она боится заплакать. Такъ ей горько, несчастной.

Я спросила у бабы, — что́ значитъ, что цвѣты на всѣхъ дѣвочкахъ? »Се жъ молода́ на поса́ді (она указала на Га́лю), а то ії дружечки́ провожа́ють: все́-таки весілля тре́ба одгулять. Хто не знавъ весілля, той не живъ, кажуть. Се все рівно, що вона́ за́міжъ іде́; а якъ-би́ хло́пець одійшовъ, то на ёго ша́пку приши́ли бъ квітку, якъ молодому, и тую шапку́ у труну́ положи́ли бъ.«

Степанида не могла докончить своего дѣла, ни подѣлиться со мной своимъ горемъ, а припа́ла къ Га́лѣ и начала плакать на взрыдъ и *голоси́ть*:

---

(1) *Варену́ха* — водка, вареная на сухихъ грушахъ, сливахъ, вишняхъ и изюмѣ; также туда кладутся медъ и пряныя коренья, гвоздика и корица.

»Боже мій! дитино моя рідная! хтожъ тебе тамъ привітае?« *(Продолжительное молчаніе.)* »Сéрденько мое, порáдо моя крéвная! у тéбежъ тамъ ні брáтіка, ані сестрúчки немáе! Хтожъ тобí пúтоньки подасть? Хто жъ тобі голóвочку змúе, мя́ткою да любúсточкомъ, щобъ и тéпло, щобъ и запáшно, щобъ и мьягко тобі булó, мое сéрденько — твоімъ рученя́ткамъ, твоімъ ніженькамъ? *(Голосъ опять замеръ на нѣсколько минутъ).*

»Хочъ бы ти діждáлася бáтенька рідного, хочъ би вінъ на тéбе зглянувъ, хочъ би твоя́ дýшечка одійшлá зъ ёгó пóглядомъ!... *(Нѣсколько минутъ молчанія)*...

»Не защебéче тобі соловéйко, не зацвітýть тобі вишнéвні садú, не зазеленіе ані мьяточка, ані рýточка... Не чýло ти и не бáчило ще нічóго, мій королéвний цвіту?..»

Захарко будто застоналъ и едва имѣлъ силы произнести: »Годі, кажу, Степанидо, годі, моя безталáнная!...« Но она, неугомонная, продолжала:

»Ти, моя дитúно, промітáй намъ стéжечку, пробірай же лúстячко твоій мáтінці, твоéму бáтеньку!

Захарко снова: »гóді кажý, голосúти: — гріхъ! схаменúся!« А самъ сидитъ на лавкѣ, закрывъ лицо руками, опершись на палку, и качаетъ головою. Степанида понизила голосъ и продолжала:

»Мáтінко моя, зозýленько!« (Голосъ ее прервался рыданіемъ) квітонько моя́, голýбко сúзая! Куй же ти моій Гáлочці, морí-ій днúй. що-дня́ и що-вéчора! Привітáй же, зустрічáй же, хочъ онýчятко своé малéе, хочъ ії приглянь, коли мене не довелóся!.. Заспесúлася, одвернулася одъ насъ ище роспýковкою, пéрвою квіткою, мій дúвний квіте!«

Захáрко даже какъ будто-крякнулъ отъ чего-то горькаго, крикнулъ на дочь, всталъ съ мѣста, и процѣдилъ сквозь зубы: »Божевíльна! рознеслá моé сéрце на шмáття. Не тужú, кажу«... За шáпку — и пошелъ медленно, едва перетащивъ свои ноги черезъ высокій порогъ. »Прощайте!.. тільки мене й бáчили,« говорилъ онъ бабѣ въ сѣняхъ, и при этомъ махнулъ отчаянно шапкой, какъ-будто съ этимъ взмахомъ душа его отлетѣла. Баба съ досадой махнула ему вслѣдъ рукой; Захарко, идучи медленно, едва, едва перетаскивая ноги, въ тяжéлыхъ огромныхъ сапогахъ съ заплатами и позатыканныхъ сзади жмутами соломы, проговорилъ вполголоса: »Далась мині вáша и вóля и невóля! Упилáся у печінки, якъ гарячі кліщі у залізо.... Охъ, Бóже мій, Бóже! прийми и мене, Господи!«

Степанида, припавъ въ-изнеможеніи къ дитяти, рыдала... Баба подошла къ ней и стала увѣщевать: »Голу́бко моя́, не тужи́ такъ! Ти стягла́ся зовсімъ, извела́ся на тичиночку.. Да одхили́ся од дити́ни, бо соро́чечку змочишъ, а ії тамъ чере́зъ тебе кори́тимуть (¹).«

Катерина стояла безмолвня возлѣ Степаниды и тихо плакала. »Не вору́ште ії, бабу́сю« сказала она: »нехай трóхи слёзóю ки́поть зми́е зъ се́рця.. Скільки го́ренька, та все́ ра́зомъ!« тихо говорила Катря: »нехай...«

А я подумала чужою рѣчью:

Вмі́ла ма́ти бро́ви да́ти,
Ка́рі очиня́та,
Та не вміла на сі́мъ світі
Сча́стя-до́лі да́ти!

Дѣти спокойно вели свою бесѣду и поправляли то Галѣ, то другъ другу, цвѣты. Вдругъ вбѣжали двѣ дѣвочки со двора и закричали: »Пі́пъ иде́, пі́пъ иде́.« Я поскорѣе ушла... Не могла вынести больше.

Оправившись послѣ своей потери, Степанида опять къ намъ ходила работать вмѣстѣ съ Катериной и, горюя, бывало, о Галѣ, говоритъ: »Ніхто́ мене́ до ове́чокъ не розбу́дить, ніхто́ не загомони́ть, не пожа́луе; ха́та пу́сткою па́хне; німі сті́ни, холо́дні, мовчять.

Успокоилась немного Степанида, но не надолго. О томъ, что́ съ ней случилось, разскажу ея словами:

»Разъ убігла до мене Катря,« говорила она, — »а я суму́ю; поседі́ла недовго й пішла́. (Се вже, здае́тця, такъ, мо́же, неді́ль три́ пройшло́, якъмоя́ Га́лочка приста́вилась) Убігла вдру́ге, бліда́ така́ и якъ ри́ба вья́ла; такъ-що я ії сама́ ста́ла розважа́ти: «чого́ ти така́? мовъ отру́хла? Мині въ ха́ти ро́бится тісно, якъ ти́ прии́дешъ сумна́. Не жарту́ешъ, не співа́ешъ?« (Хочъ и ста́рша ві́дъ ме́не була далеко, а така́ була жартовли́ва, — було́ я ій ажъ диву́юся). — »И-и

(¹) Якъ бу́де на тімъ світі, на Вели́кдень, Спаси́тель ді́ткамъ роздава́ть я́блука и воно́ підійде, а Спаси́тель ему́ й не да́сть, примі́тивши мо́кру соро́чку. Ска́же: »твоя́ ма́ти ду́же пла́кала.« Воно й одійде плачучи. А по́слі вже́, обділи́вши всіхъ, и зжа́литця надъ нимъ, позове́ и да́сть я́блучко.

(*Народное повѣрье.*)

щó, каже: плачý не запи́сувати, що я ёго посія́ла!...« Чи не перейшло́ тобі́, ка́жу, щó доро́ги? чи, мо́же, що не до́бре нагля́нуло?» Да, розважа́ючи ії, и самíй зроби́лось ніби веселíшъ. А вона́ тогдí до ме́не: »Степанидо, оце ли́стъ тобí при́слано зъ по́лку; тамъ голова́ и прочита́въ минí; по́лкъ тобі одни́суе на твій ли́стъ.« Я такъ и о́хнулась, и сама́ не стя́милась-якъ! »Скажи́ минí, будь ла́ско' щó жъ тамъ одни́суе по́лкъ? чи жи́въ мій Макаръ, чи ско́ро прибу́де?« »Да не зовсíмъ го́же.... въ недýзі...« Се́рдце у мене́ тíлько поло́хъ-поло́хъ! та й замлíло .. »Та щó вже, ка́же, пра́вду таíти: не убива́йся, моя́ стри́це, моя́ голу́бко... одийшо́въ«... »Охъ! Бо́же мій, свíте мій! Бода́й я во́лі не зна́ла, якъ минí така́ печа́ль, якъ я свíта Бо́жого не ба́чу за гíркими, да за дрíбними, зъ зорí до зорí... Колибъ мене́ сира́ земля́ приняла́! »И сказа́ть вамъ не зна́ю, щó мое́ се́рце тогдí перени́ло.... свíтъ менí не зми́лився... Уже́ й Га́лі не ста́ло жаль: хочъ на моги́лку пійду́,—не за є́ю свíтомъ нужу́... Прими́лабъ сиру́ землю гри́зла; не доби́тись, ні домо́витись до ёго, орла́ сизокри́лого!.... Такъ и ба́чу, такъ и чу́ю ёго́ пере́дъ собо́ю!.... Чи до́вго жъ ми вку́пі пожили́?... не обри́дли, не ввíрились ще́ одно́ одному́... Прими́лабъ, ухопи́лабъ ёго́, пригорну́ла до се́бе да й зомлíла бъ, зомлíла такъ на вíки!... Ні-до-кого прихили́тися, опрíчъ сироí землí, нікому й пожалíтися.... Я жъ ёго́ бажа́ла ба́чить, якъ те́мний чоловíкъ свíтъ Бо́жíй!.. якъ пере́дъ сме́ртю причáстя..«

Степанида не плакала слезами, но сдѣлалась блѣдна, и её забила страшно лихорадка. Она, повидимому, говорила, спокойно; но я за нее чего-то боялась; гроза сильно расходилась. изъ ея сердца выходили звуки все грознѣй и грознѣй. — »Охъ« вздохнула Степанида: »не бу́ду вже вамъ бíльше нічого каза́ти!... Весна́ разъ красна́.... обвíялись моі квíточки... залюбки́ вітере́ць обшмо́ргавъ — замíстъ и́грашки«...

Степанида, съ этими словами, упала безъ чувствъ на грядку, которую полола, и стонала лёжа ницъ и теребя съ себя безсознательно юпку... Мы дали ей холодной воды, и я велѣла перенести ее въ хату. Катерина мнѣ говоритъ: »И тогдí, якъ я íй спе́ршу була́ сказала, що Мака́ръ умеръ, то на-си́лу íї відволода́ли.«

Степанида пришла въ себя: я не напоминала ей нашего разговора, но она сама заговорила: »Пійшо́въ би зъ свíта, колибъ було́ де́ дíтись... Ка́тря два ти́жні мене́ годовала.... пять де́нь у мене́ въ ро́ті й рíсочки не було́.... ру́ки опусти́лись, нічо́го й

не роблю́.... Не да́ромъ мені оця́ пі́сня зма́лечку у́сé на ду́мці... Кажуть, матýся моя́ усé співа́ла:

Ой житьé жъ моé, гореваньечко!
Куди́ не піду́ — сча́стя не знайду́,
Съ ки́мъ я не ста́ну — слáви доста́ну,
Піду́ до сусíдъ — тамъ пора́ди нíтъ...

А. Не-чуй-вíтеръ

СКОВОРОДА,

УКРАИНСКІЙ ПИСАТЕЛЬ XVIII ВѢКА.

(Матеріалы для исторіи южнорусской литературы)

»Дѣло мое — душа и прочное дѣло жизни«.
Гоголь (*Переписка съ друзьями*).

Всякій честный и благородный труженикъ мысли уже имѣетъ право на вниманіе того общества, для котораго онъ работалъ, потому что семья мысли не всегда многочисленная и счастливая семья.
(*Отрывокъ изъ одной критики*).

ГЛАВА I.

Значеніе Сковороды.— Слободская Украина до конца прошлаго вѣка. — Харьковское намѣстничество. — Этнографическія данныя изъ современной лѣтописи. — Видъ селъ.—Харьковъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. — Коллегіумъ.—Записки Тимковскаго: »Мое опредѣленіе въ службу.« — Общая страсть къ вину и универсалы противъ винокуренія послѣдняго гетмана. — Состояніе украинскаго общества. — Остатки вольницы.

Личность Сковороды мало извѣстна въ русской литературѣ. О немъ существуютъ до-сихъ-поръ отдѣльныя небольшія замѣтки въ давно-забытыхъ сборникахъ и журналахъ; но никто еще не посвящалъ ему труда, гдѣ бы собраны были и провѣрены возможно-полныя свѣдѣнія о жизни этого замѣчательнаго человѣка, и сведены въ общемъ обзорѣ отдѣльныя, печатныя извѣстія о немъ. Сковорода, какъ Квитка и другіе родственные ему украинскіе писатели, напримѣръ, Котляревскій и Нарѣжный, имѣютъ

чисто-народное, туземное значеніе. Ихъ можно понять и оцѣнить только въ соображеніи той почвы и того времени, гдѣ они явились и дѣйствовали. Тамъ, для своего времени, они имѣютъ значеніе. Сковорода же, какъ отчасти и Квитка, имѣютъ вѣсъ, кромѣ украинской литературы, еще и въ развитіи украинскаго общества. Съ этой стороны мы попробовали представить очеркъ жизни и сочиненій Квитки (1). Съ этой же стороны теперь напомнимъ читателю и лицо Сковороды, выразителя украинской умственной жизни прошлаго вѣка.

Желая, въ возможной полнотѣ и цѣлости, представить читателю характеристику Сковороды, о которомъ донынѣ въ рѣдкомъ уголкѣ родины его не вспоминаютъ съ сочувствіемъ, мы коснемся и самихъ трудовъ его. Мы полагаемъ, что библіографическій очеркъ сочиненій Сковороды и статей о его жизни, какъ матеріялъ для исторіи южно-русской литературы вообще, будетъ весьма полезенъ.

Сковорода былъ человѣкъ самобытный, вольнолюбивый, съ большою стойкостью нравственныхъ убѣжденій, безпощадный въ протестахъ противъ тогдашнихъ мѣстныхъ злоупотребленій, и ненавидимый и гонимый всѣми, кому выгодно было царство мрака и всякой нравственной лжи. Несмотря на свой мистицизмъ и на свой семинарскій, топорный и, нерѣдко, неясный слогъ, Сковорода умѣлъ, на практикѣ, въ своей чистостоической жизни, стать совершенно-понятнымъ и вполнѣ-народнымъ человѣкомъ во всей Украинѣ тогдашняго времени. Близорукіе хвалители его тогда восхищались, къ-сожалѣнію, и духовными умствованіями, для насъ не имѣющими ровно никакого значенія, и называли его степнымъ Ломоносовымъ. Если уже гоняться за литературными кличками, то съ дѣятельностью Сковороды скорѣе можно найти сходство въ дѣятельности питомца другой мистической школы, Новикова.

Новиковъ работалъ въ типографіяхъ, въ журналахъ, на ораторскихъ каѳедрахъ литературныхъ обществъ и въ избранныхъ кружкахъ Москвы, давно-дохнувшей вѣяніемъ всего, что тогда выработали наука и общество на западѣ Европы. У него было состояніе, много сильныхъ и самостоятельныхъ друзей и уже подготовленная почва. Сковорода былъ голышъ и бѣднякъ, но дѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ. Ви-

(1) См. »*Отечественныя Записки*« 1853 года, №№ XI и XII: »Основьяненко«. (Гр. Ѳед. Квитка). Матерьялы для исторіи украинской литературы. Тоже издано отдѣльно въ 1856 году, съ портретомъ Квитки, снимкомъ его почерка и рисункомъ В. Ф. Тимма — домикъ Основа.

дя все безсмысліе окружающей его среды, откуда, дѣйствительно, выходили схоластики и тупицы, онъ самовольно отказался отъ чести кончить курсъ въ кіевскомъ духовномъ коллегіумѣ, обошелъ, съ палкой и съ сумой за плечами, Европу, и, воротившись на тихую и пустынную родину тѣмъ же голоднымъ и бездольнымъ бѣднякомъ, сталъ дѣйствовать въ полѣ, на сходкахъ въ деревняхъ, у куреней уединенныхъ пасикъ, въ домахъ богатыхъ предразсудками всякаго рода тогдашнихъ помѣщиковъ, на городскихъ площадяхъ и въ бѣдныхъ избахъ поселянъ. Въ Сковородѣ одицетворилось умственное пробужденіе украинскаго общества конца XVIII столѣтія. Это общество, вслѣдъ за Сковородой (увидѣвшимъ, какъ его нравственно-сатирическія пѣсни стали достояніемъ народнымъ, распѣваясь бродячими лириками и кобзарями), стало выходить изъ нравственнаго усыпленія. Сковорода былъ сыномъ того времени на Украйнѣ, которое быстро создало рядъ школъ, гимназій, университетъ и, наконецъ, вызвало къ жизни украинскую литературу.

Сковорода болѣе дѣйствовалъ въ Украинѣ восточной, Слободской. Въ 1765 году, указомъ Императрицы Екатерины II, изъ вольныхъ Слободскихъ полковъ учреждена *Слободская Украинская губернія;* губернскимъ городомъ ея назначенъ Харьковъ. Отдѣльные полковые города переименованы въ провинціяльные. Въ каждой провинціи установлено, для гражданскаго управленія, по шести коммисарствъ; а козачьи полки переформированы въ гусарскіе. На войсковыхъ обывателей наложенъ *подушный окладъ;* на пользующихся правомъ винокуренія по 95 коп., а на лишенныхъ его—по 85 к. съ казенной души. Но вотъ пришелъ 1780 годъ. Слободская Украинская губернія переименована въ *Харьковское Намѣстничество*, которое 29 сентября въ томъ году и открыто. Страна, еще недавно почти-дикая и малообитаемая, населялась и принимала наконецъ видъ благоустроеннаго общества. Пустынныя, но плодородныя, земли новаго Харьковскаго Намѣстничества стали привлекать богатыхъ переселенцевъ съ юга и съ запада Россіи. Еще въ 1654 году въ его границахъ было не болѣе 80 тысячъ жителей мужескаго пола; въ 1782 году, по словамъ новѣйшаго изыскателя (1), въ Слободской Украйнѣ было уже до 600 церквей, при которыхъ

---

(1) См. историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи, преосв. Филарета.

заводились въ иныхъ мѣстахъ приходскія школы, обучавшія дѣтей поселянъ и помѣщиковъ читать и писать. И въ то время, какъ осѣдлые переселенцы съ »тогобочной« заднѣпровской Украйны, убѣгая отъ притѣсненій Поляковъ, заводились здѣсь хлопотливою, домашнею жизнію, вольными грунтами и пасичными угодьями, лѣсами и прудами, съ пышными »сѣножатями,« мельницами и винокурнями,—распадающееся Запорожье не переставало ихъ тревожить набѣгами отдѣльныхъ, отважныхъ шаекъ. Въ это время уважаемый нѣкогда запорожецъ, »рыцарь прадѣдовщины« считался уже многими наравнѣ съ татарами, являвшимися изрѣдка, изъ Ногайской стороны, выжигать новоразсаженные, по берегамъ Донца и Ворсклы, ольховые пристѣны и сосновыя пустоши. Чугуевъ, гдѣ новѣйшія изысканія указываютъ слѣды печальной судьбы Остряницы, попавшаго сюда, по ихъ указаніямъ, около 1638 года, въ половинѣ XVIII столѣтія уже обзаводился »садомъ большимъ регулярнымъ« и другимъ »за оградой, садомъ *виноградныимъ*.«

Мы отыскали въ Публичной Библіотекѣ, въ Петербургѣ, любопытнѣйшую книгу того времени, подъ названіемъ: »*Топографическое описаніе Харьковскаго Намѣстничества, съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ, съ древнихъ временъ, перемѣнахъ*. Москва. Въ типографіи Компаніи Типографической, съ указнаго дозволенія. *1788 года*.« Въ этой книгѣ мы нашли много интересныхъ подробностей о частной жизни Украйны того времени, о нравахъ ея, производительности жителей и земли, и о состояніи ея высшихъ сословій. Любопытно видѣть смѣшеніе разнородныхъ началъ въ этомъ юномъ, еще не утвердившемся, обществѣ. Съ одной стороны наружное благоденствіе жителей деревень и мѣстечекъ; съ другой — извращеніе властей, и всякаго рода насильства частныхъ лицъ, богачей и дерзкихъ проходимцевъ, чему мы приведемъ примѣры изъ другихъ источниковъ о томъ времени. Названная нами топографія края, подъ 1788 годомъ, говоритъ о домашнемъ бытѣ Украинцевъ той поры: »Се есть характеръ, или начертаніе, домоводства Южныхъ Россіянъ, отличающій ихъ отъ Сѣверныхъ. Селеніе Украинское, при разныхъ земли выгодахъ состоящее, отмѣнной кажетъ видъ. Здѣсь, между пахатнымъ полемъ, видно нѣсколько запущенныхъ и долговременно неоранныхъ облоговъ; въ самомъ селеніи на гумнахъ только посредственное количество хлѣба; притомъ хворостяныя повѣти, коморы и всякая городьба; малаго иждивенія стоющія ворота — съ перваго взгляда влагаютъ намъ, Великороссіянамъ, догадку о скудо-

сти селенія и о небреженіи жильцовъ. Но, съ другой стороны, покрытыя сѣномъ луговыя сѣножати и облоги оправдаютъ предъ всякимъ родъ ихъ хозяйства; *обремененныя пастбища великорослымъ и играющимъ скотомъ* наращаютъ цѣну къ имуществу жилища. Кладовыя каморы, скотинные сараи и городьба, дѣланные изъ хворосту, доказываютъ, что они строятся для защиты только отъ воздушныхъ перемѣнъ и звѣрей, а крѣпкая и дорогая городьба была бы въ семъ дѣлѣ для хозяевъ убыточна. (87—90 стр.)« — »Липовые покои по сту лѣтъ слишкомъ пребываютъ невредимы, чисты, свѣтлы и здоровы« (65 стр.). — »Духъ европейской людскости, отчужденный азіятской дикости, питаетъ внутреннія чувства какимъ-то услажденіемъ; духъ любочестія, превратясь въ наслѣдное качество жителей, предупреждаетъ рабскія низриновенія и поползновенія, послушенъ гласу властей самопреклонно, безъ рабства. Духъ *общаго соревнованія* препинаетъ стези *деспотизма и монополіи* «(90 стр.).

Въ этихъ витіеватыхъ словахъ современнаго лѣтописца много истины. Описывая забавы и увеселенія старыхъ харьковцевъ, онъ говоритъ: »Самой скудной человѣкъ безъ скрипицъ свадьбы не играетъ.« — »Простой народъ употребляетъ горячее вино съ малолѣтства« — (1). Половину праздничнаго дня просидятъ пятеро человѣкъ, пьючи между тѣмъ полъ-осьмухи вина; они пьютъ *медленно и малыми мѣрами, больше разговариваютъ*«. (92 — 93 стр.). Средоточіемъ образованія того времени былъ въ Слободской Украйнѣ Харьковскій духовный Коллегіумъ, единственный пріютъ науки, до открытія въ 1805 году Харьковскаго Университета. Въ названномъ нами »Топографическомъ описаніи Харьковскаго Намѣстничества« сохранились и о немъ любопытныя данныя. Авторъ прежде говоритъ: »Въ Харьковѣ считается нынѣ, въ 1788 г., — партикулярныхъ домовъ 1532; въ нихъ жителей — купцовъ, мѣщанъ, цѣховыхъ, отставныхъ нижнихъ чиновъ, *иностранцевъ*, войсковыхъ казенныхъ обывателей, однодворцевъ, помѣщичьихъ подданныхъ Черкасъ, помѣщичьихъ крестьянъ, *цыганъ и нищихъ*, мужеска полу 5,338 душъ.« — Далѣе: (128 стр. — 138 стр.) Послѣ состоявшагося въ 1721 году Духовнаго регламента, Бѣлгородскій епископъ Епифаній Тихорскій основалъ, въ 1722 году, епархіальную се-

(1) Что удивило русскаго, не составляетъ ничего вопіющаго для Украинца. Здѣсь причина чисто медицинская. Вино на югѣ — единственно доступное и удобное средство для избавленія дѣтей отъ залотухи, лихорадокъ и другихъ болѣзней, убивающихъ дѣтей.

минарію въ Бѣлѣ-городѣ, откуда въ 1727 году перевелъ училище въ Харьковъ (1). Къ сему главною помощію и основаніемъ было патріотическое усердіе покойнаго генералъ-фельдмаршала князя М. М. Голицына, бывшаго тогда главнокомандующимъ на Украйнѣ. — Потомъ училищный домъ наименованъ Харьковскимъ Покровскимъ училищнымъ монастыремъ.« — Императрица Анна Іоановна, въ 1731 году, даровала жалованную грамату, гдѣ »ревнуя дяди Петра Великаго намѣренію и опредѣленію, указала: учить всякаго народа и званія дѣтей православныхъ не только піитикѣ, риторикѣ, но и философіи и богословіи, славено-греческимъ и латинскимъ языки; такожде стараться, чтобъ такія науки вводить на собственномъ россійскомъ языкѣ.« Въ заключеніе граматы сказано: »Чего ради сею жалованною граматою тотъ монастырь, *и въ немъ школы, и въ нихъ свободное ученіе утверждаемъ.*« Вмѣстѣ съ этимъ повелѣно всѣ книги покойнаго митрополита Муромскаго и Рязанскаго, Стефана Яворскаго, передать на основаніе библіотеки Харьковскаго училища. »Въ ней книгъ разныхъ языковъ, въ томъ 1788 г.«, говоритъ авторъ, »болѣе 2,000; но рукописей достопамятныхъ не имѣется, а только хранится собственноручная лѣтопись св. Димитрія Ростовскаго. Здѣсь же хранятся фамильныя бронзовыя медали, присланныя изъ Вѣны отъ князя Д. М. Голицына, для памяти, что покойный его родитель тому училищу основатель.« — »Потомъ Бѣлгородскій архіепископъ *Петръ Смѣлячь* дополнилъ Харьковское училище классами французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, геометріи, архитектуры, исторіи и географіи, на что вызвалъ изъ европейскихъ училищъ учителей, выписавъ къ тѣмъ наукамъ потребныя книги и математическіе инструменты.« — »Но, замѣчаетъ авторъ (135 стр.), по отлученіи его, 1741 года, отъ Бѣлоградской епархіи, классъ французскаго языка, исторіи и математическихъ наукъ оставлены, а отъ инструментовъ только нѣкоторые поврежденные остатки до сихъ временъ дошли.« — »Сіе оскудѣніе продолжалось до временъ Великія Екатерины.« — Въ 1765 г. снова къ наукамъ здѣсь прибавлены французскій и нѣмецкій языки, даже инженерство, артиллерія и геодезія, каоедры которыхъ въ 1768 году, въ февралѣ, и открыты безплатно. Бѣднымъ же дозволено обучаться и осталь-

---

(1) Примѣч. Подробная статья о Коллегіумѣ напечатана въ »Молодикѣ« 1843 т., стр. 7—32, неизвѣстнаго автора, подъ именемъ: »*Основаніе Харьковскаго Коллегіума, нынѣшней Харьк. духовной Академіи.*« О Харьковскомъ Коллегіумѣ помѣщена также статья въ Харьков. Губ. Вѣд. за 1855 г.

нымъ наукамъ даромъ. »Въ 1773 году прибавленъ классъ вокальной и инструментальной музыки« (137 стр.).

Другія записки о малороссійскомъ обществѣ того времени представляютъ не менѣе любопытныя черты переходнаго состоянія страны, медленно оставлявшей козачество, запорожскую воинственность и преданія гетманщины для новыхъ обычаевъ и стремленій. Эти записки принадлежатъ бывшему директору Новгородъ-Сѣверской гимназіи, *Илья Ѳедоровичу Тимковскому*, и напечатаны въ отрывкѣ, въ »Москвитянинѣ«, 1852 года, № 17, подъ именемъ: »*Мое опредѣленіе въ службу*«. Авторъ представляетъ черты воспитанія дѣтей тогдашнихъ помѣщиковъ, для которыхъ еще не существовало ни гимназій, ни лицеевъ, ни университетовъ. Онъ говоритъ: »Первому чтенію церковно-славянской грамоты заучили меня въ селѣ Деньгахъ, мать и, въ родѣ моего дядьки, служившій въ порученіяхъ изъ дѣдовскихъ людей, Андрей Кулидъ. Онъ носилъ и водилъ меня въ церковь, забавлялъ меня на бузиновой дудкѣ, или громко трубя въ сурму изъ толстаго бодяка, и набиралъ мнѣ пучки клубники на сѣнокосахъ. Не безъ того, что ученье мое, утомясь на складахъ и титлахъ, бывало въ бѣгахъ, и меня привязывали длиннымъ ручникомъ къ столу.« (4 стр.) »По общему совѣту семействъ, насъ четверыхъ съ весны отдали учиться, за десять верстъ, въ Золотоношскій женскій монастырь. У монахини Варсонофіи мы составили родъ пансіона. Съ нею жила другая монахиня, Ипполита, племянница ея, тоже грамотная, цвѣтная блондинка. Та ходила за нами и учила насъ.« (5 стр.). Потомъ автора, когда онъ подросъ, отдаютъ къ сельскому дьячку, осанистому пану Василію, съ длинною косою. Въ избѣ дьячка »столы составляли родъ классовъ, на букварь, часословъ и псалтырь; послѣдніе два съ письмомъ. Писали начально разведеннымъ мѣломъ на опалённыхъ съ воскомъ черныхъ дощечкахъ не-слоистаго дерева, съ простроченными линейками, а пріученные уже писали чернилами на бумагѣ. Изъ третьяго же отдѣленія набирались охотники въ особый ирмолойный классъ, для церковнаго пѣнія, что производилось раза три въ недѣлю: зимою въ комнатѣ дьячка, а по веснѣ подъ навѣсомъ. Шумно было въ школѣ отъ крику 30 или 40 головъ, гдѣ каждый во весь голосъ читаетъ, иной и поетъ свое. Отцы за науку платили дьяку, по условію, натурою и деньгами. Окончаніе класса школьникомъ было торжествомъ всей школы. Онъ приносилъ въ нее большой горшокъ сдобной каши, покрытый полотнянымъ платкомъ. Дьякъ съ своимъ обрядомъ снималъ платокъ себѣ, кашу разъѣдали школьники, и разбивали горшокъ палками, на пустырѣ, издалека, въ мелкіе куски.

Отецъ угощалъ дьяка. Къ праздникамъ онъ давалъ ученикамъ поздравительные вирши« (8 стр.). По вотъ еще одна перемѣна учителя. Ученіе у дьячка, описанное еще болѣе интересно въ »Панѣ Халявскомъ,« Квитки, становится уже недостаточнымъ. Авторъ воспоминаній описываетъ это очень живописно. »Раннею весною явились на дворѣ двѣ голубыя *киреи*. Онѣ позваны въ свѣтлицы. То были переяславскіе семинаристы, отпущенные, какъ издавна велось, на испрошеніе пособій, съ именемъ эпетиціи. Такіе ходоки выслуживались болѣе пѣніемъ по домамъ и церквамъ, проживали по монастырямъ и пустынямъ, еще имѣвшимъ въ то время свои деревни; инымъ эпетентамъ счастливилось, что одно село разомъ ихъ обогощало; иные пробирались даже на Запорожье. Начавъ труды, они учреждали свои складки, разживались на лошадь, и привозили запасы себѣ и братіи, привозили умъ и журналы, что̀ видѣть, слышать и узнать досталось. Пришельцы наши — одинъ рослый, смуглый, остриженъ въ кружекъ; другой бѣлокурый, коренастый, съ косою,— поднесли отцу на расписанномъ листѣ *орацію*. Онъ поговорилъ съ ними, просмотрѣлъ у нихъ бумаги и почерки; задалъ имъ прочитать изъ книги и пропѣть »Блаженъ мужъ« ; перваго принялъ моимъ наставникомъ, втораго надѣлилъ чѣмъ-то.« — »Къ праздникамъ для своихъ поздравленій учитель готовилъ расписные листы съ особымъ мастерствомъ. Имѣя запасъ разныхъ узоровъ, наколотыхъ иглою, онъ набивалъ сквозь нихъ узоры на подложенную бумагу толченымъ углемъ, сквозь жидкое полотно, и по чернымъ отъ того точкамъ рисовалъ рашпилемъ, а по немъ отдѣлывалъ перомъ съ оттушевкою. Въ такія рамы онъ вписывалъ подносимыя своего сочиненія *орацiи*.« (9 — 10 стр.) Ученикъ скоро могъ уже щегольнуть ученостью и, на дворовой сходкѣ, на всеобщее удивленіе, неожиданно начать »по латинской Геллертовой грамматикѣ вычитывать и пророчить бабамъ всякій вздоръ, о чемъ хотѣли.«

Если наука въ новомъ обществѣ туго принималась и приносила тощіе и скудные плоды, — нравы и обычаи измѣнялись еще медленнѣе. Дѣти помѣщиковъ отъ дьячковъ переходили въ монастырскіе школы, и обратно; окончательно доучивали ихъ бродячіе эпетенты-семинаристы, типы которыхъ навсегда сдѣлались любезны намъ въ бурсакахъ »Вія«— въ богословѣ Халявѣ, философѣ Хомѣ Брутѣ и въ риторѣ Горобцѣ. Духовные высшіе Коллегіумы, въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, оставались для большинства высшаго общества чужды. Туда стекались обучаться только дѣти духовенства. И напрасно въ классахъ эпетентовъ раздавались особыя одобренія числомъ похвалъ на доскѣ, »laudes«, изъ которыхъ за

вины положена была такса учетовъ, такъ-что въ зимніе мѣсяцы ученики выслуживали до 500 похвалъ, а въ привольные весенніе съѣзжали на десятокъ и менѣе. Напрасно и на дверяхъ самихъ семинарій по словамъ Тимковскаго (стр. 22 — 23), изображались символы степеней тогдашней науки: на первой двери символъ грамматиковъ — нарисованный »мудрецъ съ долотомъ и молоткомъ, обтесывающій пень въ пригожаго подпоясаннаго ученика, съ книгами подъ рукой«; на второй двери символъ піитовъ и риторовъ — колодезь съ воротомъ надъ нимъ о двухъ ушатахъ, изъ которыхъ одинъ опускается порожній, а другой выходитъ такъ полонъ воды, что она струями проливается;« и на третьей двери символъ философовъ и богослововъ — »большой размахнувшійся орелъ, далеко оставившій землю и парящій прямо противъ солнца« Грамматики тогдашніе были порядочными »пнями невѣдѣнія«, піиты и риторы мало почерпали знаній изъ колодезя черствой, риторической науки, и философы далеко не походили на орловъ. Большинство народонаселенія оставалось въ полномъ невѣжествѣ. Поселяне работали и вели мирную жизнь, обуреваемую изрѣдка попойками отъ распространявшагося болѣе и болѣе свободнаго винокуренія. Г. Маркевичъ (1), въ своей »Исторіи Малороссіи« (1842

(1) Отъ А. М. Лазаревскаго, владѣющаго спискомъ этого универсала, мы получили слѣдующую дополнительную записку. Выписываю здѣсь нѣсколько строкъ, именно изъ того универсала, о которомъ упоминаетъ г. Маркевичъ во 2-мъ т. своей исторіи:

»Его ясневельможности собственными примѣчаніями усмотрено, что въ народѣ малороссійскомъ винокуреніе въ такое усиліе пришло, что отъ великого до наименьшого хозяина всѣ, безъ разбору чина и достоинства своего природного, равно винокуреніе во всемъ малороссійскомъ краю производятъ, такъ, что почти тотъ токмо вина не куритъ, кто мѣста на винокурню не имѣетъ; отъ чего хлѣбу въ Малой Россіи раждаючемуся столь великое повсягодное истребленіе бываетъ, что сія страна паче другихъ областей, въ случаѣ недороду, опасности голода подвержена быть должна«.—Въ универсалѣ приводятся нѣсколько частныхъ примѣровъ вредныхъ послѣдствій распространенія винокуренія, изъ которыхъ я выписываю два. »Полковникъ Лубенскій, Кулябка, донесъ его ясневельможности, яко многіе козаки его полку, не имѣя собственного своего довольного хлѣба, покупаютъ оной по торгамъ дорогою цѣною и вино курятъ не для какой своей корысти, но ради одного пянства; и лѣса свои вырубкою для винокуренія пустошатъ такъ, что и для топленія въ хатахъ едва что остается. Да и неимѣющіе собственныхъ своихъ винокурень козаки, взимая у постороннихъ куфами и ведрами вино, вишенковуютъ убыточно и пянствомъ истощеваютъ страну.

»Хмѣловскій сотникъ, Шкляревичъ, доноситъ ясневельможности, что козаки его сотни отъ винокуренія обнищали и къ службѣ козачей несостоятельными учинились, ибо-де кои имѣли винокурни, тѣ прежде лѣса свои на вино-

г., т. 2. стр. 647), подъ 1761 годомъ, говоритъ: »Вскорѣ гетманъ (послѣдній гетманъ, графъ *К. Г. Разумовскій)* обнародовалъ универсалъ, въ которомъ говорилъ, что Малороссіяне, *пренебрегая земледѣліемъ и скотоводствомъ*, вдаются въ *непомѣрное винокуреніе*, истребляютъ лѣса для винныхъ заводовъ, а нуждаются въ отопкѣ хатъ; покупаютъ дорого хлѣбъ, и не богатѣютъ, а только пьютъ; во избѣжаніе этихъ безпорядковъ, онъ запретилъ винокуреніе всѣмъ, кромѣ помѣщиковъ и козаковъ, имѣющихъ грунты и лѣса.« — Любопытны также слѣдующія строки г. Маркевича (стр. 651 — 2): »Около этого времени, 1763 года, появились въ Малороссіи *пикинерія* и *вербунки* (вербованія). Мельгуновъ ѣздилъ по Заднѣпровью и, описывая народъ полудикимъ, подалъ мысль вербовать. Явились вербовщики. Мельгуновъ останавливался въ шинкахъ, его шайка пѣла, плясала, пила до-нельзя, поила козаковъ и народъ; потомъ пьянымъ предлагала записаться на службу въ пикинера, прибавляя, что пикинеры даже лучше, чѣмъ козаки, потому что начальства не боятся и шапки ни передъ кѣмъ не снимаютъ. Бѣднѣйшіе и »великіе опіяки« записывались съ радостью. Грамотные шинкари и церковники становились ротмистрами и поручиками. Но когда начали ихъ учить строевой службѣ, они, увидя бѣду, разбѣжались по запорожскимъ куренямъ и по хуторамъ новосербскимъ.« Мелкое чиновничество грабило по мелочамъ и крупно простой народъ. Чиновничество покрупнѣе брало увѣсистыя взятки натурою и деньгами съ помѣщиковъ, на деревенской скукѣ поднимавшихъ безконечныя тяжбы другъ съ другомъ. Дворянство лѣнилось и давило чернь. Опекуны грабили опекаемыхъ. »Похожденія Столбикова,« Квитки, въ этомъ отношеніи, не простой вымыселъ, а истинная лѣтопись, подтвержденія которой разсыпаны во всѣхъ тогдашнихъ дѣлахъ. Кто изъ высшаго ошляхеченнаго чиновнаго и помѣщичьяго люда тогда не тягался съ сосѣдомъ, или не тянулъ дома горькой чаши,—представлялъ образецъ Ивана Никифоровича, проводившаго время съ утра до вечера на коврѣ, въ натурѣ, утучняемаго

куреніе пожгли, а послѣ у другихъ своей братіи покупая, или за вино вымѣнивая, тожъ учинили, и пристрастясь къ пянству и разлѣнясь къ работамъ и не имѣя откуду себя снабдѣть лошадьми и амуниціею къ службѣ козачей, принуждены, у можнѣйшихъ своей братіи занимая деньги, давать въ закладъ свои грунта и за невыкупъ на сроки вѣчно терять ихъ должны.«

Вслѣдствіе развитія винокуренія въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, гетманъ Розумовскій принужденъ былъ ограничить его строгими положеніями,

снадобьями домашней кухни и мучимаго однимъ только горемъ житейскимъ, изрѣдка икотою, или нежданно-завистливымъ помысломъ о какомъ-нибудь дрянномъ ружьѣ или бекешѣ своего сосѣда, Ивана Ивановича. Напрасно и Екатерина II вводила новыя мѣры и законы: въ краѣ наставленія ея принимались медленно. Дворянству указано служить въ войскѣ и въ мѣстахъ правосудія. Въ 1782 году, послѣ ревизской переписи 1764 года, произведена новая народная перепись; тогда же учреждены Малороссійскія губерніи. Изъ полковъ, назначенныхъ въ составъ губерній, войсковые чины бывшихъ правленій созваны въ губернскіе города. Самыхъ дѣловыхъ и достаточныхъ изъ нихъ положено тотчасъ опредѣлить на мѣста. Любопытно разсказываетъ объ этомъ роковомъ времени Тимковскій (13 стр.): »Переяславскій вельможный полковникъ, Иваненко, поступилъ предсѣдателемъ палаты. Оболонскій, владѣлецъ семи тысячъ душъ, сталъ содѣстнымъ судьею. Замѣтимъ, что онъ боялся льдовъ на рѣкахъ, и зимою, подъѣхавъ къ Днѣпру, выходилъ изъ кареты и переѣзжалъ длиннымъ цугомъ по льду, *въ лодкѣ*.« Въ разсказѣ Тимковскаго, появляется и образъ его отца — олицетвореніе тогдашняго времени: »Малороссіи, скидающей кунтушъ и красные сапоги, для вицмундира и канцелярскаго зеленаго стола.« — »Тогда и отецъ мой, говоритъ онъ, — отправясь въ Кіевъ, возвратился избранный засѣдателемъ уѣзднаго суда, въ Золотоношу. Онъ явился въ другой перемѣнѣ. Поѣхалъ въ черкескѣ, съ подбритымъ чубомъ, шапкою и саблею; пріѣхалъ въ сюртукѣ и въ камзолѣ, съ запущенною косою, мундиромъ, шляпою и шпагой. — «То-таки бувало выйде,« говорили межъ собой люди: »або на коня сяде, уже панъ, якъ панъ; а теперъ — *абы-що: німець не німець, такъ собі підщипанный!*« — И я помню, помню эту крѣпкую, вольную, героическую фигуру, въ черкескѣ, съ турецкой саблей по персидскому поясу, на зломъ конѣ, какихъ онъ до страсти любилъ.... Было слово и о моемъ благородствѣ: не переодѣть ли и меня? Отецъ разсудилъ оставить года на два въ черкескѣ, стриженнымъ въ кружокъ.« Новые носители камзоловъ и косъ служили плохо. Богатые только числились на службѣ и сидѣли по деревнямъ. Бѣдняки лѣзли плечомъ впередъ, протирая на засаленныхъ столахъ локти и совѣсть, ябедничали, кривили душой и грабили. Имя комиссара равнялось имени разбойника. Благотворный свѣтъ просвѣщенія и правосудія едва проникалъ въ далекій, глухой, непочатой край. Судъ и расправа были оцѣнены и продавались всякимъ щедрымъ даятелямъ. Этимъ пользовались охотники до всякой сумятицы

и своеволія. Паденіе Запорожья напустило на Украйну цѣлую толпу разобиженныхъ выходцевъ, которые овладѣвали мелкими и большими дорогами, держали откупъ на проѣздъ по лѣсамъ и оврагамъ, и всячески своевольничали. Но общество нуждалось въ болѣе честныхъ охранителяхъ правосудія. Послѣдніе, за извращеніемъ настоящихъ правителей и судей, являлись въ средѣ самихъ разбойниковъ. Преданія того времени представляютъ любопытный образецъ одного изъ подобныхъ »кулачныхъ судій« на Украйнѣ. Мы говоримъ объ извѣстномъ разбойникѣ *Гаркушѣ*, похожденія котораго составляютъ въ высшей степени интересныя и живописныя черты жизни того времени.

О немъ читатель найдетъ любопытныя подробности въ повѣсти А. П. Стороженка »Братья-близнецы«; въ статьѣ г. Маркевича, опубликовавшаго полное судебное дѣло о Гаркушѣ, а также въ статьѣ Одесскаго Вѣстника, 1859 года №№ 21 и 22: »Романтическіе типы старосвѣтской Украйны. 1. Разбойникъ Гаркуша.«

Въ такой-то разладъ и сумятицу украинскаго общества явился писатель, практическій философъ и поэтъ, Сковорода. Сочиненія его, встрѣченныя съ сочувствіемъ, были все произведенія, писанныя подъ вліяніемъ школы мистиковъ. Для нашего времени они не имѣютъ особеннаго значенія, кромѣ нѣкоторыхъ стихотворныхъ сатирическихъ пѣсенъ. Оставляя другимъ опредѣлить отношеніе Сковороды къ этой школѣ мистиковъ, еще мало объясненныхъ у насъ, обратимся къ Сковородѣ со стороны болѣе понятныхъ его отношеній къ народу и обществу, на которое онъ дѣйствовалъ своею жизнью, своими словами, совѣтами и характеромъ.

ГЛАВА II.

Жизнь Сковороды, по неизданнымъ запискамъ Ковалѣнскаго. — Его дѣтство.— Опредѣленіе въ Придворную Капеллу.— Капелла того времени. Выписки изъ архива, сдѣланныя В. В. Стасовымъ. — Въѣздъ Елисаветы въ Кіевъ и »божественный Фаэтонъ« семинаристовъ.—Сковорода ускользаетъ за границу. — Его путешествіе и возвращеніе въ Малороссію.—Уроки у помѣщика Тамары.— Москва и »Титъ Ливій«.—Жизнь у Ковалѣнскихъ, Сошальскихъ, Захаржевскихъ и другихъ помѣщиковъ. — Странствованія и первыя сочиненія, послѣ ссоры съ Коллегіумомъ.—Музыкальныя стремленія.—Предложеніе Екатерины II.—Другіе анекдоты о Сковородѣ.—Начало извѣстности.

Сообщаемъ жизнеописаніе Сковороды по *неизданнымъ* до-сихъ-поръ *запискамъ* Ковалѣнскаго, въ спискѣ, полученномъ нами отъ М. И.

Алякринскаго, изъ Владиміра на Клязьмѣ. Подлинная рукопись Ковалѣнскаго находилась у г. Аскоченскаго въ Кіевѣ и передана имъ М. П. Погодину. Подробный же хронологическій списокъ статей о Сковородѣ, появившихся съ 1806 года, съ »Сіонскаго Вѣстника,« сообщаемъ въ концѣ нашего труда, подъ общимъ библіографическимъ обзоромъ. Все жизнеописаніе Сковороды, такимъ образомъ, — скажемъ, чтобъ не повторять указаній, — построено нами на подлинномъ разсказѣ и собственными словами Ковалѣнскаго, (у котораго до насъ взялъ только нѣкоторыя черты г. Снѣгиревъ, въ »Отечественныхъ Запискахъ« 1823 года), а недостающее въ его »*Житіи Григорія Савича Сковороды*« пополняемъ другими позднѣйшими замѣтками о Сковородѣ. Въ числѣ послѣднихъ мы должны отдать преимущество статьямъ И. И. Срезневскаго, а за нимъ — воспоминаніямъ Ивана Вернета и Гессъ-де-Кальве.

Г. Ковалѣнскій говоритъ:

»Григорій Савичъ Сковорода родился въ Малороссіи, Кіевскаго Намѣстничества, Лубенскаго округа, въ селѣ Чернухахъ, въ 1722 г. (1). Родители его были простолюдины: отецъ — козакъ, мать — козачка. Мѣщане по состоянію, они были недостаточны; но ихъ честность, гостепріимство и миролюбіе были извѣстны въ околодкѣ.

»Григорій Сковорода, уже по седьмому году, получилъ наклонность къ музыкѣ и наукамъ. Въ церковь онъ ходилъ охотно, становился на клиросъ и отличался пѣніемъ. Любимою пѣснею его былъ стихъ Іоанна Дамаскина: »Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, тріе твои отроцы не брегоша безбожнаго велѣнія« (2).

»По охотѣ сына къ ученію, отецъ отдалъ его въ Кіевскую Академію, славившуюся тогда науками. Мальчикъ скоро превзошелъ своихъ сверстниковъ. Митрополитъ Кіевскій, Самуилъ Миславскій, человѣкъ

---

(1) *Гессъ-де-Кальве* (»Украинскій Вѣстникъ« 1817 г.) невѣрно сообщаетъ, что Сковорода родился въ Харьковской губерніи и что отецъ его былъ бѣдный священникъ. Ковалѣнскій зналъ Сковороду короче, и потому нельзя не отдать ему, въ этомъ случаѣ, предпочтенія передъ другими біографами. Такъ и И. И. Срезневскій неточно сказалъ (»Утренняя Звѣзда« 1834 г.), что Сковорода родился въ 1726 г.

(2) *Г. Снѣгиревъ* (»Отеч. Зап.« 1823 г.), почерпавшій свѣдѣнія о Сковородѣ еще »отъ двухъ почтенныхъ мужей, знавшихъ его лично«, прибавляетъ: »Сперва игралъ онъ самоучкой на дудочкѣ, а потомъ на флейтѣ; одинъ ходилъ по рощамъ и лѣсамъ, или, пріютившись дома, сидѣлъ въ уголку и на память повторялъ читанное имъ или слышанное.« (стр. 97).

остраго ума и рѣдкихъ способностей, былъ тогда соучеником̀ъ его и во всемъ оставался ниже его.

»Тогда царствовала императрица Елисавета, любительница музыки и Малороссіи. Способность къ музыкѣ и пріятный голосъ дали поводъ избрать Сковороду въ придворную пѣвческую капеллу, куда онъ и былъ отправленъ при вступленіи императрицы на престолъ.« Г. Аскоченскій, пересказывая жизнь Сковороды по рукописи Ковалѣнскаго, прибавляетъ еще отъ себя (Кіев. Губ. Вѣд. », 1855 г. № 42):« Въ Кіевской Академіи юный пришлецъ съ перваго раза обратилъ на себя вниманіе *дирижёра пѣвческой капелліи*, и немедленно поступилъ въ хоръ; а отличными успѣхами въ наукахъ заслужилъ себѣ похвалу отъ всѣхъ наставниковъ. При восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, въ Малороссіи набирали мальчиковъ для придворной капелліи. Сковорода попалъ туда изъ первыхъ« (1).

В. В. Стасовъ доставилъ намъ любопытную выписку изъ дѣлъ архива придворной конторы, которую онъ сдѣлалъ для составляемой имъ »*Исторіи Церковнаго пѣнія въ Россіи*«. Мы просмотрѣли эти драгоцѣнныя извлеченія, и вотъ нѣкоторыя, неизвѣстныя еще, данныя изъ исторіи придворной капеллы временъ императрицы Елисаветы, помѣщаемыя нами съ разрѣшенія В. В. Стасова. Извѣстно, что придворная капелла, еще со временъ царя Алексѣя Михайловича, постоянно пополнялась голосами изъ Малороссіи. Въ дѣлахъ придворной конторы постоянно встрѣчаются слова: »вновь привезеннымъ ко двору *изъ Малороссіи* пѣвчимъ выдавать жалованье.« Императрица Елисавета, по извѣстной набожности своей и по любви къ духовному пѣнію, еще до восшествія на престолъ, имѣла своихъ пѣвчихъ. Имена: Иванъ Доля, Григорій Берло, Максимъ Бокушъ, Панокъ Григорій, Гаврилъ Головня, и другія, ясно говорятъ объ ихъ происхожденіи. Мѣста, откуда изъ Украйны брались пѣвчіе, слѣдующія. Въ указѣ 1784 года, октября 16-го, сказано: »*дисканты*: города Лохвицы, войсковаго товарища, Максима Афонасьева, сынъ, 6 лѣтъ; г. Кролевца, войсковаго товарища, Дойголевскаго, сынъ, 8 лѣтъ; г. Ромны, священника Клименка сынъ 6 лѣтъ; Стародубскаго словеснаго судьи сынъ; Роменьскаго козака, Обухова, сынъ, 7 лѣтъ;

---

(1) Къ статьѣ г. Аскоченскаго мы болѣе не будемъ обращаться, имѣя подъ рукою подлинникъ — статью Ковалѣнскаго. Но здѣсь нельзя не замѣтить, что въ трудъ его вкрались нѣкоторыя ошибки: такъ, на стр. 279-й, онъ смѣшиваетъ Ковалѣнскаго съ Ковалевскимъ.

Стародубскаго мѣщанина, Бокурина, сынъ 6 лѣтъ; Новгорода-Сѣверскаго, мѣщанина Кушнерова, сынъ; Роменскаго уѣзда, села Галки, козака Галайницкаго сынъ 8 лѣтъ. *Альты*: Прилуцкаго уѣзда, села Дѣдовецъ, священника Тройницкаго сынъ 7 лѣтъ; Знобовскаго жителя Стожка сынъ, 6 лѣтъ; Стародубскаго значковаго товарища, Горлича, племянникъ, 8 лѣтъ. *Подписано*: Новгородъ-Сѣверскаго Намѣстничества верхней расправы предсѣдатель, бунчуковый товарищъ Рачинскій« .

При отставкѣ, за потерю голоса, они обыкновенно снова возвращались на родину. Такъ, подъ 1734 годомъ, читаемъ: »Пять человѣкъ, которые спали съ голоса, отъ двора уволить въ ихъ отечество, въ Малую Россію, и дать имъ абшиты, а для пропитанія ихъ въ пути дать имъ за службу по 25 рублей, отъ камеръ-цалмейстера Кайсарова« . При капеллѣ они получали столько же: »а жалованья давать въ годъ по 25 р., вычтя на гошпиталь« . Иногда давалась и особая винная порція: »Пѣвчему Кириллѣ Степанову выдать вина простого пять ведеръ« (1731 года, собственная подпись: *Елисавета)*. Пѣвчіе набирались изъ Украйны, изъ дворянъ и простаго званія. Подъ 1746 годомъ стоитъ: »Указали мы двора нашего пѣвчимъ, *дворянамъ и прочимъ*, жалованье и за порціи деньгами и хлѣбомъ производить« . — Нарядъ носили такой: »1741 г., декабря 15-го: Императрица изволила указать двора своего пѣвчимъ, уставщику Ивану Петрову съ товарищи, сдѣлать вновь: мундиръ изъ зеленыхъ суконъ, а именно, нѣмецкое: кафтаны, камзолы и штаны, и на кафтанахъ обшлага изъ зеленаго сукна; малымъ черкасское, долгое платье, кафтаны и штаны изъ зеленаго сукна, полукафтаны изъ шелковой матеріи, пунсовыя или алыя.« — Подъ *1745 г. февраля 14*, читаемъ: »Новопривезеннымъ изъ Малороссіи пѣвчимъ, всего 34 человѣкамъ, по новости ихъ, до учиненія имъ жалованья, сдѣлать на каждаго рубахъ и порты по пяти паръ, полотенецъ по три, изъ средняго полотна; сапоговъ, и башмаковъ и чулковъ по двѣ пары, шапокъ по одной, рукавицъ по одной парѣ, и раздать имъ съ росписью.« — Подъ *1747 г.*, февраля 18-го, стоитъ: »Изустный указъ. Тенористу Ивану Иванову сдѣлать платье нѣмецкимъ манеромъ, суконное, кофейнаго цвѣта, подбить стамедомъ, или камлотомъ, и пуговицы гарусныя« . Заботливость императрицы Елисаветы простиралась до того, что на росписи *1748 г., марта 29*, она собственною рукою приписала: »Четверымъ на верхніе кафтаны широкаго позументу положить и взять у Дмитрея Александровича« . (Вотъ любопытный указъ о благочиніи во время службы и церковнаго пѣнія: 1749 года, января 5-го повелѣно: »Во время службы, ежели кто

какого бы чина и достоинства ни былъ, будетъ съ кѣмъ разговаривать, на тѣхъ надѣвать цѣпи съ ящикомъ, какія обыкновенно бываютъ въ приходскихъ церквахъ, которыя для того нарочно заказать сдѣлать вновь, для знатныхъ чиновъ мѣдныя вызолоченныя, для посредственныхъ бѣлыя луженыя, а для прочихъ простыя желѣзныя.«) Съ 1751 года, для обученія пѣвчихъ, принятъ былъ »французской націи учитель Жанъ Ришардъ«. Что́ касается до Сковороды, то его прозвища мы нигдѣ въ бумагахъ конторы не нашли. Это, быть-можетъ, отъ того, что пѣвчихъ звали только по имени, обращая отечества въ фамиліи. Въ указѣ *1740 г., января 8-го*, при выдачѣ наградъ »за славленье и поздравленіе въ Рождество«въ числѣ другихъ стоитъ »робятамъ« такимъ-то: »Каленику, Екиму, Павлу и *Григорью* по 6 рублей каждому.« Въ числѣ старшихъ, получившихъ по 10 рублей, тутъ-же названъ еще »*Григорій Синовоеничь*« (не Савичъ ли?) Въ указѣ же *1741 г.*, декабря 21, стоитъ: »*Вновь привезеннымъ изъ Малороссіи пѣвчимъ сдѣлать мундиръ. А каковы имена большихъ и малыхъ пѣвчихъ, о томъ взять за рукою уставщика, іеромонаха Иларіана, реестръ.*« Можно съ большимъ вѣроятіемъ полагать, что въ числѣ послѣднихъ былъ именно и Григорій Сковорода, потому что въ этомъ случаѣ слова указа, по времени, совпадаютъ съ разсказомъ Ковалѣнскаго, переданнаго имъ со словъ самого Сковороды.

Въ »Отрывкахъ изъ записокъ о старцѣ Сковородѣ« И. И. Срезневскаго (»Утренняя Звѣзда« 1834 г.) читаемъ дополненіе къ разсказу Ковалѣнскаго: »Находясь тамъ около двухъ лѣтъ, онъ сложилъ голосъ духовной пѣсни *Иже Херувимы*, который и доселѣ употребляется во многихъ сельскихъ церквахъ на Украинѣ.« Къ этимъ словамъ г. Срезневскаго тутъ же (на стр. 76—77) сдѣлано примѣчаніе Г. Ѳ. Квитки: »Напѣвъ сей духовной пѣсни, подъ именемъ *придворнаго*, помѣщенъ въ обѣднѣ, по высочайшему повелѣнію напечатанной и разосланной по всѣмъ церквамъ, для единообразія въ церковномъ пѣніи. Кромѣ сего, Сковорода сложилъ веселый и торжественный напѣвъ: »Христосъ воскресе« и канонъ Пасхи: »Воскресенія день«, нынѣ употребляемый въ церквахъ по всей Россіи. вмѣсто прежняго унылаго, ирмолойнаго напѣва, и вездѣ именуемый: *Сковородинъ*«. Квитка зналъ Сковороду лично и былъ самъ нѣсколько лѣтъ монахомъ. Его слова должны быть здѣсь авторитетомъ. Но, къ-сожалѣнію, тутъ есть неточности. Всѣ изысканія г. Стасова въ архивѣ придворной конторы, равно какъ и справки инспектора придворной пѣвческой капеллы, П. Е. Бѣликова, которые

благосклонно отвѣчали на мои сомнѣнія, не могли вполнѣ подтвердить словъ Квитки и И. И. Срезневскаго. Сковорода не сочинялъ, въ бытность въ Петербургѣ, духовной пѣсни »Иже Херувимы,« которая введена въ Россіи; и подобный напѣвъ, подъ именемъ придворнаго, напечатанный въ обѣднѣ, изданной подъ руководствомъ Бортнянскаго въ 1804 году, не принадлежитъ Сковородѣ. Если же Квитка приписываетъ ему, по памяти, нѣкоторые, принятые въ церквахъ, духовные напѣвы, изъ которыхъ одинъ именовали даже прямо »Сковородинымъ« то это могло легко случиться, потому что даровитый мальчикъ Сковорода, воротившись изъ Петербурга, училъ желающихъ напѣвамъ придворнымъ, напѣвамъ тогдашнихъ знаменитостей, въ родѣ его земляка Головни, и эти пѣсни сохранялись въ памяти потомства вмѣстѣ съ его именемъ.

Впрочемъ, Сковорода сочинялъ духовные канты. Профессоръ Петербургской духовной академіи, В. Н. Карповъ, къ которому я также обращался съ вопросомъ по этому случаю, отвѣчалъ мнѣ письменно: »живя въ Кіевѣ, я имѣлъ случай слышать напѣвы, приписываемые Сковородѣ. Но эти напѣвы не введены въ церковное употребленіе, а употребляются келейно, въ частныхъ, обычныхъ, собраніяхъ Кіевскаго духовенства, любящаго завѣтную старину.«

Въ бытность Сковороды въ Петербургѣ, придворнымъ пѣвчимъ было неслыханно-привольное житье. Въ то время были въ зенитѣ славы Разумовскіе, украинцы по происхожденію и по душѣ. Мальчиковъ, взятыхъ ко двору за голоса, лелѣяли, ласкали. Въ числѣ пѣвчихъ были дѣти и значительныхъ малороссійскихъ пановъ, каковы Стоцкіе, Головачевскіе. Старѣя, если ихъ не возвращали на родину, они сохраняли важный, сановитый видъ, и гордились, нося названіе пѣвчихъ двора любимой императрицы. Но Сковорода оставался при дворѣ не долго, около двухъ или трехъ лѣтъ.

Императрица, продолжаетъ Ковалѣнскій, скоро предприняла путешествіе въ Кіевъ, и съ нею весь кругъ двора. Сковорода прибылъ туда вмѣстѣ съ другими пѣвчими.

Это было въ августѣ 1744 года.

Въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1846 года (1), (августа 23, въ неофиціальной части, стр. 327 — 328) мы нашли статью: »*О по-*

(1) Подробности о путешествіи императрицы Елисаветы по Малороссіи помѣщены въ Черниговскихъ Губерн. Вѣдом. 1852 г. № 29 и 43 (Разсказъ современника, изъ дневника подскарбія Андрея Марковича).

сѣщеніи Императрицею Елисаветою Петровною Кіева«, гдѣ говорится слѣдующее объ этомъ любопытномъ событіи: »Елисавета здѣсь прожила нѣсколько недѣль; пѣшкомъ посѣщала пещеры и храмы; раздавала дары священству и неимущимъ. Ее встрѣчали и конвоировали войска малороссійскія (1). Войска были одѣты на-ново, въ синихъ черкескахъ, съ вылетами, и въ широкихъ шальварахъ, съ разноцвѣтными по полкамъ шапками. Изъ Кіевской Академіи были выписаны вертепы; пѣвчіе пѣли, семинаристы представляли зрѣлища божественныя въ лицахъ и пѣли канты поздравительные. А въ Кіевѣ молодой студентъ, въ коронѣ и съ жезломъ, въ видѣ древняго старца, выѣхалъ за городъ въ колесницѣ, названной »фаэтонъ божественный« на двухъ коняхъ крылатыхъ, которые студенты назвали пегасами и которые были ничто иное, какъ пара студентовъ. Этотъ старикъ представлялъ Кіевскаго князя Владиміра Великаго; на концѣ моста встрѣтилъ онъ государиню и произнесъ длинную рѣчь, въ которой называлъ себя княземъ Кіевскимъ, ее своею наслѣдницею, приглашалъ ее въ городъ и поручалъ весь русскій народъ во власть ея и въ милостивое покровительство.«

При возвратномъ отбытіи двора въ Петербургъ, продолжаетъ Ковалѣнскій, Сковорода получилъ увольненіе, съ чиномъ придворнаго уставщика, и остался въ Кіевѣ продолжать ученіе (2).

Гессъ-де-Кальве прибавляетъ: »Тамъ молодой Сковорода занялся ревностно еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ языками, упражняясь притомъ въ краснорѣчіи, философіи, матафизикѣ, математикѣ, естественной исторіи и богословіи. Но онъ совершенно не имѣлъ расположенія къ духовному званію, для котораго впрочемъ преимущественно отецъ назначалъ его. И его нерасположенность возрасла до такой степени, что онъ, замѣчая желаніе кіевскаго архіерея посвятить его въ священники, прибѣгнулъ къ хитрости и притворился сумасброднымъ, перемѣнилъ го-

(1) Въ »*Запискахъ о слободскихъ полкахъ*« съ начала ихъ поселенія до 1766 года, (Харьковъ) 1812 г. на стр. 60-й, при описаніи встрѣчи императрицы у города Сѣвска, говорится: »При этомъ бригадиръ Лесевицкій, по старости и слабости, а харьковскій полковникъ Тевяшевъ, по неизвѣстной причинѣ, отказались быть при отряженныхъ командахъ, и полку харьковскаго отрядомъ командовалъ полковой обозный Ив. Вас. Ковалевскій«. Оба послѣднія лица впослѣдствіи играли роль въ жизни Сковороды.

(2) Этотъ чинъ давался обыкновенно всѣмъ лучшимъ придворнымъ пѣвчимъ, при оставленіи ими капеллы, и означалъ запѣвалу въ хорѣ, смѣлаго и одареннаго острымъ слухомъ. Уставщикъ же при дворѣ носилъ особое платье и въ хорѣ былъ съ булавой (Со словъ П. Е. Бѣликова).

лосъ, сталъ заикаться. Почему обманутый архіерей выключилъ его изъ бурсы, какъ непонятнаго, и признавъ неспособнымъ къ духовному званію, позволилъ ему жить гдѣ - угодно. Этого-то и хотѣлъ Сковорода: будучи на свободѣ, онъ почиталъ себя уже довольно награжденнымъ за несносныя для него шесть лѣтъ, которыя впрочемъ онъ совсѣмъ иначе употребилъ, нежели какъ думали всѣ его окружавшіе. Онъ пріобрѣлъ большія свѣдѣнія въ разныхъ наукахъ.« (»Украинскій Вѣстникъ« 1817 г.)

Кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кіевѣ, продолжаетъ Ковалѣнскій. показался ему недостаточнымъ. Сковорода пожелалъ видѣть чужіе край. Скоро представился къ этому поводъ, и онъ имъ воспользовался охотно.

Отъ Двора отправленъ былъ въ Венгрію, къ Токайскимъ садамъ, генералъ-майоръ Вишневскій, который, для находившейся тамъ грекороссійской церкви, хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ службѣ и пѣнію. Сковорода, извѣстный уже знаніемъ музыки, голосомъ и желаніемъ своимъ быть въ чужихъ краяхъ, также знаніемъ нѣкоторыхъ языковъ, представленъ былъ Вишневскому и взятъ имъ подъ покровительство. Путешествуя съ генераломъ Вишневскимъ, онъ получилъ его позволеніе и помощь къ обозрѣнію Венгріи, Вѣны, Офена, Пресбурга и другихъ мѣстъ Австріи, гдѣ изъ любопытства старался знакомиться болѣе съ людьми учеными. Онъ говорилъ чисто и хорошо по-латыни и по-нѣмецки, и порядочно понималъ греческій языкъ, почему легко могъ пріобрѣтать знакомство и расположеніе ученыхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и новыя познанія, какихъ не имѣлъ и не могъ имѣть на родикѣ.

Гессъ-де-Кальве (стр. 108—110), знавшій также коротко Сковороду, сообщаетъ объ этомъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей: »Онъ взялъ посохъ въ руку и отправился истинно-философски, т. е. пѣшій и съ крайне-тощимъ кошелькомъ. Онъ странствовалъ въ Польшѣ, Пруссіи, Германіи и Италіи, куда сопровождала его нужда и отреченіе отъ всякихъ выгодъ. Римъ любопытству его открылъ обширное поле. Съ благоговѣніемъ шествовалъ онъ по сей классической землѣ, которая нѣкогда носила на себѣ Цицерона, Сенеку и Катона. Тріумфальныя врата Траяна, обелиски на площади св. Петра, развалины Каракальскихъ бань, словомъ всѣ остатки сего владыки свѣта, столь противоположные нынѣшнимъ постройкамъ тамошнихъ монаховъ, шутовъ, шарлатановъ макаронныхъ и сырныхъ фабрикантовъ, произвели въ нашемъ циникѣ сильное впечатлѣніе. Онъ замѣтилъ, что не у насъ только, но и вездѣ, богатому поклоняются, а бѣднаго презираютъ; видѣлъ, какъ глупость предпочитаютъ разуму, какъ шутовъ награждаютъ, а заслуга питается пода-

яніемъ; какъ развратъ нѣжится на мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ.« Гессъ-де-Кальве здѣсь нѣсколько фантазируетъ; но легко могло быть, что это отступленіе отъ рѣчи строгаго историка навѣяно ему разсказами самого Сковороды. Далѣе онъ говоритъ: »Наконецъ, обогатившись нужными познаніями, Сковорода желалъ непремѣнно возвратиться въ свое отечество. Надѣясь всегда на проворство ногъ, онъ пустился назадъ. Какъ забилось сердце его, когда онъ издали увидѣлъ деревянную колокольню родимой своей деревушки! Вербы, посаженныя въ отеческомъ дворѣ, тогда, какъ онъ былъ еще дитятею, распростирали свои вѣтви по крышѣ хижины. Онъ шелъ мимо кладбища; тутъ большое число новыхъ крестовъ бросали длинныя тѣни. »Можетъ быть, многихъ, думалъ онъ, теперь заключаетъ въ себѣ мракъ могилы!« Онъ перескочилъ черезъ ограду, переходилъ съ могилы на могилу, пока наконецъ поставленный въ углу камень показалъ ему, что уже нѣтъ у него отца. — Онъ узналъ, что всѣ его родные переселились въ царство мертвыхъ, кромѣ одного брата, коего пребываніе было ему неизвѣстно. Побывавши въ родимой деревушкѣ, онъ взялъ опять свой странническій посохъ и, многими обходами, пошелъ въ Харьковъ.« (110—112 стр.) ([1]).

Но еще до посѣщенія Харькова, Сковорода испыталъ одну любопытную превратность судьбы. Объ этомъ говоритъ Ковалѣнскій.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, полный учености, но съ весьма скуднымъ состояніемъ, въ крайнемъ недостаткѣ всего нужнѣйшаго, проживалъ онъ у своихъ прежнихъ пріятелей и знакомыхъ. Состояніе послѣднихъ было также невелико; потому они изыскивали случай, какъ бы употребить его труды, съ пользою для него и для общества. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславлѣ, куда онъ и отправился по приглашенію тамошняго епископа, Никодима Сребницкаго ([2]).

([1]) О мѣстѣ родины Сковороды, селѣ *Чернухахъ*, мы нашли въ Черниговскихъ Губ. Вѣдомостяхъ, 1853 г. № 4, свѣдѣніе, что это село издавна представляетъ людное и торговое мѣсто. Въ этой статьѣ о старинѣ села Чернухъ сказано: »Въ Чернухахъ, Лубенскаго полка, бываетъ въ годъ 4 ярмарки. Изъ Кіева, Лубенъ, Прилукъ и Лохвицы сюда пріѣзжаютъ торговцы съ сукнами, кожами и мелочными товарами—а изъ околицъ съ хлѣбомъ, лошадьми и питейными припасами.«

([2]) По словомъ О. М. Б—го, въ Переяславлѣ существуетъ преданіе, что въ ту пору сотоварищами по переяславской семинаріи у Сковороды были двѣ другія знаменитости: протоіерей Гречка и извѣстный впослѣдствіи проповѣдникъ Леванда, оба не менѣе Сковороды богатые разнообразными приключеніями

Сковорода, имѣя уже обширныя по тогдашнему времени познанія, написалъ для училища »Руководство о поэзіи« въ такомъ новомъ видѣ, что епископъ счелъ нужнымъ приказать ему измѣнить его, и преподавать предметъ по-старинѣ, предпочитавшей силлабическіе стихи Полоцкаго ямбамъ Ломоносова. Сковорода не согласился. Епископъ требовалъ отъ него письменнаго отвѣта, черезъ консисторію, какъ онъ смѣлъ ослушаться его предписанія. Сковорода отвѣчалъ, что онъ полагается на судъ всѣхъ знатоковъ, и прибавилъ, къ объясненію своему, латинскую пословицу: »Alia res sceptrum, alia plectrum.« (Иное дѣло пастырскій жезлъ, а иное пастушья свирѣль). Епископъ, на докладѣ консисторіи, сдѣлалъ собственноручное распоряженіе: »Не живяше по средѣ дому моего творяй гордыню.« Вслѣдъ за тѣмъ Сковорода изгнанъ былъ изъ училища переяславскаго.

Бѣдность крайне его стѣсняла; но нелюбостяжательный нравъ поддерживалъ въ немъ веселость и бодрость духа.

Онъ перешелъ жить къ пріятелю своему, который зналъ цѣну достоинствъ его, но не зналъ его бѣдности. Сковорода не смѣлъ просить помощи и жилъ молчаливо и терпѣливо, имѣя только двѣ худыя рубашки, камлотный кафтанъ, одни башмаки и черные гарусные чулки. Нужда сѣяла въ сердцѣ его, по словамъ Ковалѣнскаго, сѣмена, которыхъ плодами обильно украсилась впослѣдствіи его жизнь. Невдалекѣ жилъ малороссійскій помѣщикъ Степанъ Тамара, которому нуженъ быдъ учитель для сына. Сковороду представили ему знакомые, и онъ принялъ его въ село Каврай.

Здѣсь Ковалѣнскій останавливается со Сковородою нѣсколько долѣе. Старикъ Тамара отъ природы былъ большаго ума, а на службѣ пріобрѣлъ хорошія познанія отъ иностранцевъ; но придерживался застарѣлыхъ предразсудковъ и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на все, что́ не одѣто въ гербы и не украшено родословными. Сковорода принялся воздѣлывать сердце молодаго человѣка, не обременяя его излишними свѣдѣніями. Воспитанникъ привязался къ нему. Цѣлый годъ шло ученіе; но отецъ не удостоивалъ учителя взглядомъ, хотя онъ всякій день сидѣлъ у него за столомъ съ своимъ воспитанникомъ. Тяжело было такое униженіе; но Сковорода желалъ выдержать условіе: договоръ былъ сдѣланъ на годъ. Тутъ случилась одна непріятность. Какъ-то разговаривалъ онъ съ ученикомъ своимъ и за-просто спросилъ его, какъ онъ думаетъ о томъ, что́ говорили? Ученикъ отвѣтилъ неприлично. Сковорода возразилъ, что, значитъ, онъ мыслитъ, »какъ свиная голова!« Слуги подхватили слово, передали его

барынѣ, барыня мужу. Старикъ Тамара, цѣня все-таки учителя, но уступая женѣ, которая требовала мести »за родовитаго шляхетскаго сына«, названнаго свиною головою, отказалъ Сковородѣ отъ дому и отъ должности. При прощаньи однако онъ съ нимъ впервые заговорилъ и прибавилъ: »Прости, государь мой! мнѣ жаль тебя!«

И вотъ за »свиную голову« Сковорода опять остался безъ мѣста, безъ пищи, безъ одежды, но не безъ надежды, — заключаетъ Ковалѣнскій.

Въ крайней нуждѣ зашелъ онъ къ пріятелю своему, переяславскому сотнику. Тутъ ему представился случай ѣхать въ Москву, съ каллиграфомъ, получившимъ мѣсто проповѣдника въ московской академіи. Съ нимъ и поѣхалъ. Изъ Москвы они проѣхали въ Троицко - Сергіевскую Лавру, гдѣ былъ тогда намѣстникомъ Кириллъ Флоринскій, большихъ познаній человѣкъ, бывшій впослѣдствіи епископомъ черниговскимъ. Кирилъ сталъ уговарить Сковороду, знакомаго уже ему по слухамъ, остаться въ Лаврѣ для пользы училища; но любовь къ родинѣ влекла его въ Малороссію. Сковорода возвратился снова въ Переяславль, »оставя по себѣ въ Лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла« (1). Сковорода уже отдалялся отъ всякихъ привязанностей и становился странникомъ, безъ родства, стяжаній и домашняго угла.

Не успѣлъ онъ пріѣхать въ Переяславль, какъ Тамара поручилъ знакомымъ отыскивать его и просить снова къ себѣ. Сковорода отказался. Тогда одинъ знакомый обманомъ привезъ его, соннаго, въ домъ Тамары ночью, гдѣ его и успѣли уговорить остаться. Онъ остался безъ срока и безъ условій.

Поселясь въ деревнѣ и обезпеча свои первыя нужды, онъ сталъ предаваться уединенію и размышленіямъ, удаляясь въ поля, рощи и аллеи сада. »Рано утромъ заря была ему спутницею, а дубравы собесѣд-

---

(1) Вѣроятно, къ этому времени относится черта сохраненная въ статьѣ г. Снегирева: »*О старинномъ русскомъ переводѣ Тита Ливія*«. (Ученыя записки И. Моск. Университета 1833 г. ч. 1. стр. 694—5). Вотъ слова г. Снегирева: »Переводъ Тита Ливія хранится въ патріаршей библіотекѣ, подъ № 292, въ 4 большихъ томахъ, писанъ скорописью; на заглавіи IV тома надписано: Переведена з латинскаго диалекта на славенскій трудами учителя Коллегіума Чернѣговскаго, року 1716. — На бумажной закладкѣ, вложенной въ одинъ томъ, подписано *рукою Григорія Сковороды*, извѣстнаго подъ именемъ украинскаго философа: »ρчѕ *году, мѣсяца Маи, въ* ѥѧ *день, купилъ Сковорода, далъ восмъ алтынъ.*«

никами.« Это не осталось безъ послѣдствій. Ковалѣнскій сохраняетъ въ своемъ разсказѣ выдержку изъ оставшихся у него »Записокъ« Сковороды. Изъ выдержки этой видно, что Сковорода жилъ у Тамары въ 1758 году. Значитъ, со времени его петербургской жизни прошло уже четырнадцать лѣтъ, и онъ вступалъ въ тридцать шестой годъ жизни. Учителю Тамары стали видѣться чудные, знаменательные сны.

»Въ полночь, ноября 24 числа, 1758 года, въ селѣ Кавраѣ, говоритъ Сковорода, казалось во снѣ, будто я разсматриваю различныя охоты житія человѣческаго, по разнымъ мѣстамъ. Въ одномъ мѣстѣ я былъ, гдѣ царскіе чертоги, наряды, музыка, плясанія; гдѣ любящіяся то пѣли, то въ зеркала смотрѣлись, то бѣгали изъ покоя въ покой, снимали маски, садились на богатыя постели. Оттуда повела меня сила къ простому народу. Люди шли по улицѣ, съ скляницами въ рукахъ, шумя, веселясь, шатаясь, также и любовныя дѣла сроднымъ себѣ образомъ происходили у нихъ.« Сонъ заключается картиною сребролюбія, которое съ »кошелькомъ таскается« всюду, и видомъ сластолюбія, попирающаго смиренную бѣдность, »имѣющую голыя колѣна и убогія сандаліи. « Сковорода кончаетъ словами: »Я, не стерпя свирѣпства, отвратилъ очи и вышелъ.«

Болѣе и болѣе влюблялся онъ въ свободу и уединеніе. Мысли просились къ перу. Онъ писалъ стихи. Прочтя одно изъ нихъ, старый Тамара сказалъ: »Другъ мой! Богъ благословилъ тебя даромъ духа и слова (1)!«

Сковорода продолжалъ учить сына Тамары языкамъ и первымъ свѣдѣніямъ. Вскорѣ ученику выпало на долю перейти въ другой кругъ; Сковорода также вступилъ на новое поприще. Въ Бѣлгородъ прибылъ епископъ Іосафъ Миткевичъ. Онъ вызвалъ изъ Переяславля друга своего, игумена Гервасія Якубовича. Послѣдній заговорилъ о Сковородѣ; епископъ вызвалъ къ себѣ бывшаго учителя Тамары и доставилъ ему мѣсто учителя поэзіи въ харьковскомъ коллегіумѣ, въ 1759 году (2).

Отрадно остановиться здѣсь надъ Сковородою. Жизнь ему на-время улыбнулась. Онъ явился уже въ простомъ, но въ приличномъ, нарядѣ. Чудакъ начинаетъ въ немъ пробиваться по-поводу пищи, которую онъ

---

(1) Эти стихи написаны на тему: »Ходя по землѣ, обращайся на небесахъ«, и помѣшены въ рукописномъ сборникѣ «Садъ пѣсней« подъ № 2.

(2) Въ это время ректоромъ коллегіума былъ архимандритъ *Константинъ Бродскій*, изъ префектовъ московской академіи; а префектомъ—Лаврентій Кордетъ, игуменъ. (См. статью о коллегіумѣ »Молодика« 1843 г. стр. 30).

принимаетъ только вечеромъ, по захожденіи солнца, и ѣстъ только овощи, плоды и молочныя блюда, не употребляя ни мяса, ни рыбы. Спитъ въ сутки только четыре часа. Встаетъ до зари и пѣшкомъ отправляется за городъ гулять, какъ замѣчаетъ Ковалѣнскій, передъ всѣми »веселъ бодръ, подвиженъ, воздержанъ, благодушенствующъ, словоохотенъ, изъ всего выводящій нравоученіе и почтителенъ«. Годъ прошелъ, и онъ, оконча срочное время, пріѣхалъ въ Бѣлгородъ къ Іосафу, отдохнуть отъ трудовъ. Епископъ, желая удержать его долѣе при училищѣ, поручилъ Гервасію уговаривать его какъ пріятеля, вступить въ монашеское званіе, обѣщая при этомъ скоро довести его до высокаго сана. Сковорода отказался. Гервасій сталъ съ нимъ холоденъ. Тогда Сковорода, на третій же день по прибытіи въ Бѣлгородъ, дождавшись въ передней выхода Гервасія, подошелъ къ нему и попросилъ себѣ »напутственнаго благословенія«. Гервасій понялъ его намѣреніе и благословилъ его скрѣпя сердце. Сковорода отправился къ новому пріятелю своему, въ деревню Старицу, въ окрестности Бѣлгорода. Это было хорошенькое мѣсто, богатое лѣсами, водоточинами и уютными »удольями«, по словамъ Ковалѣнскаго »благопріятствующими глубокому уединенію.» Здѣсь Сковорода принялся изучать себя, и на эту тему написалъ нѣсколько сочиненій. Гервасій донесъ епископу о поступкѣ Сковороды. Іосафъ не досадовалъ, а только пожалѣлъ о немъ. Пустынножительство Сковороды продолжалось въ Старицѣ. Сосѣди, заслышавъ о его нравѣ, съѣзжались съ нимъ знакомиться. Онъ также посѣщалъ нѣкоторыхъ по деревнямъ, и между прочимъ вздумалъ снова посѣтить Харьковъ. »Нѣкто, говоритъ Ковалѣнскій, изъ познакомившихся съ нимъ, сдѣлавшись пріятелемъ его, просилъ, чтобъ, будучи въ Харьковѣ, познакомился онъ съ племянникомъ его, молодымъ человѣкомъ, находившимся тамъ для наукъ, и не оставилъ бы его добрымъ словомъ.« Здѣсь Ковалѣнскій, подъ именемъ племянника, говоритъ о себѣ самомъ. Съ этой поры онъ познакомился съ Сковородою, и ему мы обязаны достовѣрнымъ жизнеописаніемъ Сковороды. Встрѣтившись съ нимъ въ Харьковѣ, »Сковорода, смотря на него, полюбилъ его, и полюбилъ до самой смерти.«

Іосафъ, между тѣмъ, не теряя Сковороды изъ виду и желая привлечь его снова въ Харьковское училище, предложилъ ему должность учителя, какую онъ захочетъ. Полюбивъ новаго знакомаго своего, Сковорода принялъ предложеніе епископа и остался въ Харьковѣ преподавать въ коллегіумѣ синтаксисъ и греческій языкъ.

Покинувъ Бѣлгородъ для Харькова, Сковорода, кромѣ коллегіума, за-

нялся съ новымъ другомъ своимъ, М. И. Ковалѣнскимъ. Онъ сталъ чаще и чаще навѣщать его, занималъ его музыкою, чтеніемъ книгъ; словомъ невольно сталъ его руководителемъ. Молодой человѣкъ, воспитываемый до той поры полуучеными, школьными риторами, и частію монахами, съ жадностью сталъ вслушиваться въ слова новаго учителя. Одни говорили ему, что счастіе состоитъ въ довольствѣ, нарядахъ и въ праздномъ весельи. Сковорода говорилъ, что счастіе—ограниченіе желаній, обузданіе воли и трудолюбивое исправленіе долга. Въ добавокъ къ этому словамъ Сковороды отвѣчала и жизнь его и его дѣла. Ученикъ проходилъ съ нимъ любимыхъ древнихъ авторовъ: Плутарха, Филона, Цицерона, Горація, Лукіяна, Климента, Оригена, Діонисія Ареопагита, Нила и Максима-Исповѣдника. Новые писатели шли съ ними рядомъ. Предпринявъ перевоспитать ученика своего совершенно, Сковорода почти еженевно писалъ къ нему письма, чтобы отвѣтами на нихъ вкратцѣ пріучить его мыслить и писать. Вскорѣ, именно въ *1763 году*, какъ самъ Ковалѣнскій приводитъ въ выдержкѣ изъ своихъ тогдашнихъ »Поденныхъ Записокъ«, онъ увидѣлъ сонъ, въ которомъ на ясномъ небѣ представились ему золотыя очертанія именъ трехъ отроковъ, ввергенныхъ въ печь огненную: Ананія, Азарія и Мисаила. Отъ этихъ трехъ словъ на Сковороду сыпались искры, а нѣкоторыя попадали и на Ковалѣнскаго, производя въ немъ легкость, спокойствіе и довольство духа. »Поутру, говоритъ онъ, вставъ рано, пересказалъ я сіе видѣніе старику, троицкому священнику, Бор., у котораго я имѣлъ квартиру. Старикъ сказалъ: Молодой человѣкъ! слушайтесь вы сего мужа; онъ поставленъ вамъ отъ Бога руководителемъ и наставникомъ. Съ того часа молодой сей человѣкъ предался вседушно дружбѣ Григорія Сковороды.« Три отрока, говорилъ ему Сковорода, это три способности человѣка: умъ, воля и дѣяніе, не покоряющіеся злому духу міра, не сгарающіе отъ огня любострастія. Это объяснилъ ему Сковорода уже черезъ тридцать лѣтъ самой тѣсной дружбы со своимъ ученикомъ, за два мѣсяца до кончины своей, потому что послѣдній не рѣшался ему разсказать прежде своего сна.

Въ бесѣдахъ съ ученикомъ своимъ, раздѣляя человѣка на двое, на внутренняго и внѣшняго, Сковорода этого внутренняго человѣка называлъ Минервою, по сказкѣ о происхожденіи Минервы изъ головы Юпитера. »Такимъ образомъ, часто,— говоритъ ученикъ,— видя робкаго военачальника, грабителя судью, хвастуна ритора, роскошнаго монаха, онъ съ досадою замѣчалъ: вотъ люди безъ Минервы! Взглянувъ на изображеніе Ека-

терины II, бывшее въ гостиной у друга его, сказалъ онъ съ движеніемъ: вотъ голова съ Минервою!«

Въ бесѣдахъ своихъ приглашалъ онъ ученика, въ поздніе лѣтніе вечера, за городъ, и незамѣтно доводилъ его до кладбища. Тутъ онъ, при видѣ песчаныхъ могилъ, разрытыхъ вѣтромъ, толковалъ о безумной боязливости людской при видѣ мертвыхъ. »Иногда же, замѣчаетъ Ковалѣнскій, онъ пѣлъ тамъ что-либо, приличное благодушеству; иногда же, удалясь въ близь-лежащую рощу, игралъ на флейттраверсѣ, оставя ученика своего между могилъ одного, чтобъ издали ему пріятнѣе было слушать музыку«. Такъ онъ укрѣплялъ бодрость мысли и чувствъ своего ученика.

Въ 1764 году, Ковалѣнскій поѣхалъ въ Кіевъ изъ любопытства. Сковорода рѣшился ѣхать съ нимъ; и они отправились въ августѣ. Тамъ они осматривали древности; а Сковорода былъ ихъ истолкователемъ. »Многіе изъ соучениковъ его и родственниковъ, замѣчаетъ Ковалѣнскій, будучи тогда монахами въ Печерской Лаврѣ, напали на него неотступно, говоря: »полно бродить по свѣту! Пора пристать къ гавани! намъ извѣстны твои таланты! ты будешъ столпъ и украшеніе обители!« — «Ахъ, возразилъ въ горячности Сковорода:—довольно и васъ, столбовъ неотесанныхъ!« Черезъ нѣсколько дней Ковалѣнскій возвратился домой; а Сковорода остался погостить у родственника своего, печерскаго типографа, Іустина. Спустя два мѣсяца онъ снова пріѣхалъ изъ Кіева въ Харьковъ. Украину онъ предпочиталъ Малороссіи за воздухъ и воды. »Онъ обыкновенно, замѣчаетъ ученикъ его, называлъ Малороссію матерью, потому что родился тамъ, а Украину тѣткою, по жительству въ ней и по любви къ ней.«

Въ Харьковѣ былъ тогда губернаторомъ Евдокимъ Алексѣевичь Щербининъ, человѣкъ стараго вѣка, но поклонникъ искусствъ и наукъ, а въ-особенности музыки, въ которой и самъ былъ искусенъ. Онъ много наслышался о Сковородѣ. Одинъ старожилъ передалъ намъ о первой встрѣчѣ его съ Сковородою. Щербининъ ѣхалъ по улицѣ, въ пышномъ рыдванѣ и съ гайдуками, и увидѣлъ Сковороду, сидѣвшаго у гостинаго двора, на тротуарѣ. Губернаторъ послалъ къ нему адъюганта. »Васъ требуетъ къ себѣ его превосходительство!»—«Какое превосходительство?«— »Господинъ губернаторъ!« — »Скажите ему, что мы незнакомы!«— Адъютантъ, заикаясь, передалъ отвѣтъ Сковороды. Губернаторъ послалъ вторично. »Васъ *проситъ* къ себѣ *Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ!*«—»А! отвѣтилъ Сковорода:—объ этомъ слыхалъ; говорятъ, доб-

рый человѣкъ и музыкантъ!« И, снявши шапку, подошелъ къ рыдвану. Съ той минуты они сошлись. Ковалѣнскій сохраняетъ черты ихъ дальнѣйшихъ отношеній. »Честной человѣкъ, для чего не возьмешь ты себѣ никакого извѣстнаго состоянія?« спросилъ его Щербининъ въ первые дни знакомства. »Милостивый государь, отвѣчалъ Сковорода:—свѣтъ подобенъ театру. Чтобъ представить на немъ игру съ успѣхомъ и похвалою, берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо не по знатности роли, но за удачность игры, похваляется. Я увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ простаго, безпечнаго и уединительнаго; я сію роль выбралъ, взялъ и доволенъ.« — »Но, другъ мой! продолжалъ Щербининъ, отведя его особенно изъ круга: — можетъ быть, ты имѣешь способности къ другимъ состояніямъ, да привычка, мнѣнія, предубѣжденіе... мѣшаютъ—хотѣлъ онъ сказать. »Если-бы я почувствовалъ, перебилъ Сковорода, сегодня же, что могу рубить турокъ, то привязалъ бы гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. А ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ этого, потому что не имѣютъ природы къ тому!« ...

Любимымъ занятіемъ Сковороды въ это время была музыка. Онъ сочинялъ духовные концерты, положа нѣкоторые псалмы на музыку, также и стихирны, пѣваемыя на литургіи. Эти вещи были, по словамъ Ковалѣнскаго, исполнены гармоніи, простой, но важной и проникающей душу. Особую склонность питалъ онъ къ акроматическому роду музыки. »Сверхъ того, онъ игралъ на скрипкѣ, флейттраверсѣ, бандурѣ и гусляхъ.« По словамъ г. Срезневскаго (»Утренняя Звѣзда«, 1834 г., к. I, 76—77 стр.), »онъ началъ музыкальное поприще, въ домѣ отца своего, *сопилкою*, свирѣлью. Тамъ, одѣвшись въ юфтовое платье, онъ отправлялся отъ ранняго утра въ рощу и наигрывалъ на сопилкѣ священные гимны. Мало-по-малу онъ усовершенствовалъ свой инструментъ до того, что могъ на немъ передавать переливы голоса птицъ пѣвчихъ. Съ тѣхъ поръ музыка и пѣніе сдѣлались постояннымъ занятіемъ Сковороды. Онъ не оставлялъ ихъ въ старости. За нѣсколько лѣтъ до смерти, живя въ Харьковѣ, онъ любилъ посѣщать домъ одного старичка, гдѣ собирались бесѣды добрыхъ, подобныхъ хозяину, старичковъ. Бывали вечера и музыкальные, и Сковорода занималъ въ такихъ случаяхъ всегда первое мѣсто, пѣль *primo*, и за слабостію голоса вытягивалъ трудныя solo на своей флейтѣ, какъ называлъ онъ свою сопилку, имъ усовершенствованную. Впрочемъ онъ игралъ и пѣлъ, всегда наблюдая важность, задумчивость и суровость. Флейта была неразлучною спутницей его; перехо-

дя изъ города въ городъ, изъ села въ село, по дорогѣ онъ всегда или пѣлъ, или, вынувъ изъ-за пояса любимицу свою, наигрывалъ на ней свои печальныя фантазіи и симфоніи.«

Въ 1766 г., по повелѣнію Екатерины II, къ харьковскимъ училищамъ, по предстательству Щербинина, прибавлены нѣкоторыя науки, подъ именемъ, »прибавочныхъ классовъ« Между прочимъ, благородному юношеству назначено было преподавать правила благонравія. Начальство для этого избрало Сковороду, которому было уже сорокъ четыре года, и онъ принялъ вызовъ охотно, даже безъ опредѣленнаго оклада жалованья, ссылаясь, что это доставитъ ему одно удовольствіе. Въ руководство ученикамъ, написалъ онъ тогда извѣстное сочиненіе свое: »*Начальная дверь къ христіанскому добронравію, для молодаго шляхетства Харьковской губерніи*« (1). Всѣ просвѣщенные люди, замѣчаетъ при этомъ Ковалѣнскій, отдали Сковородѣ полную справедливостъ. Но нашлись при этомъ завистники и гонители. Г. Срезневскій, въ статьѣ своей « Отрывки изъ записокъ о старцѣ Сковородѣ« (»Утренняя Звѣзда« кн. I, стр. 71—73) сохранилъ объ этомъ нѣсколько любопытныхъ подробностей. Воротившись изъ-за границы, Сковорода былъ полонъ новаго ученія, новыхъ животворныхъ истинъ, добытыхъ на пользу человѣчества, любящій все доброе и честное, и ненавидѣвшій ложь и невѣжество. »Бѣдный странникъ, говоритъ г. Срезневскій, въ рубищѣ, явился онъ въ Харьковъ. Скоро распространилась молва о его учености и краснорѣчіи.« Въ предварительной лекціи, по полученіи каѳедры правилъ благонравія въ училищѣ, онъ высказалъ нѣкоторыя мысли свои, и напугалъ непросвѣщенныхъ своихъ товарищей « И въ самомъ дѣлѣ, могли ли они не быть поражены такимъ громкимъ вступленіемъ. Выписываю оное слово въ слово: »Весь міръ спитъ! Да еще не такъ спитъ, какъ сказано: аще упадетъ, не разбіется; спитъ глубоко, протянувшись, будто ушибенъ! А наставники не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: спи, не бойся, мѣсто хорошее... чего опасаться!« Волненіе было готово. Но это только начало, и скоро все затихло. Сковорода началъ свои уроки, написалъ вышеупомянутое сочиненіе, какъ сокращеніе оныхъ,

(1) Напечатана вполнѣ въ »*Сіонскомъ Вѣстникѣ*« Ѳеопемпта Мисаилова, 1806 г. ч. III, стр. 156—179, — и въ »*Утренней Звѣздѣ*« 1834 г. кн. I, въ отрывкахъ, въ статьѣ И. И. Срезневскаго, стр. 72—74. Начало этого сочиненія, подъ именемъ »*Преддверія Сковороды*« напечатано еще въ »*Москвитянинѣ* 1842 г. ч. I, стр. 117 — 119, съ замѣткою: доставлено г. Срезневскимъ.

отдалъ рукопись, и тогда-то буря возстала на него всею силой. Рукопись пошла по рукамъ. Съ жадностію читали ее. Но, какъ нѣкоторыя мѣста въ ней найдены сомнительными, то Сковороду осудили на отрѣшеніе отъ должности. Конечно, тутъ дѣйствовала болѣе зависть; но невѣжество было для нея достаточною подпорою, и оно-то всего болѣе оскорбило Сковороду. Назначены были диспуты. Сочиненіе разобрано на нихъ съ самой дурной стороны; все истолковано въ смыслѣ превратномъ. Сковороду обвинили въ такихъ мысляхъ, какихъ онъ и имѣть не могъ. Сковорода опровергалъ противниковъ умно; но рѣшеніе осталось прежнее. Сковорода принужденъ былъ удалиться изъ Харькова.«

Ковалѣнскій продолжаетъ разсказъ. Близь Харькова есть мѣсто, называемое *Гужвинское*. Это помѣстье Земборскихъ, покрытое угрюмымъ лѣсомъ, въ глуши котораго устроена тогда была пасика, съ хижиною пчельника. На этой пасикѣ, у любимыхъ имъ помѣщиковъ, поселился Сковорода, укрываясь отъ молвы и враговъ. Здѣсь написалъ онъ сочиненіе: »*Наркизъ, познай себя*«; вслѣдъ за тѣмъ, тутъ же написалъ онъ разсужденіе: »*Книга Асхань, о познаніи себя*« (1). Это были первыя полныя сочиненія Сковороды; прежде, говоритъ Ковалѣнскій, онъ писалъ только »малыя отрывочныя сочиненія, въ стихахъ и въ прозѣ.« »Лжемудрое высокоуміе, не въ силахъ будучи уже вредить ему, употребило другое орудіе—клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода возстаетъ противъ употребленія мяса и вина, противъ золота и цѣнныхъ вещей, и что, удаляясь въ лѣса, не имѣетъ любви къ ближнему; а потому и называли его манихейцемъ, мизантропоиъ, человѣконенавистникомъ. »Сковорода, узнавши объ этомъ, явился въ городъ и въ первомъ же обществѣ нашелъ случай разгромить очень діалектически своихъ враговъ. »Было время, говорилъ онъ, по словамъ Ковалѣнскаго, когда онъ воздерживался, для внутренней экономіи своей, отъ мяса и вина. Не потому ли и лѣкарь охуждаетъ, напримѣръ, чеснокъ, тому, къ которому вредный жаръ вступилъ въ глаза?« И стрѣлы его противъ »оглагольниковъ его« сыпались безъ числа. Слушавшіе его

(1) Первая не напечатана. Второй мы также нигдѣ не нашли въ печати. Но въ спискѣ сочиненій Сковороды, преданномъ мнѣ отъ преосвященнаго Иннокентія, сказано: »Асхань, о познаніи себя« напечатана въ Петербургѣ, въ 1798 году. Это, вѣроятно, книга подъ другимъ именемъ: »*Библіотека духовная, дружеская бесѣда о познаніи себя*«, о которой мы скажемъ ниже, въ перечнѣ сочиненій Сковороды.

только робко переглядывались и не возражали. Онъ раскланялся и вышелъ. Новое уединеніе влекло его къ себѣ.

Въ Изюмскомъ округѣ, Харьковской губерніи, продолжаетъ Ковалѣнскій, жили тогда дворяне *Сошальскіе*, младшій братъ которыхъ приглашалъ Сковороду раздѣлить его жилище и дружбу. Сковорода поѣхалъ съ нимъ въ деревню его, Гусинку, полюбилъ снова и мѣсто и хозяевъ, и поселился у нихъ, по обычаю своему, на насѣкѣ. Тишина, безмятежность и свобода снова возбудили въ немъ чувство несказаннаго удовольствія. »Многіе говорятъ, писалъ онъ при этомъ къ Ковалѣнскому:—что дѣлаетъ въ жизни Сковорода, чѣмъ забавляется?—Я радуюсь; а радованіе есть цвѣтъ человѣческой жизни!« Въ это время бывшій ученикъ его поѣхалъ на службу въ Петербургъ. Это было въ ноябрѣ 1769 года. Тамъ прожилъ онъ три года, превознося своего учителя. Сковорода, между тѣмъ, въ 1770 году, съ Сошальскими уѣхалъ въ Кіевъ. Тамъ поселился онъ у родственника своего Іустина, въ Китаевской Пустыни, близъ Кіева, и прожилъ тутъ три мѣсяца. »Но вдругъ,« по словамъ Ковалѣнскаго, примѣтилъ онъ однажды въ себѣ внутреннее движеніе духа, побуждавшее его ѣхать изъ Харькова. Онъ сталъ просить Іустина отпустить его въ Харьковъ. Родственникъ началъ его уговаривать остаться. Сковорода обратился къ другимъ пріятелямъ, съ просьбою отправить его на Украину. Между тѣмъ, пошелъ онъ на Подолъ—нижній Кіевъ. Сходя туда по горѣ, онъ, по словамъ его, вдругъ остановился, почувствовавши сильный запахъ труповъ. На другой же день онъ уѣхалъ изъ Кіева. Пріѣхавши черезъ двѣ недѣли въ Ахтырку, онъ остановился въ монастырѣ, у пріятеля своего, архимандрита Венедикта, и успокоился. Неожиданно получается извѣстіе, что въ Кіевѣ чума и что городъ уже запертъ.« Поживя нѣсколько у Венедикта, онъ обратно отправился въ Гусинку, къ Сошальскимъ, гдѣ и обратился къ любимымъ своимъ занятіямъ. Здѣсь Ковалѣнскій дѣлаетъ маленькое отступленіе, въ объясненіе того, почему Сковорода при жизни подписывался, въ письмахъ и сочиненіяхъ, еще иногда такъ: *Григорій Варсава Сковорода*, а иногда *Даніилъ Мейнгардъ*.

Въ 1772 году, въ февралѣ, Ковалѣнскій поѣхалъ въ чужіе краи, и объѣхавши Францію, въ 1773 году прибылъ въ швейцарскій городъ Лозанну. Между многими учеными въ Лозаннѣ, сошелся онъ съ Даніиломъ Мейнгардомъ. Этотъ Мейнгардъ былъ до-того похожъ на Сковороду—образомъ мыслей, даромъ слова и чертами лица, что его можно-было признать ближайшимъ родственникомъ его. Ковалѣнскому Мейнгардъ при-

шелся поэтому еще болѣе по сердцу, и они такъ сблизились, что швейцарецъ предложилъ русскому страннику свой загородный домъ подъ Лозанною, съ садомъ и обширною библіотекой, чѣмъ тотъ и пользовался въ свое пребываніе въ Швейцаріи. Возвратясь, въ 1775 году, изъ чужихъ краевъ, Ковалѣнскій передалъ о своей встрѣчѣ Сковородѣ. И послѣдній до-того полюбилъ заочно своего двойника, что съ той поры сталъ подписываться, въ письмахъ и въ сочиненіяхъ своихъ: *Григорій Варсава* (по еврейски: варъ - сынъ Савы) и *Данилъ Мейнгардъ*. Это были его рода псевдонимы.

Въ 1775 году Сковородѣ было уже пятьдесятъ три года; а онъ по прежнему былъ такой же безпечный, старый ребенокъ, такой же чудакъ и охотникъ до уединенія, такой же мыслитель и непосѣда. Съ этого времени жизнь его уже принимаетъ видъ постоянныхъ переходовъ, странствованій пѣшкомъ за сотни верстъ и краткихъ отдыховъ у немногихъ, которыхъ онъ любилъ и которые гордились его посѣщеніями.

Здѣсь разсказъ Ковалѣнскаго мы прервемъ воспоминаніями другихъ лицъ, писавшихъ о Сковородѣ. Ковалѣнскій говоритъ: »И добрая и худая слава распространилась о немъ по всей Украинѣ. Многіе хулили его, нѣкоторые хвалили, и всѣ хотѣли видѣть его. Онъ живалъ у многихъ. Иногда мѣстоположеніе, по вкусу его, иногда же люди привлекали его. Непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ. Болѣе другихъ онъ въ это время любилъ дворянъ Сошальскихъ и ихъ деревню Гусинку.« (1)

---

(1) Въ объясненіе словъ Ковалѣнскаго, Гессъ-де-Кальве и Ивана Вернета, потомокъ этихъ Сошальскихъ, *Е. Е. Сошальскій* доставилъ намъ, отъ 15 января 1856 г., слѣдующія замѣтки своего отца: »Другъ Сковороды, Алексѣй Юрьевичъ Сошальскій жилъ въ *Гусинкѣ*, возлѣ церкви, гдѣ теперь живетъ В. Ѳ. Земборскій. Онъ былъ старый холостякъ, оригиналъ, упрямаго характера, и будучи бездѣтенъ, все имѣніе хотѣлъ передать своему племяннику, моему отцу. Но разсердился на него за то, что тотъ приказалъ выбросить изъ пруда конопли, которыя онъ велѣлъ мочить, и конопли были причиною того, что имѣніе перешло въ разныя руки. Отецъ мой послѣ выкупилъ небольшую часть. Это — то мѣсто, гдѣ теперь я живу, т. е. хуторъ Селище, близь лѣса, называемаго Васильковъ. Я помню и самого Алексѣя Юрьевича, и домъ его, особой архитектуры. Это было очень высокое зданіе, въ три этажа. Верхній, по имени лѣтнякъ, былъ безъ печей. Тутъ съ весны проживалъ хозяинъ, другъ Сковороды. У него были еще два брата, Осипъ и Георгій—мой дѣдъ. Первый жилъ также въ Гусинкѣ, а второй въ *Маначиновкѣ*. Недалеко отъ Гусинки есть лѣсъ. Тамъ, въ то время, была хижина и пасика, гдѣ Сковорода проживалъ, иногда вмѣстѣ съ Алексѣемъ Юрьевичемъ. Мѣсто называлось Скрынники и получило имя »Скрынницкой пустыни«. Друзья ходили оттуда въ церковь въ Гусинку, гдѣ и теперь въ

Гессъ-де-Кальве говоритъ объ этой порѣ (»Украинскій Вѣстникъ« 1817 г., IV кн., 112—115): »Въ крайней бѣдности переходилъ Сковорода по Украинѣ, изъ одного дома въ другой, училъ дѣтей примѣромъ непорочной жизни и зрѣлымъ наставленіемъ. Одежду его составляла сѣрая свита; пищу—самое грубое кушанье. Къ женскому полу не имѣлъ склонности; всякую непріятность сносилъ съ великимъ равнодушіемъ.— Проживши нѣсколько времени въ одномъ домѣ, гдѣ всегда начевалъ лѣтомъ въ саду, подъ кустарникомъ, а зимой въ конюшнѣ, бралъ онъ свою еврейскую Библію, въ карманъ флейту, и пускался далѣе, пока попадалъ на другой предметъ. Никто, во всякое время года, на видалъ его иначе, какъ пѣшимъ; также малѣйшій видъ награжденія огорчалъ его душу. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ, по большей части жилъ онъ въ Купянскомъ уѣздѣ, въ большомъ лѣсу, принадлежавшемъ дворянину О. Ю. Шекому (Ос. Юр. Сошальскому). Онъ обыкновенно приставалъ въ убогой хижинѣ пасѣчника. Нѣсколько книгъ составляли все его имущество. Онъ любилъ быть также у помѣщика И. И. Меч—кова (И. И. Мечникова). Простой и благородный образъ жизни въ сихъ домахъ ему нравился. Тамъ онъ воспитывалъ дѣтей и развеселялъ разговорами сихъ честныхъ стариковъ.«

Г. Срезневскій говоритъ о его характерѣ (»Утренняя Звѣзда« 1834 г. кн. I, стр. 75): »Уваженіе къ Сковородѣ простиралось до того, что почитали за особенное благословеніе Божіе дому тому, въ которомъ поселялся онъ хоть на нѣсколько дней. Онъ могъ бы составитъ себѣ подарками порядочное состояніе. Но что ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда отказывался, говоря: »дайте неимущему!« и самъ довольствовался только сѣрою свитой. Эта сѣрая свита, чоботы про запасъ и нѣсколько свитковъ сочиненій,—вотъ въ чемъ состояло все его имущество. Задумавши странствовать, или переселиться въ другой домъ, онъ складывалъ въ мѣшокъ эту жалкую свою худобу и, перекинувши его черезъ плечо, отправлялся въ путь съ двумя неразлучными: *палкой-журавлемъ и флейтой* (1). И то и другое было собственнаго его рукодѣлья«—

алтарѣ хранится зеркало Сковороды, взятое по смерти его изъ домика Скрынницкой пустыни. Еще слово. Въ родѣ Сошальскихъ было также монашеское званіе. Одинъ изъ предковъ нашихъ потерялъ жену отъ чумы, занесенной въ Украину. Возлѣ матери найденъ былъ живымъ ребенокъ, сынъ ея. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ часть имѣнія, именно хуторъ Чернячій, впослѣдствіи взятый въ казну, пожертвовалъ на Курятскій монастырь, близъ Харькова, и самъ пошелъ въ монахи.«

(1) По словамъ Хиждеу, въ статьѣ »*Три пѣсни Сковороды*«,—»пѣсни Сковороды малороссійскіе слѣпцы поютъ подъ именемъ» *Сковородинскихъ веснянокъ*.«

Въ тѣхъ же »запискахъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ« г. Срезневскій говоритъ (стр. 68—71): »Сковорода отъ природы былъ добръ, имѣлъ сердце чувствительное. Но, росшій сиротою, онъ долженъ былъ привыкнуть по неволѣ къ состоянію одиночества, и сердце его должно было подпасть подъ иго меланхоліи и загрубѣть, и судьба наконецъ взяла свое: съ лѣтами созрѣло въ немъ это ледяное чувство отчужденія отъ людей и свѣта. Умъ Сковороды шелъ тою же дорогой: сначала добрый, игривый, онъ мало по малу тяжелѣлъ, дѣлался своенравнѣе, независимѣе, дичалъ все болѣе, и наконецъ погрузился въ бездну мистицизма. Притомъ, вспомнимъ время, когда жилъ Сковорода: мистики, или квіетисты, разыгрывались тогда повсюду, въ Германіи. Сковорода побывалъ въ этой странѣ и навсегда сохранилъ предпочтеніе къ ней предъ всѣми прочими, исключая родины своей. Легко понять, отчего Сковорода заслуживалъ часто имя чудака, если даже и не юродиваго. Съ сердцемъ охладѣлымъ, съ умомъ, подавленнымъ мистицизмомъ, вѣчно пасмурный, вѣчно одинокій, себялюбивый, гордый, въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, съ причудами, — Сковорода могъ по-справедливости заслужить это названіе. Сковорода жилъ самъ собою, удаляясь отъ людей и изучая ихъ, какъ изучаетъ естество испытатель хищныхъ звѣрей. Этотъ духъ сатиризма — самая разительная черта его характера. — Вотъ-что говорилъ Сковорода самъ о своей жизни: »что жизнь? *То сонъ Турка, упоеннаго опіумомъ, — сонъ страшный:* и голова болитъ отъ него, сердцестынетъ! *Что жизнь? То странствіе.* Прокладываю и себѣ дорогу, не зная, куда итти, зачѣмъ итти. И всегда блуждаю между песчаными степями, колючими кустарниками, горными утесами — а буря надъ головою, и негдѣ укрыться отъ нея. Но — бодрствуй!« ... — Впрочемъ Сковорода не искалъ ни славы, ни уваженія. Онъ жилъ самъ-собою. Онъ не могъ равнодушно сносить, чтобъ унижали его мысли. Любилъ иногда похвастаться своими познаніями, особенно въ языкахъ. Кромѣ славянскаго церковнаго, русскаго и украинскаго, онъ зналъ нѣмецкій, греческій и латинскій, и на всѣхъ прекрасно говорилъ и писалъ.« (74—75 стр.) Сказавъ, что »Сковорода вообще отличался особенною умѣренностію, какъ въ пищѣ, такъ и въ питіи, онъ былъ настоящій постникъ, и »по сказанію всѣхъ, знавшихъ лично его, почти вовсе не употреблялъ горячихъ напитковъ« — г. Срезневскій старается защитить Сковороду (стр. 80—81) противъ замѣчаній къ статьѣ Гессъ-де-Кальве издателей »Украинскаго Вѣстника«, гдѣ указывается на письмо Сковороды, приложенное къ статьѣ Вѣстника. Письмо писано къ Харьковскому куп-

цу Урюпину, изъ Бурлука, отъ 1790 года, 2 іюля; въ концѣ посланія »старецъ Григорій Варсава Сковорода« выражается такъ: »Пришлите мнѣ ножикъ съ печаткою. Великою печатью некстати и не люблю моихъ писемъ печатать. Люблю печататься еленемъ. Уворовано моего еленя, тогда, *когда я у васъ въ Харьковѣ пировалъ и буянилъ*. Достойно!—*Бочоночки оба отсылаются*, вашъ и Дубровина; и сей двоицѣ отдайте отъ меня низенькій поклонъ и господину Прокопію Семеновичу.« Къ словамъ г. Срезневскаго, въ статьѣ »Утренней Звѣзды«, сдѣлалъ (на стр. 80—81) примѣчаніе Квитка—Основьяненко, подписавшись буквами: *Г. Ѳ. К—а*. Онъ рѣшаетъ вопросъ такъ: »хотя Сковорода и не былъ пьяница, но не былъ и врагъ, существовавшему въ его время здѣсь обыкновенію, въ дружескихъ и пріятельскихъ собраніяхъ поддерживать и одушевлять бесѣды употребленіемъ не вина, котораго въ то время здѣсь, кромѣ крымскихъ и волошскихъ, и слыхомъ не было слышно, а разнаго рода наливокъ въ домахъ пріятельскихъ.«

Г. Срезневскій сохраняетъ еще одну черту изъ жизни и нрава Сковороды, которую должно упомянуть прежде, нежели мы перейдемъ къ дальнѣйшему развитію разсказа Ковалѣнскаго.

»Въ Московскомъ Наблюдателѣ« 1836 г. ч. VI (стр. 205—238, 435—468 и 721—736), г. Срезневскій помѣстилъ повѣсть »*Майоръ майоръ*,« гдѣ разсказываетъ, какъ судьба испытала было Сковороду въ сердечныхъ стремленіяхъ его, какъ онъ чуть было не женился, и остался все-таки холостякомъ. Среди вымысла разговоровъ и обыкновенныхъ повѣствовательныхъ отступленій, авторъ сберегаетъ любопытныя черты, взятыя имъ изъ преданій старожиловъ, знавшихъ Сковороду. Послѣ того, какъ Сковорода »съ восторгомъ надѣлъ стихарь дьячка грекороссійской церкви въ Офенѣ, только для того, чтобъ убѣжать изъ Офена и, пространствовавъ на свободѣ по Европѣ«, бѣглымъ дьячкомъ исходилъ онъ Венгрію, Австрію, сѣверную Италію и Грецію, странствовалъ потомъ по Украинѣ и »*въ 1765 году зашелъ въ наши Валковскіе хутора*«. Значитъ, ему было тогда уже сорокъ три года. Свернувъ съ какой-то тропинки на проселокъ, а изъ проселка на огороды, онъ наткнулся на садикъ, близь пасѣки, гдѣ видитъ дѣвушку, распѣвавшую пѣсни. Онъ знакомится съ отцомъ ея, оригинальнымъ хуторяниномъ, прозвище »Майоръ« носившимъ часто бесѣдуетъ съ нимъ, учитъ его дочку; дочка заболѣваетъ горячкой онъ ее лѣчитъ. Тутъ дочкаМайора и Сковорода влюбляются другъ въ друга, Сковорода, по словамъ другихъ біографовъ, »вовсе несклонный къ женскому полу,« увлекается сильнѣе; его помолвили, ставятъ подъ вѣ-

нецъ. Но тутъ преданіе, въ разсказѣ г. Срезневскаго, сберегаетъ любопытную черту. Природа чудака беретъ верхъ — и онъ убѣгаетъ изъ церкви изъ-подъ вѣнца.... Или Сковорода объ этомъ не разсказывалъ другу своему, Ковалѣнскому, или Ковалѣнскій умолчалъ объ этомъ изъ деликатности; только въ его разсказѣ этого мы не нашли.

Продолжаемъ записки Ковалѣнскаго.

Полюбя *Тевяшева*, Воронежскаго помѣщика, Сковорода жилъ у него въ деревнѣ, и написалъ тутъ сочиненіе: »Икона Алкивіадская(1)«. Потомъ онъ имѣлъ пребываніе въ Бурлукахъ, у *Захаржевскаго*, гдѣ помѣстье отличалось красивымъ видомъ. Жилъ также у *Щербинина*, въселѣ Бабаяхъ въ монастыряхъ старо-Харьковскомъ, Харьковскомъ училищномъ, Ахтырскомъ, Сумскомъ, Святогорскомъ, Сеннянскомъ, у друга своего, Ковалѣнскаго, въ селѣ Хатетовѣ, близь Орла, и въ селѣ Ивановкѣ, у *Ковалевскаго*, гдѣ потомъ и скончался. »Иногда жилъ онъ у кого-либо, замѣчаетъ Ковалѣнскій, »совершенно не любя пороковъ своихъ хозяевъ; но для того только, дабы чрезъ продолженіе времени, обращаясь съ ними, бесѣдуя, нечувствительно привлечь ихъ *въ познаніе себя, въ любовь къ истинѣ и въ отвращеніе отъ зла*.« — « Впрочемъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ, онъ избиралъ всегда уединенный уголъ, жилъ просто, одинъ, безъ услуги. — Харьковъ любилъ онъ и часто посѣщалъ его. Новый начальникъ тамошній, услыша объ немъ, желалъ видѣть его«. Губернаторъ, съ перваго же знакомства, спросилъ, о чемъ учитъ его любимая книга, »книга изъ книгъ«, священная Библія? Сковорода отвѣтилъ: »Поваренныя книги ваши учатъ, какъ удовольствовать желудокъ; псовыя, какъ звѣрей ловить; модныя, какъ наряжаться; а она учитъ, какъ облагородствовать человѣческое сердце«! Тутъ онъ толковалъ и спорилъ съ учеными; говорилъ о философіи. И во всѣхъ рѣчахъ его была одна завѣтная цѣль: побужденіе людей къ жизни духа, къ благородству сердца и »къ свѣтлости мыслей, яко главѣ всего«. Изъ Харькова онъ надолго отправился въ Гусинку къ Сошальскимъ, въ »любимое свое пустыно-

(1) По случаю жизни Сковороды въ Воронежской губерніи, уцѣлѣло нѣсколько строкъ, въ »*Москвитянинѣ*«, 1849 г. XXIV ч. 68 стр., III отдѣлъ, подъ именемъ: »*Анекдотъ о Г. С. Сковородѣ. Свиданіе Сковороды съ епископомъ Тихономъ III, въ Острогожскѣ*«. Подпись: »Сообщено Н. Б. Багалинымъ изъ Воронежа«. Извѣстіе это начинается словами: »Нѣкогда Г. С. Сковорода жилъ въ Острогожскѣ«. Въ это время епископу разсказывали о немъ, какъ о дивѣ. Епископъ, между прочимъ въ разговорѣ съ нимъ, спросилъ: »Почему не ходите никогда въ церковь?« — »Если вамъ угодно, я завтра же пойду!« — И онъ кротко повиновался желанію епископа.

*

жительство«. Онъ былъ счастливъ по-своему, и повторялъ завѣтную поговорку свою: »*благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ!*« — Усталый, говоритъ Ковалѣнскій, приходилъ онъ къ престарѣлому пчелинцу, недалеко жившему на пасикѣ, »бралъ съ собою въ сотоварищество любимаго пса своего, и трое, составя общество, раздѣляли они между собою вечерю«. »Можно жизнь его было назвать жизнію; не таково было тогда состояніе друга его!« — заключаетъ Ковалѣнскій и переходитъ къ описанію собственнаго положенія, когда онъ почти на двадцать лѣтъ разстался съ Сковородою и, увлеченный вихремъ свѣта и столичной жизни, свидѣлся съ нимъ опять уже въ годъ смерти бывшаго учителя своего (1). Здѣсь и мы на время разстанемся съ разсказомъ Ковалѣнскаго и пополнимъ его слова изъ другихъ источниковъ о Сковородѣ, именно нѣсколькими анекдотами о странствующемъ философѣ, записанными харьковскими старожилами, безъ означенія времени.

Въ »Украинскомъ Вѣстникѣ« (1817 г. кн. IV стр., 115 — 125) сохранили о Сковородѣ нѣсколько любопытныхъ чертъ Гессъ-де-Кальве и Иванъ Вернетъ.

Гессъ-де-Кальве говоритъ: »Чтобы дать понятіе объ остроуміи и скромности Сковороды, приведу два случая. — При странномъ поведеніи его, неудивительно, что нѣкоторые забавники шутили надъ нимъ. Г. ** умный и ученый человѣкъ, но атеистъ и сатирикъ (онъ былъ воспитанъ по французски), хотѣлъ однажды осмѣять его. »Жаль! говорилъ онъ,—что ты, обучившись такъ хорошо, живешь какъ сумасшедшій, безъ цѣли и пользы для отечества!« — Ваша правда! отвѣчалъ философъ: я до сихъ поръ еще не сдѣлалъ никакой пользы; но надобно сказать, и никакого вреда! Но вы, сударь, однимъ безбожіемъ вашимъ уже много сдѣлали зла. Человѣкъ безъ вѣры есть ядовитое насѣкомое въ природѣ. Но байбакъ (сусликъ), живя уединенно подъ землею, временемъ, съ своего

---

(1) *Примѣч.* По словамъ Ѳ. Н. Глинки, Екатерина II знала о Сковородѣ, дивилась его жизни, уважала его славу и однажды, черезъ Потемкина, послала ему приглашеніе, изъ Украины переселиться въ столицу. Посланный гонецъ отъ Потемкина, съ юга Малороссіи, засталъ Сковороду съ флейтою, на закраинѣ дороги, близъ которой ходила овца хозяина, пріютившаго на время философа. Сковорода, выслушавъ приглашеніе, отвѣтилъ: »скажите матушкѣ царицѣ, что я не покину родины....

Мнѣ моя свирѣль и овца,
Дороже царскаго вѣнца«!

бугорка, смотря на прекрасную натуру, отъ радости свищетъ и притомъ никого не колетъ!« Г. ** проглотилъ пилюлю; однако она не подѣйствовала: онъ остался какъ и былъ, и былъ безбожникомъ до послѣдняго издыханія«. — »Другой анекдотъ, говоритъ Гессъ-де-Кальве, показываетъ скромность Сковороды.—Многіе желали познакомиться съ нимъ. Иные, будучи водимы благороднымъ чувствомъ, а другіе, чтобы надъ нимъ почудиться, какъ надъ рѣдкимъ человѣкомъ, полагая, что философъ есть родъ орангутанговъ, которыхъ показываютъ за деньги.—Въ Таганрогѣ жилъ Г. И. Ков-кій, воспитаникъ Сковороды. (Это вѣроятно братъ Ковалѣнскаго, автора записокъ о Сковородѣ). Чтобы навѣстить его, пустился нашъ мудрецъ въ дорогу, на которой, какъ онъ самъ говорилъ, промѣшкалъ болѣе года. Когда же онъ прибылъ въ Таганрогъ, то ученикъ его созвалъ множество гостей, между которыми были весьма знатные люди, хотѣвшіе познакомиться съ Сковородою. Но сей, будучи врагъ пышности и многолюдства, лишь только примѣтилъ, что такая толпа милостивцевъ собралася единственно по случаю его прибытія туда, тотчасъ ушелъ изъ комнаты и къ общей досадѣ никто не могъ его найти. Онъ спрятался въ сарай, гдѣ до тѣхъ поръ лежалъ въ закрытой кибиткѣ, пока въ домѣ стало тихо«. Гессъ-де-Кальве заключаетъ свои воспоминанія словами: »Вотъ нѣсколько довольно странныхъ его изреченій: »Старайся манить собаку, но палки изъ рукъ не выпускай«.—»Курица кудахчетъ на одномъ мѣстѣ, а яйца кладетъ на другомъ«.—»Рыба начинаетъ отъ головы портиться«.

Нѣсколько чертъ, переданныхъ во всей наивности Иваномъ Вернетомъ, еще любопытнѣе. »Подлѣ Лопанскаго моста, въ Харьковѣ, въ домѣ почтеннаго моего пріятеля, *П. Ѳ. Пискуновскаго*, досталось мнѣ видѣть въ послѣдній разъ Григорія Савича Сковороду. Онъ былъ мужъ умный и ученый. Но своенравіе, излишнее самолюбіе, не терпящее никакого противорѣчія, слѣпое повиновеніе, котораго онъ требовалъ отъ слушавшихъ его — *magister dixit* — затмѣвали сіяніе дарованія его и уменьшали пользу, которую общество могло ожидать отъ его способностей. Ему надлежало бы, по совѣту Платона, который относилъ слова свои къ Ксенократу, *почаще приносить жертву граціямъ. Истина, въ устахъ его не будучи прикрыта пріятною завѣсою скромности и ласковости, оскорбляла исправляемаго.* Всѣхъ болѣе удивлялись ему достопочтенные Я. М. Донецъ-Захаржевскій и А. Ю. Сошальскій. Сковорода преимущественно любилъ Малороссіянъ и Нѣмцевъ. Сія исключительная любовь была причиною моего съ нимъ пренія

и несогласія при первомъ свиданіи. Сковорода былъ музыкантомъ. Его духовные канты мнѣ нравятся. Но стихи его вообще противны моему слуху, можетъ быть отъ того, что я худой знатокъ и цѣнитель красотъ русской поэзіи. При всемъ томъ, я чувствую въ себѣ склонность подражать ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. И вмѣсто того, чтобы чувствительно оскорбиться тѣмъ, *что онъ меня назвалъ мужчиною съ бабьимъ умомъ, и дамскимъ секретаремъ*, я еще былъ ему весьма обязанъ за сіи титла. Это было въ тѣ счастливыя лѣта, когда человѣкъ, у *коего не тыква на мѣсто головы и не кусокъ дерева вмѣсто сердца*, поставляетъ все свое благополучіе въ томъ, чтобы любить и быть любиму; когда чувствительное сердце ищетъ себѣ подобнаго; и когда милая улыбка любимаго предмета такъ восхищаетъ сердце и душу, какъ послѣ суровой зимы солнечная теплота, пѣніе птицъ и природа во всемъ ея убранствѣ.« (»Украин. Вѣстн.« 1817 г. к. IV, стр. 121 — 125). Модное нѣкогда, какъ впослѣдствіи—разочарованность, »чувствительное сердце« Ивана Вернета, заставило его сказать въ концѣ отъ души: »Я нарочно ѣздилъ изъ Мерчика (имѣніе Шидловскихъ) въ деревню Ивановку, Богодуховскаго уѣзда, для посѣщенія могилы, въ коей почиваютъ бренные останки незабвеннаго Сковороды. Ив. Вернетъ. *Софійское, Валковскаго уѣзда. Въ мартѣ 1817 года.*«

Г. Срезневскій сохраняетъ также любопытный анекдотъ о Сковородѣ (»Утренняя Звѣзда« 1834 г. к. I, стр. 77 — 79): »Рѣдко, очень рѣдко Сковорода измѣнялъ своей важности; а если и измѣнялъ, то въ такихъ только случаяхъ, когда дѣйствительно было трудно сохранить оную. Суровый старецъ, онъ былъ однако застѣнчивъ и не могъ терпѣть, когда предъ нимъ величали его достоинства. Онъ становился самъ не свой; онъ терялся, когда предъ нимъ внезапно являлся кто-нибудь изъ давно желавшихъ видѣть его и разливался въ привѣтствіяхъ. Такъ случилось однажды въ домѣ *Пискуновскаго*, старика, любимаго Сковородою. Это было вечеромъ, во время ихъ обыкновенной стариковской бесѣды. Молча, съ глубочайшимъ вниманіемъ слушали старики разсказы и нравоученія старца, который выпивши на этотъ разъ лишнюю чарку вина, среди розыгра своего воображенія, говорилъ хотя и медленно и важно, но съ необыкновеннымъ жаромъ и краснорѣчіемъ. Прошелъ часъ и другой, и ничто не мѣшало восторгу разсказчика и слушателей. Сковорода началъ говорить о своемъ сочиненіи: »Лотова жена,« сочиненіи, въ коемъ изложилъ онъ главныя основанія своей мистичестой философіи. Сковорода разсказалъ уже очеркъ. Начинаются подробности. Вдругъ

дверь съ шумомъ растворяется, половинки хлопаютъ, и молодой Х—ъ, франтъ, недавно изъ столицы, вбѣгаетъ въ комнату. Сковорода, при появленіи незнакомаго, умолкъ внезапно.— »Итакъ, восклицаетъ Х—ъ, я наконецъ достигъ того счастія, котораго столь долго и напрасно жаждалъ. Я вижу наконецъ великаго соотечественника моего, Григорія Савича Сковороду! Позвольте« ... и подходитъ къ Сковородѣ. Старецъ вскакиваетъ; сами собою складываются крестомъ на груди его костлявыя руки; горькой улыбкой искривляется тощее лицо его; черные впалые глаза скрываются за сѣдыми нависшими бровями; самъ онъ невольно изгибается, будто желая поклониться, и вдругъ прыжокъ, и трепетнымъ голосомъ: »*позвольте! тоже позвольте!*« —и исчезъ изъ комнаты. Хозяинъ за нимъ; проситъ, умоляетъ — нѣтъ. »Съ меня смѣются!« говоритъ Сковорода, и убѣжалъ. И съ тѣхъ поръ не хотѣлъ видѣть Х—а.«

Выписываемъ еще нѣсколько строкъ изъ повѣсти г. Срезневскаго »*Майоръ, майоръ*« (»Московскій Наблюдатель« 1836 г. VI ч.), гдѣ онъ сохранилъ, по разсказамъ старожиловъ, портретъ Сковороды, относящійся къ его поздней жизни въ Харьковѣ и окрестностяхъ. »Сухой, блѣдный, длинный« говоритъ онъ, (на стр. 206-й), »губы изжелкли, будто истерлись; глаза блестятъ то гордостью академика, то глупостью нищаго, то невиннымъ простодушіемъ дитяти; поступь и осанка важная, размѣренная.« Въ это время слава Сковороды шла уже далеко, и украинскіе бродячіе пѣвцы, называемые »бандуристами« и »слѣпцами«, подхватывали его стихи и духовные канты, и распѣвали ихъ на большихъ дорогахъ, именуя ихъ »псалмами.«

Орестъ Халявскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РІДНЕ СЛОВО.

Ти́хо, ти́хо на́ші пре́дки
Въ по́лі спочива́ють;
Тільки чо́рниі моги́ли
Зъ вітромъ розмовля́ють.

Спочива́ють — дожида́ють
Пра́ведного су́ду,
Що суди́ти рідне сло́во
Україну бу́де.

Не схова́етця відъ нёго
Й бага́тий въ пала́ті,
Обізве́тця Бо́жа пра́вда
У безве́рхій ха́ті.

Бо́жа пра́вдо — рідне сло́во!
Мовъ мала́ дити́на,
Почина́е промовля́ти
Тебе́ Україна.

Промовля́е — ожива́е
Прибі́тий моро́зомъ
Нашъ перво́цвітъ, старода́вній
Український ро́зумъ.

Схамену́тця, стрепену́тця
Похи́лиі лю́де, —
И съ пана́ми за стола́ми
Засіда́ти бу́дуть.

Про́сто, я́сно бу́дуть су́дді
Ми́ру промовля́ти: —
Пійде пра́вда зъ ріднимъ сло́вомъ
Відъ ха́ти до ха́ти.

П. Кулішъ.

УНИВЕРСАЛЪ РЕГИМЕНТАРЯ СТЕМПКОВСКАГО

КЪ УКРАИНСКОМУ КРЕСТЬЯНСКОМУ СОСЛОВІЮ, 30 АВГУСТА 1768 Г.

Помѣщаемъ этотъ любопытнѣйшій актъ безъ всякихъ объясненій: прямые выводы сдѣлаетъ всякій безпристрастный человѣкъ, кто бы онъ ни былъ. Какихъ послѣдствій въ исторической жизни двухъ народовъ и во взаимныхъ отношеніяхъ между сословіями можно было ожидать при существованіи, у образованныхъ людей, понятій, высказанныхъ паномъ Стемпковскимъ съ такою непостижимо-наглою откровенностью и напыщенностью! Подобныя понятія, сопровождаемыя, въ то время, множествомъ несправедливостей и притѣсненій со стороны пановъ и жидовъ, естественно должны были вызвать, и со стороны народа, жестокость и мщеніе, о которыхъ говоритъ панъ Стемпковскій, умалчивая однакожъ о настоящихъ причинахъ, возбудившихъ народное волненіе и о тѣхъ ужасныхъ, нечеловѣческихъ, казняхъ, которыя онъ совершилъ надъ Гонтой и другими *коліями*. Полагаемъ, что понятія, проповѣдуемыя *универсаломъ*, принадлежатъ уже прошедшему.

Универсалъ пана Стемпковскаго — кровавой памяти исполнителя казней надъ Гайдамаками—находится въ числѣ рукописей, хранящихся въ Львовской Библіотекѣ Оссолинскихъ, и напечатанъ въ книгѣ г. Моравскаго: Materyały do konfederacyi Barskiej r. 1767—1768, t. I, str. 226; we Lwowie, 1851.

ПЕРЕВОДЪ УНИВЕРСАЛА.

«Осипъ Гавріилъ Стемпковскій, коронный полевой обозный, коммисаръ военнаго совѣта, кавалеръ ордена св. Станислава, главный регитментарь украинскихъ и подольскихъ партій королевскаго и рѣчипосполитой войска.

«Богъ, создатель вселенной, распредѣляя людей по состояніямъ, отъ монарха и до послѣдняго сословія, поставилъ ихъ на извѣстныхъ ступеняхъ, и *васъ подданные (крестьяне), создалъ для зависимости, не оставивъ въ васъ ничего, равнаго прочимъ, кромѣ души.* Каждый вѣрующій въ Бога христіанинъ, его святую волю долженъ принимать съ покорностью; притомъ, о васъ установлены законы, и если вы не въ состояніи ихъ понимать, то должны бы научиться изъ непрерывнаго опыта по вашимъ предкамъ, которые, родясь съ повинностями, съ ними жили и умирали, передавая потомству свойственныя ихъ сословію обязанности, которыя и вы должны были всосать съ матернимъ молокомъ, т. е. вѣрность панамъ и вѣчное подданство авладѣльцамъ.

«Между тѣмъ, вы, громады различныхъ городовъ, мѣстечекъ и деревень, въ-особенности въ Кіевскомъ и Подольскомъ воеводствахъ и бѣжавшіе изъ Волыни, вмѣсто того, чтобъ исполнять ваши обязанности, даже въ храмахъ Господнихъ надѣлали столько беззаконія. Родившись и воспитавшись *въ римско-католической вѣрѣ* греко-уніятскаго обряда, вы осмѣлились перемѣнить *эту вѣру* тогда-какъ, давъ обѣтъ при св. крещеніи, вы должны были сохранить ее ненарушимо, и въ ней стать предъ судъ всевышняго Бога. Вы должны знать, что за переходъ изъ этой вѣры въ иную, не только прежнія, но и новѣйшія, постановленія назначили примѣрное наказаніе, какъ-то: отнятіе и конфискованіе имѣній и всего имущества, или изгнаніе изъ отечества, или же смерть, отчего не изъяты даже самыя высшія въ государствѣ особы. Чего же вы заслуживаете за это преступленіе, вы, все имущество которыхъ отдано во власть панамъ, вы, которые кромѣ души своей, не имѣете ничего собственнаго?

«Во-вторыхъ, какая христіанская религія разрѣшаетъ наносить, подобно вамъ, такія безчестія Господнимъ храмамъ—костеламъ и церквамъ? Въ большей чести были у васъ корчмы, кабацкія избы и жилища вашихъ старшинъ, такихъ же, какъ и вы, безбожниковъ. Я это самъ видѣлъ въ Лысянкѣ, преслѣдуя съ войскомъ бездѣльниковъ. При видѣ костела францискановъ, съ трудомъ можно было вѣрить, что это храмъ Господень. Алтарей въ немъ не было и слѣда; вездѣ одно разрушеніе. Образа прострѣлены, изорваны, истоптаны; даже алтарь, на которомъ хранилась дароносица—и тотъ былъ осквернѣнъ постыднымъ выбрасываніемъ даровъ изъ чашъ на землю, наливаніемъ въ чаши разныхъ напитковъ и расшваньемъ ихъ за свое здоровье! Въ круцифексы (распятія) вы стрѣляли

какъ въ цѣль: на нихъ еще остались знаки отъ пуль; или, вытащивъ на улицу, вы отбивали у нихъ палками руки и ноги (они находятся теперь у меня). Но Богъ милосердъ и на страшномъ судѣ своемъ, можетъ быть, вамъ проститъ; однако же на-сколько онъ милосердъ, на-столько же и справедливъ. Ксендзъ ордена францисканцевъ былъ повѣшенъ вами на хорахъ, въ костёлѣ, вмѣстѣ съ жидомъ и собакой; статуи святыхъ разрублены и опрокинуты—это-ли поступки христіанъ? Если бы пришлось высчитывать всѣ способы, какими вы истязали ваши жертвы, то ихъ не соберетъ и память. Одно воспоминаніе уже наводитъ ужасъ. Такъ, напримѣръ, у беременныхъ женщинъ, вы доставали изъ чрева дѣтей, которыхъ потомъ подымали на копья,—а намѣсто ихъ клали котятъ; не говорю уже о прочихъ истязаніяхъ, какими вы отличались, не обращая вниманія ни на полъ, ни на возрастъ, ни на достоинство, и изощряя свою жестокость въ-особенности на шляхтѣ. Вы даже не хоронили умерщвленныя вами тѣла, какъ бы слѣдовало по христіанскому обряду, а напротивъ, пріучали на нихъ къ жестокости мальчиковъ, совершая месть даже надъ мертвыми единственно ради безбожной потѣхи. Передъ вашими глазами хищныя птицы и собаки пожирали внутренности умерщвленныхъ и растаскивали ихъ по улицамъ, а впослѣдствіи бросались даже и на путешественниковъ. Гдѣ же заповѣдь Господня: не убій,—да ктому еще такъ постыдно! Сколько вы совершили насилія, сколько принужденныхъ браковъ съ вашими владѣлицами! Судите же сами, чего вы за все это стóите? Посмотрите, сколько сотень тысячъ шляхты, сколько вашихъ управителей, коммисаровъ, губернаторовъ, писарей, администраторовъ и другихъ лицъ,—которыя имѣли къ вамъ отношенія, и которымъ вы, платя дани и повинности, должны были повиноваться,—пало отъ такой ничтожной руки!—Не считалось также у васъ за грѣхъ умерщвленіе жидовъ, которые, живя по городамъ, мѣстечкамъ и деревнямъ, содержали различныя отъ пановъ аренды, и такимъ-образомъ вы нанесли панамъ вашимъ многоразличные убытки! Если они дѣлали вамъ какія–либо притѣсненія, обманывали васъ или грабили, то вы могли жаловаться на нихъ властямъ и тамъ искать справедливой защиты, а если бы вамъ трудно было найти ее здѣсь, то вы могли обращаться къ ихнимъ старшинамъ (!?).

«Посмотри, необузданное и разъяренное подданство (крестьяне), на этотъ обѣтованный край: теперь онъ облитъ невинною кровью. Сколько разрушено оборонительныхъ замковъ, зданій, построенныхъ съ большими издержками,—сколько городовъ, мѣстечекъ и деревень, не упоминая уже

о костёлахъ и церквахъ! Теперь все это уничтожено, разрушено и обращено въ прахъ,—едва слѣды остались. Разсудите же сами, какой отъ этого ущербъ въ панскихъ дѣлахъ, которыя,—изъ обязательной вѣрности и привязанности къ панамъ, сознавая свое подданство, — вы должны были поддерживать! Поземельная плата, аренда, подати и прочіе по мѣстному обычаю налоги, вносимые и прежде небездоимочно, по причинѣ вашего сумасбродства и дерзости, нынѣ совершенно прекратились. Вы даже казну его королевской милости, благополучно царствующаго Станислава Августа, во многихъ таможняхъ грабили, говоря притомъ, что вы не принадлежите къ его государству, къ рѣчи-посполитой! Мы, рожденные въ равенствѣ, благодаримъ Бога за возведеніе его на престолъ; васъ же какая-то сумасшедшая голова наущаетъ, будто вы народъ не этого короля и не этого края! Умный и достойный человѣкъ не только не станетъ говорить вамъ этого, но даже и не свяжется съ вами; подобное заблужденіе вселилъ въ васъ вѣроятно кто-нибудь изъ простолюдиновъ, считавшій себя умнѣе васъ.

«Не думайте, что—не говоря уже о владѣльцахъ—панахъ вашихъ—начальство и милостивѣйшій король, съ цѣлымъ народомъ, не почувствовали великой потери, которую понесли во множествѣ погибшихъ васъ, бездѣльниковъ: такая гибель людей—общественное бѣдствіе... а во всемъ этомъ вы виноваты! Смотрите, подданные, на вниманіе и милость къ вамъ августѣйшаго короля и рѣчипосполитой, которые и на настоящемъ сеймѣ (1768) постановили, чтобы не только арендаторы и управляющіе, но даже ваши владѣльцы не смѣли лишать васъ жизни, какъ это самовольно случалось, но чтобы даже достойный смерти предаваемъ былъ суду. Но такую милость короля и рѣчи посполитой вы утратите, если не перестанете безчинничать и не окажете исправленія и вѣрности.——

«Будьте же вѣрны и послушны своимъ владѣльцамъ и панамъ, вносите надлежащія подати имъ самимъ, или арендаторамъ, или ихъ прикащикамъ; жидамъ-арендарямъ и другимъ, проживающимъ съ разрѣшенія властей по деревнямъ, городамъ и мѣстечкамъ, селиться не мѣшайте,—словомъ, всякое безчиніе, какое до сихъ поръ встрѣчалось, оставьте. Въ противномъ же случаѣ, если бы вы отступили въ чемъ-нибудь отъ вышеизложеннаго, я, волею и повелѣніемъ его королевской милости и военной коммисіи назначенный главнокомандующимъ здѣшняго войска, буду васъ преслѣдовать и поражать, какъ это было въ Лысянкѣ, у Ольхова и Литвянки, и такъ наказывать, какъ наказывалъ всѣхъ подоб-

ныхъ вамъ гайдамаковъ,—и тѣлесно, и смертью. Громадамъ же и народу вѣрному, послушному, воздержному и честному, обѣщаю всякую помощь и доступъ. Если бы кто-нибудь хотѣлъ вамъ мстить, сдѣлаю то же, что сдѣлалъ со многими. Для тогоже, чтобы универсалъ этотъ всякому былъ какъ можно скорѣе извѣстенъ, вмѣняется всѣмъ властямъ, въ-особенности же духовнымъ уніатскаго обряда, пересылать его изъ прихода въ приходъ. Если же этотъ универсалъ гдѣ-нибудь не будетъ принятъ, доносить мнѣ въ обозъ. Для большей вѣрности, съ приложеніемъ печати, подписываю собственной рукою. Данъ въ обозѣ подъ Кодней, 30 августа 1768.

Приведенный универсалъ заключаетъ въ себѣ достаточное объясненіе одного акта противной стороны; подлинникъ, вѣроятно, былъ написанъ поукраински, но у Моравскаго (Materjały т. I, стр. 212) напечатанъ по-польски, подъ названіемъ: Uniwersał do chłopow animujący... Этотъ актъ хранится въ той же Библіотекѣ. (Rkps, fol. № 321, str. 427).—

UNIWERSAŁ JMĆ PANA STEMPKOWSKIEGO, DO PODDAŃSTWA UKRAIŃSKIEGO.

Józef Gabryel Stępkowski, obożny polny koronny, rady wojennej komisarz orderu św. Stanisława biskupa kawaler, wojsk kor. jkmci i rzeczypospolitej, partyi ukraińskich i podolskich generalny regimentarz.

Gdy Bóg Stwórca nieba i ziemi z przepaścistych sądow swoich urocznych podług wszechmocności swojej ustanowił o ludzi kondycyach, i od samych rozpocząwszy monarchów porządnie po stopniach aż do ostatniego stanu, was poddani w tem powinowactwie tsworzył, żadnej oprócz duszy z duszą w was niezostawiwszy równości, a dzielność i wymiar ręki sprawiedliwej Boga zastępów każdy z chrześtian wyznający'go i w niego wierzący, powinnie przystojnie, pokornie przyjmować obowiązany; tudzież wszysktie narodowe prawa o was poddani, które, gdy nie bystrość rozumu waszego jest pojmować, to was cieszyć powinno nieustające, ani ustać nigdy mogące doswiadczenie od lat tyle przeciągu, w przodkach waszych, którzy w zwykłych powinnościach porodziwszy się, w tych nieprzerwanie powinnościach porodziwszy się, w tych nieprzerwanie żyli i umierali, a jeden drugiemu w wnętrznościach prawie macierzyńskich powinne stanowi zdawał obowiązki, któreście z piersi wraz z pokarmem wyssać powinni, to jest wierność dla panów i wieczne poddaństwo dla dziedziców.

Wy zaś gromady miast, miasteczek i wsiów różnych, mianowicie w województwach kijowskim, podolskim i zdiegli z Wołynia, w bracławskim znajdujące się; w zamian pełnienia swoich powinności, patrzcie, coście zacząwszy od samego Stwórcy Boga i świętych pańskich w świętnicach jego pełnili za bezprawia? Wy, któryście porodzeni i wychowani w wierze ś. r. k. obrądku greckiego uniackiego, ważyliście się tę odmieniać któreście Bogu w Trójcy św. jedynemu przyjąwszy i przyrzekłszy na chrzcie św. nieskazitelnie dochować powinni i w tej przed straszny sąd Jego stanąć! wszak wszystkie prawa Boskie

i pisma świętych tego uczą, co wam wasi duchowni uniaci przepowiadać i nauczać powinni. Trzeba byście to wiedzieli, że za przejście z tej wiary do inszej, nie tylko dawne prawa, ale i nowe teraźniejsze, przykładną przepisały karę i na anjpierwszych w ojczyznie, gdyby się trafiło ludzi, to odebraniem i skonfiskowaniem dóbr i wszystkiego majątku, to wypędzeniem z państw rzeczypospolitej, to życia utratą. Cóż wy dopiero, gdy oprócz dusz waszych z daru Boga w was wlanych, a wszystka właściwość pod moc i władzę panom i dziedzicom oddana, dziś za te przestępstwo warci jesteście? Powtóre, która to religia nosząca na sobie imie chrześcianina tak rozwiązła, by te nieuszanowania w domach bożych, kościołach i cerkwiach, czyniła, któreście wy po tylekroć miejscach i tylekroć razach, z tak wszetecznem popełniali bluźnierstwem? W lepszem u was poważaniu były karczmy, szynkowne gospody i domy starszych waszych równie z wami bezbożnych. Patrzyłem ja na to sam w Lisiance, ścigając z wojskiem tych hultajów, i gdym przyszedł do kościoła xięży franciszkanów, ciężko było pojąć rozumem, że to dom Boży! kiedy żadnego świętych pańskich ołtarza, ba i znaku prawie! tylko zniszczenia i wyrzucenia na ulicę, obrazy wszystkie strzelane, zdarte, zdeptane, a nawet i ten ołtarz gdzie w cymborium Bóg w Przenajświętszym Sakramencie utajony zostawał, i ten sromotnie zprofanowany, przez wyrzucenie z quszek, to jest kielichów na ziemię komunikantom i zdeptanie, a z tychże naczyń trunków różnych nalewanie i z nich za swoje wypijanie zdrowie. Krucyfixe, do ktorych jedni do celu strzelali, i są znaki od kul w piersiach, drugim wywlekłszy na ulicę, ręce i nogi kijmi odbijali, które odtąd są u mnie, to jeszcze mało? ale gdy te przed straszny sąd Boga będą stawione, tam chyba miłosierdzie jedno, w którem każdy chrześcianin ma ufność, zasłoni! ale też i to artykuł wiary, wierzyć: że Bóg jak miłosierny tak sprawiedliwy. Powieszenie xiędza zakonu ww. xx. franciszkanów wraz z żydem i psem na chórze w kościele, figur śś. pańskich wszędzie, podcinanie, i tych rozwalanie, a takaż to religia chrześcian w was gromady? Gdybx zaś przyszło wielorakie nad bliźniemi wyliczać okrucieństwa w dzikich prawie nieproktykowanych ludziach, któremi się Bóg brzydzi, a natura ludzka wzdryga, tych rozum, ani pamięć objąć nie może: jako to między inemi milionowemi, ciężarnym kobietom wyparania dzieci, a powyjmawszy rzucanie na spisy i w zamian kładzenie kotów przy piersiach będących, tym różne wymyślone męczeństwa, a bądź w jakimkolwiek stanie duchownym lub świeckim, i płci obojga, w wieku zaś dojrzałym, średnim lub niemowlęcym nieproktykowane tyranie przez osobliwszy wściekły i wymyślony sposób. Na ostatek wszystkie inne pominąwszy męczeństwa, a mianowicie na samej krwie szlacheckiej najwięcej praktykowane: gdzieście już zmarłe porzucali ciała, na którycheście niewinną psując naturę młodych zaprawowali chłopców, i toście podług obrządku chrześciańskiego niepogrzebali, ale i po śmierci niepraktykowaną dopuszczali zemstę dla samej bezbożnej rozrywki. W oczach waszych zlatywały się ptastwa pasąc się krwią niewinną i psy, zbiegając się, targając wnętrzności, też kawałkami po ulicach roznosili, z zgorszeniem i obmierzeniem natury, i tak się dobrze na zamęczonych zaprawili trupach, że i podróżnym przez rzucanie się na nich trudny był przejazd. A gdzież prawo boskie: niezabijaj? a jeszcze tak sromotnie!—A co gwałtów, co ślubów przymuszonych z pannami i paniami dziedziczkami swemi i wielu innemi stanu szlacheckiego osobami popełnialiście! Sądźcie się teraz sami, coście za tyle złego warci Policzcie wiele sto tysięcy ludu krwie szlacheckiej od tak niegodziwej poginęło ręki? wiele rządców waszych, komisarzów, gubernatorów pisarzów, administratorów?

i wielu innych, mający do was z zlecenia starszych interes, którymeście winni byli posłuszeństwo, przez uiszczenie się z danin i powinności waszych; i to u was nie dyło grzechem, tak wielkie i okrutne zabijanie żydów, utrzymujących arędy pańskie, i tak mieszkających po wsiach i miastach, miasteczkach? co wielorakiemi sposobami panom waszym czynili utratę. A wszak przykazanie Boże na każdego bliźniego: niezabijaj! bo choć on w wierze błędny, i zowie się niewierny, ale to pod straszny sąd Boga podpada, nie pod wasz podpadać będzie. Gdyby uczynili wam jakie napzykrzenia, i oszukiwania, i praktykowane zdzierstwa, pókiście ich nie wypędzili, mieliście wszędzie zwierzchość użalenia się na żydów, do chodzenia zwykłej sprawiedliwości, a ta gdyby wam trudna była u zwierzchności, mieliście sposoby udania się do starszych nad niemi.

Przypatrzcie się zhukane i zajadliwe poddaństwo! owej nazwanej ziemi mliekiem i miodem płynącej: dziś w zamian zbroczona i niewinnych krwią napojona; a co popustoszonych obronnych zamków, domów, kosztem znacznym pobudowanych, co miast, miasteczek, wsiów, a o kościołach i cerkwiach już niewspominając; dziś wszystko zniszczono, rozwalono i obrócono w popiół, znak tylko zostawiwszy miejsca. Miarkujcież sami, tak straszną ruinę co za upadek w interesach panów, któreście powinni byli przez wierność dla nich i przywiązanie, czując w sobie poddaństwo, powiększać; dziś wszystkie czynsze, arędy, daniny i inne podług zwyczaju kraju wypłacenia się, wprzód zalegały, teraz wcale ustały, szczególnie z okazyi rozpusty waszej i zuchwałości, na któreście się targnęli, a nawet na skarb po różnych cłach i komorach jkmoi Stanisława Augusta, szczęśliwie nam panującego i rzeczypospolitej, zuchwale napadając, radowaliście, z tak jeszcze niegodniwemi głocy: że do państw iego i rzeczypospolitej nienależgcie! My dziś w równości porodzeni wznosiemy ręce do Boga zastępów za wyniesienie jego na tron i pod jego panowaniem żyć nam miło; a wam któraś szalona głowa inaczej rozum nabija, zeście nie tego pana i kraju ludzie. Rozsądny i godny żaden jak się z wami niewdał, dopierož mówić o tem pewnie i niepomyślał; tylko to lud prosty i czyniący się niby z was rozumniejszym tą was obdarzył ślepotą i tak niegodziwym zaraził błędem.

Nie sądźcież tak, by nie tylko dziedzice, panowie wasi, lecz ktokolwiek do zwierzchności waszej należący, nieczuł tak wielkiej straty, ile was wyciągać mogło; dotkliwy na to i sam pan miłościwy z narodem całym, że w państwie jego rzeczypospolitej tyle, chociaż hultajów, poginęło; publiczna to dla kraju krzywda, gdzie tyle ubyło ludu, a to wszystko przez wasz niegodziny wymyślony sposób. Patrzcie poddani pamięć i łaskę dla was najjaśniejszego pana i rzeczypospolitej, gdy i na teraźniejszym sejmie surowo zabroniono prawem, aby i samemu dziedzicowi, dopierož posesorom i rządcom, nie wolno było, jak się podług woli swojej praktykowało, odbierać życia, ale i wartego śmierci oddać pod sąd, do zwyczajnej kazano juryzdykcyi. Umknie się pewnie ta łaska króla i rzeczypospolitej dla was, gdy nieprzestaniecie być hultajami, trzeba dla dobroci prawa poprawić życia i wierności. Powinniście już dotąd sami uznać wyciągniętą do ukarania was rękę Boga, gdy na was tyle gatunków ludzi przypuszcza: chłoszczą was nawet i ci, którzy ani do was, ani do kraju przez żaden spocób nie mają interesu; jeszcze tylko mściwą, ale sprawiedliwą ręką od sroższego ukarania wstrzymał, że z nieba niebiją pioruny, i żywcem ziemia nie pożera. Postrzeżcie się tedy, przestrzegam zajadłe zhukane poddaństwo, a najpierwej, którzy jesteście porodzeni i wychowani w wierze świętej rzymsko katolickiej obrządku uniackiego, szanujcie i słuchajcie; gdyby was zaś inaczej

nauczali, o takich do konstystorza tego obrządku lub do mnie znać dawajcie. Gdyby zaś paroch jaki, jak się teraz trafia, do cerkwi za instrumentem w cudzej jurysdykcyi nie mając mocy, ani prawa, tak do ustanowienia parocha, jako i ten na fundamencie z tym, do instalowania się na tęż parafie żądał od was pomocy, takiego nie tylko przyjmować, pomagać, dopieroż słuchać nieważcież się, ale o przybyciu nieodwłocznie obwieszczajcie. Nauczajcie drugich, żeście nie inszego [monarchy, ani kraju ludzie, tylko dziś nam panującego, i po jak najdłuższem daj Boże panowaniu następców jego i rzeczypospolitej; dziedzicom swoim i panom waszym bądźcie wierni i posłuszni, daniny i wszelkiego rodzaju podług ustaw zwyczajnych bądźcim bądź posesorom, szyli z prawa lub zlecenia mającym od nich interesa, zaległe i teraźniejsze wypłacajcie; żydom arendarzom, i innym po wsiach, miastach, miasteczkach z woli zwierzchności siedzącym, siedlisk nieprseszkadzajcie: słowem, wszelkie hultajstwo, które się tylko praktykowało, porzućcie. Inaczej, gdybyście w najmniejszym punkcie cokolwiek uchylili, co jest wyżej przepisanego, ja zesłany z woli i rozkazu jk. mci i ordynansu prześw. komisyi rzeczypospolitej i wojska koronnego, generalną nad wszystkim tu będącym mający komendę, ścigać i gromić tak będę, jakoście widzieli i słyszeli w Lisiance i gdym się bił ż wami pod Olchowem i Litwianką, i jak dotąd hajdamacy i zbójcy, któremi wy sami jesteście, doświadczają w obozie, to kar cielesnych, to życia utrat, a dla gromad i całego ludu waszego wiernego, posłusznego, statecznego i poczciwego wszelki przystęp i pomoc; gdyby kto chciał się mścić o co nad wami, tak jak nad drugimi już uczyniłem, przyrzekam. Co, by wszędzie jak najprędzej doszło, wszelkim zwierzchnościom osobliwie duchownym obrządku uniackiego, zleca się: aby [od parafii do parafii przesyłane było; gdyby zaś gdziekolwiek nie było przyjęte, zaraz tu do mnie do obozu czekam uwiadomienia. Co, dla lepszej wiary, przy zwykłej pieczęci własną podpisuję się ręką.

Datt w obozie pod Kodnią, dnia 30 sierpnia 1768.

(*Rps. Ossol. fol. N. 193 str. 117*).

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

I.

И наука иноді не въ науку.

Я не вели́кий багати́рь, але ма́ю пьять паръ воли́въ—давні́ше въ Кримъ посила́въ, та тепе́ръ не тії го́ди, не вели́ка зъ того́ кори́сть; бжоли́, сла́ва Бо́гу, що-го́ду, все бі́льше: не купу́ю ме́ду и, що-пра́зника, прихо́жу въ це́рковъ зъ вели́кою тро́йцею; въ ме́не е чоти́рі вітряки́: на ме́не й на люде́й ме́лють вони́, зъ моіхъ засіківъ не вибува́е хлібъ; самъ живу́ собі въ ро́скішъ, и дру́гихъ рятую́ въ лиху́ю годи́ну. Не вклоню́ся па́нові: »пози́чъ, па́не, бо́рошна,« ще й ёго́ нагоду́ю. Не обдили́въ ме́не Богъ и ро́зумомъ: розу́мніі книжки́ чита́ю, чого не втя́млю, зъ панотце́мъ пора́жусь—та й паноте́ць мене шану́е, якъ зустрі́не: ході́мо, ка́же, Опана́съ Миха́йловичъ, до ме́не, або я до васъ, поговори́мо тро́хи. Й слу́хае мене, диву́ючись не такъ пісьме́ному моє́му ро́зуму—бо зъ мене не вели́кий кни́жникъ,—якъ тій пра́вді, що и́ноді ви́мовлю ёму. »Ві́дкіль у васъ, пита́е, беру́тця такіі ре́чі?«—А щожъ, кажу́: хиба я даре́мне живъ на світі, щобъ не ба́чити, що на ёму, ди́вному та широ́кому, ро́битця? Ви пісьмо́мъ та книжка́ми добира́ете ро́зуму, а я очи́ма бага́то ба́чивъ, очи́ма, пано́че, та й бі́льше на іхъча́сомъ увіря́ю, ніжъ на той хи́сткий письме́нний ро́зумъ.« У грома́ди я въ почо́ті—за пора́дою и підмо́кою йдуть до Опанаса—мабуть, че́сно прожива́ю шо́стий деся́токъ. Вели́кою семьею благослови́въ мене Богъ: одъ само́і це́ркви до кінця́ села́ простягли́ся весе́лиі ха́ти—тамъ сини́ моі та онуча́та живу́ть; третя́на села зове́тця Опана́совою. »Де ти бувъ,« пита́ють.—На Опана́совімъ кутку́, каже. Хто се тобі такъ роскази́вавъ?—

—Меншій Опанáсенко, Микóла—»Якъ то ёго не знáти, кáжуть:—вінъ коли що кáже, такъ прáведно кáже, ёмý повíримо. До мене хто попáвъ въ рíдню—щаслúвимъ зовýть; а якъ віддавáвъ я свою первáчку на другé селó, якъ то жалкувáли свої: »хибá, казáли, у насъ и не найшлóсь ій пáри? лишúвъ ти нáсъ людúни.»

Оттакúй-то мині почóтъ. Гордýю–бáчете, чомъ не гордувáти, коли е чимъ? Добрó мое дóбре нажúте, а на велúкий почотъ не набивáвся у людéй. За те я панъ, панъ на всю гýбу, якъ–то кáжуть, сірúй панъ ще, щобъ ви знáли—може, ви про такіхъ й не чувáли? Есть панú вельмóжніі, ясновельмóжніі, въ велúкихъ палáтахъ живýть: на іхъ, и за іхъ, самú знáете, другіі рóблять; есть панú такі, що наверхъ не долізли, а злізáти сóромъ: якъ щось за кожýхъ такъ вонú за тéе пáнство вчипúлись—бідýють, та все не одчипáютця. Велúка въ іхъ фанабéрия! зустрінетця зъ тобóю: »зверни, кричить, въ калюжу,—не бáчишъ хто передъ тобóю?« То й звéрнешъ ёму, жалíючи ёго чоботятъ: мóже остáтніі. Есть пани чиновніі—про іхъ ще нáші прéдки казáли, й самóму довóдилось бáчити, якъ зъ тими чинáми вонú валяются по-пíдъ тинáми. Усякі бувáють на свíті, а я—сірúй панъ—вільний козáкъ; не забувáйте, що я не стáрший міжъ товарúствомъ, я рímний зъ усíми: мое пáнство—шістьдесять гóдівъ, прожúтихъ вірою й прáвдою.

Оцé розкáзую, а мині здаéтця, що ви гаразд и не второпаете, якúй-то може бути панъ міжъ мужúцтвомъ. Коли доведéтця вамъ коли бувáти у нáшіхъ сéлахъ (а найбíльше хуторáхъ), придивíтесь дóбре до людéй, роспитáйте іхъ, хто, мовъ, у васъ найпочóтніший на всёму селí. Побувáйте и въ того, на кого вкáжуть вамъ—роздивíтесь гарнéнько, у чімъ ёго сúла, почотъ. Громáда не збрéше, на кого вкаже—а ви зрозумíете те пáнство.

Тепéръ слýхайте про úншого пана. Вінъ то й не панъ, та мавъ бути цáномъ:

Гóдівъ зъ двадцять назáдъ, коли не більше, проявúвся у насъ якúйсь дúвний чоловíкъ. Зовсімъ, здаéтця, нашъ, та не брáтався зъ нáшими. Прúйде літо, зберýтця на ýлицю парубкú—глядú—и вінъ тамъ. Зустрінéшъ хлóпця якóго, спитáешъ: що то бувъ зъ вами за проявá?—А Святúй ёго знáе, що вінъ за людúна — попрóбували бъ ви, дáдьку, зъ нимъ заговорúти, мóже бъ чого й дознáлись. Мені не прихóдилось якóсь ёго чипáти, та що зъ того: зъ молодúми, своіми рímними, не зіхóдитця, одъ мéне—и Богъ велívъ ёму ховáтись. Дýмка такá—бáбу бъ якý гáрну підослáти до ёго: та пéвне свое дíло зро-

бить, на дні се́рця его усе ви́шукае. Підиж, ще найди́ таку́ю, а тутъ хло́пці и зупини́ли мене: не турбу́йтесь, ка́жуть, ді́ньку: вінъ одъ дівча́тъ та жіно́къ, якъ одъ того́ огню́, бігае. Мо́же, ду́маю, опікся коли́ біля іхъ. Ще ду́жче захоті́лось дозна́тись, хто вінъ таки́й. Полягли́ ми одніеі но́чі спа́ти, мині чого-сь до́вго не спа́лось, слу́хаю, хто-сь близко ко́ло на́шоі ха́ти співае; торкну́въ жінку: слу́хай, кажу́, Ма́рье, хто се такъ співае? А самъ перелічую усіхъ парубківъ — ні одинъ не підхо́дить. Щожъ, жінко, питаю: не вгадаешъ?—Мовчи́, будь ла́сківъ;—а сама́ й духъ притаіла та слу́хае. Го́лосно розлягала́сь пісня на все село, невесе́лая пісня, (такіхъ у насъ співають, якъ у москалі́ беру́ть). Замо́къ співе́ць; жінка й ка́же: се чужи́й чоловікъ співа́въ; на́ші такъ не заспіва́ють.—Яки́й, кажу́, чужи́й чоловікъ?—Григо́рий—хиба жъ ти не зна́ешъ?—не то наський, не то паньский—щось недовідоме зъ его.—А ти жъ якъ довідалась, що его Григо́риемъ звуть? Ото вже диво! отъ бачишъ, зъ вами не говіркий, а мене наро́шне самъ зачина́въ: »здоро́ві були,« каже мені; — потімъ щось недуже скла́дне сказа́въ, я тільки й доняла́ зъ его слівъ, що вінъ хо́че зна́тись зъ на́ми, все звертавъ въ ре́чі на твоі ру́жжя;—я ту́течки й допита́лась, якъ ёго зву́ть. — Добре́, кажу́, жінко: ми ёго покличемо коли-не́будь до себе, розва́жимо спрітескую душу.

Отта́къ ми и пора́ялись зъ старо́ю, а неділь черезъ дві и закли́кали до себе недовідомого чоловіка. Я скоро зійшо́вся зъ нимъ, мо́жебъ й неско́ро, якъ би не взявъ его зъ собо́ю пти́щі постриля́ти. Такий ра́дий бувъ:—я, ка́же, давно́ сёго́ хотівъ, та не вдава́лось, а теперъ буде чимъ тугу розігна́ти.—Яка́ тамъ, одповідую, туга у тако́го молодо́го—сти́дно й людямъ хвали́тись. Отъ, кажу, якъ мені було го́дівъ два́дцять пять — и вамъ мабу́ть, не більше — такъ було, якъ ска́же хто не́будь: »чого́ се ти, чоловіче, такий хмурни́й та не весе́лий«— то я ему: се тобі, або вамъ—коли то спита́е ста́рший відъ ме́не—зви́дилось, що я хмурни́й; я свого́ ще батька не бачивъ нико́ли хмурни́мъ, да́рма що се́мий доживае. То вже инше діло—якъ покоха́въ я дівчину, а батько не зволя́въ бра́ти ії: було ходишъ повісивши голову, а тобі—хто не зустріне—притику дае́. »А що, Опана́се, повісивъ свою весе́лую го́лову? И то було відка́жешъ: огля́нься, па́рубче, на себе. — Гляди коли въ его не зо́всімъ ти́хо, то обди́вится та й відчепится.

— Стріляйте лишъ мерщій—кажу́ ему сміючи́сь:—не гара́здъ, мо́же, й тугу розго́ните,—ба́чте, скільки нти́ці зняло́сь.

Ба́цнувъ, ажъ ви́ляски пішли по лісу; тільки вра́жа пти́ця прямісенько въ ви́рій помандрува́ла, хоть би тобі на-сміхъ одна зосталась на місьці.

— Одтягніть, кажу, ії да́льше, а то—не лихи́й часъ—завоня́етця, або здийметця та полети́ть.

— Давно, ка́же, Опана́се Миха́йловичу, стриля́въ—рука́ одви́кла.

— Може бъ вамъ да́ти дру́ге ружже: у го́роді купивъ;—усе въ се́рце попада́е. До́бре я догледівся, що вінъ зовсімъ не вмівъ стриля́ти, але нега́рно було виявля́ти его. — У насъ, кажу, пти́ця знако́мая зъ нами, то ми й попада́емъ ії, а ви, *примі́ромъ*, чужи́й чоловікъ, то й пти́ця васъ не зна́е, ні ви ії. Поживете́ й роздивитесь! Пе́ршого ра́зу, на мою руку прийшло́сь таки чима́ло пти́ці—було зъ чимъ до старо́і верта́тись. Верну́лись до-до́му, мене до́рогою впро́шувавъ вінъ, щобъ не хвали́вся я жінці, який зъ его охо́тникъ.

— Зато́плюй, кажу́, стара́, пічъ, та йди, подиви́ся на нашу охо́ту.

— Хто же се такъ набива́въ? не вже ти одинъ.

— Поклони́ся, кажу́, въ но́ги Григо́рию Миха́йловичу: безъ его порожняко́мъ припха́вся бъ.

Вінъ погля́нувъ на мене, та й ка́же: не вірте; то Опана́съ Миха́йловичъ самъ набивъ, ще й сміетця зъ ме́не.

— Го́ді, го́ді, — помири́мось; ото, жінко, якъ вгле́дишъ жи́рну та здоровенную птицю, такъ и знай, що не я ії стреля́въ. Нашъ охо́тникъ не доло́блюе дрібьязку—вдру́ге ми зъ нимъ пі́демъ на журавлівъ та на дрохву́. А теперъ, чи не можна бъ намъ перехопи́ти чого-не́будь, пошука́й лишъ.

Тимъ ча́сомъ зачини́лись ми зъ нимъ въ кімна́ті, розвели́ самограй, та й почали́ собі бала́кати. Ба́чу я, розвеселився чоловікъ, ставъ я потро́ху зачіпа́ти.

— Оце—кажу́—ви сего́дні нічо́го не встре́лили, а мені ка́знащо прийшло́ въ го́лову: — чи не підстре́лила васъ кото́ра—примі́ромъ — чорнобри́вая, чи яка́ тамъ. По собі зві́ривъ, а то й не пита́въ би.

— Ні, каже: у мене й ду́мки не мае объ сёму, безъ усяко́і проживу́, багацько и безъ мене на світі людей.

— То бо й ли́хо на́ше; вамъ, ка́жете, байду́же про се, а отъ ви неда́вничко въ на́шому селі, а вже́ про васъ усюди гомонять, найбільше тіі дівчата: »молодий, кажуть, та хороший, та Богъ его знае, що...«, ви самі добре знаете, що́ вони кажуть. Оце й я придивлююсь

до васъ, въ вічі скажу́ вамъ: щось дивнее зробилось, мабуть, зъ ва́ми. Спитайте у жінки моєі—и та вамъ те са́ме ска́же.

— Такъ щожъ, вамъ хотілось би знати, що робилось зо мно́ю?

— Не те, щобъ мені хотілось, а такъ, ба́чете: що маю въ голові, те й вамъ скажу. Коли е у васъ ли́хо—хова́йте ёго одъ людей, щобъ щасли́вії не осміяли. Сиротý лю́блять, якъ не ду́же голо́сить усімъ, що вінъ сирота; та й щасли́вії ворогівъ нажива́ють, якъ не відъ усякого ховають свій таланъ. Усяко бува́е—може, ви на самоті скоріще приспите́ лихо. Я самъ, одъ ро́ду мого, не проси́въ поради у таємному ділі.

— Поради мені й не треба, та й не пора́дивъ би ніхто, хочъ би попроха́въ. Душу хиба одвести́, росказа́вши до́брому чоловікові, що ми, й молоді́і, а вже нажили́сь на світі. Чудне́е діло: гараздъ світа не ба́чили, а нажили́сь. Нехай люди не кажуть: »бурлаку́е леда́що« . Можебъ, спра́вді, пішо́въ у бурла́ки, та тепе́ръ назадъ приведу́ть. Дру́гимъ ча́сомъ, Опана́съ Миха́йловичъ—почу́ете, якъ я живъ.

До́вго я ждавъ того другого ча́су: мабуть все звірявъ мене, що́ я за чоловікъ. Якось разъ, після тако́і жъ охо́ти, сиділи ми зъ нимъ въ кімна́ті,—небага́течко таки закинули въ голову;—отъ вінъ и каже:

— Дивлю́сь я на васъ, Опана́се Миха́йловичу, та й ду́маю, чомъ вамъ не до́бре жи́ти. Оттаке́ життя́ и мені спе́ршу склада́лось—мабуть лихи́й чоловікъ доро́гу перейшо́въ, а до́брі лю́де зра́дили. Принесло́ жъ не до́бру жінку на мої роди́ни—се мені після́ роска́зували—вона бъ то зна́харкою була́, и всі кріпко на ії ввіря́ли: що було ска́же—не минетця. Ма́ти моя така́ ра́да ій—до́бре ти, ка́же, бабу́сю, лучилась: мені Богъ си́на давъ, подиви́ся ли́шень на ёго. Взяла́ мене на ру́ки, пи́льно на мене диви́лась, ка́жутъ лю́де; по́тімъ й каже ма́тері: се якійсь у васъ одмінний одъ пе́ршіхъ, тре́ба вдру́ге подиви́тись, и́ншимъ часомъ, та й погада́ти, що зъ ёго бу́де. Ско́ро й зно́ву пришла́:—отъ що тобі, каже, па́ні моя дорога́я: твоя дити́на по нау́ці піде́, весь ро́зумъ про́йде, зако́нникомъ—каже—буде, не такимъ—нехай Богъ

боро́нить—якъ оце ми ба́чимо по города́хъ, що у су́ді пишуть,—то голодра́бці; ні, я бъ и не сказала въ вічі, якъ би таке́ поба́чила по ёму; а вінъ буде громáду суди́ть, пора́ду ій давати—самъ у вели́кому дово́льстві жи́тиме, пи́шно буде похожáти міжъ людьмú та каза́ти: »оттакъ, мовъ, и такъ робіте.«—Себъ то ти, бабу́сю, на окружно́го звертаешъ, або ще на бíльшого па́на, пита́е ій мати моя.—Сёго вже не скажу; тоді, якъ вінъ у си́лу ввійде, мóже й окружнíі ви́ведутця. Тíльки ось—ще що: роди́мее у дити́ни не гараздъ на щасли́вому мíсьці—(взяла, та й поплювала три́чі роди́мее)—колибъ хло́пець не спíткну́вся, якъ ви́росте—се вже ёго дíло.«

— Я не дуже довіря́ю сёму каза́нню: пíсля́, мабуть, ви́думали; та воно ли́ха менí наробило, коли спра́вді такъ було.

— Се вамъ, зна́чить, Григо́рий Миха́йловичъ, цига́ночка поворожи́ла?

— Ні—мати цига́нокъ не слу́хала: се своя була́ люди́на — такъ нíби яка пустелнця; тимъ ій и вважали. Заходи́лись же пíсля коло мене:—ні одному ста́ршому бра́тові небýло́ тако́і шано́би; що-дня ма́ти плюе́ на родимее, приговóрюючи: »щобъ ти—лихее—сте́рлось зъ моéі дити́ни, коли маешъ ста́ти ёму прити́кою у добрíй годинí«; а воно́ сиди́ть собí,—й до́сі не сте́рлось.

— А дежъ воно у васъ помісти́лось?

— На пле́чяхъ, къ лíвому бóку.

— Отже, Григорий Миха́йловичъ, я не зна́харь, а скажу вамъ, що збреха́ла ваша пустелница, чи якъ тамъ ій зовуть:—се саме що ни е щасли́ве, коли ви ёго не ба́чите. Дру́ге бъ дíло, якъ би воно сíло де не́будь, щобъ ви ёго ма́ли передъ о́чима—тоді хоча зъ свíта втіка́й; та й то якось лю́де живу́ть и зъ таки́мъ.

Мóже бъ воно и було щасли́вее, якъ ви ка́жете, колибъ, на ли́хо моé, батько мíй не вмеръ. Тепéръ ще зга́дую ёго́ остатнíі речí: »рости́, си́ну; ви́ростешъ—чоловíкомъ бу́дешъ.« »Ста́ршихъ видділивъ—каже було другúмъ—а его посажу на своему гнíзді:—нехай козаку́е та ба́тька свого зга́дуе.» Мíй батько бувъ замóжний хазя́інъ; не роди́вся вінъ благоро́днимъ, та не бувъ и кріпако́мъ—оттакъ якъ би й ви, Опана́съ Миха́йловичъ; годи́въ Бо́гу й добрíмъ людямъ—та й га́дки не мавъ, нікóму зла не дíявъ,—то й его поважа́ли—чого ще кра́ще? Було зве́ли́ть вінъ своíмъ робíтникамъ взя́ти и мене коли зъ собóю, якъ íдуть на косовицю, або инше куди́:—покажíть, прика́зуе íмъ, мое господа́рство. То хло́щі й пока́зують менí: »оце, ка́жуть, Грицю, твого ба́тька,

и се. Скільки то о́комъ захо́пишъ поля, чи лісу,—все то ба́тьківське. Щасли́вий ти, ка́жуть, Гри́цю; буде тобі надъ чимъ хазяінова́ти; ще и́нший прово́рний прика́же тобі: »гляди́, и насъ не забува́й, якъ ви́ростешъ, бу́дешъ запомога́ти и намъ«, а други́й каже: »ти мені, Гри́цю, півполя віддаси́ зъ десяти́ни—добре?« Я ще бувъ не вели́чкий тоді—годківъ шість було — то й ска́жешъ ёму: »усе тобі одда́мъ, тільки годи́ мені.« А хло́пцеві, звісно, не бага́то чимъ треба вгоди́ти.

На сёмому го́ді ба́тька похова́ли, остались ми зъ ма́тірью вдвохъ. Тутъ вже и́ншая ка́зка почала́сь; ма́ти моя—якъ би вамъ сказа́ти—не мужи́чка була́, а зъ духо́вного ро́ду, зъ дячківського; міжъ своіми не прийшло́сь ій дружи́ну найти́, то вона й ви́йшла за мого́ ба́тька. Але гордува́ла собо́ю, якъ мені теперъ роска́зували; кріпко гнівалась, що ба́тько пе́ршіхъ дво́хъ синівъ своіхъ повівъ по собі. »Самъ мужи́къ—бу́цімъ каза́ла ёму—и діте́й не ви́зволивъ зъ мужи́цства: згада́въ би хоча́, хто іхъ ма́ти.» Ба́тько неду́же потура́въ ій: роби́въ, що самъ знавъ. Й до́бре якось вихо́дило—ста́ршіі моі брати́ чомъ не люде? ще які!

Одного мене ви́вела мати въ люде, та й добре, що не знае, які зъ мене люде. Усе торо́чила ба́тькові:—»якъ хо́чешъ, стари́й; я свого́ Гри́цика поведу́ въ світъ, якъ сама знаю — не чувъ хиба, що каза́ла пустелниця?« Батько було махне́ руко́ю: »поки не вібьє́тця въ пі́ррья, то нехай буде твій; а тамъ, коли живъ буду, на своі руки возьму—тоді вже не пере́чъ мені.

Отже, не довело́сь ба́тькові учи́ти мене ро́зуму, а пе́вне більше бъ набра́вся, ніжъ теперъ. Тро́хи перегодомъ, якъ поме́ръ ба́тько, мати оддали́ мене до шко́ли, въ саму́ю бу́рсу, Опана́се Миха́йловичу. Оттутъ, мій ба́течку, все лихо мое зроби́лось; відсіль я пха́вся въ люде. Погля́ньте на мене—чимъ я не козакъ...

— Эге! правду кажете;—тільки чубъ у васъ до́вгий дуже.

— Встарови́ну такий носивъ, то й теперъ ношу; а гараздъ таки мені за ёго достава́лось.

Виряжа̀ючи до шко́ли, мати нака́зувала мені: »ідь, моя дитино, вчи́ся, слу́хай ста́ршихъ себе; якъ ви́вчися, бу́дешъ чита́ти мені розу́мні духо̀вні книжки́, бо я вже стара́,—гараздъ не добача́ю. Гляди́ ще, не забува́й своеі ма́тері; якъ би твій ба̀тько живъ бувъ, може бъ тобі не вида́ти шко́ли.«

Повезли́ мене; я й не пруча́вся ду́же:—щожъ, думаю, розу́мне щось ма́ють зробити зъ мене;—буду слу́хати до́бріхъ люде́й. Привезли́

и, найпе́рше всёго, показа́ли мене найглавні́йшому надъ шко́лою—сухопа́рий яки́йсь; бори́дка—тільки й слава що бори́дка. Нестрашне́, думаю, ні ски́льки—а свого панотця́ боя́вся, бо то й було таки на що подиви́тьця. Привезли́ и ка́жуть: »оце надоуми́ли его́ ма́тіръ відда́ти сина́ до шко́ли; попро́буйте, чи годи́тця. — До́брее, каже, діло;—а попро́бую другимъ часомъ, бо ніколи. Про́бувавъ—спасибі ёму, не гараздъ, та й звелівъ одвести́ до школи. По́тімъ, поду́мавши тро́хи, й питае: — а де жъ ви ёго хо́чете помісти́ти — на кватёрі чи въ бурсі?

— Хто жъ васъ приво́зивъ до шко́ли?

— Дячо́къ яки́йсь; мати́ каза́ла, що вінъ зъ дале́кої рідні намъ дово́дивця. Вона́ й здала́ мене на ёго руки́. Ви, каже, дотепніші въ школя́рському ділі, то й мою дити́ну гара́здъ догле́дите. Отъ, вінъ и каже смотри́телеві: —»була́ бъ ва́ша ласка, самі зво́лили бъ ука́зати, де хло́пця помісти́ти.—Я бъ, одві́туе, взявъ би ёго до себе; але на васъ зда́юсь:—все таки не хотівъ би, щобъ его помісти́ли на кватёрі. Тамъ не дале́ко ёму збалува́тись—до́гляду такого не бу́де, якъ у бу́рсі.

— Се бъ то, виходить, Григорий Миха́йловичъ, га́рно въ тій бу́рсі?

— Хто вамъ ка́же—га́рно! У бу́рсі поміщаютця усе бі́дні, безъ батькі́въ та безъ матёрей, а я и небі́дний бувъ, та ще й не духо́вний—мене у бу́рсу и не слідъ би оддава́ти. Такъ тії гро́шей не пла́тять, на казні́ живуть а за мене гро́ші взяли́.« Кудибъ ті гро́ші?

—Пе́вне пішли́ до́брімъ лю́дямъ за до́глядъ. Самі зна́ете—и звича́йно ро́битця, и до́бримъ лю́дямъ не въ оби́ду;—и імъ гріе, и насъ не гараздъ пробира́е.

Поки́нули мене одного́ въ бурсі безъ уся́кого догляду. Пішо́въ я въ шко́лу, въ тре́тій классъ—бо такъ зво́ливъ панъ смотри́тель, вели́кую ми́лость—зна́чить—оказа́въ. Ходи́въ я такъ, мабуть, неді́ль зо дві, коли се лу́чився й смотри́тель. — А покажіть, каже, господинъ учи́тель, новичка́ Григория Цигане́нка? (се моя фами́лия). Піднявся я: »ось де,« кажу я.—Тебе, гово́рить, самого не спро́шували, то й жди своеі черги́; та ще не треба каза́ти: »ось де«, се помужи́цьки. По́тімъ щось бала́кавъ зъ учителемъ; я тільки донявъ, що то объ мені, яку́ бъ мені приба́вити другу́ю фами́лию, духо́вную, та ще освідо́мився якъ я вчусь; далі оберну́вся до мене й каже: »тобі, любе́зний, здіся не по си́лі вчи́тись, *переходь-ка* въ ни́зчий классъ; тобі легше буде, и насъ поблагодари́ть твоя́ ма́ти.« Показа́ли мени той классъ; пішо́въ я;

ходи́въ тежъ не до́вго, зно́ву прихо́дить смотри́тель, и зно́ву тіе́і са́моі заспіва́въ.—»И здіся, каже, тобі не прихо́дитця бу́ти — ходи въ пе́рвий классъ.« Пішо́въ я й туди, а мені вже стало не въ терпі́жъ. Обри́дла мені бу́рса—хочъ би істи вдово́лі дава́ли. А то було даду́ть на ще-серце шмато́къ хлі́ба безъ соли, въ пе́льку не вжене́шъ:—тиеі вече́рі, якъ Богъ зна чогѡ—дожида́есся. Сиди́шъ, сиди́шъ до девя́того часу, таба́ку даю́ть тобі ню́хати, щобъ не ослабіва́въ, а тутъ засне́шъ—а воно теле́нь-теле́нь, якъ дурний схо́писся, та біжи́шъ въ трапе́зу—не поспівъ рано прибігти, то одъ галушо́къ одну щербу́ сёрбай. Буде вамъ згнуща́тись, ду́маю собі, та й знамі́рився втіка́ти додо́му: тамъ кажу́, послі́дній на́ймитъ роскошу́е, а яжъ—то на що зда̀вся въ ма̀тері? Наду́мався одного́ ра́нку, та манівця́ми й причвала́въ до рі́дноі не́ньки. Ри́пнувъ двери́ма, а вона́: — охъ, ли́шенько мені, хтожъ се тамъ таки́й въ таку́ю годи́ну,—а було́ вже пі́зно.— Не бі́йтесь, кажу́, мату́сю, се я, Гри́цикъ. Ма́ти якъ стоя́ла коло дверей, такъ и зомлі́ла. Увели́ мене въ ха́ту — одийшла́ тро́хи й пита́е: що се съ тобо́ю, моя дити́но?—Істи, кажу́, не даю́ть. Ста́ли до мене усі приди́влюватись, а мені животи́ну ту такъ роспе́рло, такъ роспе́рло, що наче я у песи́головцівъ рікъ ви́живъ, орі́хами въ сажу́ одгодува́вся, або вели́кимъ па́номъ зроби́вся, а о̀чі такі́ ста́ли вирячкува́ті, а на виду́ таки́й сухи́й та блі́ди́й... Котри́й-сь на́ймитъ и каже: га́рні жъ ви зроби́лись, Гри́цю!—а дівчину, торкну́вши, промовля́е ій тихе́нько: »зате, мабу́ть, крі́пко розу́мний ставъ — почу́емо.« — Ма́ти поду́мавши и каже мені: »чомъ же ти, мій си́ну, опові́сточки ніяко́і не давъ? я бъ тобі усёго́ посла̀ла; а то ду́мка та, що тамъ га́рно году́ють. Оце́жъ, якъ ти зміни́вся, на силу пізна́ла. Мо́же тебе зовсімъ ви́гнали изъ шко́ли?—Ні, кажу́, ще не ви́гнали, а ско́ро, мабуть, те буде. Ба́чте — мене зра́зу въ тре́тій классъ прийняли́, а тепе́ръ вже въ пе́ршому опини́вся, да́льше ні́куди й перево́дити. То я й наду́мався за-одно́ втіка́ти—мо́же то вони́ на здога̀дку мені такъ зроби́ли. — Ма́ти засму́тилась — нега́рно, ка́же, си́ну, ти зроби́въ, тре́ба посла́ти за Петро́мъ Онопрі́ёвичомъ (се бувъ той са́мий дякъ що вози́въ мене́ до шко́ли). Якъ приі́хавъ вінъ, ма́ти ду́же на ёго́ начипи́лась:—я жъ вамъ—вигово́рюе ёму,—увесь докла́дъ дала, щобъ дити́ні га́рно було, а воно́ зовсі́мъ пога́но—подиві́тесь на ёго́. А вінъ, звісно, дякъ не дуже вва́жливий чоловікъ, не засму́тившись, такъ и відказа́въ ій:—бага́цько нада́вали, ні̀чого казати; якъ би на ва́ше вва́живъ, то мо́же й хло́пця назадъ привізъ би; свого чима́ло докла́въ.—Я васъ тимъ не

дорі́каю и ва́шого не хо́чу, а що давъ, то нехай мені на тімъ сві́ті запи́шуть. Отъ моя дя́ка — самі ми при чу́ствіи живемо́, та ще таки рі́дня зъ вами. Тільки на хло́пця свого не ду́же вди́влюйтесь—що то животи́ну ёму роспе́рло:—вели́кая ця́ця. Мене, моя паніматко, не такъ роспіра́ли, та ще—ба́чете—не зовсімъ довчи́вся, а то й рі́дний ба́тько не пізна́въ би. На те воно — скажу́ вамъ — и нау́ка зове́тця, що не да́ромъ прихо́дитця: тоді усі були́бъ розу́мні,—такъ ото й притика.

— Якъ же се воно́, Григо́рий Миха́йловичъ, щобъ дякъ за васъ положи́въ своіхъ гро́шей?—щось недові́домее, нехай буде вінъ и перерідний по ва́шому. Отъ, нашого дяка́, здае́тця, й кра́ще не ма на всімъ о́крузі, а що зъ ёго́ за сла́ва? Скільки я ему хлібомъ, я́йцями, курчя́тами передава́въ — а вінъ все такий же въідливий, якъ и спе́ршу: коли зострінетця, усе́: »чи не були бъ ви, Опана́съ Миха́йловичъ, ла́скові, борошёнця, або ще чого, одина́ково у васъ засіки лама́ютця одъ хліба.« То й звелишъ одси́пати, щобъ одчепи́вся.

— Звісно, Опана́съ Миха́йловичъ, вінъ нічогісинько не клавъ за мене, та се, зна́чить, надога́дъ буряківъ, чи нема́е капу́сти, щобъ підверну́тись до мо́еі ма́тері—а що вінъ брехавъ, я самъ те знаю. Мати, виряжа́ючи мене, дала́ ёму́ на смотри́теля и на вчи́телівъ, та тільки пе́ршому перепа́ло, й то не все, а сі й такъ—здо́рові були́—облиза́лись. Тимъ-то мене й почали зъ третёго класу въ пе́рший перетя́гувати.

Пора́явшись зъ дяко́мъ, мати попроха́ла ёго́ зно́ву одвезти́ мене до шко́ли. Я ба́чивъ, якъ мати полізла куди́сь, ви́тягла кашу́къ, дала́ гро́шей дяко́ві, щобъ вінъ одвівъ гнівъ смотри́телеві за мій побігъ; хотівъ постерегти́ ма́тіръ, та й зопнився: »нехай, ду́маю, підсипае въ дря́вий кашу́къ,—не наси́пле по́вний.«

На доро́зі дякъ мене—за се хочъ спаси́бі — предвари́въ, що́ мене жде. Ви́січуть, каже, до́бре ді́ло зроблять, не будешъ втіка́ти. Небійся—себъ то втіша́е: не ти пе́рвий, не ти й послідній, підпроси́ сікаря́—се бъ то вже ра́е, щобъ не ду́же бивъ, а може здобритця, по кожушку́ тільки бу́де ля́пати. Я такъ роби́въ, отъ же й до́сі живъ.

Якъ приіхавъ у го́родъ, се мене тутъ ще впе́рве спро́бували, яка на мені шку́ра. Я, недога́дливий, не підроси́въ сікаря́, отъ вінъ си́пле до́бріхъ, а найста́ршій изъ сере́дини кла́ссу покри́куе—»підба́въ, підбавъ, бо въ ёго шку́ра міцна́я, звісно мужи́цька, но́вую па́ньскую наши́емо.« Спра́вді—теперъ я, мабу́ть, въ па́ньській, бо тонкая та лиску́чая.

Отъ же швúдко я втя́гся, за и́грашки ста́ло. Спе́ршу, якъ ви́сікли, товари́ство почало́ погу́кувати: нашъ теперъ, нашъ Грицько. Яки́й, кажу, вашъ?—Не зна́ешъ хиба, що хреще́ний? а се жъ тебе недавно спо-до́били. Отъ що воно озна́чуе *нашъ*. Дальшъ уже всюде шло рімно ді-ло. Въ пе́ршому кла́ссі, о полови́ні року, появи́вся но́вий вчи́тель (пе́р-ший бувъ ще ми́лостивий), зъ Ки́ива, якъ каза́ли. А попа́въ вінъ до насъ за вели́кий ро́зумъ. Така́ була́ про ёго чу́тка, що вінъ знамі-рився узна́ти, скільки разъ ко́лесо обкру́титця поки доіде одъ ёго ро-ди́ни до Ки́ева (може версто́въ 100 було́): то спи́ці одніе́і не до-лічи́въ, помили́вся, а въ голові кле́пка яка́сь ви́пала. Отъ тобі! й ко́-лесо недоіхало до Ки́ева и ёго відтіля́ ви́гнали. Де ёго подіти? Взя-ли́ й присла́ли до насъ:—якъ разъ, ка́жуть, по тій шко́лі буде. Спра́в-ді—прийшо́вся, на́че тамъ бувъ.

Що ми ёму витіва́ли—одинъ Богъ зна́е, а що вінъ зъ нами ро-бивъ, що на тілі напи́сано, коли ціле въ кого зоста́лось. Разъ нара́-яли мене більшіі хло́пці:—ти, кажу́ть, якъ бу́дешъ проситись зъ кла́с-су за чімъ-не́будь, то не кажи́, якъ дру́гі, а ось що ви́вчи: domine magister, da mihi licentiam exeundi foras. Се бъ то по на́шому: гос-по́динъ вчи́тель, позво́льте мині ви́йти вонъ. Що тутъ, самі ба́чите, пога́ного? Я такъ й сказа́въ ёму́. — Да́йте ёму, ка́же, хло́пці, щобъ на́мьятувавъ, якъ до вчи́теля треба говори́ти. Спа́сибі ёму́—більше такъ не прохáвся зъ кла́су.

Сиди́шъ було́ у кла́сі тихо, ні до кого не обізве́сся—мене, мовъ, тільки не займа́йте, цуръ вамъ. Оцежъ який-небудь не посидю́чий, чи то ёму хо́лодно, коли зімою діло ведетця,—підниметця та й каже вчи́телеви: мене таки́й–то зоби́дівъ.—Положіть ёго—одвітить вчи́тель. То й погрію́тця моло́ді хло́пці. Вка́зували й на мене, доставáлось и мені, неми́лувавъ же и я іхъ—за що, ду́маю собі, даре́мне дерпіти?.. Цілий класъ було зобіжаемо одинъ одно́го.

Инший разъ принесе́ вчи́тель гармо́нику. Хто—пита́е—між вами га́рно гра́е? Обізве́тця яки́й прово́рний и почне́ ве́селоі додава́ти. А ми, ска́зано то дітво́ра—підемо навприсядки, ажъ пілъ трищи́ть, такъ дотина́емо. Усе забу́ли, якъ вінъ и муштру́вавъ насъ: »небий тільки насъ, ба́течку, а ми тобі, якъ вміемо — танцю́емо. Не вгоди́жъ ёму́ той, хто грае:—возьміть его хло́пці. Котрі підхопи́ли весе́лого хлопця, а котрі за ла́вки, сидя́ть мо́вчки, ждуть своеі черги́. Отъ тобі й весільная пісня — су́мно зро́битця на всёму класі. Зно́ву вели́ть гра́ти, зно́ву танцю́ють небора́ки, хто ще слізъ гара́здъ необте́р.

Вамъ, Опана́съ Миха́йловичъ, не дово́ди́лось на вікý таке весілля справля́ти?

— Чудне́е ва́ше, Григо́рий Миха́йловичъ, товари́ство. Зібра́лись би гýртомъ, та й ёмý оддя́чили. Я чува́въ, що такъ и робили де-де.

— Що ма́ете робúти зъ дурни́мъ чоловікомъ, коли вінъ у си́лі. Та дýрнямъ все ле́гко зъ рукъ схóдить.

Коли́ вже нічого зъ нами діяти, принесе́ було вьязку папіру, все спи́санного, се бъ то въ Кúеві списа́въ. Отъ и почне́ читати намъ; пітъ изъ ёго́ лле́тця, а вінъ чита́е:—розбіра́ете, хло́пці, пита́е. А якже, ка́жемо, се при насъ пúсано. Зно́ву читае, да́лі й спро̀сить:—а объ чімъ чита́лось?—мовча́ть, та ждуть, що съ того́ бу́де. Э, каже, вра́жі хло́пці—ви мене одури́ли, ка́жучи, що все дойня́ли зъ мого́ папіру — такъ щожъ, ябъ се то дýрень по ва́шому, признава́йтесь?—Инший й ска́же: ні ви, не дýрень госпóдинъ вчúтель—якъ то мóжна. Бре́шешъ, а на що жъ ви каза́ли, що розуміе́те усё, що я чита́ю.—Що тутъ ёму въ Бога каза́ти, самъ себе зрòбить дýрнемъ, а дрýгий виненъ. А зна́ете, Опана́съ Миха́йловичъ, дýрні усе палкій та́кі: щò не по іхъ, за́разъ тебе накри́е. Бачте — здогадуютця, мабуть, що вони таки справді неблагополучні въ своій головці. То й нашъ не спускавъ намъ.

За те, слýхаючи изъ тіхъ папúрівъ, які ми розумні були́! прiіду до ма́тері, вона́ мене усадóвить коло себе:—чита́й, каже, мені, оцю книжечку, а я послýхаю; на тежъ и въ шкóлу тебе віддала́—та й дасть яку нéбудь—псалти́рку, або и про свято́го пусте́льника. Чита́ешъ, чита́ешъ и помúлисся де-небудь—се частенько лучалось зо мно́ю—а мати до мене: оцежъ, ка́же, сúну, ти й дóсі чúтати гара́здъ не вмíешъ.—Я, кажý, матýсю, й не дýже долюблювавъ такі книжкú—Якъ то, моя дити́но, се ти ка́жешъ такъ про святі книжкú, що въ іхъ пúшетця про святіхъ лю́дей?—пропа́щая, каже, та дити́на! Не сёго я одъ тебе хотіла. Та й почне́ наверта́ти мене на свій ладъ — то нічóго не вдіе:—го́ді, кажу, не вже мені, молодóму, відь васъ старіхъ вчúтись—Грímати ста́не:—не застраща́ете, кажу, бо я не такі óстрахи ба́чивъ. Якъ пора́етця зъ добрими людьмú, то ті утихомúрять ii трóхи: »молоде́, кажуть—та тонке; вúросте—виправитця.

Оттакúй вже я бувъ малúмъ, Опана́съ Миха́йловичъ. Не дивýйтесь, коли́ úноді поба́чите духóвніхъ школярівъ не такими, якъ би хотілось. Усе свято́е обрúдне, якъ ста́нуть допіка́ти та въідáтись зъ нимъ. Поки не віддалú мене въ шкóлу, заста́вить було мати мене

моли́тись—га́рно було помолю́ся,—по дітськи, та помолю́ся—а теперъ? погля́нешъ на стілець—молитвенникъ, на другий—молитвенникъ; вхо́пишъ що почита́ти не духовного,—ла́ють, и більше доводитця. Якъ то радіешъ и́ноді, ви́хопившись изъ Бо́жого храму!! Що ви́шче йшовъ я по кла́ссамъ, все гірше було. Ро́зуму набира́вся, та добра цурався. Другіі мене зацура́ли.

Отже, якъ я підбілшавъ, и въ ви́шчі кла́си перейшо́въ, не ставъ лю́дей боя́тись,—запанівъ трохи.

— Ви́пьемо жъ, Григо́рий Миха́йловичъ, кажу́,—за те, що ви ослобони́лись тро́хи.

— До́бре, Опана́съ Михайловичъ, тільки не за па́нство. Бода́й—не верта́лось, три́чі бодай не веерта́лось!

Почало́сь мое па́нство съ того́, що мені стали дорика́ти: »мужи́къ ти, ка́жуть, сірий, ха́мъ«—и и́нше якъ: терпівъ я, та тре́ба було жи́ти зъ ни́ми. Що ма́ешъ робити? іхъ багато, а я одинъ межъ ними: му́сивъ гурту держа́тись. Та й присягну́въ у іхъ би-то общи́ну.—Робилось се такъ.

Ба́чу я одного́ ра́зу, зібра́лось товари́ство куди́сь ити́.—Куди се ви, пита́ю іхъ. Не про тебе́ річъ—одві́ту́ють. Сякъ-такъ пота́ргся и я за ни́ми:—гляди́жъ, кажуть, роби́ те, що ми роби́тимемъ. Ви́йшли за го́родъ, пройшли́ версто́въ съ пьять и останови́лись передъ хрестомъ. Здиймайте, ка́жуть, шапки́. Позди́йма́ли; а одинъ найглавніший між товари́ствомъ и ка́же: »підъ симъ хрестомъ поко́ітця вели́кий чоловікъ, сподви́жникъ Тара́сівъ, коли не самъ Тарасъ, що упоко́івъ ляхівъ одні́еі ночі. Помянімо жъ вели́кого чоловіка до́брымъ діломъ—присягайтесь, това́риші, що бу́дете дру́жно жи́ти, своіхъ невидава́ти, я́бедниками не бу́дете передъ нача́лствомъ... Цілу́йте хрестъ.« Ми й поцілува́ли. Таки га́рно було́ подиви́тись—висо́кий муро́ваний хрестъ одинъ собі на широ́кому полі, а передъ нимъ товари́ство; яке е ні е, а все товари́ство! Отто я й присягну́въ, отто й мене за свого ста́ли почита́ти.

— Те́пле жъ, бачу, ваше това́риство. Не гріхъ було й приста́ти до ёго́.

— Тéпле то тéпле, та чогóсь не достачáе. Ставъ я за еднó зъ хлóпцями. Воní въ попи́ готýютьця, и я туди пхáюся. Зробúтися попомъ—не було для мене крáщого. Дурний я!—ті духóвні на те родúлись, щобъ попáми бути, а я—бáчте—сíрий тудúжъ за нúми. Каюся та не вéрнетця. Ужé й дячковські треби ставъ справлúти заздалегóдi. Попи́ прочýли, що я тежъ знамірáюсь по духóвному пітú, стáли придивлювáтись до мене, а одинъ зовсíмъ таки бравъ до себе на прáзники.

— А мáти жъ вáша, Григóрій Михáйловичъ, ви до неї й неíздили?

— Зáбувъ вамъ и сказáти, мáти змéрла, якъ я перейшóвъ въ вúшчі класи. Умірáла и приказувала менí шануватись:—шануйся моя дитúно, кáзала, хотíла бъ бачúти тебе велúкимъ пáномъ, та, мабуть, не доведéтця.« Й поручúла мене тому сáмому дячкóві, що привóзивъ до шкóли. Стíльки вже я ёго й бачивъ.

Кінчáючи послíдній классъ, я знамірився пітú въ святúй Кúевъ, Бóгу помолúтись, угóдникамъ ёго́ поклонúтись, щобъ помоглú менí—кáжучи святимъ словомъ — підняти на себé все тя́жке брéмья.

— Ви, кáжете, знамірялись пітú въ Киевъ: булúжъ тамъ? Менí вже двічі довóдилось бувáти.

— Що съ тóго, Опанáсъ Михáйловичъ, що ви тамъ булú. Звинúйте менí—на галóкъ подивúлись, ще й москалéві за те заплатúли? На печéрську дзвінúцю сходúли за копíйку? А що бáчили? Дніпръ широ́кий, та бíльше нічóго; а тамъ колúсь люде жили, не такі мéртві, якъ теперъ.

Повернýвся я изъ Кúева, порá було й класси покидáти. Знóву товарúство зібрáлось попрощáтись въ остатнíй разъ. Начáльникъ якýюсь річъ сказáвъ намъ, про те бъ то, якъ попýвати:—піддержíть, каже, й мене, докажíте усíмъ, які́ зъ васъ попи́ гáрні вúйшли.« Дóбре—дýмаю—не посковзнýся й я. »Смíло вúйшовъ я въ свíтъ —давáйте, мовъ, попівство за двинадцатилíтню наýку. — Та й не далú, Опанáсъ Михайлóвичъ!!

— Якъ се такъ вúйшло, Григóрий Михáйловичъ?

— Простíсінько! нічóго й рóзуму дýже докладáти:—не вписáли въ духóвне звáние.

— И пустéлница вáшій мáтері збрехáла?

— Эге, збрехáла.

— Щожъ ви теперъ мáете робúти?

— Пора́йте, Опана́съ Миха́йловичъ.

— Жени́лись би, кажу́, взя́ли бъ яку́ на́ську дівчину, та й жили́ бъ, зга́дуючи старовину́...

— Ні вже, сёго́ не бу́де. Пригле́дівся я до іхъ и у ва́шому селі,—то до́ля бъ була, якъ би одружи́тись зъ которою: та—ба! Дивлю́ся я разъ на одну́ дівчину, та й кажу ій—»пішла́ бъ ти за мене за́міжъ? бачъ—я одино́кий.—А вона́ ода́зуе мені: »жарту́ете ви, бі́льшъ нічо́го,« та такъ на мене поди́вилась, такъ поди́вилась... Ду́же чиста и нерімна ти для мене,—ду́маю собі. Оттаке́-то! я чужи́й між своіми рідними; куди пха̀вся—не прийняли́, а тутъ и прийму́тъ, та самъ не йду́. Спа́сибі й ма̀тері, та що зъ того̀—вона якъ лу́чче бажа́ла. Усімъ спаси́бі, та самъ я дурни́й бувъ—полізъ куди не слідъ. Мене зра́дили, мене зацурали, отже това̀риші моі живуть,—ще якъ живу́ть. Духо́вні зроду,—імъ и діло другée. Не тіхъ вина́, що мене вчи́ли, може й що́ро вчили, та не свого хло́пця вчи́ли.

Проживу́ я віку, Опана́съ Миха́йловичъ, на ва́шому селі, якъ небудь та й бу́ду пха̀тись впере́дъ. Рідного села́ не хо́чу й ба́чити; тамъ ще, одъ сме́рти моеі ма́тері, опе́ка якась. Нехай моі ста̀рші брати́ господарю́ють, та ба́тька свого зга́дують, а я бу́ду ма́тіръ помина́ти.«

Отъ що роска́зувавъ мені Григо́рий Миха́йловичъ:—не все ще, каже було вінъ; бо, казавъ, багацько слухати, та нічого говорить: ори, мели, іжъ, та меншъ говори́—казала мині покійна мати«.

Щось роківъ съ пьять вінъ бувъ у насъ за вчителя; не те, щобъ до ёго усі віддавали своіхъ дітей — дякъ и такъ трохи не оглумівъ; лиха година, каже, его сюди принесла; — а оце приміромъ, мій небожъ, та ще чий хлопець, учатця въ ёго:—тутечки и вся ёго школа. Віддаючи ёму свого небожа, я запитавъ ёго:—А щожъ, Григорий Миха́йловичъ, звиняйте, шкода й хлопця бъ віддавати: невірою зробите, якъ самі нічому не вірете на світі.—А самъ, дивлючись на ёго, смію́ся.

— Вінъ и каже мині: »то стара була дурниця; то дуже вже мені допекли; щебъ трохи, то й справді зробився бъ невірою; теперъ

хвалити Бога, вийшовъ зъ школи—то й ближче до людей и до Бога. Не бійтесь, Опанасъ Михайловичъ.«

— Отже ви вспражки, кажу; а я тільки пожартувавъ. Ви въ мене гарний чоловікъ, розумний,—долі вамъ Богъ не давъ, та й безъ неі, вертючоі, обійдемось.

А небожу ось-що було кажу:—гарно тебе учить Григорий Михайловичъ?

— Гарно.—Розумнимъ хочешъ бути?—Эге,—розумнимъ, такимъ якъ вчитель. — А хотівъ би тамъ вчитись, де Григорий Михайловичъ?—

— Хотівъ би, дядечку.

— Брешешъ, небоже: може ти помилився, не те хотівъ сказати. Козакомъ, мабуть, хочешъ бути? Козакомъ зроблю, а въ ту школу не віддамъ.

Вже й небожъ козакує, вже одні кісточки зостались за Григория Михайловича, а мені ёго жаль, крішко жаль. Якъ сёгодні бачу—білявий. чорноусий, въ сивій шапці, усе мовъ объ чимъ гадае. Объ чімъ же ти гадавъ, мій голубе?.. Ти не бувъ винен, що світъ відъ тебе закрили.

II.

ЗАКЛА́ДЪ.

Засіявъ чоловікъ про́сомъ польце́—не вроди́ло просо; ви́йшовъ подиви́тись—ажъ за голову обома руками ухопи́вся:—тамъ кущъ, тамъ кущъ,—ка–зна–що таке́; подиви́вся та ажъ плю́нувъ.

— Отъ тобі й насіявъ, каже, ні попу́, ні дия́волу.

А чортъ за́разъ якъ вроди́вся пе́редъ чоловікомъ (хитріи вони́, га́спедові дітй).

— Одда́й, ка́же, мині!—воно́ мині згоди́тця.

Подиви́всь чоловікъ ще разъ на по́ле—ще гідшенъ воно́ ему́ здало́ся, а ніжъ зпе́ршу.

— Бери! каже: хай воно́ тобі прова́литця!

Та й пішовъ до–дому.

Днівъ черезъ скільки, не втерпівъ чоловікъ:—піду, ду́ма, подивлю́ся, що́ чортъ зъ тимъ про́сомъ вдіявъ.

Пришо́въ на по́ле, ажъ про́со такъ и зеленіе, такъ и розлега́етця, по́вне та хоро́шеі—Вда́рився чоловікъ объ по́ли рука́ми.

Пришо́въ до до́му та и роска́зуе жінці, якъ чортъ ёго одури́въ.

Ви́лаяла ёго жінка попе́реду якъ слідъ, а по́тімъ.

Поба́чимо ще хто кого́ оду́рить, ка́же, иди́ та скажи чо́рту, що ти ему́ по́ля не оддава́въ.

— Та якъ же? чортъ же самъ чувъ, якъ я каза́въ що оддаю́ ему поле.

— Дурню, дурню! та ти скажи́ ему́, що то ти такъ, шутку́ючи, говоривъ.

Потімъ ба́читъ жінка, що чоловікъ мне́тця та го́лову чу́хае, — розсе́рдилась та якъ закричи́ть:

— Иди́–жъ! кажу́, та якъ не одбере́шъ по́ля у чо́рта то я тобі усю́ го́лову оскубу́!

У стра́ха о́чи вели́кі, а чоловікъ жінки боя́вся якъ огню́: побігъ трушко́мъ на по́ле; прибіга́е, кли́че чо́рта.

Вилізъ чортъ. Чого́ тобі? пита́.

— Адже я тобі, чо́рте, по́ля не оддава́въ.

— Якъ не оддава́въ?

— Та такъ–же.

— Ахъ ти, сякий такий сину, хиба-жъ ти не самъ казавъ, що вступаешъ мині поле?

— Та то я такъ, шуткуючи.

Змогався, змогався чортъ, чого то вже вінъ чоловікові не говоривъ: и просивъ и лаявся — ставъ чоловікъ на однімъ: не оддававъ тобі поля та й годі. (Та й де було чоловіку не впертись, коли ему здавалось, що ззаду жінка стоить и хоче ему волосся пригладить).

Бачить чортъ, що зъ чоловікомъ нічего не вдіешъ — пустився на вигадки.

— Слухай же! каже чоловікові, коли вгадаешъ на чімъ я буду іхать, то твое поле, а коли не вгадаешъ, то вибачай.

— Добре, одвітуе чоловікъ, та вгадуй-же й ти на чімъ я буду іхать.

— Добре, каже чортъ: та якъ я вгадаю, то хочъ би ти спершу и вгадавъ на чімъ я іхатиму, а поле мое.

— Бачъ, діяволівъ сину, який договіръ поставивъ! ну та нехайже—що буде те буде.

Пійшовъ чортъ козу осідлавъ и іде.

Порівнявсь зъ чоловікомъ, подививсь на него окоса та й питае:

— А що? на чімъ я іду?

— Дурний ти, чорте! одвітуе чоловікъ, се-жъ и малі діти знаютъ що чорти завжді на козахъ іздять.

Крутнувъ чортъ носомъ, почухавъ у потилиці и каже:

— А щобъ же ти сказився, клятий недолюде! а ну лишень шукай собі такого звіря, щобъ я не вгадавъ. — Сучий синъ буду, коли не вгадаю.

Сівъ чоловікъ верхи на жінку до переду задомъ; роспустивъ ій коси—се бъ то хвістъ—та й іде передъ чортомъ.

Дививсь, дививсь чортъ:—що за вража мати!—на чімъ чоловікъ іде?—хвістъ е, а голови чортъ-ма, на чотирохъ ходить и ноги такі, що ні въ одного звіря такихъ не бачивъ.

Міркувавъ, міркувавъ чортъ, а далі й каже чоловікові:

—Хай тобі бісъ! бери й поле,—тільки скажи, будь ласкавъ, на чімъ ідешъ, бо ій Богу не вгадаю!

— На жінці,—одвічае чоловікъ.

Чортъ ажъ плюнувъ.

Миколайчикъ Білокопитий.

III.

ДВА ПРИЯТЕЛІ.

Лучилось разъ мені іхать зъ дідомъ черезъ лісъ. Дідъ бувъ говіркий собі; отъ ми зъ нимъ й гуторемо то про се, то про те. Коли біжить щось ззаду, мовъ несамовите, шкапою, візкомъ. Дорога була узенька,—коли знаете, вона йде въ Лютеньки на Лисівку. Чоловьяга, парівнявшись зъ нами, дебъ звернуть трохи,—куди тобі! тилько що або свого, або нашого, возка не перекинувъ, чи не вломивъ вісі. Дідъ и каже: »ну щобъ звернуть! мовъ не бачишъ, який узький шляхъ? Той щось замуркотавъ,—чуть, лаетця ще,—а, видно, добре й пьяний,—хитаетця на возі. Я нарошне на ёго крикнувъ, тоді вінъ схаменувся, та давай шкапу поганять, давай шкапу поганять; біжить сердешна, а вінъ соваетця на возі, ажъ шапка зъ ёго спала.« Отцёго, — озвався дідъ, »було бъ не гріхъ трохи й повчить.«—А мабуть тобі, старий, бувала така приведенція? — кажу, щобъ ёго зъохотити росказать що-небудь.»—Бувало! Ходячи по дорогахъ безъ того не пробудешъ.«

»Мені,—начавъ вінъ,—на моему віку, черезъ сварку два чоловіки дякували, й поробились приятелями.

— Якъ се?.. та справді?

»Коли жъ такъ. Ось слухайте, якъ воно було. Іду разъ зъ чумаками,—возівъ въ насъ було до десятка. Се проти насъ тюпа чоловікъ верхи,—отъ якъ и сей,—несвіжий. А дорога узька. Вінъ и причепись: »звертайте!« »Схаменись,—кажемо:« де се видано?.. ти—верхи, а ми—волами, ще й на возі: хто тобі зверне? Ідь, коли хочъ, зъ Богомъ; відчепись.—Вінъ—ні, та зъ коня, та до мене зъ батогомъ. Я, не бувши лиха, попавъ его за чуба, та давай шмагать ёго жъ и батогомъ; вінъ пьяний й до мене, такъ дуже вже набрався,—впавъ та тілько сопе, й що хоче зхватитьця, то я ёго й придержу; бо бачу, що якъ вивернетця, то й мене лиха година не мене. Покинули ми ёго,—поіхали. Тутъ де-хто насъ товаръ й бачили, якъ я зъ нимъ вовтузився.—Спасибі вамъ, дядьку—кажуть, що хочъ ви таки провчили трохи такого сина. Тутъ такий тобі скажений, що нікому не спустить,—нікому не стоіть въ броду,—десятою дорогою ёго обходь.

Черезъ годъ ми іхали черезъ село, що тутъ таки було недалеко.

Зайшовъ я въ шинокъ випить осьмушку. Дивлюсь—мій сватъ, що я відшколивъ торікъ, сидить. Я вглядівъ ёго, та нерадъ уже що й зайшовъ,—мерщій випивъ та й вийшовъ зъ хати,—вінъ за мною.—»Постійте, каже, дядьку! Я васъ чогось спитаю—Кажи. А (собі на думці: отъ, лихо мене занесло! ще якъ причепитця. »Чи ви,—пита, не іхали торікъ объ усёму уремьі черезъ се село?« —Та вже думаю таки не битеме, бо тутъ недалеко й вози наші. —Іхавъ, кажу; а що? »Чи–то ви мене тоді трохи почастували?« (Де вже въ дідька трохи!)—Я,—бо самъ еси виненъ. »Спасибі вамъ, дядьку, що повчили,«—та ажъ поклонився, знявши шапку. »Ви мені добру нотацію дали. А то було, якъ упьюсь, вже й не пройде, щобъ лишъ-гляди зъ кимъ не полаявсь, або й не побився.

Потімъ ставъ прохати насъ до себе,—пішли. Насъ шанують, мовъ якихъ и спражніхъ гостей. Батько якъ почувъ, про те діло, та й той мені дякує. Каже: не ставъ вже й у грішну вкидатись. Просять не минать коли ще іхатимемъ. Й були ми опісля ще разівъ два.

Зъ другимъ же я побратавсь ось якъ. Ідемо пізно, а на дворі таке, що лиха година та й годі: вітеръ, дощъ, ожеледь й холодъ, — очі ажъ злипаютця. Стоіть коло дороги постоялний двіръ. Я підъ вікно,—ставъ впрошуватись. Хозяінъ озвався,—не пуска. »Та глянь на Бога,—кажу: хиба не чуешъ яке на дворі бъе?—Ні, не відчиня. Я взявъ зъ воза дрюкъ, що підважують та давай у двери грюкать. »Коли, гукаю, по чести не відчинешъ, то сучий синъ буду, коли не відібъю дверей. На те въ тебе постоялний, щобъ страннёму було пристанóвище. Не пропасти жъ на дворі. За сіно, за овесъ и за кватирю я заплачу. Хозяінъ чуе, що не шутка—одягся, та відчинивъ двері та до мене: »Чого ти заходився сякий–такий?« Ні, кажу, не поживиться: коли хочъ оступись, а то такъ и оперещу. Бачить, що битись не вдаетця,—насъ чоловікъ 10, а вінъ самъ зъ сімъею,—тоді давай лаять. Я ему тожъ не мовчу. Далі вінъ и притихшавъ, відперъ ворота. »Оттакъ (я ёму), тибъ и давно, вражий сину; це жъ не кому—тобі прибиль. Може я въ тебе возьму й горілки. Далі, далі огу хозяінъ мій: вже годі мордуватись. Сміетця, та на жінку—(въ хаті засвітили)—а ну лишъ, вийми зъ печі що тамъ е, давай подорожнімъ людямъ вечеряти. Посідали ми, взяли въ ёго півкварти. Сміемось собі, хазяінъ—то жъ, почастували й ёго, звісно. Мовъ тобі не той! Вранці намъ дали добре поснідать солонихъ огірківъ зъ олією та зъ цибулею, бо бувъ пісний день. Й за іжу и за ночлігъ нічого не взявъ.—Не минайте, ка-

же, добрі люди, й уперідъ. Вибачайте, що я вчора нагомонівъ.—Й опісля було коли не заідемъ, такий приязний до насъ, що луччого й не треба, и бере за все недорого.

Таке–то мені приводилось на віку!«

Гадячъ. **С. Мітла.**

ДЕ–ЯКА ПОДРОБИЦЯ.

(Зъ поводу »Живописної Украіни.«)

Добра тая річъ, якъ у хаті пічъ.
Добра тая рада, де щирая правда.

Перегледівши обличчя и одежу, що високоповажний добродій Л. Жемчужниковъ заявивъ у своій роботі (Живописна Украіна), треба напередъ усёго подякувати ёму за такую послугу по новому ділу для нашого краю. Обличчя й одежа у кожного народа — свої; показавши видъ нашого чоловіка, разомъ зъ одежею, Л. Ж. уже зазнакомлюе зъ нашимъ людомъ; а тому, хто знае житте и побитъ нашого народу, спереду, зъ давнихъ–давенъ, тому и геть–то, и багато дечого, покаже; не въ чімъ и чоловікъ перве–на–перве показуе себе, якъ не въ одежі: чи перейме що путне, чи дойде до якихъ великихъ перемінъ, чи наберетця розуму, а на одежу скорій кидаетця; зазнався съ кимъ, побувавъ де, чи лишня копійка замулила, уже не нащо бье, якъ не на лучшу одежу, по моді, зъ усякими прикрасами. Убранне чоловіка — его душа зверху. Хоть и кажуть у насъ, що *чоловіка по одежі стрічають, а по уму випроважають*, дакъ се кажуть, що одежа буде хороша, а товку мало; буде зверху хороше убранння, а душа буде негарна, небогобояща. А розбери по передуодежу, то, гляди, и до душі добересся, и до роботи чоловіка. Нетілько одежа водилась по толку, приміняласъ до климату, до роботи, нетілько зъ одежі видно роботу—діло чоловіка, а й достатокъ и всякі вигадки. *Добра, каже, такого:—не знае въ чому й сходить.* По достатку и по убожеству чоловікъ и одягаетця. Нетілько одъ сего, да одъ того одежа переміняетця, а переміняетця вона зъ кимъ знаетця чоловікъ, або й цілий народъ. Народъ зъ народомъ еднаетця,

живе по сусідству—вінъ и миняється одежею, піде й мода на нову одежу. Торги, бурги, прасольство и всякі оказіи людей зъ людьми—парують, однимъ міромъ мажуть. Такъ-то виходить, що одежа ціла одповідь душі чоловіка—єго життя.

Думаючи такъ про одежу, скажу теперъ, що одежа—велика підпомога, такъ-якъ и живе слово, въ тімъ, щобъ дознатись, добуть прежнього життя; дознатись усякихъ оказій зъ нашими предками, съ кимъ вони еднались; и те, чого недознаешъ, не добьешся изъ живого слова, ихъ стародревніхъ бумагъ, поповнитьця одежею, постройкою и всякимъ добромъ хазяйськимъ.

Не то одежа, а й обличчя народа—видимий казень єго життя-битя; по виду догледишся и родства зъ другими народами, и знайдешъ домашніхъ, тутешніхъ людей, зъ своіми родовими чистими обличчями. Изъ одного обличчя чоловікъ ученний вичитае рідъ, порідню, рідню зъ другими народами и добавить, або й підкрепить те, що дознавсь изъ усякоі всячини. Такъ-то! обличчя—друга одповідь чоловіка, або приповість про народъ, хто вміе отгадать; такъ якъ та загадка глаголе: *біла рілля—чорне насіння, хто вміе—посіе, хто зна й одгада.*

Найшовши приключку погомонить про коштовний трудъ в.-п. Жемчужникова, ми, що здумаемо, роскажемо про нашихъ людей, чи то-пакъ, про іхъ одежу, якъ вона и де вона не однакова.

Нетілько на обличчя селянъ, на іхъ одежу, а й на другихъ людей, треба доглядатьця, щобъ угадать якъ и вони, якою дорогою, йшли, и яка одміна въ нихъ проти селянъ по одежі, по обличчю. Міні здаетця, що придивлявшись до обличчівъ, треба вибірать зразки правдиві тутешні, и ті, на якихъ видно підмісь чужої особливої породи. Правдиве нашинське обличче покаже. свій образъ; а съ підмісью — покаже свій; покаже й те, якъ и який народъ, парувавшись зъ нашимъ, прилучивъ особливу одміну въ самородніхъ обличчяхъ; підписавши підъ симъ ще й міста, де такі люде живуть, повістникуу буде підмога при єго роботі, и вінъ угадае якимъ побитомъ сее сталося. Дакъ отъ, намъ здается, щобъ гарненько розібрать оклядъ лиця нашихъ людей и крой одягу, треба поділить роботу на двое: у селянъ и у міщанъ; передивлюючись, треба и вдруге поділить роботу на двое: списувать тутешні чисті обличчя, и мішані. Списувать особливо у тихъ и въ тихъ предковську одежу, и захожу.

Изъ такоі роботи вийде те, що ми угадаемо, якъ обличчя и одежа селянина и міщанина зложилась; а зъ другоі половини роботи ми уга-

даемо, якъ, на обличчі и на одежі селянъ и міщанъ, оддалась чужа сторона, чужі люде; на які поділи ділитця нашъ народъ и чимъ одинъ поділъ різни́тця одъ другого.

Коли ми до сёго догле́димось, тоді ми угада́емо ми́слі нашихъ людей по одній струні ёго добра—оде́жі; а изъ о́писі самихъ обли́ччівъ угле́димо, якъ парува́вся и зъ якими людьми, на́шъ на́родъ. На всякихъ міста́хъ е свої оби́чаі, попада́ютця люде зъ своіми обзаведе́нціями, реме́ствами, спіхомъ, оборо́тливостью; розу́мний чоловікъ изъ по́биту ко́жного міста ви́веде и розми́слить, одъ чого кожне місте́чко живе своімъ добро́мъ, своімъ но́ровомъ.

Ве́штавшись поміжъ своіми людьми, я укмі́тивъ, що нетілько у селянина и міщани́на на виду, на обли́ччі, есть своя одмі́на; а й сами селя́не по вся́кихъ се́лахъ, и сами міща́не по всякихъ городахъ, и містечкахъ, різня́тця поміжъ собою. На моі очі, де я проізжавъ по Ха́рьківській пала́нці, міні сдава́лись селяне зъ широкими обли́ччями; селяне верхо́вихъ повітівъ Черніговської пала́нки—Литвини́, одрізня́ются своімъ обли́ччямъ одъ Конотіщівъ, Ніженцівъ, Роме́нцівъ. Свою одміну можно знайти міжъ Чигири́щями, Уманцями и міжъ дру́гими степовика́ми и городовика́ми. Иноді бувае такъ якъ одрізане село одъ другихъ поміжнихъ селъ и обли́ччямъ и оде́жею и мо́вою; отъ и можно ду́мать, що переселе́нці, ви́селки цілимъ селомъ перейшли, та й сіли слободо́ю. Попівці Конотопськ. повіту, зразу, такъ мовъ різцемъ одрізані мовою, ходять въ яломка́хъ. Нетілько свої лю́де переселя́лись зъ одного міста на друге, а й дру́гі люде переселя́лись, отъ хоть би й Воло́хи; де вони перемі́ша́лись зъ нашими, тілько чоловікъ поди́витця міжъ такими людьми́, зразу укмітить, що не такий народъ и на виду, и не такъ завьязуютця и призвища людей якісь чудні. Звісно, хоть народъ и перемі́ша́вся изъ нашимъ, *а все таки чужа кровъ вопіе*. Поміжъ міща́нами найдешъ свої обли́ччя, и більше одміни ніжъ у селя́нъ; отъ, хоть би узять и въ Ніжені: тамъ обли́ччя у міща́нки свое, чи воно тимъ що Греки перемі́ша́лись зъ ними. Міщанинъ, торгу́ючи по вся́кихъ міста́хъ, їздить по вся́кихъ усіда́хъ, скорій спару́етця, зъе́днаетця съ чужимъ чоловікомъ. Усякі місте́чка наші у старовину́ торгова́ли, такъ якъ и теперъ торгу́ють, и сами зьізжа́ли по прасольству́ и до нихъ наіздили зъ усякихъ містъ. Недалекимъ переказомъ можно взять хоть би й Батури́нъ, Глу́хівъ, — якої тамъ мішани́ни нема, якого тамъ лю́ду небуло за Гатьма́нство, якъ гатьмани́ проживали: тамъ изъ усякихъ сторо́нъ народъ збіра́вся и для

служби и для торгівлі. Узять яке небудь Сміле Роменськ. повіту: съ кимъ воно не торгу́е: кожу́хами изъ самою По́льшею; рядовину посилае на Дінъ, килими́ тчуть розсилають; Оліше́вка козелецьк. повіту сла́ла чоботи у Бобру́йскъ; Ичня, Конотіпъ, — хиба мало такихъ місте́чокъ по всій Украіні: куди вони своіхъ чобітъ не посила́ють, куди лі́жниківъ не шлють!

Міща́нство по тепе́рішніхъ містечкахъ (а прежніхъ сотеннихъ городахъ) перейма́ло Магдебурські права и хотіло жить такъ якъ жило міщанство по вели́кихъ Украі́нськихъ города́хъ: то по Черні́говахъ, то по Кіевахъ, Перея́словахъ. Сее Магдебу́рськее право давало імъ свій стрі́й; тимъ вони уже и гнуша́лись про́стого люду, не рівняли себе до селя́нъ, наближа́лись до панівъ, и почита́ли себе за яки́хсь лу́ччихъ людей. И теперъ селяне не лю́блять міща́нъ, а міщане селянъ. Міщанинъ узива́е селянина — очку́ръ, чубрі́й; а селянинъ міщанина — салогу́бъ. И теперъ ще по містечкахъ у Мені́, и по дру́гихъ, цехові́ порядки не вивелись, и ті заведе́нціі підъ пра́зники, якъ міща̀нство при ша́бляхъ и въ своіхъ наря́дахъ зъ коро́гвами и значка́ми сла́вить празникъ який; отъ, хоть и въ Ні́жені: тамъ що на́йбільше заде́ржались пре́жні поря́дки, тамъ кожний цехъ и образи́, и коро́гви, и ставники́ своі мае.

Дакъ не ди́во що уся́кі про́мисли, прасольство́, прихо́дъ стра́ніхъ людей, Магдебурське право, одрізни́ли міщанъ одъ селянъ въ обличчи, и въ одежі. Видно вже и въ старину міщани́нъ не ду́же то бравъ собі па́ру изъ селя́нъ, бо то по іхнёму очкурі́, мужики́.

Про одежу и каза́ть нічого, якъ вона переміняетця по міста́хъ. Нетілько переміняетця те, изъ чого одежа шиетця, а й са́мий крой оде́жі. Проідь одъ краю и до краю нашоі Украіни, то й поба́чишъ, одъ ша́пки и до чо́бота, одъ платка́ и до черевика, або постола́: усюди своя одміна. Поглянь на ша́пку степовика́ Ха́рьківця—родъ кабардинки стари́нноі и поглянь на ша̀пку городовика Литви́на; а поки ти проідешъ сей путь, то й поба́чишъ стари́нні шапки́, що теперъ виводятця, висо́кі зъ плисовимъ верхомъ и зъ ширі́нькою на сму́сі; поба́чишъ по Конотопському повіту високі ку́чми и просту ша́пку зъ суко́ннимъ вершко́мъ; побачишъ и капелю́хи; та що й казать, — якоі ша́пки ти не поба́чишъ, не кажу у міща́нства; у міща́нства буде свое; така жъ ку́чма у міщани́на Конотопського, якъ и въ селяни́на; така да не така: то буде по сво́ему поши́та, а міща́нська—родъ камела̀вки попівськоі. Візьми ти чо́бітъ, (що на що вже той чо́бітъ), и тутъ бу́де одъ про́-

стого юртóвого чóбота до усякихъ цяцьóкъ на чóботяхъ, съ підкóвами, тупонóсі и гостронóсі; до черевúка, до кóженця, до лáптя; найдешъ усюди свое. Візьми черевикъ у Нíженськімъ повíті: якихъ тамъ цяцьóкъ та мережóкъ не повирóбловано. Одъ кирéі и до сорóчки; кирея буде якъ кирея да відлóга буде не тáка, ýші у відлóги бýдуть позалóмлювані; и якúхъ тамъ прикрáсъ нема: усе білими нúтками пастрикгóвано; а свúта буде и зъ малéнькими збóрами и зъ широкими рясни́ми склáдами: буде роскошна така, що Боже, а сорочка тамъ буде зъ кóсими рукавáми, зъ стоячимъ узéнькимъ комірцéмъ, а тамъ—чохлáта.

А про жонóчу одежу: пóглянь на повьязку Задніпрóвську зъ хвостáми, кінці висять, у насъ би сказáли: такъ якъ у відьми; поглянь и на повьязку Кролевецьк. повіту: тамъ завьязуютця родъ чалми́, такъ якъ старі жидівки завіртуютця, або й циганки́: намотáе, намотáе на голові платóкъ; и поглянь упьять на чепурнéньку повьязку Конотопськ. повіту, або й Борзéнського; хоть и міжъ ними есть своя одмíна: по Конотопськи вище платóкъ складáетця, а въ Борзéнськімъ повíті нúзче; а до міщанокъ и прирівнювать нíчого: тамъ найдешъ повязку мовъ корáбликъ дóвгенький на голові,—такъ вúвьяжетця. Одъ черевúка простого, до жовтúнця, до бóсої ноги и до лáптя, такъ якъ бýдешъ іхáть, такъ и бáчитемешъ перемíну. Одъ свúти білої, що похожа на кýнтишъ, и до карсéтки; одъ плáхти закладáної, шовкóвої и до спідни́ці чирвóної за Черні́говомъ; а поки доідешъ, то ще побáчишъ и трúчі пúсані, ті, що у Прусівъ (Борзенск. пов.) тчýтця. Багато такъ, що й сказать немóжна, одміни.

А, міщáнство!—у нихъ своя одежа; у нихъ чекмíнь родъ халáта панського, чимбáрка сукóнна, жупанъ дóвгий, юночки́ усякі; чого не побáчишъ, поки перегледишъ усюди по городáхъ. А міщáнки: одъ шушóна, одъ халáта, одъ батýринки, що станъ на спинні, по московському крою, одъ колпáка, що носили міщанки́ преже въ Полтáві (не знаю теперъ) и до повьязки корáбликомъ, зáйчикомъ, усякъ. Одъ шубéекъ сібірковихъ нíженськихъ зъ комірáми лежáчими зъ білячими хвóстиками—родъ шенéлей пáнськихъ, и стоячими; одъ шубéёкъ зъ дурновісами и до всякихъ зразківъ и кроівъ. Багато, и сказáть немóжна, якъ багáто и міжъ сáмими міщáнами одмíни въ одéжі. Опрічъ того, що переймáють, и заходять зъ усякихъ містъ кроі; теперъ прóсті зъ Дóну занóсять: *вона, каже, по Донському налúзники нóсить.*» Було й таке, що давáлось одному́ гóроду за яку нéбудь послýгу: »кажуть бй то, у Нíжені, міщанки ходíли у смушéвихъ козачихъ висóкихъ

ку́чмахъ; кажуть би то, імъ дало́сь спре́жду колись, за підмо́гу чолові́камъ въ оборо́ні го́рода одъ непрія́теля. И опьять, шапки́ жоно́чі, що те́перъ ви́велись, були въ Коното́пі, родъ тепе́рішнёї чоловічої ша́пки зъ уши́ма, дакъ вони́ були́ соболе́ві, а вершокъ оксами́тний,—по достатку, звісно, роби́лось. Такъ якъ теперъ мо́да вихо́дить изъ столи́ці, такъ коли́сь, ви́дно, на Вкраіні, изъ великихъ городі́въ у дру́ги переходила, а найпа́че изъ такихъ, якъ Бату́ринъ, Черні́говъ, Глу́ховъ. Юпки бату́ринки изъ Бату́рина перейшли́ у Конотіпъ. Нети́лько оде́жа своя переходила изъ одного́ міста у дру́ге; а въ оде́жі на́шій стари́нній ви́дно ру́ку азія́тськихъ краівъ: нетілько повьязка Кролеве́цького повіту родъ чалми́, або Заднііровська—хвиста́та, у жіно́къ; а въ чоловіківъ штани́, шапки́ кабарди́нки, пре́жні черке́ски зъ вилётами, низька стри́жка голови зъ осели́дцемъ, на той шта́лтъ, якъ жидова́ стриже́ низько го́лову, и Татарва вибрива́е посередъ голови́. Такъ и видно, якъ посмякнёшъ, що бага́то де́чого у насъ перейшло́ изъ азіятськихъ краівъ; нащо вже, якъ весілля гуля́ють: и то обря́ди похо́жі въ сімъ ра́зі зъ обря́дами у Білого Ара́па, въ алжи́рськихъ краяхъ. Хай хто знае наше весілле, прочита́е: Запіски Путеше́ственника по Алжиріи. (Библіотека для Чтенія), той самъ поба́чить, якъ похожо. Ска́жемо однимъ одру́бомъ, що ті захо́жі чужі лю́де, и Гре́ки, и Воло́хи, а може й Німці и Серби, що міжъ нами живу́ть, або й зовсімъ перемі́шались, запра́вили одміну нетілько въ оде́жі, и въ постро́йці; до насъ и зъ До́ну, и зъ дру́гихъ краівъ, чи ма́ло позахо́дило. Переіздивши Пруси́, Борзенськ. пов., ба́чишъ у ха́тахъ кри́ші висо́кі гостро́вуваті, такъ якъ у на́шихъ стари́ннихъ ха́тахъ, що де́-нигде, теперъ мо́жно загле́діть. Міні зда́етця, щобъ доста́ть и докопатьця стариии́ на́шої и поясни́ть, ві́тки вона узяла́сь, тре́ба на́шимъ учёнимъ, що зна́ють свій кра́й, свій ми́ръ, тре́ба, кажу, пори́тьця міжъ азія́тами; та́мъ можно доста́ть щирцю́; то все ви́дно бу́де, якъ у де́нь, ві́тки на́ша старина́ забрила́; и съ кимъ нашъ народъ, не то Гатьма́нщина, а ще да́вні и преда́вні пре́дки–Славья́не една́лись, и ві́тки вони́ й прибули́. Бо ні що такъ не живе довго, якъ обря́ди, постро́йка, одягъ и всякі обихо́ди хазя́йськи; візьми ти верста́ть яки́хъ тамъ прозва́ній не дося́гнешъ: *и ши́нки й ри́тки й ло́нки*; візьми ти майстерство́ и почу́ешъ слово: *кіа́ри ви́брать*. Усе перемія́етця, люде змира́ють, перемія́ютця, а воно все одно,—и пре́дки и вну́ки твердя́ть: *ши́нки, ри́тки, ло́нки, кіа́ри ви́брать*.

Одки́нувшись трохи одъ діла, я упьять повернусь до ёго, скажу що

у насъ забро́дчики, чумаки́, хоть тіжъ селя́не, та у ни́хъ есть своя одміна, у нихъ оде́жа до іхъ діла припра́влена. У забродчиківъ чо́боти и штани́ одмінні, бо те що вінъ брю́хаетця разъ-у-разъ по воді́, уже зака́зуе ёму ходить по сво́ему; або й чумачня́ — тамъ зновъ свое.

Промовлюсь ище про одежу старшини́ коза́чої — па́нства стари́нного и лейстро́вого коза́цтва. У нихъ була своя оде́жа; у про́стихъ козаківі Гатьма́ньскихъ ви́борнихъ, кажуть би то, була́ по зака́зу, и якъ тако́і небуло, дакъ и пеня́ козако́ві. Кажуть, за соте́нь, козаки ходи́ли у си́ненькому козаки́ні, зъ кгу́дзиками, одрізни́й станъ—родъ чемерки, шапка зъ верхомъ суко́ннимъ, штани шарава́рі, и, звісно, дру́га вже коза́ча спра́ва вое́нна. А що про старши́нъ, дакъ у ни́хъ и ку́нтуші и черке́ски и опанчи́ни и жупа́ни; багато – пребага́то уся́кої оде́жі одмінної одъ проста́цької; да Бігъ ёго вже зна́е — чи вона по мо́ді перемінялась, такъ якъ и тепе́ръ, чи вона ши́лась своімъ туте́шнімъ шти́бомъ и недуже—то вкида́лась у чужину́. Такъ міні сдае́тця, що вона ду́же була похо́жа зъ польскою. Тілько можна примітить, що бага́то ду́же було оде́жі па́нської и чоловічої и жоно́чої, такої, що теперъ нема́, тілько де́-що застря́ло у селя́нъ, то въ горожа́нъ, бо перейшо́въ той крой на сукно про́сте, отъ хоть би й свити білі у жино́къ, шапки́ жоно́чі соболе́ві, зъ уши́ма, заде́ржались у чоловіківъ, и пере́йшли на смуше́ві. Народъ, що захопи́въ одъ панівъ, дакъ и заде́ржавъ и досі, ище й до́вго приде́ржить; се видно и по дру́гихъ ді-ла́хъ, отъ хоть би й до та́нцівъ: *ше́ни* й *кедехе́си* старинні па́нські, можна й тепе́ръ найти́ у простоті; а па́нству вже вони и въ сні несня́тця. Примічаешъ, що про́стий наро́дъ, селя́не, що на́йбільше приде́ржують свое, и недуже ки́даютця на мо́ду; міща́не уже швидчій міня́ютъ, а пани ище швидчій.

Спи́суючи люде́й уся́кихъ тепе́рішнихъ увъ оде́жі, такъ міні сдае́тця, не треба бъ занеха́ять и стари́нної старши́нської оде́жі и про́стихъ козаківъ; щобъ ми зна́ли, яка то и въ нихъ була оде́жа, що то були́ за сірії гу́ні, шлики́; тоді можна бъ и зъ неі бага́то де-чого ви́морокувать для пре́жнёго часу. Тоді́ повній и справній буде діло. Тоді, списа́вши и селя́нъ и міща́нъ и стари́нне па́нство, ко́жне по своему, тоді й позна́емо, що у насъ дія́лось, и дітця; бо ко́жне зъ нихъ своімъ ду́хомъ ди́ше. Міщани́нъ и те́перъ нетілько одяга́етця по своему, а й танцю́е по сво́ему: Бобру́йського козачка́ у селя́нъ не зна́йдешъ, а у міща́нъ Ніженськихъ почу́ешъ. Міщанину пока́жетця незви; ча́йно оддирать такого бі́шеного козачка́, щобъ уся́ка жи́лка тремті́ла-

а міща́нка танцю́е такъ, якъ у́тка пла́вле: и голо́вку ви́тягне, и ру́ки держи́ть по сво́ему; вони й гово́рять по своему: або шепеля́ють, кажуть *ше́рче*, вмісто серце, або *буле́* вмісто були, *чу́ле*, вмісто чули; або горька́ють,—усе ти́мъ що, я, бачъ, не мужи́чка; й співа́ють тоне́нько, такъ якъ кошеня́та навчя́ть. Отъ, хоть би й у Полта́ві: усе тимъ, що ось ми, благоро́дні. Такі жъ самі норови́ показували и стари́нні пани, и тепе́рішні. Умомъ не легко перевисшить про́стого сіро́му, або міщани́на, а оде́жею, та мо́вою, шви́дко можна о́чі заслiши́ть: »ну, да й розу́мний же, ска́же: таке слебезу́е що хиба на́шъ пінъ, отець Хома, чи не второпае, а ми й не те́е!..«

Змалюва́вши однихъ люде́й на три лади́: іхъ парсу́ну, оде́жу, іхъ се́лища и дво́рища, іхъ обря́ди и ку́плю, и торги́ и бурги́ и весілля и за́бавки и дру́гі притичини, тоді й вийде на папе́рі *Живо́писна Украіна*.

Стецько Благовістъ.

Листопа́дъ, 1861.
Комли́ківъ-Яръ.

ОБЪ ОБУЧЕНІИ ГРАМОТѢ ВООБЩЕ, И ОБЪ АРИѲМЕТИКѢ Д. МОРОЗА.

Въ *Основѣ* (январь 1862 г.) помѣщена статья объ украинскихъ букваряхъ, подъ названіемъ: «Наськi Граматки.» Вѣроятно, она прочтена была безъ должнаго вниманія, потому что — вотъ уже прошло полгода слишкомъ и—никто не высказалъ объ ней ничего, несмотря на ея современность и вызовъ самого автора. Задача народнаго образованія—великая задача: она можетъ быть разрѣшена только при совокупномъ и дружномъ усиліи всѣхъ дѣятелей на педагогическомъ поприщѣ. Теперь такое время, что всякій—будетъ-ли то Великоруссъ, Полякъ, или Малоруссъ—всякій, кто несетъ свою лепту въ сокровищницу общественной пользы, долженъ быть побратски привѣтствуемъ и ободряемъ честно и откровенно высказаннымъ словомъ. Будетъ-ли то духовный или свѣтскій человѣкъ, профессоръ университета, учитель гимназіи, или скромный, малообразованный сельскій наставникъ—всякъ, кто подаетъ голосъ *искренняго убѣжденія*, заслуживаетъ вниманія

и одобренія, или опроверженія. Авторъ означенной статьи весьма справедливо замѣчаетъ: »На те нічого вважáть, що якúй« мовъ »зъ мéне письмáкъ, якúй єъ мéне мистéць вивóдить по білому чóрне! людé тільки бýдуть сміятьця!« або: »підождімо« мовъ »що скáжуть старíші и письмéнніші!« Тутъ не письмéнство и мистéцтво нáше потрíбні—знáйдутця и на те сдáтні, де трéба; а тутъ трéба голосівъ: той те скáже, другúй другé, третій трéте,—а одъ того вúрозуміетця дíло, повéрнетця передъ нáми зъ усіхъ боківъ.« Эти слова относятся не къ однимъ только Малоруссамъ, а ко всѣмъ нашимъ собратіямъ, посвятившимъ себя дѣлу распространенія грамотности по всей Русской Землѣ, на разумныхъ началахъ. Радуюсь и привѣтствую *Основу*, встрѣтивъ въ ней драгоцѣнныя для насъ, Сѣверянъ, педагогическія истины, и душевно желаю процвѣтанія зарождающейся у Южанъ самобытной мысли по этому предмету. Нельзя не пожелать побольше такихъ искреннихъ статей, какъ »Наськi Граммтки,« — нельзя не порадоваться тому́, что́ сдѣлано Украинцами по предмету составленія букварей: то́, что́ уже есть, много говоритъ въ пользу Южанъ. Относительно средствъ для обученія грамотѣ, они очень мало отстали отъ Сѣверянъ, у которыхъ педагогическая литература, въ послѣдніе пять лѣтъ, быстро подвинулась впередъ; довольно вспомнить, что нынѣче издаются четыре великорусскихъ педагогическихъ журнала, не включая въ то число такихъ псевдолитературныхъ явленій, какъ »Дѣдушка Еремѣй« »Гувернантка,« и отчасти— »Русскій Педагогическій Вѣстникъ.«

По поводу статьи »Наськi Граматки,« я хочу сказать нѣсколько словъ о методахъ обученія грамотѣ.

Прежде всего замѣчу, что авторъ ошибочно считаетъ г. Золотова *изобрѣтателемъ новаго*, такъ называемаго—*звуковаго*, способа. Авторъ, конечно, въ этомъ не виноватъ, а виноваты нѣкоторые русскіе журналы, которымъ угодно было приписать Золотову такую честь совершенно несправедливо. Золотовъ положительно уличенъ въ этомъ Русскимъ Педагогическимъ Вѣстникомъ (№5 1858 г.) и г. Студитскимъ (въ брошюрѣ »Какъ учить грамотѣ по »азбукѣ для крестьянскихъ дѣтей.« С.П.Б. 1860). Изобрѣтателемъ звуковаго способа считается извѣстнѣйшій педагогъ Жакото́; за нимъ слѣдуетъ цѣлая фаланга подражателей, сильно вѣрующихъ въ превосходство выдуманнаго имъ способа. Первымъ составителемъ букваря, по способу Жакото́, въ Россіи былъ *Студитскій*, издавшій еще въ 1846 г. азбуку безъ складовъ. Но о Студитскомъ всѣ молчали. Затѣмъ, появился *Золотовъ*,

уже какъ подражатель Студитскаго, — и вотъ, Богъ вѣсть почему, затрубили о Золотовѣ, который поэтому и до-сихъ-поръ нѣкоторыми считается за первоначальника множества азбукъ, вышедшихъ въ послѣдніе два—три года. Нѣкоторые изъ составителей азбукъ уже самостоятельно разработали методъ Жакото и значительно уклонились отъ Студитскаго и Золотова; поэтому предлагаемый Золотовымъ способъ слѣдуетъ назвать скорѣе *устарѣлымъ*, чѣмъ *новымъ*. Настоящій же новый способъ, уже давно употребляемый въ Германіи, у насъ едва начинаетъ только вводиться; это — *способъ обученія чтенію посредствомъ письма* (*).

Старинный *силлабическій* способъ у насъ окончательно осужденъ на изгнаніе, и если еще употребляется во многихъ училищахъ, то развѣ людьми мало смыслящими въ дѣлѣ обученія грамотѣ; всѣ опытные педагоги рѣшительно его отвергаютъ. Тутъ дѣло еще не въ томъ, что дѣтямъ скучно зубрить безсмысленные склады *бря*, *вря*, *тма*, *мка* и т. п. и что легче научиться по звуковому способу, — а въ томъ, что ученіе *по силлабическому способу влечетъ за собою дурныя послѣдствія*: убиваетъ умственныя силы дитяти и поселяетъ въ немъ отвращеніе ко всякой книгѣ, такъ-что и пріобрѣтеніе грамотности очень часто обращается во вредъ, а не въ пользу. Рѣдкая натура вынесетъ, безъ особаго вреда, этотъ мертвящій механизмъ продолжительнаго долбленія; обыкновенно бываетъ такъ, что обучавшіеся грамотѣ *машинально* и на всю жизнь остаются *машинами*, а не разумными существами; такіе грамотники дѣлаются *только* писарями, прикащиками, ябедниками, а не *людьми*. Что въ этой грамотности!.. Не даромъ возставали нѣкоторые, даже весьма образованные, люди противъ грамотности.

Конечно,—и я вполнѣ согласенъ съ сущностью высказанной авторомъ мысли, — что успѣхъ ученія главнымъ образомъ зависитъ не отъ выбора только метода, а отъ выполненія его. Но мнѣ кажется, что авторъ напрасно думаетъ, будто неопытный учитель не справится съ *новымъ* (т. е. новымъ—по мнѣнію автора) способомъ. Пусть аз-

(*) Букварь по этому способу впервые у насъ издалъ, кажется, *г. Шиловскій*, а потомъ, въ 1860 г., г. Наульсонъ, впрочемъ—въ одномъ только текстѣ безъ всякаго объясненія. Вскорѣ я издамъ букварь въ подобномъ же родѣ, но съ критическимъ разборомъ способовъ обученія грамотѣ и съ подробнымъ наставленіемъ для учителя какъ о новомъ способѣ, такъ и о начаткахъ дѣтскаго обученія вообще.

бука Золотова несвѣдующему учителю покажется мудреною; но зачѣмъ же непремѣнно брать азбуку Золотова, — когда есть получше? Нышче, какъ я уже сказалъ выше, способъ Жакото упрощенъ; онъ дотого измѣнился въ нѣкоторыхъ нашихъ новѣйшихъ азбукахъ, что его уже нельзя называть *звуковымъ* въ томъ смыслѣ, какъ понимали его прежде. Вотъ этотъ-то способъ,—способъ, образовавшійся изъ удачнаго согласованія двухъ крайне-противоположныхъ способовъ—силлабическаго и звуковаго,—и слѣдуетъ назвать *новымъ*. По этому способу обученіе идетъ очень просто, безъ всякой терминологіи и безъ всякихъ предварительныхъ толкованій. Говорите прямо напр. *м*, *а*—*ма*, потомъ повторите тоже самое *ма* и—выйдетъ цѣлое слово (мама); затѣмъ возьмите другіе двѣ, три буквы напр. *у*, *о*, *х*, и опять складывайте слова. (Надо пріискивать по-возможности такія слова, которыя составляются изъ одинаковыхъ или схожихъ слоговъ, какъ напр. у-ха́, му-ха, у-хо, э-хо (*). Всякія объясненія о различіи гласныхъ отъ согласныхъ, о прямыхъ и обратныхъ слогахъ и т. п. тутъ еще вовсе неумѣстны: они, покамѣстъ, нисколько не помогаютъ дѣлу, а только путаютъ понапрасну дитя. Когда, такимъ-образомъ, заучивая въ одно и то же время буквы, слоги и слова, дѣти ознакомятся съ большею частью буквъ и съ ихъ различными сочетаніями, тогда уже толкуйте о слогахъ, удареніи, о знакахъ *ъ*, *ь*, и вмѣстѣ съ тѣмъ, подбирайте слова́, въ коихъ нѣкоторыя буквы измѣняютъ свое обыкновенное произношеніе, напр. вода́, *его*, *ея*, счёты, мытьё и т. п. Когда дитя свыкнется сколько-нибудь съ механизмомъ чтенія, начинайте исподоволь объяснять и начала грамматики. А раньше того—не говорите ни слова о какихъ бы то ни было правилахъ, исключеніяхъ: будетъ съ дѣтей и того, что они занимаются однимъ механическимъ складываніемъ по-возможности-легкихъ, удобопонятныхъ и

(*) При такомъ способѣ обученія, сначала вовсе не нужно ни букваря, и никакой книги: довольно запастись достаточнымъ количествомъ *разрѣзныхъ буквъ*; а еще *гораздо лучше разрѣзныя буквы замѣнить писаніемъ*;—тутъ сто́итъ только ученикамъ дать аспидныя доски; учитель будетъ писать на классной доскѣ, а ученики подражать ему. Здѣсь писаніе, соединенное съ чтеніемъ, служитъ въ одно время и цѣлью и средствомъ. Такое разнообразіе въ занятіи дѣтей облегчаетъ ихъ и ускоряетъ изученіе и чтенія и письма: — одно другому нисколько не мѣшаетъ, а напротивъ, много помогаетъ. Когда учащіеся ознакомятся съ буквами и ихъ различными сочетаніями (въ словахъ), дайте имъ вмѣсто отрывочныхъ словъ, сперва — цѣлыя выраженія, а потомъ — и маленькіе разсказцы.

занимательныхъ для нихъ словъ;—нѣчего имъ толковать о томъ, съ чѣмъ они не познакомились еще на практикѣ. Къ-сожалѣнію, еще и до-сихъ-поръ никто и изъ составителей русскихъ азбукъ не обратилъ на это вниманія.

Есть уже и на Малорусскомъ языкѣ букварь, составленный по означенному способу, а именно: »*Граматка за-для Українського люду*, Л. Ященка. Москва. 1862 року. Вотъ и учите по немъ, пока не явятся лучшіе. Правда, что и *Ященко*, по примѣру всѣхъ составителей русскихъ азбукъ, толкуетъ въ первыхъ же урокахъ о томъ, чего дѣти еще не въ состояніи понять, т. е. о различіи гласныхъ отъ согласныхъ, и о слогахъ. Такое объясненіе не есть необходимая принадлежность новаго метода, а только рутина, внесенная въ обученіе дѣтей подражателями Жакото, подражателями, еще и до-сихъ-поръ нерѣшившимися разстаться съ нѣкоторыма пріемами своего учителя не по убѣжденію, а, какъ надо полагать, по слѣпому поклоненію громкому авторитету. Зато въ букварѣ Ященка нѣтъ ничего головоломнаго—все просто, такъ-что всякій нетупоголовый учитель пойметъ, въ чемъ дѣло. Правда, сначала дѣтей будутъ сбивать—какъ выражается авторъ статьи »Наськї Граматки,«—эти »*премудрости голосни́хъ и приголо́сныхъ*;« но тутъ бѣда не большая: все-таки дѣтямъ будетъ *веселье*, *легче учиться по этому чѣмъ по старосвѣтскому способу*,—а это-то, какъ и авторъ полагаетъ, и есть самое главное,—вся суть,—чего и должны добиваться составители азбукъ.

Поэтому, принявъ въ соображеніе все вышесказанное, никакъ нельзя согласиться съ авторомъ »Наськї Граматки,« что »*пісьма́чення по нову́му спо́собові буде у насъ більше pia desideria, и безъ граматокъ, напи́санныхъ по старосвіцькому спо́собові, намъ обійти́сь не мо́жна*.« Подобное мнѣніе можетъ колебать людей, которые стремятся побѣдить рутину и положить новыя начала въ обученіе, но не обладающихъ достаточно педагогическимъ тактомъ. Всякому извѣстно, какъ трудно искореняются привычки, равнодушіе и предразсудки, глубоко засѣвшіе въ обществѣ. Противъ этихъ-то язвъ и надо больше всего ратовать; частные недостатки новыхъ началъ исправятся скорѣе и легче, чѣмъ предполагаетъ авторъ.

Не могу не выразить живѣйшаго сочувствія вполнѣ вѣрной мысли, высказанной авторомъ статьи («Наськї Граматкі»): «Грама́тка, добродійство,, попередъ усёго повинна бу́ти граматкою». У насъ тоже

вовсе не обращаютъ вниманія на это; одинъ только І. Паульсонъ, въ своемъ букварѣ, подобралъ текстъ, вполнѣ соотвѣтствующій назначенію букваря. У него помѣщены сначала отрывочныя слова, затѣмъ—фразы, составленныя изъ знакомыхъ уже учащимся словъ, и наконецъ—коротенькіе разказцы и стихотворенія, приличныя дѣтскому возрасту. Въ нѣкоторыхъ малорусскихъ букваряхъ, замѣчаетъ авторъ,—предлагаются для обученія дѣтей чтенію «псалмй, вірші, думки, молитвй« и т. п. Это еще куда не шло! А посмотрите, что́ дѣлается у Сѣверянъ: у насъ даже лучшія буквари обращены чуть-ли не въ дѣтскія энциклопедіи,—вы найдете въ нихъ даже библіографію (не только исторію литературы), съ означеніемъ цѣны книгъ,—просто удивительно, что́ хотятъ сдѣлать изъ азбуки! Въ ней вы все найдете... не достаетъ только того, что́ быть должно. Таково ужъ направленіе вѣка, ужасающее своею всепоглощающею меркантильностію, которая и сбиваетъ съ толку даже не послѣднихъ педагоговъ! Видите въ чемъ дѣло: стараются угодить не дѣтямъ, а покупщикамъ букварей, покупщикамъ, желающимъ за возможно-малыя деньги научить своихъ питомцевъ возможно-многому... А *какъ научить*, т. е. съ толкомъ, или безъ толку,—это уже, разумѣется, не ихъ дѣло.

Я еще не видѣлъ всѣхъ украинскихъ учебниковъ; но если и прочіе такъ хорошо составлены, какъ *Арихметика Данила Мороза* (Кіевъ 1862. Ціна (67 стр.) гривéнникъ,) то отъ южнорусской педагогической литературы можно ожидать обильныхъ плодовъ.

Изъ предисловія къ »Арихметикѣ« (*Щóтниця*) видно, что г. Морозъ созналъ весь вредъ схоластическихъ пріемовъ первоначальнаго обученія; онъ совершенно вѣрно понялъ, что не наука виновата, что такъ трудно дается дѣтямъ, а—учителя, неумѣющіе съ ними обращаться и незаботящіеся о привлеченіи ихъ вниманія. Принявъ въ основаніе *наглядность*, какъ необходимое условіе первоначальнаго обученія какому-бы то ни было предмету, авторъ, по примѣру лучшихъ германскихъ педагоговъ, совсѣмъ устраняетъ изъ ариѳметики «*отвлеченныя числа*». Ариѳметика, какъ извѣстно, изъ всѣхъ наукъ самая практическая наука; слѣдовательно, въ ней менѣе всего могутъ быть терпимы отвлеченности. Мы никогда не говоримъ просто 2, 3, а всегда соединяемъ съ этими числами какой-нибудь предметъ: два—чего? два яблока, два пера и т. п. Зачѣмъ вводить въ науку то, чего не бываетъ въ жизни? Г. Морозъ обратилъ на это вниманіе; и потому-то счисленіе (нумерацію) и четыре дѣйствія онъ объясняетъ на конкретныхъ числахъ—

на примѣрахъ; и такимъ образомъ у него нѣтъ и помину объ *именованныхъ* и *неименованныхъ* числахъ, точно такъ, какъ не бываетъ такого различія на практикѣ.

Разъ выбравъ раціональный путь, авторъ не уклоняется отъ него до самого конца. Прежде всего надо замѣтить, что онъ избѣгаетъ всякой терминологіи,—терминологіи, которою обыкновенно обременяютъ память учащихся не только безполезно, но и съ большимъ вредомъ:—сухость, строгая систематичность всегда противны дѣтямъ. По современной дидактикѣ, опредѣленіе какой–либо части, отдѣла науки, должно слѣдовать послѣ изложенія этой части или отдѣла; опредѣленіе же всей науки—послѣ изложенія всей же науки. Такъ поступаетъ и г. Морозъ. Необходимыя опредѣленія сложенія (*складаніе*), вычитанія (*одлічъ*), умноженія (*помноженне*), дѣленія (*подѣлъ*), у него слѣдуютъ уже послѣ обстоятельнаго объясненія этихъ дѣйствій на примѣрахъ, такъ–что затверживаніе опредѣленій есть не что иное, какъ приведеніе въ родовое представленіе знакомыхъ уже дѣтямъ видовъ: тутъ, разумѣется, легко запомнить правило, о которомъ дано уже ясное понятіе предварительными практическими упражненіями. Слѣдовательно, г. Морозъ поступаетъ совершенно согласно съ основными началами педагогіи. Онъ только въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ исключеніе, и именно въ самомъ началѣ руководства, гдѣ опредѣляетъ значеніе ариѳметики какъ науки. Но это опредѣленіе такъ дѣльно и просто, такъ ясно и хорошо изложено, что автора вовсе не слѣдуетъ упрекать за отступничество. И вообще, вся »арихметика« чрезвычайно хорошо изложена: языкъ такъ простъ, объясненія такъ послѣдовательны, такъ точны и такъ ясны, что лучше этого и требовать нельзя.

Скажу теперь объ объемѣ и матеріальномъ содержаніи »арихметики«. Въ настоящее время опытные учителя почти вовсе не даютъ въ руки ученикамъ какихъ бы то ни было учебниковъ по элементарнымъ предметамъ: дѣти пріобрѣтаютъ необходимыя свѣдѣнія и развиваются въ бесѣдахъ съ преподавателемъ и въ практическихъ упражненіяхъ словесныхъ и письменныхъ; разумѣется, и тутъ допускаются отступленія въ видѣ исключенія. Что касается до ариѳметики, то тутъ рѣшительно неумѣстны для дѣтей какія бы то ни было учебники, или записки; однѣ только задачи, для сбереженія времени отъ переписки, могутъ быть собраны для нихъ въ одну книгу. Г. Морозъ и это обстоятельство не упустилъ изъ виду: собственно ариѳметику онъ составилъ какъ руководство для неопытнаго учителя; да, сверхъ того, помѣстилъ

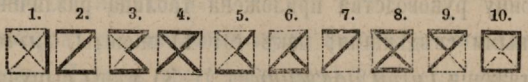
въ ней много задачъ, которыми могутъ пользоваться ученики. »Арихметика« оканчивается дѣленіемъ. О дробяхъ дается только общее понятіе. Къ концу руководства приложена таблица различныхъ измѣреній съ полезными свѣдѣніями; какъ-то: 1) монеты, (*лічба грошей*); 2) мѣры протяженія (*міри довжиній*) (*); 3) мѣры сыпучихъ веществъ (*міри для того, щó пересипáється*); 4) мѣры жидкостей (*міри для рідкóго*); 5) мѣры вѣсу (*міра ваги*); 6) мѣры времени (*міра чáсу*); и 7) мѣры бумаги (*міра паперу*).

Что́ касается до пріемовъ, то надо сказать, что они не совсѣмъ удовлетворяютъ болѣе строгимъ требованіямъ современной дидактики. Извѣстный германскій педагогъ, *Грубе*, авторитетъ котораго вполнѣ подтверждается и опытами русскихъ педагоговъ, поступаетъ нѣсколько иначе, чѣмъ г. Морозъ. Г. Морозъ, начавъ счисленіе (нумерацію) съ единицы, продолжаетъ его до конца (оно доходитъ у него только до десятковъ тысячъ); и затѣмъ уже приступаетъ къ сложенію и прочимъ дѣйствіямъ. Грубе же преподаетъ такъ: научивъ счисленію до 10, сряду-же производитъ надъ этими числами сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе; затѣмъ беретъ нѣсколько десятковъ, и сотню— тоже четыре дѣйствія и т. д. Очевидно, что пріемы Грубе имѣютъ за собою то важное преимущество предъ другими, что, во-первыхъ, разнообразятъ занятія, а во-вторыхъ, дѣти легче усвояютъ себѣ счисленіе и скорѣе видятъ его примѣненіе къ дѣлу (на задачахъ), слѣдовательно—и пользу ученія.

Какъ я ужъ упомянулъ сначала, г. Морозъ счисленію учитъ *наглядно*, т. е. показываетъ ученикамъ какіе-либо предметы, напр. яблоки, бублики и т. п., и такимъ образомъ даетъ ясное понятіе о количествѣ и числахъ безъ всякой терминологіи и безъ всякихъ отвлеченныхъ опредѣленій. При этомъ, самыя изображенія цифръ онъ совѣтуетъ уподоблять какимъ-либо предметамъ, напр. единицу (1)—палочкѣ, нуль (0)—бублику или кренделю, (8)—двумъ бубликамъ, сложеннымъ вмѣстѣ.—Это прекрасно. Но тутъ можетъ встрѣтиться для учителя затрудненіе въ пріисканіи подобныхъ уподобленій для остальныхъ цифръ: чему уподобить, напр., 4, 5? Г. Морозъ этого не объясняетъ. Мнѣ кажется, хорошо было бы объяснять учащимся со-

(*) Тутъ в.-п. Морозъ забувъ про наші *гóни* и *óні* (пóля). *Ред.*

ставныя части цифръ, т. е. объяснить, что первоначально всѣ цифры составлялись изъ палочекъ слѣдующимъ образомъ:



Задачи подобраны г. Морозомъ большею-частью удачно. Однако есть и у него̀ пять-шесть такихъ, которыя своею неестественностію могутъ поставить въ тупикъ не только ученика, но и учителя. Учитель ариѳметики, который заботится преимущественно объ умственномъ развитіи дѣтей, ариѳметическія задачи долженъ выбирать съ тщательною осмотрительностію, чтобы въ нихъ не было ничего слишкомъ искусственнаго или чего нибудь такого, чего не бываетъ въ дѣйствительной жизни, или же что́ можетъ показаться, дѣтямъ, страннымъ или непонятнымъ. Самъ авторъ говоритъ въ предисловіи: »Учи́тель повѝненъ вига́дувати питàння, котрі щоде́нно трапля́ютця у життѣ на́шого лю́ду.« Но могутъ ли случиться въ жизни подобныя задачи:

1) Мині́ 21 годъ, брату 14, а батькові стількі скількі маю я, має мій братъ и ще 27 літъ. Скількі літъ батькові? (Стр. 21). Кто́ же такъ считаетъ лѣта?.. Одна *ариѳметика*...

2) У кожного чоловіка по 5 пальцівъ на руці. Скількі пальцівъ у безрукого? (Стр. 26). Ну, эта задача не для *ариѳметики*...

Впрочемъ, и со стороны приспособленія задачъ къ дѣтскому возрасту и народной жизни »Арихметика« г. Мороза превосходитъ всѣ русскія ариѳметики,—такъ точно какъ и со стороны дешевизны: *гривенникъ* за̀ 67 стр.

Г. Морозъ, равно и *товари́ство*, на счетъ котораго ѝздана его книжка, заслужили глубокую благодарность. Желаемъ, чтобъ и украинскіе паны оцѣнили этотъ учебникъ и, принявъ его за руководство для своихъ дѣтей, облегчили бы имъ трудъ изученія; простой народъ *Арихмѐтику* (*Щотницю*) навѣрное оцѣнитъ.

І. К. Ш-рл-в-й.

25 августа 1862.
Петербургъ.

ПО ПОВОДУ ЗАМѢТКИ Г. ЛЕВЧЕНКА «О РУСИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГІИ (*).»

При составленіи малороссійской терминологіи необходимо имѣть въ виду два главныхъ правила: во–первыхъ, чтобы каждый терминъ былъ произведенъ отъ такого слова, которое существуетъ въ родномъ языкѣ; и во-вторыхъ, чтобы окончанія терминовъ соотвѣтствовали формамъ нашего языка. Словарь г. Левченка не всегда удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Такъ, науки: ариѳметика, бухгалтерія и математика переведены въ немъ терминами: *щотниця*, *счетоводство*, *численниця*, произведенными отъ словъ: счетъ и число, которыхъ въ малороссійской рѣчи не существуетъ (?); а есть: *лікъ*, *лічба*, *рахýба*, *рахýнокъ*, изъ которыхъ и слѣдовало бы составить упомянутые термины. Словомъ *безправность* (анархія), *розборъ* (анализъ), *двукратъ* (квадратъ) приданы окончанія не свойственныя нашему языку. Вмѣсто безправности у насъ издавна употребляютъ слово *безправья* (см. Справа Братства Виленского съ Іеродіакономъ Грековичемъ въ 1605 г.); вмѣсто разборъ, надобно было написать *розбіръ*, если нельзя замѣнить другимъ словомъ; окончаніе *кратъ* у насъ не существуетъ, а есть *кротъ;* напр. въ словахъ *сто-сотъ кротъ* (Ужін. рід. поля), *двокротъ* (Сл. Закрев.); впрочемъ квадратъ лучше было бы назвать *четверець*, по чешски. Для аналогіи у насъ есть старинное слово *подобенство* (Слов. Берынды и Зизанія); астрономъ встарину назывался *звіздарь*, обсерваторія *звіздарня* (см. старинные Кіевскіе мѣсяцословы), гербаріумъ по малороссійски *зіллянникъ*, амальгама тоже имѣетъ народное названіе, *котловина* слово в.–русское, *кружало* означаетъ не циркуль, а кружокъ, сдѣланный изъ чего нибудь. Для выраженія понятія колоритъ можно бы составить терминъ изъ слова *коліръ*, извѣстнаго нашему народу. Ороографію переводятъ еще словами: *правопись*, *словопись*, *словописання*, а грамматику словомъ *письменниця*. Инструментъ народъ называетъ *струментомъ*, а не *статкомъ*; послѣднее слово имѣетъ другое значеніе. Мануфактура называется *рукомествомъ* и *ремествомъ*. Вмѣсто *пловець* слѣдовало бы *плавець*.

Въ заключеніе, считаемъ не безполезнымъ помѣстить переводъ русскихъ словъ на букву А, большая часть которыхъ заимствована изъ

(*) Основа 1861 г., кн. 7.

иностранныхъ языковъ. Отрывокъ этотъ составляетъ начало столь необходимаго для насъ русско-малороссійскаго словаря, предпринятаго два года тому назадъ студентами Кіевскаго университета. Продолжается ли онъ въ настоящее время?

При каждомъ словѣ показаны или губернія, въ которой оно записано, или книга, изъ которой заимствовано.

Объясненіе сокращеній:

Сл. З. Словарь малороссійскихъ идіомовъ Н. Закревскаго.

Сл. Ш. Опытъ южнорусскаго словаря Шейковскаго.

Хмель. Хмельнищина, Куліша.

Уж. рідн. поля. Ужінокъ рідного поля, Н. Куцого.

Пер. Значитъ, что слово переведено.

Произв. Означаетъ, что это слово произведено отъ другаго, существующаго въ нашемъ языкѣ.

А—а (союзъ); а! (междом).

Аба—габа́ (Дум. о Кушкѣ); габя́къ. Сл. З.

Абинный—габо́вий (Повѣст. Сторож.).

Аборигены—тубо́льці (Хмельн.).

Абрикосный—морелевий. Пер.

Абрикосъ— море́ля, муре́ля (Лат. Morelâ). Полт. г.

Абсинтъ—поли́нь; полинівка. Пр.

Авангардъ—передові, пе́редъ війська, передове військо. Прогр. для опис. губ. Кіевск. Учебн. Окр.

Авантажъ—авантáжъ Полт. г., користь Черн. г., ужи́токъ, пожи́токъ Сл. З.

Авва—батько, тато, пан-оте́цъ, ігуменъ. Прогр. для опис. губ. К. Уч. ок.

Августъ—Серпень. Тамъ-же.

Августѣйшій—найяснійший. Ст. сл.

Авдотья—Явдоха. Тавр. г.

Авдѣй—Овдій. Сл. З.

Авось—ачей (въ думахъ), може; *Авось-либо*—а може; *На авось*—на счастя, на одчай божій.

Авраамъ—Овра́мъ. Тавр.

Аврипигментъ—злотокістъ (съ польск. яз.).

Аврора—світова зоря.

Австральный—полуденний. Пер.

Австріецъ—Австріятъ (Зап. о Юж. Р.),

Цесарчикъ Сл. З., Цесарець Тавр. г.

Австръ—полуденный вітеръ. Пер.

Автографъ—самопись. Пер.

Автократъ—самовластець. Сл. З.

Агафія—Гапка.

Аггелъ—злий духъ, бісъ, чортъ.

Агіасма—свячена вода.

Агнецъ, агничикъ—ягня, бараня, баранчя, овчя, ягнятко, баранчикъ; баранокъ (Сл. Берынды и Зизанія).

Агница—вівця; чесна дівка Тавр. г.; цнотлива дівка Под. г.

Агнчій—ягнячий.

Агрикультура—хліборобство. Произв.

Агриппина, Аграфена—Горпина.

Агрономія—наука хліборобства, рольництво (съ польск. яз.).

Агрономъ—учений хліборобъ, рольникъ. Произв.

Адажіо—(переводъ этого и другихъ музыкальныхъ терминовъ смотр. во 2-мъ т. Зап. о Юж. Р.).

Адамантовый—діаментовий. Сл. З. демъянтовий Черн. г.; загартований, запеклий чоловікъ.

Адамантъ—діаментъ. Сл. З.

Адамашка—едамашка. Сл. З.

Адамашковый—едамашковий. Сл. З.

Адамово яблоко—кадыкъ. Тавр. г.

Адвокатство—речництво. Произв.

Адвокатъ—речникъ. Хмельн.

Администрація—справа, справування. Сл. З. отсюда справувати—управлять публичными дѣлами.

Адріанъ—Андріянъ. Тавр. г.

Адонисъ (Adonis vernalis)—горицвітъ.

Адскій—пекельний.

Адъ—пекло.

Адъюнктъ—спомагачъ, помішникъ. Пер.

Адъютантъ—джура, чура? (Въ думахъ).

Азартный—задирака, задиракуватий, палёний Полт.

Азбука—абетка, Уж. рідн. поля; граматка; абецадло. Сл. Ш.

Азбучный—абетний. Уж. рідн. поля.

Азъ—я; азъ.

Ай—ой! охъ! отъ!

Айва (Malum Cydonium)—gдуля, Сл. З., квітъ. Черн. г.

Аиръ—(Acorus Calamus)—гáвъяръ. Тавр. лепехà. Черн. г. аеръ, шуваръ, татарське зілля. Сл. Ш.

Аистъ бѣлый (Ciconia alba) — лелека, черногузъ Тавр. и Полт. гайстеръ, бусель, бушля Полт. Боцянъ, въ Заднѣпровьи; буська. Черн. г. Аистъ чорный (Ciconia nigra)—рибоідъ, Полт.

Аистовый—лелечий, чорногузячий. Тавр.

Акація—окація. Тавр.

Акведукъ—риштакъ. Тавр.

Аквилонъ—спáдьній. Уж. рід. поля, холодний вітеръ. Пер.

Аки—якъ, неначе, ніби; Аки бы—якъ би, неначеб-то, нібито.

Акилина—Кулина, Килина.

Акимъ—Якимъ.

Аккомпаниментъ—приграванія, приспівування. Пер.

Аккомпанировать—приграватн, приспівувати. Пер.

Аккуратно—чепурно, хупаво.

Аккуратный—чепурний, хупавий. (Этими словами, впрочемъ, передается только часть понятія, выражаемаго словомъ аккуратный).

Аксамитъ—оксамитъ. Сл. З.

Аксамитный—оксамитовий. Сл. З.

Аксинья—Оксана.

Аксіома—самоправда. Пер.

Актъ (судебный)—бумага.

Акулина—см. Акилина.

Акушерка—баба, баба сповитýха. Тавр.

Акушерствовать—бабувати.

Акушеръ—бабичъ (съ чешск. яз.).

Акциденція—хабарі.

Аладьи—олады Тав. г., ладки. Зап. о Юж. Р.

Алебастръ, Алавастръ—либастеръ. Тавр.

Алебастровый—либастровий. Тавр.

Александра—Олександра. Тавр.

Александръ— Олександро. Тавр.

Алексѣй—Олекса. Тавр. Олешко, Лесько Сл. З.

Алекторъ—півень.

Алембикъ—лембикъ. Сл. З.

Алёна—Олена.

Алкать—хотіти істи; жадати, бажати.

Аллея—ходникъ. Вінокъ рус. на обж.

Алмазъ—см. Адамантъ.

Алтарь—вівтарь. Тавр.

Алтарный—вівтарний. Тавр.

Алтынникъ—скупердя́га. Тавр. г. скнарий. Полт. жмикрутъ Сл. З.

Алтынъ—три копійки.

Алфавитный—абетний. Уж. рід. поля.

Алфавитъ—абетка; по алфавиту—по абетці. Уж. р. поля.

Алчба, Алчность—голодъ; жадоба, бажання, жа́га, жаданьня.

Алчничать—жадати, бажати, бути завидливимъ.

Алчный—голодний; ненажерливий, завидливий.

Алырить—ошукати. Сл. З.

Алырскій—ошуканський. Сл. З.

Алырство—ошукання. Сл. З.

Алырщикъ, Алыря—ошуканець, ошустъ, Сл. З. шахрай К. Под.

Альковъ—фармуза. К. Под.

Альманахъ—рочникъ, новорочникъ. Пер.

Альціона—квочка. (Альціона названіе главной звѣзды въ созвѣздіи Плеадъ, называемомъ по малороссійски Квочка зъ курчатами. Очевидно, квочка здѣсь означаетъ Альціону).

Аляповатый—розляпуватий. Тавр.

Аманатъ—закладень, заставень. Пер.

Амбарный—коморячий; господарь комори.

Амбарщина—комо́рне, мито коморне. Пер.

Амбаръ, амбарецъ—комора, коморка.

Амбиція—амбиція. Сл. Ш., гоноръ. Сл. З.

Амвонъ—амбона. Сл. Ш.

Амигдалъ—мидалі. Сл. З.

Амуниція—муниція (munition).

Амуриться—женихатьця. Сл. З.

Амфибія—гадина. Закр., плазъ—Уж. рідн. поля.

Аналогій—налой, стілъ, столець.

Аналогія—подобенство. Сл. Зиз. и Бер.

Анархическій—безправний, безъурядний, безладний. Пер.

Анархія—безправъя. Сл. З., безладдя. Хмельн., безъуряддя (съ чешск. neřad).

Анастасія—Настя.

Анатолій—Наталко. К. Под.

Анатомить—патомити, різати, потрошити.

Анахоретъ—см. Аскетъ.

Анаѳема—анахтема, анахтемъ. Сл. Зак. и Ш.

Ангелъ—янгелъ, янголь; день ангела—патронъ. Полт.

Ангельчикъ—янголятко.

Англичане—Ангеляне, Атгеляньці, Англяни. Сл. З.

Англичанинъ—Анге́льчикъ. Сл. З.

Англійскій—аглицький. Тавр.

Андрей—Андрій.

Аневризма—підвій (по словамъ С. Д. Носа)?

Анекдотъ (историческій)—правда, (правдоподобный) можебилиця. Снішъ, Він. рус. на обж. (неправдоподобный), побрехенька.

Аникій—Онисько.

Анисовка—ганусівка. Тавр.

Анисъ (Pimpinella Anisum)—га́нусъ.

Анисья—Онися.

Анитъ (Anethum graveIens)—окропъ.

Анна—Ганна.

Анонимъ—неназваний, ненайменований. Пер.

Антаблементъ—gзимзъ. Сл. З.

Антидоръ—дара́. Сл. З.

Антихристъ—анцихристъ. Тавр.

Антонъ—Антінъ.

Ануфрій—Онопрій.

Анютины глазки (Viola tricolor)—браччики, братки. Сл. Ш. братъ та сестра. Харьк. губ.

Апелляція—пересудъ. Стар. русск. слово; подавать на апелляцію—подавати на пересудъ.

Апологетъ—боронець, бороньця. Сл. Ш.

Апологія—бороння. Сл. Ш.

Апоплексія—грець. Тавр. г.

Апостатъ—відчепенець. Уж. рід. поля.

Аппаратъ—начиння. Стар. сл.

Аппартаментъ—патраментъ. Полт.

Аппетитный—смашний, ласий.

Аполодировать—въ долоні плескати.

Апроши—підступи. Пер.
Апрѣль—Квітень.
Апрѣльскій—Квитнёвий.
Арапникъ—гарапникъ. Панъ Твард.
Арапъ,—Арапъ, Муринъ. Сл. З.
Арба—гарба. Тавр. г.
Арбузъ—кавунъ.
Арбузовый—кавунячий.
Аргамакъ—румакъ. Сл. З.
Аргументъ—доводъ. Пер.
Арена—герць. Уж. рід. поля.
Аренда—оранда.
Арендаторъ—орендарь, арендаръ, рандарь, олондарь (въ думахъ).
Арендаторскій—рандарський, орендарський. Сл. З.
Арендовать—орендувати. Сл. З.
Ареометръ—вовчокъ. Черн.
Арестантъ—вязень, невольникъ, арештантъ, рештантъ. Сл. З. и Ш.
Арестовать—орештувати. Сл. З.
Арестъ—вязення, орештъ, арештъ. Сл. З.
Арка—склепіння. К. Под.
Арканъ—арканъ.
Аркебузъ—гаркебузъ. Сл. З.
Арктическій—полуношний. Пер.
Арлекинъ—кумедіянтъ, паяцъ.
Арматура—армованнѣ, риштунокъ. Сл. С.
Арменинъ—Арменъ. Сл. З. Верменъ. Тавр.
Армія—військо, вармія.
Арнаутка—кубанка, турка Оренб. г. татарка, К. Под.
Ароматный—запашний, пахучий.
Ароматъ—пахощі. Сл. З.
Арріергардъ—задні, задьне військо. Пер.
Аршинникъ—аршинникъ. Сл. Ш. мишáкъ. Сл. З.
Артель—артіль. Lud Ukr. T. 2 str. 187.
Артерія—біюча жила. Сл. Бер. и Зизан.
Артйкулъ—артикýлъ.
Артикулъ военный—регула військова. Стар. сл.
Артиллеристъ—гармашъ. Ст. сл.
Артиллерія—армата. Ст. сл.

Артистъ—умілець, Пер. митець.
Артосъ—дарни́къ. Тавр.
Архіерей—архирей, владика.
Архипъ—Архипъ. Тавр.
Арчакъ—лука́. Тавр., клячокъ. Черн.
Аршинникъ—салогу́бъ. Чер. Рада.
Асаулъ—Осаулъ. Сл. З.
Аскетъ—одлюдникъ, пустелникъ (съ польск. яз.).
Аспарагъ (Asparagus officinalis)—заячий холодокъ. Сл. З.
Аспектъ—аспектъ. Сл. З.
Аспидъ—гаспидъ. Тавр.
Ассигнація—бумажка.
Астафій—Остапъ.
Астръ (Aster amellus)—гайстеръ, ястеръ. Сл. З.
Астрологія—звіздословье. Сл. Бер. и Зиз.
Ась—чого, що?
Атаманъ—отаманъ.
Атенетъ—невіра.
Атласъ—отла́съ.
Атомъ—гаріль. Уж. рід. поля.
Аттрибуты—причандали. Тавр.
Аудиторія—слухальня. Пер.
Аудиторъ—выслухачъ, слухачъ. Пер.
Аудіенція—послухання. Пер.
Аукать—гукати. Сл. З.
Аулъ—авулъ. Тавр.
Афимія—Химка.
Афанасій—Опанасъ, Панасъ.
Афросинья—Пріська.
Ахать—охати, ойкати.
Ахинея—нісенітниця.
Ахъ—ой! охъ!
Аще—якъ, коли; аще-бы—якби, колибъ.

П. Ефименко.

Г. Онега, Арх. г.

СОВРЕМЕННАЯ ЮЖНОРУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Стремленіе Южной Руси къ образованію обществъ грамотности.—Единственное въ Россіи общество распространенія грамотности—Комитетъ Грамотности.—Численность его членовъ, его программа и средства.—Теоретическая дѣятельность этого общества.—Мнѣнія членовъ: П. В. Павлова и гг. Резенера, Лиліенфельда и Погосскаго о мѣрахъ для приготовленія народныхъ учителей.—Намѣреніе г. Золотова основать учительскую школу, и неуспѣхъ.—Разсмотрѣніе въ комитетѣ предположеній насчетъ распространенія въ народѣ книгъ.—Рецензіи книгъ до-сихъ-поръ ненапечатанныя.—Что выгоднѣе—заводить сношенія съ 30-ю губерніями и не учредить ни одной школы,—или сосредоточить все вниманіе на одной мѣстности и отыскать средства для основанія нѣсколькихъ школъ?—Можно ли, при помощи однихъ разсужденій и составленія коммисій, учредить хоть одну учительскую школу?—Комитетъ грамотности повидимому думаетъ, что устройству сельскихъ библіотекъ преимущественно и прежде всего можетъ способствовать составленіе нормальныхъ правилъ, а не изысканіе средствъ.—Первообразъ Комитета Грамотности—общество для взаимнаго вспомоществованія чиновниковъ.—Централизирующая сила Петербурга и стремленіе къ тому же Комитета Грамотности.—Нерасчетливо отнимать право обученія у одной части общества.—Только мѣстныя общества могутъ принести пользу народному образованію.—Нѣсколько словъ о дѣятельности неутвержденныхъ до-нынѣ харьковскаго и полтавскаго обществъ.—Сношенія Полтавы съ Комитетомъ Грамотности.—Украина въ-силахъ вести сама дѣло народнаго образованія; факты, это подтверждающіе.—Грусть г. Каткова, которую мы принимаемъ за зловѣстіе, но—не падаемъ духомъ.

Съ 1860 года, когда, благодаря единственно дѣятельности общества, заведено множество воскресныхъ школъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ русской имперіи сознана была потребность—соединить въ *общества грамотности* частныя, разобщенныя силы, готовыя служить дѣлу народ-

наго образованія. Честь основанія какъ первой воскресной школы, такъ и составленія перваго общества грамотности, принадлежитъ Южной Руси.

Мысль о подобномъ обществѣ впервые заявлена была Одессою, потомъ Харьковомъ, Полтавою и, наконецъ, Кіевомъ. Въ обществахъ этихъ приняли участіе люди всѣхъ сословій, возрастовъ и состояній. Въ полтавскомъ обществѣ изъявилъ желаніе быть членомъ и полтавскій епископъ, преосвященный Александръ, человѣкъ, пріобрѣвшій полное уваженіе образованнаго общества. Многіе помѣщики, мѣстные чиновники, учителя гимназій, корпуса и институтовъ, также изъявили желаніе быть членами. Нѣтъ сомнѣнія, что эти общества съ-тѣхъ-поръ сдѣлали бы много для народнаго образованія и упрочили бы существованіе многихъ школъ на самыхъ прочныхъ началахъ, обезпечивъ за ними постоянныя средства содержанія. Общества эти, состоя изъ членовъ самыхъ разнообразныхъ убѣжденій и самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, по всей вѣроятности, шли бы по прямой дорогѣ, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво; при разнообразіи элементовъ, тутъ не могъ бы пріобрѣсть исключительнаго вліянія ни одинъ изъ нихъ, потому что другой, несходный, всегда бы имѣлъ возможность удержать, умѣрить стремленіе къ преобладанію и поставить его въ надлежащія границы. Так. обр., при существованіи этихъ обществъ, правительство имѣло бы вѣрное ручательство въ томъ, что дѣло народнаго образованія ведется безъ увлеченій несбыточными теоріями, безъ неумѣстной проповѣди о такихъ предметахъ, которые недоступны крестьянамъ, — да и общества вели бы свои дѣла гласно, открыто, доступно для правительственнаго наблюденія. Но несмотря на надежды всѣхъ образованныхъ, всѣхъ искренно-преданныхъ дѣлу народнаго просвѣщенія людей, надежды, тѣсно связанныя съ существованіемъ предположенныхъ обществъ грамотности, уставы этихъ обществъ досихъ поръ не получили утвержденія. Бывшій министръ, гр. Путятинъ, не успѣлъ оцѣнить всей пользы подобныхъ учрежденій, а послѣ его увольненія, съ наступленіемъ усиленной дѣятельности по министерству Просвѣщенія, разрѣшеніе ихъ отложено до полнаго, общаго преобразованія учебныхъ заведеній.

Между-тѣмъ, независимо отъ этихъ попытокъ образованія обществъ грамотности,—въ 1861 году открытъ былъ въ Петербургѣ при вольно-экономическомъ обществѣ — *Комитетъ Грамотности*, какъ особое отдѣленіе этого общества, имѣющаго въ виду, между прочимъ, и улуч-

шеніе быта крестьянъ. Мы намѣрены разсмотрѣть дѣятельность этого перваго русскаго общества распространенія грамотности, какъ потому, что оно простираетъ свою дѣятельность на всѣ края имперіи, такъ и потому, что, по его слѣдамъ, могутъ итти тѣ общества, которыя образуются въ провинціяхъ.

Предположеніе объ учрежденіи при Вольно-Экономическомъ Обществѣ отдѣленія для распространенія грамотности заявлено было уже довольно давно. Первая мысль объ этомъ высказана общему собранію 26 мая 1847 года членомъ общества, С. С. Лашкаревымъ. Мысль его была принята съ сочувствіемъ, но, по случаю наступленія вакаціоннаго времени, осталась безъ примѣненія до 1848, а съ наступленіемъ этого года, по случаю произшедшихъ въ Европѣ политическихъ волненій, признано неудобнымъ учреждать подобный комитетъ. Въ 1857, 1859 и 1860 г., когда обстоятельства измѣнились, въ пользу сельскаго населенія, г. Лашкаревъ возобновлялъ свое предложеніе и, въ декабрѣ 1860 г., общество согласилось на учрежденіе комитета грамотности и просило почтеннаго члена, вмѣстѣ съ другими желающими, начертать программу его дѣйствій и представить ее на утвержденіе общаго собранія. 6 апрѣля 1861 года программа была принята и утверждена обществомъ.

Комитетъ обнародовалъ свою программу и приглашалъ всѣхъ лицъ, сочувствующихъ этому учрежденію, войти съ нимъ въ сношеніе. На этотъ вызовъ откликнулось, кромѣ бывшихъ членовъ общества, до 120 лицъ; изъ нихъ 17 особъ женскаго пола, 7 духовныхъ, 3 купца, 3 крестьянина; всего, по отчету обнародованному въ маѣ мѣсяцѣ настоящаго года, комитетъ считаетъ до 180 членовъ, и находится въ сношеніи съ 30 губерніями и, между прочимъ, съ слѣдующими южными: Екатеринославскою, Кіевскою, Полтавскою, Харьковскою, Черниговскою и Херсонскою.

Къ комитету грамотности могутъ приписываться всѣ члены вольно-экономическаго общества, а постороннія лица всѣхъ сословій избираются III отдѣленіемъ общества въ сотрудники, или корреспонденты общества по комитету грамотности. Участіе женщинъ признано весьма полезнымъ. Комитетъ поставилъ себѣ задачею — заботиться о распространеніи грамотности, и разныхъ полезныхъ знаній вообще, въ крестьянскомъ сословіи. Для достиженія этого, въ правилахъ для руководства постановлено: а) комитетъ собираетъ свѣдѣнія

объ учреждающихся и уже существующихъ, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, частныхъ сельскихъ школахъ, пріютахъ, воскресныхъ классахъ и т. п.; б) разузнаетъ объ ихъ состояніи, средствахъ,—встрѣчаемыхъ ими затрудненіяхъ и недостаткахъ; в) обращая при этомъ особенное вниманіе на нужды, высказываемыя самимъ сельскимъ населеніемъ, комитетъ изыскиваетъ мѣры къ устраненію ихъ; старается существующимъ школамъ доставить возможность успѣшнаго дѣйствія, а учреждающимся указать прочныя начала и средства для развитія; г) входя въ сношеніе съ учредителями и преподавателями въ селеніяхъ, комитетъ снабжаетъ ихъ требуемыми указаніями, педагогическими наставленіями и, по возможности, учебными пособіями и распространяетъ полезныя по народному образованію свѣдѣнія чрезъ изданія общества и другія литературные органы; д) комитетъ занимается обсужденіемъ разныхъ методъ преподаванія, разсматриваетъ учебники, руководства и книги для чтенія поселянъ, поощряетъ авторовъ, заслуживающихъ особаго одобренія; старается преслѣдовать печатною гласностію изданія вредныя, идеи, отжившія свой вѣкъ и несоотвѣтствующія требованіямъ современнаго образованія, и учреждаетъ конкурсы для рѣшенія разныхъ вопросовъ, до его дѣятельности относящихся; е) онъ издаетъ разныя книги для народнаго чтенія, руководства и летучіе листки, разсылая ихъ желающимъ и въ сельскія училища, по цѣнѣ, въ какую они обойдутся обществу, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—и безплатно.

Вещественныя средства комитета будутъ состоять изъ возможныхъ ассигнованій на этотъ предметъ со стороны самого общества; изъ постоянныхъ взносовъ, въ размѣрѣ добровольномъ, членовъ комитета; изъ единовременныхъ пожертвованій, или ежегодныхъ взносовъ постороннихъ лицъ и учрежденій, изъ сборовъ за публичныя лекціи, которыя будутъ читаны въ пользу комитета и т. п.

Посмотримъ теперь, какъ комитетъ грамотности выполнилъ начертанную для себя программу и какими средствами онъ въ настоящее время располагаетъ.

Комитетъ обратилъ особенное вниманіе на приготовленіе учителей для сельскихъ школъ. Для разсмотрѣнія этого предмета и практическаго осуществленія его, комитетъ наряжалъ нѣсколько коммиссій и разбиралъ мнѣнія, заявленныя нѣкоторыми членами общества. Мы перечислимъ ихъ кратко. Членъ коммисіи, *Павловъ*, высказалъ слѣдующее мнѣніе: для приготовленія сельскихъ учителей слѣдуетъ вызвать

въ университетскіе города молодыхъ людей изъ крестьянъ (не моложе 14 лѣтъ) подъ условіемъ освобожденія отъ тѣлеснаго наказанія и рекрутства, съ тѣмъ, чтобы приготовить изъ нихъ ремесленниковъ и въ то же время учителей для сельскихъ обществъ, изъ которыхъ будутъ добровольно высланы такія лица на счетъ этихъ обществъ. Этихъ молодыхъ людей помѣстить, при посредствѣ вольно-экономическаго общества, къ ремесленникамъ и механикамъ, съ обязательствомъ отпускать ихъ ежедневно на два часа, или два раза въ недѣлю въ вечернюю школу, или, по праздничнымъ днямъ, въ воскресную. Для этого учредить ежедневную вечернюю школу; обученіе должно быть безплатно; обучающіе равнымъ-образомъ не получаютъ никакого вознагражденія; вознагражденіемъ пользуется одинъ распорядитель, завѣдывающій библіотекою и всѣмъ хозяйствомъ школы.

Другой членъ той же коммисіи, *Резеверъ*, признавалъ болѣе полезнымъ учредить въ селахъ учительскія семинаріи, которыя могутъ быть основаны въ многолюдныхъ—казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ—селахъ, на суммы комитета, мірскихъ обществъ и помѣщиковъ. Приготовленіе сельскихъ учителей изъ дѣтей городскаго населенія представляетъ, по его мнѣнію, ту невыгоду, что эти учителя не станутъ въ близкія и довѣрчивыя отношенія къ сельскому населенію. Напротивъ, учительскія семинаріи въ селахъ могутъ имѣть важныя удобства: крестьянскія дѣти, готовящіяся быть сельскими учителями, оставаясь въ семьѣ, могутъ, въ лѣтніе мѣсяцы, помогать ей въ работахъ, а въ зимніе посвящать все время ученію. *Г. Резеверъ* выразилъ надежду, что, по ходатайству комитета грамотности, издержки на содержаніе семинарій, въ большихъ помѣстьяхъ, примутъ на себя владѣльцы помѣстьевъ.

Членъ комитета, *Лиліенфельдъ*, мировой посредникъ Петергофскаго уѣзда, представилъ проэктъ объ устройствѣ волостныхъ училищъ. Основанія его проэкта слѣдующія: Помѣстить училище въ домѣ, назначенномъ для волостнаго правленія и волостнаго суда, такъ какъ домъ этотъ остается праздынмъ въ теченіи шести дней. Съ должностью письмоводителя соединить и должность учителя. Учебныя пособія покупать на пожертвованія крестьянъ, помѣщиковъ и, вообще, доброхотныхъ дателей, для чего учредить особую кружку. Попечительство надъ этими школами принимаетъ на себя мировой посредникъ или какой нибудь мѣстный помѣщикъ. Повсемѣстную удобопримѣнимость своего проэкта г. Лиліенфельдъ доказываетъ примѣромъ завѣдываемаго

имъ участка, въ которомъ всѣ три волости составили приговоръ объ учрежденіи подобныхъ училищъ. Г. Лиліенфельдъ говоритъ, что онъ, безъ особеннаго труда, пріискалъ за годовой окладъ въ 250 руб., при готовомъ отопленіи съ освѣщеніемъ, трёхъ молодыхъ людей, которые окончили курсъ въ уѣздныхъ училищахъ и имѣютъ весьма достаточныя познанія, чтобы обучать крестьянскихъ дѣтей грамотѣ; кромѣ этихъ троихъ, явились еще нѣсколько человѣкъ съ просьбою доставить имъ подобныя мѣста.

Наконецъ, *г. Погоскій* изложилъ комитету свое мнѣніе о приготовленіи сельскихъ учителей изъ отставныхъ солдатъ. Приготовлять солдатъ къ занятіямъ сельскихъ учителей должны опытные въ дѣлѣ преподованія офицеры въ открытыхъ при войскахъ воскресныхъ, а если можно — и ежедневныхъ, школахъ для народа. Кромѣ посѣщенія этихъ школъ, разрѣшить солдатамъ посѣщать, для наблюденій, и будничныя школы низшаго разряда, т. е. уѣздныя и приходскія школы. Но особенно–важнымъ средствомъ для педагогической подготовки солдатъ было бы учрежденіе, въ центрахъ населенія, гдѣ расположены войска, практическихъ школъ, назначенныхъ собственно для этой цѣли. Комитетъ грамотности беретъ на себя какъ устройство сихъ послѣднихъ школъ, такъ и снабженіе всѣхъ войскъ книгами и вообще учебными пособіями, и указываетъ военному начальству на необходимость упростить формы разрѣшенія этихъ училищъ и дозволить солдатамъ, въ свободное отъ службы время, свободно посѣщать школы. Офицеры, занимающіеся приготовленіемъ солдатъ къ званію сельскихъ учителей, поступаютъ въ члены комитета грамотности, и уже какъ члены выдаютъ солдатамъ, пріобрѣвшимъ познаній на столько, чтобы быть сельскими учителями, аттестаты, имѣющіе значеніе рекомендацій.

Независимо отъ этихъ частныхъ мнѣній, заявленныхъ членами, комитетъ приступалъ къ этому вопросу съ практической стороны, т. е. хотѣлъ учредить собственную школу, для приготовленія сельскихъ учителей. Еще въ 1860 году, членъ комитета грамотности, *г. Золотовъ*, получилъ разрѣшеніе отъ министерства народнаго просвѣщенія, на устройство подобной школы. Комитетъ грамотности, независимо отъ хода дѣла по устройству школы Золотова, избралъ коммисію для составленія соображеній объ устройствѣ школы для сельскихъ учителей, предварительно рѣшивъ вопросъ, слѣдуетъ ли учреждать подобную школу, такъ–какъ нѣкоторые члены признавали это преждевременнымъ. Дѣятельность

этой коммисіи ограничилась заявленіемъ вышеизложенныхъ мнѣній Павлова и Резенера. Затѣмъ, комитетъ возложилъ, 14 декабря 1861 года, на бюро (завѣдывающее распорядительною частію), обязанность составить соображенія объ устройствѣ хотя одного класса для приготовленія сельскихъ учителей, и просилъ *г. Студитскаго* высказать и свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, съ тѣмъ, чтобы устроенная школа, или классъ, находилась подъ его руководствомъ, за что комитетъ обѣщалъ ему денежное вознагражденіе. Хотя, въ маѣ 1861 года, г. Студитскій и предлагалъ комитету объяснять свою методу преподаванія въ домѣ общества, но на сей разъ, по измѣнившимся обстоятельствамъ, отказался отъ участія въ предполагаемой при обществѣ школѣ; однакожъ какъ членъ, представилъ свои соображенія объ устройствѣ этой школы. Соображенія эти состоятъ въ слѣдующемъ: школа должна быть ежедневная; предметами обученія должны быть не грамота только, а указаніе способа обученія грамотѣ; для привлеченія въ школы учениковъ необходимо обезпечить будущность ихъ.

Бюро, между–тѣмъ, доложило комитету о необходимости новой коммисіи, которая бы приняла въ соображеніе все высказанное по этому вопросу и убѣдилась окончательно, въ какомъ видѣ, размѣрѣ и гдѣ должна быть учреждена подобная школа; можно ли ограничиться школою *г. Золотова*, уже имѣющаго на то необходимыя права, или устроить ее, съ разрѣшенія высшаго начальства, при обществѣ, или, наконецъ, внѣ столицы. Таково было положеніе вопроса до 8 января 1862 г.», пишетъ составитель отчета о дѣйствіяхъ комитета грамотности,

Въ это время, *г. Золотовъ* вошелъ въ комитетъ съ своимъ предложеніемъ по этому предмету. Объяснивъ причины, препятствовавшія до того времени открытію его школы, онъ предлагалъ открыть немедленно же безплатное училище для сельскихъ наставниковъ, не требуя отъ комитета никакого матеріальнаго вспомоществованія. Онъ просилъ только, чтобы комитетъ, посредствомъ особаго объявленія, пригласилъ желающихъ имѣть учителей, приготовленныхъ въ этомъ училищѣ, прислать въ комитетъ свѣдѣнія: куда нужны сельскіе учителя, какимъ содержаніемъ они будутъ пользоваться въ этой должности и примутъ ли требователи на свой счетъ путевыя издержки. Г. Золотовъ заявилъ при этомъ, что у него есть въ виду нѣсколько человѣкъ, желающихъ приготовиться къ званію сельскаго учителя, и что они могутъ быть приготовлены въ три мѣсяца, если будутъ имѣть въ виду учительскія должности. Предложеніе г. Золотова вызвало въ комитетѣ вопросъ:

слѣдуетъ ли остановиться на школѣ Золотова, уже имѣющаго разрѣшеніе на открытіе подобнаго училища, или слѣдуетъ избрать особую коммиссію, которая занялась бы соображеніями, указанными въ положеніи бюро 5 января? Пренія кончились единодушнымъ принятіемъ предложенія Золотова; въ то же время избрана была коммисія, на которую возложено было наблюденіе за ходомъ этого заведенія и попеченіе о развитіи дѣла образованія сельскихъ учителей посредствомъ содѣйствія заведенію Золотова или посредствомъ учрежденія еще другой школы въ столицѣ, или внѣ оной. Но до сей поры школа г. Золотова не открыта.

Другой, тоже очень важный вопросъ, обративъ на себя вниманіе комитета, былъ вопросъ о распространеніи книгъ, изданныхъ для народа, посредствомъ облегченія пересылки и удешевленія ихъ цѣнъ. По этому предмету г. Щебальскій представилъ проэктъ, сущность котораго состоитъ въ томъ, чтобы комитетъ сдѣлался посредникомъ между издателями и авторами съ одной стороны и жителями провинцій съ другой, распространяя между ними книги посредствомъ мировыхъ посредниковъ и учителей уѣздныхъ училищъ и гимназій, какъ агентовъ общества. Хотя коммисія, избранная для обсужденія этого проэкта, признала его весьма полезнымъ въ примѣненіи, но большинство членовъ комитета и бюро нашли его неудобоисполнимымъ. Пріемъ и разсылка книгъ, расчеты съ издателями, авторами и мѣстными агентами должны вовлечь комитетъ въ длинную переписку и сопровождаться неизбѣжною запутанностію и неудовольствіями; безплатная разсылка книгъ неудобна, такъ-какъ больше пуда въ день вольно-экономическое общество не вправѣ посылать по почтѣ, и была бы злоупотребленіемъ правъ предоставленныхъ обществу. Было сдѣлано предложеніе объ учрежденіи коммисіонерствъ при правительственныхъ или общественныхъ учрежденіяхъ, какъ, напримѣръ, при губернскихъ правленіяхъ, городскихъ думахъ, волостныхъ правленіяхъ, потому-что эти мѣста представляютъ наиболѣе обезпеченія въ правильности веденія этого дѣла. Послѣ всѣхъ этихъ предложеній, разсужденій и рѣшеній, комитетъ однакожъ не пришелъ ни къ какому окончательному убѣжденію, поручивъ особой коммиссіи составить соображенія относительно устройства въ губерніяхъ по уѣздамъ и селамъ складовъ книгъ, или коммисіонерствъ, для ихъ продажи.

Желая распространить свѣдѣніе о вышедшихъ книгахъ для народнаго обученія и чтенія, комитетъ призналъ необходимымъ составить

каталогъ этихъ книгъ съ показаніемъ ихъ цѣнъ, затѣмъ обнародовать рецензіи на каждую изъ нихъ. Какъ каталогъ, такъ и рецензіи 36 изданій составлены: первый особою коммисіею, вторыя г. Толемъ, но, къ сожалѣнію, послѣднее до-сихъ-поръ не обнародовано, хотя въ этомъ настоитъ крайняя надобность.

Доходъ общества простирался до 600 р., и состоялъ изъ ежегодныхъ взносовъ, изъ суммъ, собранныхъ за чтеніе лекцій С. И. Барановскимъ объ изобрѣтеніи *духохода*, и за музыкальный вечеръ въ пользу комитета. Кромѣ того, члены комитета сдѣлали пожертвованія книгами, что̀ дало возможность разослать безплатно болѣе 800 экз. книгъ и 15 экз. картинокъ изъ евангельской исторіи.

Распространившись о дѣятельности комитета грамотности, по вышеуказаннымъ причинамъ, мы не можемъ не высказать нѣсколькихъ замѣчаній объ этой дѣятельности.

Комитетъ грамотности имѣетъ желаніе сдѣлаться обществомъ распространенія грамотности для цѣлой имперіи. Мы думаемъ, что онъ избралъ для своей дѣятельности слишкомъ огромную область. Нѣтъ сомнѣнія, онъ найдетъ поддержку своему стремленію, чему служатъ доказательствомъ сношенія его съ 30 губерніями и притягательная сила, которую до-сихъ-поръ имѣетъ Петербургъ для провинцій, не безъ вреда симъ послѣднимъ. Но будетъ ли онъ имѣть желанный успѣхъ при одномъ этомъ условіи? Раскидываясь во всѣ стороны, заводя огромную переписку съ отдаленными мѣстностями, состоя изъ членовъ разсѣянныхъ по цѣлой имперіи, онъ, естественно, не можетъ сосредоточить своего вниманія на одномъ главномъ предметѣ, не въ состояніи будетъ сохранить дѣйствительное наблюденіе надъ своими заведеніями, учрежденными въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Онъ испытаетъ на себѣ всѣ невыгоды централизаціи: медленность письменныхъ сношеній съ большинствомъ своихъ членовъ, охлажденіе сихъ послѣднихъ къ дѣлу, котораго они не видятъ у себя передъ глазами, а смотрятъ на него издали, несоотвѣтствіе средствъ съ потребностями обширнаго пространства его дѣятельности. Появленіе комитета грамотности при В.—Экономическомъ обществѣ, въ С.-Петербургѣ, съ такою обширною задачею, въ такой дали отъ мѣстъ, гдѣ должна проявляться его дѣятельность, мы приписываемъ тому обстоятельству, что образовавшіяся общества распространенія грамотности въ другихъ краяхъ имперіи до-сихъ-поръ не получили разрѣшенія отъ правительства. Кто сталъ бы, при существованіи мѣстныхъ обществъ, дѣй-

ствовать съобща на мѣстѣ, искать помощи и содѣйствія въ своемъ краѣ, разрѣшать вопросы собственными силами на основаніи мѣстныхъ обстоятельствъ и осуществлять практическія цѣли изысканіемъ мѣстныхъ средствъ,—тотъ, при отсутствіи мѣстныхъ обществъ, принужденъ отвлекаться въ сторону, тратить время, искать указаній, наставленій и средствъ вдали, въ столицѣ,—не замѣчая того, что́ у него передъ глазами, не подозрѣвая таящихся силъ, скрывающихся средствъ въ мѣстѣ своего жительства. Общество, избравшее для своей дѣятельности такое обширное пространство, безсильно сдѣлать что–нибудь прочное въ одномъ мѣстѣ, растрачивая свои очень ограниченныя средства по мелочамъ, то тамъ, то сямъ. Вмѣсто того, чтобы практическою дѣятельностію на мѣстѣ вызвать сочувствіе и денежное участіе мѣстныхъ жителей, оно бросается вдаль, ищетъ себѣ членовъ въ Одессѣ, на Кавказѣ, въ Камчаткѣ и Богъ–знаетъ гдѣ. Комитетъ выставляетъ на видъ свои сношенія съ *тридцатью* губерніями; съ канцелярской точки зрѣнія это великій успѣхъ, широкая дѣятельность... Но для человѣка незараженнаго бюрократическими привычками, бумажныя сношенія, хоть бы и съ такимъ числомъ губерній, показываютъ только доброе желаніе и бумагописную дѣятельность комитета, но для самого дѣла значатъ не много, почти–что ничего. При этомъ, мы поражены еще тѣмъ грустнымъ явленіемъ, что общество грамотности, дѣйствующее въ такомъ городѣ какъ Петербургъ, гдѣ живутъ богатѣйшіе купцы, земле-владѣльцы и чиновники, имѣло въ годовомъ оборотѣ всего 600 р.—Намъ скажутъ: да чѣмъ же виноватъ комитетъ? Вѣдь онъ обнародовалъ свою программу,—онъ вызывалъ сочувствіе общества печатаніемъ протоколовъ своихъ засѣданій... Вотъ тутъ–то и обнаруживается безплодность *одного* письма да печати. Еслибы комитетъ, не задаваясь столь широкой задачей, успѣлъ завести сношеніе съ 30 богатыми людьми, сочувствующими дѣлу народнаго образованія и готовыми удѣлить на этотъ предметъ малѣйшую частицу своего, нажитаго съ помощью народа, богатства, онъ выигралъ бы больше чѣмъ сношеніями съ 30 губерніями. Сочувствіе къ распространенію образованія народа—не мода только; людей готовыхъ жертвовать можно найти очень много. Но для этого нужна дѣятельность, нужны личныя сношенія, нуженъ не тѣсный кружокъ людей, разсуждающихъ въ самомъ комитетѣ и внѣ его совершенно–забывающихъ о его дѣлѣ, а Общество, составленное изъ членовъ различныхъ слоевъ общества, дѣйствующихъ и внѣ засѣданій комитета, распространяющихъ о немъ извѣстность, возбуждающихъ уча-

стіе. О существованіи комитета грамотности знаютъ весьма не многіе; очень часто приходится читать въ ежедневной печати сожалѣніе о томъ, что у насъ нѣтъ ни одного общества распространенія грамотности. Причина малой извѣстности комитета грамотности еще та, что органъ его—«*Труды Вольно-Экономическаго Общества*»—изданіе малораспространенное, покрайней-мѣрѣ—мало читаемое. Не мало способствовало этому и то, что комитетъ ограничивался только печатью и не старался возбудить вниманіе къ своему существованію, къ предмету своей дѣятельности, живымъ сношеніемъ съ обществомъ. Не такъ дѣйствуютъ подобныя Общества у другихъ народовъ: задумавъ осуществить какое-нибудь предпріятіе, они прежде всего стараются обратить на него вниманіе общества; для этого они помѣщаютъ статьи въ газетахъ, издаютъ отдѣльныя брошюры, открываютъ чтенія, а главное—дѣйствуютъ живымъ словомъ въ живомъ обществѣ. Публика вѣчно занята своими ближайшими дѣлами и ей нужно ставить предметъ предъ глазами, чтобъ она его замѣтила.

Отмѣривъ для своей дѣятельности столь громадную площадь, комитетъ грамотности начерталъ для себя довольно неопредѣленную программу, отчего также произошла неопредѣленность и малоуспѣшность его дѣйствій. Какую цѣль должно имѣть всякое общество распространенія грамотности между народомъ? Цѣль практическую, — учрежденіе школъ и библіотекъ, изданіе и распространеніе книгъ. Теоретическое разъясненіе разныхъ вопросовъ, изложеніе системъ, изысканіе лучшихъ способовъ осуществленія того или другаго предпріятія—важно только въ томъ случаѣ, когда объ руку съ этимъ общество работаетъ на практикѣ; теоретическое разъясненіе — это дѣло ученыхъ обществъ, журналовъ и газетъ. Между тѣмъ, комитетъ грамотности, въ-продолженіи годоваго своего существованія, занимался больше разсужденіями о школахъ, чѣмъ школами въ-дѣйствительности. Особенно, онъ много толковалъ объ учрежденіи школы для образованія учителей, наряжалъ нѣсколько коммиссій, выслушивалъ мнѣнія бюро и отдѣльныхъ членовъ. Но школы до сей поры не устроилъ. Г. Золотовъ предлагаетъ свое содѣйствіе обществу въ осуществленіи его желанія основать школу; онъ не требуетъ отъ комитета никакаго денежнаго пособія и проситъ только помощи комитета въ отысканіи мѣстъ для учителей, которыхъ онъ приготовитъ въ своей школѣ. Казалось бы, комитетъ долженъ былъ безъ возраженія принять это предложеніе. Нѣтъ, въ средѣ его возбуждается вопросъ, идутъ самыя оживленныя

пренія о томъ, слѣдуетъ ли остановиться на школѣ г. Золотова, уже имѣющаго разрѣшеніе на открытіе подобнаго училища, или слѣдуетъ составить особую коммисію, которая занялась бы соображеніями, указанными въ положеніи бюро 5 января? Комитетъ забылъ, что всѣ прежнія его коммиссіи по этому предмету ни къ чему не привели; что можно годы составлять соображенія и дѣло не подвинется ни на шагъ; что неуспѣхъ задуманнаго еще въ 1860 г. Золотовымъ училища для сельскихъ учителей произошелъ отъ препятствій практическихъ, которыя комитетъ могъ бы устранить, но не позаботился устранить, занятый составленіемъ соображеній, — забылъ все это и въ оживленныхъ и горячихъ спорахъ провелъ время надъ рѣшеніемъ— поставленнаго—изъ общей намъ страсти разсуждать—вопроса. Намъ скажутъ, что заданный комитетомъ вопросъ естественно вытекалъ изъ положенія дѣлъ общества; притомъ, уясненіе какого бы то ни было вопроса ни въ какомъ случаѣ не можетъ повредить дѣлу, а напротивъ всегда приноситъ пользу. Едвали это такъ. Если общество, имѣющее ввиду практическую цѣль, занимается соображеніями и только соображеніями, возбуждаетъ ненужные вопросы, ведетъ одни лишь пренія, наряжаетъ частыя безпослѣдственныя коммиссіи, и это продолжается болѣе года,—такое общество положительно идетъ по ложному пути,—(воду толкутъ, сказалъ бы народъ). Положимъ, я хозяинъ, и мнѣ нужно проложить дорогу къ водопою, но у меня нѣтъ денегъ на это дѣло—и оно будетъ въ застоѣ, несмотря на то, что въ теченіи этого времени я составилъ нѣсколько соображеній и проэктовъ, дѣлалъ разныя изысканія, велъ горячія и оживленныя пренія съ моими сосѣдями. Но вотъ, черезъ годъ сосѣдъ предлагаетъ проложить дорогу, которая можетъ быть такъ же полезна ему, какъ и мнѣ, требуя отъ меня содѣйствія по моимъ средствамъ. Я не принимаю его предложенія, но прежде вступаю съ нимъ и съ другими сосѣдями въ разсужденія о томъ, что, можетъ быть, я и собственными средствами могу построить дорогу. Не вправѣ ли они сказать, что я вступаю въ разглагольствія рѣшительно безъ нужды, изъ одной дурной привычки вести оживленные споры о всякомъ дѣлѣ и возбуждать вопросы тамъ, гдѣ ненужно? Не вправѣ ли они сказать мнѣ: какъ вамъ нестыдно попусту тратить время, когда дѣло такъ очевидно, когда вы годъ о немъ думали и должны были уяснить себѣ его, когда у самихъ васъ, въ данную минуту, нѣтъ средствъ осуществить предпріятіе? Еслибы они, судя по нѣсколькимъ подобнымъ случаямъ, составили обо мнѣ мнѣніе, какъ о человѣкѣ непрактическомъ,

какъ о схоластикѣ, который любитъ разсуждать къ дѣлу и не къ дѣлу, какъ о человѣкѣ, который, за составленіемъ соображеній, забываетъ самое дѣло, они были бы совершенно правы.

Пристрастіемъ къ разсужденіямъ и составленію соображеній, мы объясняемъ и учрежденіе коммиссіи для составленія нормальныхъ правилъ для сельскихъ библіотекъ. Это трудъ совершенно напрасный. Внѣшняя сторона устройства библіотекъ—послѣднее дѣло въ этомъ предпріятіи. Но комитетъ дѣйствительно составилъ эти правила, въ которыхъ подробно говорится какъ устраивать шкафы, какъ располагать въ нихъ книги,—даже преподаны предостереженія насчетъ охраненія книгъ отъ сырости!.. Право, смѣшно подумать, что общество, состоящее изъ столькихъ умныхъ людей, занимается не дѣломъ, а бездѣльемъ, выводитъ крышу прежде основанія... Не ясно ли, что эти правила — мертвая буква, ненужная регламентація; что составленіе ихъ есть пустое препровожденіе времени, служащее притомъ поводомъ къ самообольщенію членовъ, увѣренныхъ, что они заняты дѣломъ. Мы, покрайней мѣрѣ, не понимаемъ, къ чему могутъ служить подобныя правила. Мы не думаемъ, чтобы обнародованіе ихъ вызвало къ учрежденію хоть одной библіотеки. Кто найдетъ средства завесть въ селѣ библіотеку,—найдется и какъ ее устроить; при небольшомъ числѣ книгъ это весьма удобно, особенно для того, кто съумѣлъ совершить труднѣйшую часть дѣла—пріобрѣтеніе самихъ книгъ. Еслибы человѣкъ самый простой, практическій, задумалъ составить библіотеку, онъ прежде позаботился бы добыть денегъ; затѣмъ, купилъ бы книгъ и уже потомъ подумалъ бы, какъ ихъ расположить. Наши же ученые люди, не учредивъ ни одной библіотеки, не изыскавъ средствъ къ этому, тѣшатъ себя составленіемъ нормальныхъ правилъ и воображаютъ, что они дѣло дѣлаютъ. Способность разсуждать и соображать, подъ вліяніемъ канцелярій, превратилась у современнаго русскаго человѣка, или справедливѣе сказать, у петербуржца, въ несносное книжничество, въ умничанье, во вредъ дѣйствительному успѣху дѣла.

Говоря всё это, мы спѣшимъ заявить, что считали своимъ долгомъ указать на ошибочный путь, избранный членами комитета, (имена которыхъ пользуются въ публикѣ заслуженною извѣстностью), по двумъ причинамъ: по важности самого дѣла, о чемъ, какъ о предметѣ очевидномъ для всякаго, мы не будемъ распространяться,—и по распространенности между мыслящими петербуржцами недостатка, который былъ причиною непрактичности комитета и малоуспѣшности его пред-

пріятія. Намъ случилось побывать въ двухъ начинавшихъ организоваться обществахъ съ практическою цѣлію: въ обществѣ для взаимнаго вспомоществованія гражданскихъ чиновниковъ и въ другомъ, имѣющемъ почти одинаковую цѣль съ комитетомъ грамотности. Изъ наблюденій надъ тѣмъ и другимъ, мы вынесли убѣжденіе, что образованные петербуржцы глубоко заражены резонерствомъ, наклонностію къ регламентаціи, и лишены яснаго практическаго взгляда. Мы намѣрены говорить о первомъ, не касаясь втораго, по той причинѣ, что оно еще не кончило своего дѣла. Въ собиравшемся обществѣ для взаимнаго вспомоществованія гражданскихъ чиновниковъ было что́–то очень молодое, даже не будетъ преувеличенія, если мы скажемъ—дѣтское:— и это нетерпѣливое желаніе высказаться, и эта не у мѣста заявленная ученость, показывавшая въ ораторѣ знаніе даже китайской исторіи, и эта страсть возражать всѣмъ и противъ всего, и эта самоувѣренность разомъ и одними силами сдѣлать то, что́ у другихъ народовъ дѣлалось нѣсколькими десятками лѣтъ, и посредствомъ многихъ силъ. Общество, напримѣръ, думало осуществить слѣдующія предпріятія: завесть лавки съѣстныхъ припасовъ и магазины платья, основать справочную контору и типографію, устроить мужскія и женскія училища, учредить кассу, устроить дома для квартиръ чиновниковъ и наконецъ основать для престарѣлыхъ чиновниковъ внѣ Петербурга особыя колоніи, или, говоря языкомъ ораторовъ и протоколистовъ общества, выселки. Нельзя было безъ смѣха слышать, какъ *сокъ умной молодежи* два битыхъ часа велъ оживленную полемику о томъ, можно ли или нѣтъ оставить въ проэктированной статьѣ устава выраженіе: *развить трудъ*, такъ–какъ нѣкоторые справедливо замѣтили, что подобное выраженіе грѣшитъ противъ языка. Видно было, что ораторы не лишены знаній и образованія, видно было, что предъ тѣмъ они прочитали нѣкоторыя книжки о подобныхъ обществахъ. Но къ чему все это вело? Къ одному резонерству, если не хвастовству. Такъ мы помнимъ, какъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ, de facto—руководитель собраній и одинъ изъ первыхъ, послѣ г. Высоцкаго, предпринимателей, по поводу вопроса о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ предоставить обществу право исключать членовъ за безнравственные поступки, началъ говорить о томъ, что смертная казнь даже въ Европѣ считается величайшимъ варварствомъ и что жестокость противна современнымъ нравамъ. Всѣмъ извѣстно, чѣмъ кончилось затѣянное общество: многіе члены, видя пустословіе и отсутствіе практичности, перестали бывать;

главные предприниматели очень долго, едвали не болѣе года, составляли уставъ, и конецъ концовъ—общество не состоялось, тогда-какъ въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ мысль о взаимномъ вспомоществованіи перешла въ дѣло, и въ настоящее время существуютъ и дѣйствуютъ тамъ подобныя общества. Конечно, можно сказать навѣрное, что, со времени дѣятельности этихъ обществъ, члены ихъ не пріобрѣли возможности ѣсть на сребряныхъ тарелкахъ и пить чай изъ золотыхъ чашекъ,—къ чему повидимому стремились благородные и многоуважаемые петербургскіе чиновники,—но навѣрное имъ легко въ половинѣ мѣсяца до полученія жалованья занять, въ случаѣ нужды, десять или двадцать руб. и не голодать съ семействомъ.

Мы глубоко убѣждены, что только мѣстныя общества распространенія грамотности могутъ быть полезны для народнаго образованія; мы глубоко убѣждены, что только тогда это дѣло двинется впередъ, когда вся русская имперія покроется подобными обществами; мы не сомнѣваемся, что всякое иное общество съ централизаціонными стремленіями, съ претензіями на званіе всероссійскаго, подобно комитету грамотности, никогда не будетъ имѣть прочнаго, измѣряемаго не обширностію бумажнаго дѣлопроизводства, а истинною пользою, успѣха. Крайне было бы нелѣпо, еслибы въ то время, когда чувствуется неотложная потребность въ развитіи мѣстныхъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, когда сознана истина, что каждый край русской имперіи заключаетъ въ себѣ нравственныя средства для удовлетворенія своихъ потребностей, что только близорукость заставляла многихъ искать ихъ вдали, а лѣнь заставляла полагаться на другихъ, чтобы въ это время наши мѣстные дѣятели сами напросились подчиниться чуждому для нихъ обществу, захотѣли создать для себя еще одну лишнюю централизацію, еще одного регламентатора, издающаго для нихъ нормальныя правила. Мы говоримъ, нелѣпо было бы все это, и въ то же время съ прискорбіемъ видимъ, что это возможно. Привычка имѣетъ неотразимую власть надъ человѣкомъ... а мы знаемъ, чѣмъ былъ и чѣмъ до сихъ-поръ остается Петербургъ для жителей разныхъ краевъ имперіи, не въ административномъ только смыслѣ, но и въ смыслѣ нравственномъ. До-сихъ-поръ, напримѣръ, въ Южной Руси многіе отцы считаютъ за величайшее счастье, если ихъ дѣти попадаютъ на службу въ Петербургъ, какъ-бы низко ни было ихъ положеніе; до-сихъ-поръ любимѣйшею мечтою многихъ нашихъ юношей, по окончаніи университета или гимназіи, уѣхать въ столицу; даровитѣйшіе же считаютъ несовмѣстнымъ съ своими даро-

ваніями оставаться на родинѣ и заниматься какимъ-нибудь скромнымъ, но полезнымъ дѣломъ. Въ Петербургѣ не рѣдкость встрѣтить молодыхъ людей изъ Южной Руси, имѣющихъ хорошее состояніе, и прозябающихъ въ званіи канцелярскаго, или близкомъ къ нему, но—въ министерскихъ канцеляріяхъ... Для такихъ людей мы не находимъ оправданія, какъ бы ни было велико пустое тщеславіе и произволъ ихъ родителей. Въ-оправданіе часто указываютъ на пустоту нашей областной жизни, на крайнюю отсталость и равнодушіе нашего общества къ общему благу съ одной стороны, а съ другой — на развитость общества въ Петербургѣ, на богатство средствъ для умственнаго образованія, на здѣшнюю литературу, оперу и театръ, и вообще на богатство удовольствій и средствъ къ труду и заработкамъ. Но нужно сказать, что общественная жизнь Южной Руси оттого и стоитъ не на той степени, на какой бы она могла стоять, что все молодое и даровитое уѣзжаетъ оттуда или въ столицы, или въ другіе отдаленные города, также въ войска, покидая сёла и маленькіе города и лишая отчизну дорогихъ силъ. Что́ же касается до удобствъ жизни петербургской, то нѣкоторыя изъ нихъ доступны и на родинѣ; другія же, по нашему мнѣнію, составляютъ предметъ роскоши, а не необходимости, и человѣкъ, любящій свою родину и смотрящій на жизнь серьезно, легко безъ нихъ обойдется, да, вдобавокъ, сбережетъ и деньги и здоровье.

Мы не теряемъ надежды на поворотъ дѣла народнаго образованія къ лучшему; мы не покинули увѣренности, что министерство просвѣщенія, вмѣстѣ съ введеніемъ приготовляемыхъ нынѣ преобразованій въ системѣ всего нашего образованія, дозволитъ учреждать, во всѣхъ краяхъ имперіи, общества для распространенія грамотности. Въ противномъ случаѣ, министерство лишитъ народъ содѣйствія громадныхъ силъ и громадныхъ средствъ, готовыхъ послужить его образованію; въ противномъ случаѣ, самая обширная правительственная система народнаго образованія, поставленная внѣ всякаго соревнованія, будетъ обречена на жалкое существованіе, лишена будетъ духа жизни, и будетъ питаться, жить и двигаться толчками извнѣ; въ противномъ случаѣ, образованіе народа сдѣлается какою-то монополіею и русская земля будетъ имѣть несчастіе испытать, подобно нынѣшней Франціи, всѣ невыгоды такой монополіи. Было бы положительно вредно—отнять у многочисленныхъ членовъ общества, непринадлежащаго ни къ правительству, ни къ духовенству,—право учить народъ. Имѣющимъ въ рукахъ своихъ власть нечего бояться, что независимые люди станутъ вести дѣло народнаго образованія по ложъ-

ной дорогѣ. Въ рукахъ власти всѣ законныя средства остановить заблуждающихся, въ ихъ рукахъ—правильно и законно-установленный судъ. Притомъ же подобный страхъ лишонъ дѣльнаго основанія; общество, въ которомъ живутъ всѣ элементы отъ самаго консервативнаго до самаго радикальнаго,—при естественномъ ходѣ дѣла никогда не наложитъ на себя рукъ: это было бы противно человѣческой природѣ. Противоположныя явленія происходятъ при неправильномъ и одностороннемъ развитіи народа, при подавленіи и раздраженіи его пробуждающихся силъ, при недовѣріи къ честнымъ людямъ, при неумѣньи—давать надлежащій исходъ юношескимъ увлеченіямъ и направлять общественное мнѣніе, безъ подавленія и запрещенія разнообразныхъ мнѣній. Противъ ложныхъ страховъ говоритъ и то, подтверждаемое свидѣтельствомъ глубокихъ наблюдателей, обстоятельство, что народъ, по своей природѣ, показываетъ полное нерасположеніе къ отвлеченнымъ ученіямъ,—будь это ученія Фейербаха, Прудона, или глубокомысленныя ученія Филарета, или какого-нибудь древняго отца церкви. Поэтому, навѣрное можно сказать, что тѣ немногіе, недоучившіеся и не научные опытомъ проповѣдники, которые рѣшаются излагать народу отвлеченныя ученія новѣйшей философіи, не могутъ имѣть успѣха у нашего народа, и если они не научатся лучше понимать народъ и правильнѣе смотрѣть на призваніе народнаго учителя, то и среди народа и среди общества они останутся одинокими идеологами, безвредными для естественнаго народнаго развитія; народъ ихъ не пойметъ, не узнаетъ и отворотится отъ нихъ, какъ отъ людей, у которыхъ, по его мнѣнію, умъ за разумъ зашелъ.

Пользы для южнорусскаго народа отъ обществъ распространенія грамотности можно ожидать въ томъ только случаѣ, когда эти общества будутъ существовать на мѣстѣ, по возможности въ каждомъ губернскомъ городѣ. Мѣстныя общества станутъ дѣйствовать основательнѣе комитета грамотности, понятно—почему: они будутъ состоять изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, изъ мѣстныхъ чиновниковъ, учителей, духовенства, не пріобрѣвшихъ привычки законодательствовать, какъ пріобрѣлъ ее петербуржецъ; они, вѣдь, никогда не участвовали въ составленіи разныхъ законодательныхъ проэктовъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, болѣе или менѣе неприложимыхъ, не присутствовали при изысканіи иноземныхъ учрежденій для удовлетворенія потребностей нашего народа. Какъ люди, безъ подобныхъ привычекъ, они посмотрятъ на дѣло проще, постараются воспользоваться тѣмъ, что у нихъ подъ ру-

кой, и не съумѣютъ гоняться за блестящими, отдаленными, призраками. Въ-подтвержденіе, можно указать на членовъ обществъ распространенія грамотности въ Харьковѣ и Полтавѣ, обществъ пока не разрѣшенныхъ, но имѣвшихъ предварительныя совѣщанія, съ цѣлію установить правила для своего существованія. Члены Харьковскаго общества имѣютъ капиталъ въ 700 р. Очевидно, что это — капиталъ первоначальный, составленный при первыхъ совѣщаніяхъ, и что увеличеніе его пріостановилось по той причинѣ, что правительство до-сихъ-поръ не дало своего позволенія на открытіе общества. Но даже и теперь складочный его капиталъ превышаетъ капиталъ комитета грамотности. Извѣстно также, что лица, которыя хотятъ составить общество, давно уже, вмѣсто сочиненія соображеній и наряженія коммисій, приготовляютъ учителей для сельскихъ школъ и уже получили оффиціальное разрѣшеніе для школы учителей. Наконецъ, харьковскіе дѣятели позаботились о распространеніи книгъ, изданныхъ для народа. Такъ, чтобы хотя отчасти облегчить желающимъ покупку народныхъ книгъ, дано было, изъ первоначальной складочной суммы, 100 р. г. Кокерскому на выписку книгъ; вырученныя отъ продажи деньги снова были затрачены на покупку книгъ для народа; г. Кокерскому поручено также—взять на себя отъ петербургскихъ книгопродавцевъ коммисіонерство по торговлѣ народными книгами. Такъ-какъ, съ 1-го іюня текущаго года, открыта въ Харьковѣ книжная торговля Е. С. Баллиной, то харьковцы вошли съ г-жею Баллиной въ соглашеніе, вслѣдствіе котораго въ ея магазинѣ народныя книги будутъ продаваться для воскресныхъ школъ и для будущаго общества грамотности по петербургскимъ цѣнамъ, съ уступкою 10%, за исключеніемъ немногихъ книгъ. Полтавскіе дѣятели по народному образованію также съ успѣхомъ трудились для этого дѣла. Они учредили нѣсколько школъ, (въ г. Полтавѣ ихъ было 6) и ясно понимая значеніе роднаго языка въ первоначальномъ обученіи, заботились о распространеніи дешевыхъ изданій на украинскомъ языкѣ; (*) они читали прошедшею зимою, для простаго народа въ Полтавѣ, о такихъ предметахъ, какъ дождь, снѣгъ, громъ, устройство земли и т. п. И конечно, дѣятельность ихъ была задержана тѣмъ, что общество, ими учрежденное, не разрѣшено.

(*) Что они вѣрно угадали живую, естественную, потребность народа, видно изъ одного несомнѣннаго свѣдѣнія, что въ нѣсколькихъ уѣздахъ Полтавской и, отчасти, Харьковской и Екатеринославской губ., *въ 9 мѣсяцевъ*, разошлось *12,000 слишкомъ* разныхъ украинскихъ книжечекъ, цѣною отъ 3 до 15 к. ср. каждая.

Еслибы насъ спросили, что́ нужно для того, чтобы общества грамотности приносили дѣйствительную, осязаемую, пользу, мы бы сказали, что ему нужны деньги и, прежде всего, деньги. Мы убѣждены, что не столько въ людяхъ, сколько въ деньгахъ нуждается дѣло народнаго образованія. Насъ спросятъ: откуда ихъ взять, и какими средствами пріобрѣсть? Средствъ пріобрѣтенія много и мнѣнія объ этомъ различны. Нѣкоторые петербуржцы думаютъ, что легчайшій способъ пріобрѣтенія денегъ (конечно, не для себя лично, а для общества) состоитъ въ томъ, чтобы сперва перечитать разныя книги о разныхъ обществахъ на западѣ и потомъ вести горячіе споры о примѣненіи тамошнихъ началъ къ нашей мѣстности. Мы же думаемъ, что слѣдуетъ приступать прямо къ дѣлу: заботиться объ увеличеніи числа членовъ, которые могли бы постоянно доставлять необременительные, но въ то же время, не очень малые взносы. Потомъ, надо такъ вести дѣло, чтобы возбудить къ нему вниманіе, а затѣмъ и сочувствіе всего общества, чтобы, вслѣдствіе общаго настроенія, явились люди, которые бы рѣшились жертвовать, на пользу народнаго образованія, болѣе установленнаго взноса. Такіе люди всегда найдутся въ обществѣ. Готовность жертвовать есть черта людей искреннихъ; горячо – любящихъ честное дѣло; а такіе люди бываютъ даже среди падающихъ и испорченныхъ обществъ, а тѣмъ болѣе они возможны въ народѣ возрождающемся. Если аристократія западно–русскаго края, въ XVII и XVIII вѣкѣ, жертвовала такія огромныя суммы на училища, аристократія наиболѣе эгоистическая, наиболѣе испорченная,—не можетъ быть, чтобы въ наше время, въ вѣкъ стремленія къ улучшенію всѣхъ сословій и преимущественно сельскихъ,—не нашлось людей, для которыхъ современныя убѣжденія были бы не однимъ только дѣломъ моды—интереснымъ матеріаломъ для салонной, журнальной и кабинетной болтовни. Но для этого прежде всего необходимо горячая преданность дѣлу самихъ дѣятелей, самихъ руководителей общества.

Нигдѣ образованныя сословія столько не дѣлаютъ для народнаго образованія, какъ въ Англіи. А отчего? Оттого, что Англичане—люди практическіе, люди, умѣющіе взяться за дѣло и вести его съ энергіею. Сознавши разъ, что образованіе рабочихъ и земледѣльческихъ классовъ есть долгъ тѣхъ, которые обязаны своимъ благостояніемъ трудолюбію и терпѣнію народа, англійскіе дѣятели устремили всѣ свои усилія на составленіе капиталовъ, безъ которыхъ самыя высокія мысли и самыя чистыя желанія оказываются *общими мѣстами*. Нельзя не

удивляться громадности суммъ, которыми нынѣ владѣютъ британскія общества распространенія грамотности, и которыя даютъ имъ возможность содержать, или поддерживать, столько школъ (на попеченіи *Національнаго общества* состоитъ 11,372 школы), сколько не содержатъ иныя правительства самыхъ большихъ государствъ. Доходы этихъ обществъ слѣдующіе: *Британское общество*, въ 1859 году, имѣло 11,000 фунт. стерл. (70,000 р. ср.;) *Національное* — 13,000 ф. ст.; *Общество евангелической партіи* англиканской церкви (существующее съ 1853 г.) 3,500 ф. ст.; *Веслеянское общество* (особенная религіозная секта) 5,440 ф. ст.; *Католическій школьный комитетъ*—10,000 ф. ст.; *Общество индепендентовъ* хотя нынѣ упало, но въ первые десять лѣтъ своего существованія, съ 1843 по 1853 годъ, оно собрало и израсходовало на поддержку школъ огромную сумму—160,000 ф. ст. (болѣе милліона р. ср.).

Неразрѣшеніе обществъ распространенія грамотности въ Южной Руси оказало свое дѣйствіе: южнорусскіе дѣятели стали обращаться, съ предложеніями и просьбами о содѣйствіи, въ комитетъ грамотности. А. Я. Конисскій, одинъ изъ самыхъ преданныхъ дѣлу народнаго образованія, въ началѣ нынѣшняго года писалъ въ комитетъ: «Населеніе здѣшней мѣстности говоритъ языкомъ совершенно особымъ отъ великорусскаго, а потому съ жадностію читаетъ книги на малороссійскомъ языкѣ; но бѣда въ томъ, что на этомъ языкѣ нѣтъ именно тѣхъ книгъ, которыхъ требуетъ народъ, книгъ по естествознанію. Желая удовлетворить однако своей потребности, ученики воскресныхъ и другихъ народныхъ школъ берутъ книги великорусскія, но читая ихъ, безъ объясненія, ничего не понимаютъ; читаетъ ученикъ слово туча и не понимаетъ его: нужно перевести словомъ «хмара». Къ устраненію этого важнаго недостатка я полагаю: предложить кому–либо изъ малороссійскихъ писателей, ближе всего С. Д. Носу, какъ спеціалисту, составить на малороссійскомъ языкѣ естественную исторію и издать ее отъ комитета не дороже 30 к. за экземпляръ.» Комитетъ грамотности отвѣчалъ Конисскому, что онъ признаетъ потребность въ руководствахъ на малороссійскомъ языкѣ и, въ–особенности, по части естествознанія, но при настоящихъ средствахъ своихъ находитъ невозможнымъ поручить кому–либо составленіе на его счетъ руководствъ; если же г. Носъ составитъ хорошее руководство на малороссійскомъ языкѣ по части естественной исторіи для народа и представитъ его, то, по раз-

смотрѣніи экспертами, если это руководство будетъ одобрено, комитетъ, вѣроятно, *согласится на изданіе его отъ имени комитета* и, можетъ-быть, *тогда* найдетъ и средства оказать изданію даже матеріальное содѣйствіе.

Другіе полтавскіе дѣятели, члены комитета, гг. Лобода, Пильчиковъ (наиболѣе принесшіе пользу полтавскимъ воскреснымъ школамъ), также Оболонскій, Косовъ, Куликъ и Куровъ просили комитетъ указать имъ популярные учебники, для перевода ихъ на малороссійскій языкъ. Сочиненія эти должны быть по слѣдующимъ предметамъ: а) краткая, но хорошо изложенная, св. исторія ветхаго и новаго завѣта; б) сочиненія излагающія нравственныя и общественныя истины; в) сочиненія относящіяся до народнаго здравія; г) популярная ветеринарія, преимущественно рогатаго скота; д) сочиненія по хлѣбопашеству, огородничеству, садоводству, пчеловодству, шелководству, разведенію табаку, красильныхъ, маслянистыхъ и волокнистыхъ растеній; е) сочиненія по сельскимъ ремесламъ.

«По поводу этого запроса между нѣкоторыми членами комитета возникло преніе: полезно ли вообще переводить какія бы то нибыло книги на мѣстныя нарѣчія» (неужели члены комитета, по старой памяти, считаютъ малороссійскій языкъ за нарѣчіе великорусскаго, такъже, положимъ, какъ нарѣчіе Костромской или Владимірской губерніи?) Г. Сафроновъ былъ того мнѣнія, что распространеніе грамотности на мѣстныхъ нарѣчіяхъ *не приноситъ пользы* и что ложно мнѣніе нѣкоторыхъ, будто малороссійскіе крестьяне не хотятъ учиться великорусской грамотѣ. Того же мнѣнія былъ и г. Хотинскій. На это г. Погосскій справедливо замѣтилъ, что все большее и большее расширеніе литературъ мѣстныхъ нарѣчій лучше всего свидѣтельствуетъ какъ о настоятельной необходимости въ нихъ, такъ и о ихъ полезности».

«Такъ-какъ бюро положило удовлетворить требованію вышеупомянутыхъ своихъ членовъ изъ Полтавы, то предсѣдатель послѣ положительнаго пренія, кончившагося въ пользу перевода книгъ, обратился къ собранію съ просьбою, не возьметъ ли кто на себя трудъ указать требуемыя сочиненія; но изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи (засѣданіе было 13 апрѣля 1862 года) никто не предложилъ своихъ услугъ; почему бюро вынуждено повторить свою просьбу въ будущемъ засѣданіи.»

Мы не можемъ пройти молчаніемъ мнѣнія, высказаннаго гг. Сафроновымъ и Хотинскимъ. Мнѣніе это очень часто высказывается

людьми, находящимися въ томъ же самомъ положеніи относительно малороссійскаго языка, какъ и два достопочтенные члена комитета. Опровергать мнѣніе ихъ мы не станемъ, потому что въ *Основѣ* не разъ была доказываема несправедливость и эгоистичность этого мнѣнія. Мы только спросимъ достопочтенныхъ членовъ, знакомы ли они съ малороссійскимъ народомъ, чтобъ быть истолкователями его желаній? Мы, покрайней мѣрѣ, не видимъ, что они знакомы. Г. Хотинскій—господинъ, давно-живущій въ Петербургѣ и составляющій и переводящій разныя книжки по естествознанію; а г. Софроновъ, если мы не ошибаемся, помѣщикъ Витебской губерніи. Очевидно, что ни малороссійскаго языка, ни малороссійскаго народа они не знаютъ. По нашему мнѣнію, незнаніе обязываетъ разсудительнаго человѣка, искренно желающаго уясненія правды, къ молчанію; но достопочтенные члены, держась иного правила, самоувѣренно рѣшили вопросъ о языкѣ, на которомъ слѣдуетъ обучать малороссійскій народъ. Вообще, невѣжество русскихъ книжныхъ людей въ дѣлѣ малороссійской народности—полное; но это нисколько не удерживаетъ ихъ отъ рѣшительныхъ приговоровъ объ этомъ предметѣ. Зато приходится слышать много нелѣпостей: кромѣ неосновательнаго мнѣнія будто малороссійскій языкъ не больше какъ нарѣчіе, что́ уже рѣшительно опровергнуто филологами,—еще не рѣдко слышится мнѣніе, что малороссійскій языкъ—это смѣсь польскаго съ русскимъ, или что это искаженный русскій языкъ! Замѣчательно, что при рѣшеніи вопроса о малороссійской народности здѣсь чаще встрѣчается скромности со стороны самихъ малороссовъ, чѣмъ великороссовъ: первые чистосердечно сознаются, что они, вслѣдствіе антинаціональнаго воспитанія, недостаточно знаютъ свой родной языкъ и народъ, отъ котораго они оторваны, зато́ великороссы, въ-особенности — книжники, не задумываясь докторально рѣшаютъ то дѣло, на разъясненіе котораго нѣкоторые энергическіе умы рѣшились посвятить всю свою жизнь. О москофилахъ мы не говоримъ: это мономаны, которые рѣшаютъ вопросъ о каждой славянской національности съ своей московской точки зрѣнія: *Москва—старшая сестра, которой суждено быть опекуншей своихъ меньшихъ неразумныхъ сестеръ...*

Обращаясь снова къ предложеніямъ глубокоуважаемыхъ нами полтавскихъ членовъ, мы вполнѣ цѣнимъ ихъ безкорыстныя и благородныя усилія на пользу народнаго образованія и сознаемъ вмѣстѣ съ ними необходимость изданія книгъ по естествознанію для народнаго чтенія. Но едвали комитетъ грамотности, или другое какое общество,

можетъ помочь своими указаніями, или порученіемъ составить книгу. Намъ кажется, что переводить русскія или иностранныя книги на украинскій языкъ, можетъ только тотъ, кто не только хорошо знаетъ языкъ, но и тотъ предметъ, который изложенъ въ книгѣ; а такой человѣкъ самъ знаетъ литературу своей спеціальности; притомъ же мы думаемъ, что для нашего народа нуженъ не *переводъ*, а составленіе доступныхъ для него книгъ:—иностранныя книги, какъ бы они ни были хороши, будучи написаны для другаго народа, не придутся по душѣ нашему народу; онѣ для составителей могутъ служить только руководствомъ. Притомъ же, поручать кому бы то ни было составлять книги—не совсѣмъ удобно. Тутъ запутанностей выйдетъ бездна. Когда потребность сдѣлается неотложною, когда въ нашемъ малороссійскомъ обществѣ будутъ люди, обладающіе и грубокимъ знаніемъ родного слова и полнымъ знакомствомъ съ естесвенными науками, книги будутъ написаны, безъ внѣшнихъ побужденій, безъ чужихъ порученій. Средства на изданіе хорошихъ книгъ найдутся. Намъ нужны люди, преданные дѣлу возрожденія нашего народа; намъ нужно воспитывать юношество въ любви къ родному слову и къ изученію нашей родины во всемъ ея объемѣ; намъ нужны свои мѣстныя общества распространенія грамотности, которыя бы руководили общимъ дѣломъ. Разъ заявленное мнѣніе не останется безъ дѣйствія: надежды свои мы основываемъ на нашемъ прошедшемъ, которое даетъ отвѣты на всѣ вопросы нашего настоящаго. Литература наша началась съ поэтическихъ и историческихъ произведеній. Мы не станемъ перечислять произведенія украинскихъ писателей; они извѣстны всякому, горячо желающему возрожденія своей словесности. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній народъ читаетъ съ жадностію. Кромѣ сочиненій писанныхъ не для народа, но столь наивныхъ, полныхъ жизни и простыхъ, что они читаются и народомъ, есть труды, изданные или предпринятые и собственно для народа. Издано семь граматокъ, въ которыхъ кромѣ, способовъ обученія, есть разсказы изъ священной исторіи, разныя свѣдѣнія, ариѳметика и проч. Напечатана ариѳметика, о которой въ настоящей книжкѣ нашего журнала помѣщенъ отчетъ. Въ рукописяхъ находятся нѣсколько переводовъ Евангелія, изъ коихъ одинъ, уже около года, въ разсмотрѣніи св. Синода. Написаны: священная исторія и катихизисъ, которыя, надѣемся, скоро будутъ изданы.

P. S. Едва мы успѣли это написать, какъ получили изъ Кіева слѣдующее извѣстіе; «У насъ заготовлены для печати священная исторія и краткій катихизисъ, готовится къ изданію географія украинская и гео-

графія всеобщая, и коротенькая естественная исторія. Кромѣ того приготовляется: обзоръ сельскаго хозяйства и сельскихъ ремеслъ у мелкихъ южнорусскихъ хозяевъ сравнительно съ сельскимъ хозяйствомъ и ремеслами за границею; евангельскія притчи, и небольшая книжка басень, выбранныхъ изъ доселѣ–изданныхъ басенъ. Далѣе, составляется книжка для чтенія; цѣль ея—выяснить явленія природы, которыя совершаются съ-поконъ-вѣку у каждаго предъ глазами, какъ–то: дождь, снѣгъ, туманъ и проч.; кое–что про жизнь нѣкоторыхъ звѣрей, особенно отличающихся отъ прочихъ; разсказы про нѣкоторыя страны, представляющія что–нибудь особенно интересное въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи. Въ эту же книжку должны войти статьи по естественной исторіи, по другимъ естественнымъ наукамъ, по физической географіи, по народной медицинѣ, гигіенѣ и пр. Наконецъ, мы занимаемся составленіемъ русско–украинскаго словаря; эта книга очень необходима, для насъ болѣе необходима въ настоящее время, чѣмъ украинско–русскій словарь, ибо украинскую рѣчь мы понимаемъ, а въ теперешнемъ нашемъ дѣлѣ, въ составленіи книжекъ, гдѣ приходится надъ каждымъ словомъ долго думать, такой словарь доставитъ великую помощь. Составляется этотъ словарь такъ: мы подѣлили между собою все что́ было написано до сего времени по-украински; одни взяли литературныя произведенія, другіе старинные акты, лѣтописи и прочее; каждый изъ насъ долженъ выбрать всѣ слова, встрѣчающіяся въ избранной имъ книжкѣ; затѣмъ выбранныя слова будутъ соединены въ-одно подъ общею рѣдакціею. Нашлись добрые люди, которые помогаютъ намъ въ этомъ дѣлѣ деньгами, такъ–что на изданіе словаря у насъ средствъ достанетъ.» Все это не требуетъ комментарія: мы горячо желаемъ только, чтобы всѣ задуманныя работы были приведены къ концу; пусть наши братья не падаютъ духомъ при видѣ скудныхъ матеріальныхъ средствъ: средства найдутся, въ этомъ мы можемъ увѣрить ихъ. Если одновременно между южноруссами, живущими въ разныхъ мѣстахъ и неимѣющими непосредственнаго между собою общенія, родилось глубокое сознаніе необходимости изданія полезныхъ книгъ для народа, (въ Петербургѣ также составляется русско–украинскій словарь для пособія при изданіи книгъ), то, нѣтъ сомнѣнія, тоже единодушіе выскажется и въ изысканіи средствъ для изданія; такъ мы судимъ по нѣкоторымъ положительно-заявленнымъ предложеніямъ касательно этого дѣла. Мы надѣемся также, что многіе Украинцы, какъ живущіе на родинѣ, такъ и разсѣянные по разнымъ краямъ имперіи,

не замедлятъ отозваться на нашъ призывъ. Редакція *Основы* съ радостію готова принять на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ.

Но—въ то самое время, какъ образованные Южноруссы усиленно занялись усовершеніемъ способовъ для образованія своихъ братьевъ, въ то время какъ число людей изъ Южной Руси, сознающихъ оторванность отъ своего корня—народа, съ каждымъ днемъ увеличивается, Москва, въ лицѣ Каткова, шлетъ намъ упреки: « Очень грустно, если дѣло русскаго образованія могло быть дѣломъ партіи въ одной изъ самыхъ коренныхъ русскихъ областей. Мѣстныя нарѣчія есть вездѣ и гораздо болѣе рѣзкія чѣмъ малороссійское, но нигдѣ они не вступаютъ въ соперничество съ общимъ языкомъ и общимъ образованіемъ народа. Русскій языкъ есть общее достояніе такъ называемыхъ Великоруссовъ и Малоруссовъ. Это не великорусскій языкъ, а русскій, который созданъ исторіей и съ которымъ неразрывно соединяется русское образованіе (Совр. Лѣтопись № 25).

Пусть это элегически-зловѣщее напоминаніе послужитъ нашимъ южнорусскимъ дѣятелямъ къ еще болѣе тѣсному соединенію въ трудѣ на пользу народа; пусть оно пробудитъ заснувшихъ и не даетъ покоя лѣнивымъ и равнодушнымъ.

25 августа 1862.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ

ХАРЬКОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ПРИСУТСТВІЯ.

Разграниченіе мѣстностей для опредѣленія размѣровъ высшаго душеваго надѣла. Губернское присутствіе, убѣждаясь, что въ губерніи нѣтъ цѣлыхъ частей, гдѣ бы существовало малороссійское хозяйственное устройство и гдѣ бы возможно было признать его господствующимъ,—постановило: во всей Харьковской губерніи, безъ дѣленія ея на части, признать господствующимъ хозяйственное устройство и примѣнимымъ мѣстное положеніе—Великороссійское. Въ отдѣльныхъ же имѣніяхъ дозволяется вводить Малороссійское положеніе, по обоюдному соглашенію между помѣщикомъ и крестьянскимъ обществомъ. (Лит. сельск. благ. 1861 г. въ ст. 11 и 12).

Объ устройствѣ для крестьянъ усадьбъ въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Вслѣдствіе представленія губернскаго присутствія о томъ, что слѣдовало бы допустить принятіе крестьянъ, не имѣющихъ осѣдлостей, въ казенное вѣдомство съ предоставленіемъ имъ пособія и льготъ, указанныхъ въ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ пунктахъ ст. 8 дополн. прав. объ им. мелкоп влад., Министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ, что крестьяне мелкопомѣстныхъ имѣній, надѣленные одною лишь полевою землею, не могутъ быть передаваемы въ казенное вѣдомство съ выдачею помѣщику вознагражденія, потому что, по ст. 10 дополн. прав. объ. им. мелк. влад. передаются въ казну только крестьяне, *водворенные на землѣ*, т. е, имѣющіе усадебную осѣдлость. Что же касается вообще до крестьянъ мелкопомѣстныхъ имѣній, живущихъ въ господскомъ дворѣ, за неимѣніемъ усадьбъ, то помѣщики не обязаны обзаводить ихъ домами съ тѣмъ, чтобъ крестьяне эти оставались въ настоящихъ помѣщеніяхъ до истеченія двухлѣтняго срока съ утвержденія положенія. (пост. 2 и 9 февраля 1862 г. Харьк. губ. вѣд. 24 февр. № 8 и 3-го марта № 9).

О правѣ дворовыхъ людей сохранить земельные надѣлы и усадьбы, которыми они пользовались наравнѣ съ крестьянами. Дворовые люди, постоянно живущіе въ отдѣльныхъ отъ господской усадьбы, дворахъ и избахъ, вмѣстѣ съ крестьянскимъ населеніемъ и наравнѣ съ крестьянами пользующіеся надѣломъ земли, и отбывающіе издѣльную повинность, имѣютъ право на полученіе земельнаго надѣла, и если они изъявятъ на то желаніе, при составленіи уставной грамоты, то имъ предоставляется въ пользованіе тѣ же усадьбы, на коихъ они нынѣ помѣщаются. (Пост. 9 февр. Харьк. губ. вѣд., 3 марта, 1862 г. № 9).

О необязательности для крестьянъ ночныхъ карауловъ вить предѣловъ имѣнія и о зачетѣ караула въ барщинную повинность. Вслѣдствіе представленія мирового посредника 4-го участка Харьковскаго уѣзда, о требованіи помѣщикомъ Алферовымъ высылки изъ имѣнія, крестьянъ, для содержанія ночнаго караула, при домѣ его въ г. Харьковѣ, въ разстояніи 15-и верстъ отъ имѣнія и объ опредѣленіи зачета ночныхъ карауловъ въ барщинную повинность,—опредѣлено, что хотя предоставляется помѣщику требовать отъ крестьянъ отбыванія ночныхъ карауловъ, въ зачетъ общаго количества слѣдующихъ ему, рабочихъ дней, но повинность эта, какъ издѣльная повинность вообще, должна ограничиваться предѣлами имѣнія, въ коемъ водворены крестьяне, а потому, требованіе помѣщика Алферова, о высылкѣ крестьянъ за 15 верстъ отъ мѣста ихъ жительства, для содержанія почнаго караула, не можетъ быть исполнено, какъ не имѣющее законнаго основанія. Что же касается до зачета карауловъ въ барщину, то, по урочному положенію, ночь, проведенная въ карауле, считается за день барщиной повинности. (Пост. 9 февр. Харьк. губ. вѣд. 3 мар. № 9).

О дворовыхъ, получающихъ земельные надѣлы. Вслѣдствіе возникшаго вопроса о томъ, будутъ ли имѣть права на шестилѣтнія льготы, тѣ изъ дворовыхъ, которые войдутъ въ составъ сельскаго общества временно-обязанныхъ крестьянъ,—постановлено, что по ст. 32 полож. о двор., льготами пользуются только тѣ дворовые люди, которые увольняются отъ обязательныхъ къ владѣльцамъ отношеній; при полученіи же дворовыми надѣла земли, обязательныя отношенія ихъ къ помѣщикамъ не прекращаются, а только измѣняются; дворовые становятся въ положеніе крестьянъ, наравнѣ съ ними несутъ повинности за пользованіе землей и уравниваются съ ними во всѣхъ правахъ. (Пост. 9 февр. Харьк. губ. вѣд. 3 марта № 9).

О надѣлѣ землею крестьянъ бывшихъ въ бѣгахъ. По возникшему вопросу о томъ, обязателенъ ли надѣлъ землею при составленіи уставной грамоты, какъ для помѣщика, такъ и для крестьянина, показаннаго, по 10-ой ревизіи, въ бѣгахъ, возвратившагося изъ бѣговъ два года тому назадъ, и о приписке коего въ ревизію было подано объявленіе, но который еще не приписанъ, а между тѣмъ пользовался землею и отбывалъ барщину, — постановлено, что для помѣщика обязательно предоставить крестьянамъ то количество земли, которымъ они пользовались; а бывшій въ бѣгахъ крестьянинъ, какъ вошедшій въ составъ крестьянскаго общества и получавшій землю, не вправѣ отказать ся отъ надѣла. (Пост. 9 февр. Харьк. губ. вѣд. 3 марта, № 9).

Объ увольненіи дворовыхъ надѣленнаго землею. Вслѣдствіе возбужденнаго сомнѣнія о томъ, можетъ ли быть засвидѣтельствованъ увольнительный актъ, выданный помѣщикомъ дворовому человѣку, пользующемуся надѣломъ земли наравнѣ съ крестьянами и отбывающему издѣльную повинность, постановлено, что при добровольномъ отказѣ дворовыхъ отъ надѣла землею до составленія уставной грамоты, не представляется препятствій къ увольненію ихъ отъ обязательныхъ къ владѣльцу отношеній; что же касается земли, остающейся по увольненіи дворовыхъ человѣка, то вопросъ этотъ, на основаніи 6 ст. общ. полож., можетъ быть удобно разрѣшенъ соглашеніемъ помѣщика съ крестьянскимъ обществомъ. (Пост. 23 февр. Хар. губ. вѣд. 10 марта № 10).

О дворовыхъ, состоящихъ на крестьянскомъ положеніи. Вслѣдствіе представленія мироваго посредника Валковскаго уѣзда, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ его участка состоятъ записанными по 10-й народной переписи, въ дво-

ровыхъ, такіе крестьяне, которые по прежнимъ ревизіямъ были записаны въ крестьянахъ и нынѣ сохраняютъ право и обязанности сихъ послѣднихъ, то есть живутъ въ прежнихъ усадьбахъ, получаютъ полевой надѣлъ и отбываютъ издѣльную повинность, а между прочимъ усадебная осѣдлость нѣкоторыхъ изъ нихъ состоитъ въ чертѣ крестьянскаго населенія, а другихъ внѣ черты, и притомъ или возлѣ господскихъ усадьбъ или въ отдаленіи, но въ обоихъ случаяхъ нѣкоторые владѣльцы, соглашаясь предоставить такимъ крестьянамъ полевой надѣлъ, право ихъ на усадьбы считаютъ сомнительнымъ, согласно мнѣнію посредника постановлено, что такіе дворовые должны получить кромѣ надѣла полевой земли, и прежнія ихъ усадьбы. (Пост. 13 марта, Хар. губ. вѣд. 24 мар. № 12).

О предупрежденіи нищенства. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ предложеніи своемъ присутствію, изложилъ, что до обнародованія положенія 19-го февраля, призрѣніе крѣпостныхъ людей, пришедшихъ въ невозможность кормиться работой, и недопущеніе ихъ до имущества, лежало на обязанности помѣщиковъ. Съ освобожденіемъ же крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и съ предоставленіемъ имъ правъ свободныхъ сельскихъ обывателей, обязанность эта должна быть возложена на общественное крестьянское управленіе, подобно тому, какъ это существуетъ и въ другихъ обществахъ податныхъ сословій. Средствомъ для этого служатъ, съ одной стороны, мѣры общественнаго призрѣнія бѣдныхъ, неспособныхъ доставить себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ, съ другой стороны мѣры взысканія, которымъ могутъ быть подвергаемы тѣ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ, кои уличены будутъ въ прошеніи нищенскимъ образомъ милостыни, не по особому, въ совершенную бѣдность подвергшему несчастію, а по лѣни, привычкѣ къ праздности или даже въ видѣ ремесла. Обсужденіе мѣръ, которыя необходимо принять для призрѣнія дѣйствительно бѣдныхъ и неимущихъ, подлежитъ вѣдѣнію сельскаго и волостного сходовъ. Наблюденіе за тѣмъ, чтобы не происходило нищенства по тунеядству, возлагается на волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, которые обязаны наблюдать вообще за сохраненіемъ порядка, и которые по закону, подвергаются отвѣтственности, въ случаѣ выдачи паспортовъ, такимъ людямъ, которые не могутъ доставлять себѣ пропитаніе собственными трудами. (Пост. 16 марта Харьк. губ. вѣд. 7 апр. № 14).

О жалованьи должностнымъ лицамъ сельскаго управленія. Вслѣдствіе представленія начальника губерніи о назначеніи опредѣленнаго жалованья должностнымъ лицамъ сельскаго управленія,—министръ внутреннихъ дѣлъ отъ 29 января увѣдомилъ что установленіе обязательнаго для крестьянъ нисшаго размѣра содержанія волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ было бы несогласно съ ст. 123 Общ. Пол..—

(Пост. 13 февр. Харьк. губ. 68 д. 3 марта № 9).

О жалованьи должностнымъ лицамъ и о книгахъ волостныхъ правленій. Предсѣдатель Волчанскаго мироваго съѣзда представилъ на разрѣшеніе присутствія копію съ постановленія съѣзда 15 февраля, слѣдующаго содержанія: Журналомъ 4 января 1862 г. губернское присутствіе просило Министра внутреннихъ дѣлъ о дозволеніи назначить норму жалованья сельскимъ старостамъ и волостнымъ старшинамъ. Мировой съѣздъ имѣя въ виду ст. 123 общ. пол., гдѣ назначеніе жалованья или вознагражденія, служащимъ по выбору, предоставленно непосредственному усмотрѣнію общинъ, и считая вреднымъ отнимать права, дарованыя крестьянамъ, въ особенности тѣ права, которыя имѣ-

ютъ вліяніе на самоуправленіе, долгомъ считаетъ довести о своемъ мнѣніи до свѣдѣнія присутствія и предупредить, что ежели объ обязательномъ жалованьи разрѣшеніе послѣдуетъ, то крестьяне, ясно понимающіе свои права, будуть сильно противодѣйствовать этой мѣрѣ, и ежели и исполнять ее, то не иначе, какъ послѣ строгихъ наказаній, тѣмъ болѣе, что жалованье во всѣхъ почти волостяхъ назначено уже самими крестьянами по собственному ихъ сознанію въ необходимости таковаго.

Въ этомъ же журналѣ и въ этой же статьѣ, губернское присутствіе утвердивъ форму книгъ для волостныхъ правленій, требуетъ немедленнаго ихъ введенія. Мировой съѣздъ не получивъ еще этихъ формъ, тоже считаетъ долгомъ увѣдомить присутствіе, что въ Волчанскомъ уѣздѣ, по всѣмъ волостямъ заведены книги, назначенныя положеніемъ, что онѣ ведутся въ порядкѣ и по формѣ, которая признается каждою волостью для себя болѣе удобною, т. е. дѣйствуютъ по положенію, которое не стѣсняетъ вновь учрежденныя мѣста никакими формами.

Губернское присутствіе съ своей стороны нашло, что первая часть постановленія Волчанскаго мироваго съѣзда-о жалованьи должностнымъ лицамъ, имѣетъ характеръ критики на опредѣленіе присутствія, безъ всякой цѣли и разсчета на какой либо положительный результатъ, ибо присутствіе, сдѣлавъ представленіе Министру внутреннихъ дѣлъ, ни въ какомъ случаѣ не могло воспользоваться предостереженіями указаніями мироваго съѣзда. Увлекаясь критическимъ настроеніемъ, мировой съѣздъ упустилъ изъ виду, что предположеніе присутствія о назначеніи нормы жалованья касалось тѣхъ обществъ и волостей, которыя отказываются вовсе отъ назначенія онаго должностнымъ лицамъ, и что на Волчанскій уѣздъ, въ которомъ, какъ сказано въ постановленіи 15 февраля, почти во всѣхъ волостяхъ опредѣлено жалованье, предположеніе это не распространялось. Такимъ образомъ Волчанскій мировой съѣзъ, изъ непонятнаго желанія сдѣлать возраженіе на опредѣленіе присутствія распространилъ свою заботливость не только за предѣлы предметовъ вѣдомства, указанныхъ въ ст. 105–110 пол. объ учреж. по крест. дѣламъ, но даже за предѣлы Волчанскаго уѣзда.

А потому губернское присутствіе опредѣлило: хотя въ настоящее время вопросъ объ установленіи обязательнаго жалованья для волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ разрѣшенъ Министромъ внутреннихъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе присутствіе признавая постановленіе Волчанскаго мироваго съѣзда неумѣстнымъ и увеличивающимъ безъ всякой пользы переписку, считаетъ нужнымъ просить мировой съѣздъ: во 1-хъ, въ засѣданіяхъ своихъ подвергать обсужденію предметы, подлежащіе разсмотрѣнію съѣзда, и во 2-хъ, не предрѣшать вопросовъ, представленныхъ на разрѣшеніе высшаго начальства и вообще избѣгать ненужной переписки. Что касается формы книгъ для волостныхъ правленій, то, основываясь на удостовѣреніи мироваго съѣзда, что таковыя ведутся въ порядкѣ, присутствіе находитъ возможнымъ для устраненія затрудненій въ перемѣнѣ ихъ, оставить въ волостяхъ Волчанскаго уѣзда существующія уже книги, съ тѣмъ чтобы онѣ были заведены по изданной формѣ съ 9-го января будущаго 1863 года. Къ этому присутствіе считаетъ неизлишнимъ присовокупить, что означенныя формы изданы на основаніи 1 по 129 ст. полож. о губ. и уѣздн. учр., которому губернскому присутствію предоставляется установленіе всѣхъ подробностей, относящихся до приведенія въ дѣйствіе положеній, и что въ семъ случаѣ цѣль присутствія-не нарушить дарованное крест-

янамъ самоуправленіе, а облегчить ихъ въ дѣлѣ для нихъ новомъ и, по недостатку грамотности, затруднительномъ. (Пост. 30 марта, Хар. губ. вѣд. 28 апр. № 16).

О замѣнѣ оброка работами. Призаключеніи выкупнаго договора одновременно съ составленіемъ оброчной уставной грамоты по соглашенію съ крестьянами могутъ быть допущены условія о производствѣ работъ въ замѣнъ оброка впредь до разрѣшенія выкупной сдѣлки.

(Пост. 1 мая въ Хар. губ. вѣд. 9 іюня № 22).

Объ устройствѣ крестьянъ въ имѣніи г. Величкова. Мировой посредникъ 1 участка Сумскаго уѣзда, Алферовъ, представилъ, какъ исключительный случай, имѣніе малолѣтныхъ наслѣдниковъ Величкова. Въ этомъ имѣніи числится 25 душъ мужескаго пола. Всѣ эти крестьяне никогда не имѣли ни надѣла земли, ни отдѣльныхъ усадьбъ, ни скота, а помѣщались въ господскихъ дворовыхъ постройкахъ, работали экономическимъ скотомъ, и земледѣльческими орудіями, получали провизію и одѣяніе для себя и своихъ семействъ отъ экономіи. Все общество состоитъ изъ людей, записанныхъ по ревизіи крестьянами, а потому они должны получить надѣлъ земли не менѣе одной десятины на душу. Отрѣзавши такое количество земли, у наслѣдниковъ останется всей пахатной 27 десятинъ. На основаніи ст. 7 пол. о дворовыхъ, помѣщикъ, при водвореніи таковыхъ людей, не обязанъ обзаводить ихъ ни домами, ни усадьбами, ни другими принадлежностями крестьянскаго хозяйства. Такимъ образомъ 25 душъ крестьянъ, получившіе низшій надѣлъ, не будутъ имѣть ни усадьбъ, ни домовъ, ни рабочаго скота, ни земледѣльческихъ орудій. При нынѣшнемъ скудномъ состояніи этого общества, оно положительно не можетъ устроить свою осѣдлость и обзавестись необходимымъ для хозяйства, а при такихъ средствахъ оно неизбѣжно сдѣлается обременительнымъ для казны и наслѣдниковъ по совершенной невозможности отбывать слѣдуемыя съ него повинности. По мнѣнію посредника единственный способъ для устройства крестьянъ хутора Визировщины, состоитъ въ томъ, чтобы предоставить имъ поступить въ вѣдомство государственныхъ крестьянъ съ причисленіемъ къ тому обществу, гдѣ они могли бы получить надѣлъ земли въ количествѣ большемъ, чѣмъ предоставляетъ имъ положеніе. По обсужденіи этого обстоятельства губернское присутствіе опредѣлило: предоставить крестьянамъ Визировщины, какъ неползовавшимся земельнымъ надѣломъ, отказаться отъ него на основаніи 8 ст. великорос. пол., и приписаться къ обществу городскому или государственныхъ крестьянъ съ пріобрѣтеніемъ дарованныхъ подобнымъ крестьянамъ льготъ, въ случаѣ же отказа крестьянъ отъ увольненія, отвести имъ надѣлъ и устроить ихъ бытъ. (Пост. 1 мая въ Харьк. губ. вѣд. 9 іюня № 22).

О препятствіяхъ къ прекращенію обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Сумской мировой съѣздъ отъ 24 апрѣля просилъ губернское присутствіе ходатайствовать у правительства о необходимости для пользы какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, выкупа крестьянами надѣленной имъ земли безъ предварительнаго перехода на оброкъ; эту необходимость мировой съѣздъ основывалъ на изъявленіи дворянъ и на отношеніи мироваго посредника Власовскаго, который писалъ, что на всѣхъ сходахъ 4 участка, крестьяне явно обнаружили нежеланіе перейти на оброкъ. Волнуемые то злонамѣренными, то пустыми слухами, которые бродятъ уже нѣсколько лѣтъ по всей Россіи, крестьяне видятъ въ оброкѣ новое средство закрѣпленія себя помѣщикомъ, а потому и отвергаютъ его даже и на самое короткое время; меж-

ду тѣмъ какъ они согласны на всякіе платежи въ казначейство. Это согласіе они выражаютъ словомъ: «будемъ ждать случнаго часа, покуда выйдемъ на царское положеніе.» Подъ словами царское положеніе, они разумѣютъ выкупъ земель съ пособіемъ правительства, безъ перехода на оброкъ. Къ этому мировой посредникъ присовокупилъ, что крестьяне не будутъ платить исправно проценты выкупной ссуды, въ этомъ ручается ихъ желаніе имѣть дѣло непосредственно съ казною, и та аккуратность, съ которою они платятъ въ настоящее время всѣ казенныя повинности, не смотря на общій недостатокъ денегъ и на совершенно новыя для нихъ требованія, вызванныя реформою крестьянскаго быта. Мировой же посредникъ Волчанскаго уѣзда, Бекарюковъ, представляя отъ 23 апрѣля отчетъ о составленіи и введеніи уставныхъ грамотъ, въ его участкѣ, заключаетъ: въ предстоящее время легко предвидѣть постоянное столкновеніе собственниковъ и оставшихся на издѣльной повинности; эти столкновенія не обѣщаютъ спокойствія края, и потому посредникъ считаетъ долгомъ сообщить губернскому присутствію необходимость употребить всѣ средства, для приведенія крестьянъ подъ одинъ общій законъ, для устройства ихъ хозяйственнаго быта. Единственная исполнимая мѣра для достиженія этой цѣли—ходатайствовать у правительства объ обязательномъ выкупѣ земель, предоставленныхъ крестьянамъ въ постоянный надѣлъ.

Губернское присутствіе, вполнѣ раздѣляя основательныя мнѣнія сумскаго мироваго съѣзда и посредника Бекарюкова, опредило: 1) увѣдомить всѣ мировые съѣзды, что на основаніи протокола дворянства Харьковской губерніи 30 сентября 1861 г., присутствіе представило на усмотрѣніе высшаго начальства слѣдующее свое заключеніе: «Издѣльная повинность равно пагубна для помѣщиковъ и для крестьянъ, а потому необходимо допустить выкупъ съ содѣйствіемъ правительства, безъ предварительнаго перехода съ издѣльной повинности на оброкъ, какъ по взаимному на то соглашенію помѣщика съ крестьянами, такъ и по требованію одного помѣщика, съ соблюденіемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ условій, выраженныхъ въ 35 ст. пол. о выкупѣ.» 2) Просить и другіе мировые съѣзды объяснить причины, препятствующія къ достиженію цѣли, равно желаемой правительствомъ и дворянствомъ, о прекращеніи нынѣшнихъ стѣснительныхъ отношеній между помѣщиками и обязанными крестьянами, исходъ которымъ представляетъ единственная мѣра—выкупныя сдѣлки на добровольномъ соглашеніи (*). (Пост. 1 мая Хар. губ. вѣд. 9 іюня № 22).

Объ освобожденіи крестьянъ отъ взысканія денегъ за прежнее время. Временно-обязанные крѣстьяне Рогозянской волости, с. Панъ-Ивановки, помѣщика Павла Кузина, Харьковскаго уѣзда, объясняя въ прошеніи, что по распоряженію Харьковской дворянской опеки съ нихъ требуютъ уплаты 1,130 руб. 17 коп., заимствованныхъ изъ казны въ давнее время прежде бывшимъ владѣльцемъ Ковалевскимъ, во время неурожайныхъ годовъ, будто-бы для продовольствія крестьянъ, и что они никакого вспомоществованія отъ своего владѣльца не получали, ходатайствовали объ освобожденіи ихъ отъ сказаннаго взысканія. Губернское присутствіе, имѣя въ виду, что по ст. 9 общ. полож. обязанности по продовольствію и призрѣнію крестьянъ слагаются съ помѣщиковъ лишь по введеніи въ дѣйствіе положеній, до того же эти обязанности лежали непосредственно на владѣльцахъ, равно какъ взносъ податей и уплата недоимокъ по имѣнію,—опредилило: освободить крестьянъ с. Панъ-Ивановки

(*) Вопросъ этотъ разрѣшенъ законодательнымъ образомъ; крестьянамъ дозволено выкупать земли и безъ перехода на оброкъ.

отъ взысканія какихъ либо недоимокъ, лежащихъ на имѣніи за прежнее, до обнародованія положеній, время. (Пост. 11 мая въ Хар. губ. вѣд. 9 іюня № 22).

По жалобѣ крест. Филимонова на помѣщика Шости. Мировой посредникъ Изюмскаго уѣзда 1 участка представилъ на разсмотрѣніе губернскаго присутсвія жалобу временно-обязаннаго крестьянина Игната Филимонова о томъ, что онъ, Филимоновъ, состоитъ по 10 ревизіи записаннымъ за титулярнымъ совѣтникомъ Шости, при его собственномъ домѣ въ г. Изюмѣ, гдѣ проживалъ вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, но что сынъ умершаго Шости, штабсъ-капитанъ, служащій на Кавказѣ, въ куринскомъ пѣхотномъ полку, въ укрѣпленіи Веденскомъ, уѣзжая въ 1860 году на службу, увезъ съ собой и двухъ несовершеннолѣтнихъ дочерей Филимонова и тѣмъ лишилъ отца всякой возможности имѣть родительское о нравственности дѣтей попеченіе. Почему Филимоновъ ходатайствовалъ о возвращеніи ему дочерей и водвореніи ихъ на жительствѣ въ г. Изюмѣ. Губернское присутствіе, обращая вниманіе на нравственныя побужденія, заставляющія Филимонова требовать къ себѣ дочерей своихъ и вмѣстѣ признавая, что крестьяне, приписанные къ домамъ, составляютъ классъ людей, непользующихся землей и имѣютъ право немедленно выйдти изъ мірскаго общества, для приписки въ другія сословія, — опредѣлило: предложить мировому посреднику снестись съ начальствомъ куринскаго пѣхотнаго полка, о высылкѣ дѣвицъ Пелагеи и Анны Филимоновыхъ, находящихся въ услугахъ при штабсъ-капитанѣ Шости, по требованію родного отца ихъ, въ г. Изюмъ. Игнату же Филимонову объявить это рѣшеніе присутствія, присовокупивъ при томъ, что оно въ такомъ только случаѣ сохраняетъ свою силу, если Филимоновы записаны по ревизіи крестьянами. (Пост. 11 мая въ Хар. губ. вѣд. 9 іюня № 22).

Объ уплатѣ податей за крестьянъ, сосланныхъ въ Сибирь. По возникшему вопросу о томъ: слѣдуетъ ли крестьянъ, сосланныхъ на поселеніе, по опредѣленію судебнаго мѣста, до обнародыванія положенія о крестьянахъ, включать въ общество крестьянъ для надѣла ихъ землею въ то время, когда ихъ надѣлы, до обнародыванія положенія о крестьянахъ, по ссылкѣ, были обращены въ экономію,—опредѣлено: что ст. 33 правилъ о порядкѣ прав. въ дѣйств. полож. требуетъ, чтобъ въ уставную грамоту вносилось число крестьянъ, значащихся въ селеніи по послѣдней ревизіи. Общество крестьянъ, принимая въ свой составъ умершихъ сосланныхъ на поселеніе, обязано платить за нихъ подати и всѣ повинности; а изъ этого слѣдуетъ, что оно должно получить надѣлъ земли на умершихъ и сосланныхъ такой же, какой получаютъ и другіе крестьяне, и если экономія отобрала надѣлъ, принадлежавшій прежде сосланному на поселеніе, то она обязана возвратить его обществу при составленіи уставной грамоты. Если же по согласію общества и помѣщика, крестьяне сосланные или умершіе не будутъ включены въ составъ общества для исчисленія надѣла, то уплата до новой ревизіи податей и другихъ казенныхъ повинностей за такихъ крестьянъ должна оставаться на обязанности помѣщика. (Пост. 11 мая въ хар. губ. 9 іюня № 22).

Объ отмѣнѣ приказа кандидата кн. Шаховскаго. Мировому посреднику 3 участка изюмскаго уѣзда, по возвращеніи его изъ отпуска и по вступленіи въ должность свою, волостные старшины представили слѣдующій приказъ исправлявшаго должность посредника князя Шаховскаго: «Въ слѣдствіе замѣченнаго мною со стороны временно-обязанныхъ крестьянъ упорства къ исполненію обязанностей по издѣльной повинности, слѣдуемой за пользованіе ими

землею владѣльца и непринятія мѣръ къ понужденію таковыхъ сельскими старостами, предписываю къ исполненію слѣдующее: при невыходѣ на барщину крестьянина и крестьянки, сельскій старшина долженъ нарядить таковыхъ на слѣдующіе за слѣдуемыми отъ сихъ крестьянъ барщинными днями (ст. 253 мѣст. пол.), при неисполненіи наряда крестьяниномъ или крестьянкою и неотбытіи въ ту же недѣлю недоимочнаго дня или дней, взыскать немедленно въ ту же недѣлю деньги, по оцѣнкѣ рабочаго дня, губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ назначенной, за каждый недоимочный барщинный день, каковыя деньги, взыскавъ съ недоимщика, доставить владѣльцу или управляющему имѣніемъ въ пополненіе убытковъ экономіи, и о семъ приложивъ росписку владѣльца или управляющаго, въ полученіи таковыхъ послѣднимъ, волостному старшинѣ мнѣ донести въ семидневный срокъ. При несостоятельности же недоимщика къ уплатѣ слѣдуемаго за неотработанные дни съ него взысканію, а равно при состоятелности, но упорствѣ въ платежѣ законнослѣдуемаго съ него по ст. 253 мѣстн. пол. взысканія въ пользу владѣльца, сель. старосста немедленно доноситъ о семъ старшинѣ, которому симъ предписываю: несотоятельнаго между тѣмъ неисправнаго въ отбываніи за землю повинности помѣщику, подвергать наказанію 10 ударами розогъ, состоятельнаго же, но упорнаго къ уплатѣ взысканія, 20 ударами розогъ, для чего старшина на ихъ дняхъ вызываетъ ихъ въ волостное правленіе, гдѣ и подвергаетъ мною опредѣленноту наказанію. Въ отношеніи же доказанно больныхъ руководствоваться ст. 253 прим. 2 мѣстн. пол,, дѣйствительная непритворная болѣзнь которыхъ должна быть съ перваго дня оной заявлена заболѣвшимъ или кѣмъ либо изъ его семейства сельскому старостѣ, которому вмѣняется въ обязанность въ тотъ же день заявить владѣльцу или управляещему имѣніемъ, какъ о болѣзни, равно и о томъ, что онъ больнаго или больную видѣлъ, и что таковыя дѣйствительно больны. Но если окажется показаніе сельскаго старосты ложнымъ, то онъ подвергается взысканію въ пользу помѣщика денегъ за всѣ недоимочные дни имъ показаннаго больнымъ, сверхъ штрафа за потворство и укрывательство таковыхъ въ мирской запасный капиталъ. Предписывая къ строгому и точному исполненію все здѣсь изложенное, вмѣстѣ съ тѣмъ объявляю, что съ сего времени волостной старшина за неточное исполненіе имъ и ненаблюденіе его за исполненіемъ сего и прежде изданныхъ мною приказовъ с. старостами, будетъ подвергнутъ снача-ла денежному взысканію, затѣмъ денежному взысканію и аресту при становой квартирѣ, при недѣйствительности же сихъ мѣръ, будетъ представленъ къ отрѣшенію отъ должности съ преданіемъ суду.»

Представляя въ подлинникѣ означенный приказъ кн. Шаховскаго на разсмотрѣніе губернскаго присутствія, мировой посредникъ спрашивалъ, долженъ ли этотъ приказъ оставаться въ своей силѣ и на какомъ основаніи. Губернское присутствіе, усматривая что приказомъ кн. Шаховскаго предоставлено старшинамъ, въ противность 86 ст. общаго положенія, право тѣлесныхъ наказаній: какого ни волостной старшина, ни волостоое правленіе не имѣютъ, опредѣлило, приказъ, который былъ ошибочно отданъ старшинамъ кн. Шаховскимъ, въ отсутствіе мироваго посредника г. Левшина, отмѣнить. (Пост. 11 мая, Харьк. губ. вѣд. 9 іюня, 1862 г. № 22.)

Объ увольненіи двор. дѣвицы Кривенковой. Мировой посредникъ 1 участка зміевскаго уѣзда, г. Гурскій, испрашивалъ разрѣшенія на увольненіе дворовой дѣвицы Анны Кривенковой за нанесенные ей помѣщицею княгинею Маматовою побои и въ особенности за настойчивое со стороны владѣлицы

требованіе отъ Кривенковой исполненія полевыхъ работъ. По вопросу, возбужденному въ Екатеринославской губерніи: могутъ ли помѣщики высылать дворовыхъ людей на полевыя работы, министръ внутреннихъ дѣлъ, сообщилъ, «что, на основаніи ст. 4 прав. о пор. прив. въ дѣйств. полож. и ст. 4 мѣстн. полож. для губ. великор., повор. и бѣлор., издѣльная повинность установлена только за пользованіе землей; посему дворовые могутъ быть употребляемы на полевыя работы, на одинаковомъ съ крестьянами основаніи, лишь при отводѣ имъ, съ ихъ на то согласія, надѣла. Губернское присутствіе, принимя во вниманіе, что разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ относительно употребленія дворовыхъ на полевыя работы имѣетъ общій характеръ, независимый отъ какой-либо отдѣльной мѣстности, опредѣлилъ принять это разрѣшеніе къ руководству; предположеніе же посредника Гурскаго объ увольненіи дворовой дѣвицы Кривенковой,—утвердить. (Пост. 18 мая, Харьк. губ. вѣд. 1862 г. № 22)

О повѣркѣ уст. грамоты въ имѣніи г. Кадольскаго. Ахтырскій мировой съѣздъ препроводилъ на усмотрѣніе вступившее къ тамошнему предводителю дворянства ходатайство помѣщика Подольскаго о повѣркѣ уставной грамоты по имѣнію его кѣмъ-либо изъ посредниковъ другихъ участковъ, такъ-какъ на мироваго посредника своего участка г. Подольскій представилъ въ мировой съѣздъ жалобу, съ тѣмъ, притомъ, чтобы срокъ окончательнаго введенія грамоты былъ опредѣленъ, на основаніи мѣстн. полож., по истеченіи двухъ годичнаго времени.

Въ слѣдъ затѣмъ, мировой съѣздъ препроводилъ въ присутствіе отзывъ мироваго посредника 2 участка слѣдующаго содержанія:

«Поручикъ Тимофей Подольскій проситъ устранить меня отъ повѣрки и утвержденія уставной грамоты по его имѣнію, состоящему во ввѣренномъ мнѣ мировомъ участкѣ, указывая причину ту, что онъ имѣетъ со мною личности, и что о томъ занесена отъ него мировому съѣзду жалоба.

Поручикъ Тимофей Подольскій можетъ противъ меня имѣть личныя неудовольствія, имѣетъ также полное право подавать жалобы и всякаго рода бумаги куда пожелаетъ, но нѣтъ закона, который бы давалъ право одному произволу владѣльца устранить мироваго посредника отъ участія въ дѣлахъ, имѣющихъ интересъ какъ для владѣльца, такъ и для крестьянъ. Мировой посредникъ, нарушившій только законъ, устраняется отъ своей обязанности; а какъ произволъ владѣльца не есть законъ, то на такихъ началахъ не должна быть допущена передача уставныхъ грамотъ для исполненія другому лицу, мимо мѣстнаго мироваго посредника.

Признавая изложенный отзывъ мироваго посредника 2 участка вполнѣ основательнымъ, губернское присутствіе опредѣлило: въ видахъ сохраненія довѣрія къ мировымъ посредникамъ, г. Подольскому отказать въ его просьбѣ, о чемъ, для объявленія ему, увѣдомить съ возвращеніемъ грамоты ахтырскій мировой съѣздъ, прося оный указать г. Подольскому на незаконность его желанія относительно срока введенія грамоты, ибо, на основаніи 22 ст. прав. о прир. полож. въ исполн., всѣ уставныя грамоты, должны быть окончательно введены въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ съ утвержденія положеній, а не по истеченіи этого времени. (Пост. 29 мая, Харьк. губ. вѣд. 16 іюня № 23.)

Объ отказѣ дворовыхъ отъ принятія увольнительныхъ актовъ. Относительно дворовыхъ людей отказывающихся отъ принятія выдаваемыхъ имъ владѣльцами увольнительныхъ актовъ,—постановлено: при отказѣ дворовыхъ людей отъ увольненія, выдавать имъ увольнительные акты чрезъ посредство полиціи,

съ строгимъ внушеніемъ немедленно оставить занимаемыя ими помѣщенія, принадлежащія владѣльцу, и въ тоже время причислять ихъ сообразно указанію 24 ст. пол. объ устр. двор. людей; если же и затѣмъ дворовые вопреки желанію влаѣльца, будутъ оставаться у него, то поступить съ ними какъ съ ослушниками закона, (Пос. 16 іюня хар. губ. вѣд. 7 іюля № 26).

ВІСТІ.

ПИСЬМО ИЗЪ-ПО-НАДЪ ДЕСНЫ И СЕЙМУ.

III.

(28 августа 1862 года)

О крестьянскомъ дѣлѣ много говорить теперь нечего: переломъ совершился и оно пошло ходко впередъ. Въ нашихъ мѣстахъ грамотъ введено, быть можетъ, уже на-половину, но это не важно. Крестьяне начинаютъ вѣрить въ принадлежность земель, на которыхъ они поселены, помѣщикамъ, и что слѣдовательно, для пріобрѣтенія этихъ земель, нужно войти въ соглашеніе съ ихъ владѣльцами. Соглашенія теперь слѣдуютъ большею частію, вслѣдъ за введеніемъ грамоты, которыя нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, вводились одною формой, а крестьяне и думать о нихъ не хотѣли. Теперь не то; крестьяне видя, что уставная грамота измѣняетъ положеніе ихъ быта только въ количествѣ дней панщины, стараются совсѣмъ избавиться отъ послѣдней... Соглашенія большею частію оканчиваются выкупными договорами, съ оброка; пятая часть выкупной суммы или дарится помѣщикомъ или разсрочивается на 6—12 лѣтъ. Четвертные надѣлы въ меньшемъ ходу. Да оно можетъ и къ лучшему. Брать четвертной надѣлъ—крестьянамъ выгодно только въ отрубныхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики, волей-неволей, и остальныя земли будутъ отдавать для обработки тѣмъ же крестьянамъ. Но въ имѣніяхъ черноземныхъ и черезполосныхъ, особенно въ сосѣдствѣ съ козаками, крестьянамъ выгоднѣе выкупать земли, хотя бы и одни пѣшіе участки. При малоземельи нашихъ козаковъ, они всегда представятъ сосѣду-пану достаточное количество рабочихъ рукъ; помѣщику же выгоднѣе съ козаками имѣть дѣло, уже и потому, что съ ними легче условливаться насчетъ подводныхъ работъ (у козаковъ достаточно скота), которыми теперь особенно будутъ затруднены помѣ-

щики. Слѣдовательно, въ такихъ имѣніяхъ крестьянамъ большею частію придется и довольствоваться однимъ четвертнымъ надѣломъ, а изъ него можно имѣть только насущный хлѣбъ, никакъ неболѣе... да и то еще при урожаѣ. Словомъ, нельзя не желать для будущаго крестьянскаго благосостоянія, какъ можно болѣе выкупныхъ договоровъ, исполненіе которыхъ хотя и покажется крестьянамъ на первое время затруднительнымъ, но зато обезпечитъ ихъ будущее. Новый законъ «о распространеніи на издѣльныхъ крестьянъ содѣйствія правительства къ выкупу надѣла,» кажется, поможетъ крестьянамъ, боящимся оброка, устроиться лучше; закономъ этимъ воспользуются очень многіе помѣщики, желающіе поскорѣе раздѣлаться съ обязательными отношеніями крестьянъ; притомъ же, помѣщикамъ нужны теперь деньги для первыхъ обзаведеній по хозяйству, и они думаютъ воспользоваться для этого выкупомъ... По всему кажется, что въ настоящее время нельзя уже опасаться за будущность крестьянскаго дѣла!..

Недавно представилась намъ возможность познакомиться съ волостнымъ устройствомъ временно-обязанныхъ крестьянъ, болѣе чѣмъ по тридцати волостямъ, и вотъ-что мы успѣли замѣтить:

Волости помѣщаются большею частію въ наемныхъ хатахъ, съ платою отъ 10 до 25 р. въ годъ. Изрѣдка только встрѣчаются собственныя помѣщенія, но всѣ они устроены при помощи помѣщиковъ. Большинство старшинъ выбрано изъ зажиточныхъ крестьянъ; прочіе выбраны изъ экономическихъ конторщиковъ и писарей, но въ нихъ крестьяне кажется ошиблись; имъ хотѣлось приэтомъ имѣть старшину грамотнаго, который умѣлъ бы растолковать писанный законъ, а на дѣлѣ вышло, что они сдѣлались хорошими сельскими чиновниками... Попадаются старшины хуже еще этихъ—выбранные изъ бывшихъ приказщиковъ, продолжающіе быть таковыми и теперь. Но вообще, выборъ старшинъ, кажется, довольно удаченъ (*); иногда встрѣчаются между

(*) До-сихъ-поръ, старшинъ смѣнено (на основ. 122 ст. общ. Полож.) очень мало; не болѣе, какъ по одному на уѣздъ. Проступки ихъ заключались или въ превышеніи власти, или въ «неспособности», т. е. въ недостаточной распорядительности, при введеніи уставныхъ грамотъ и при взысканіи помѣщичьихъ недоимокъ съ крестьянъ. Превышеніе власти обыкновенно случается отъ незнанія Положенія.

ними такія почтенныя личности, что невольно подумаешь: и этотъ человѣкъ, полтора года назадъ, гибъ въ крѣпостной зависимости! Почти вездѣ, старшинамъ назначено жалованье, отъ 40 до 120 р. въ годъ.

Послѣ старшины, самое важное лицо въ волости, разумѣется, писарь; гдѣ старшина неграмотенъ (а такихъ болѣе двухъ третей,) тамъ писарь играетъ очень важную роль, особенно, если посредникъ не вникаетъ въ эти дѣла. Писаря наняты большею частію изъ бывшихъ козачьихъ, почему и канцелярскіе порядки, заведенные въ крестьянскихъ волостяхъ, похожи на тѣ, что и въ волостяхъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Къ счастію, по положенію, канцелярскій порядокъ въ крестьянскихъ волостяхъ очень простъ и здѣсь трудно завести такое многописаніе. Жалованье писаря получаютъ рублями 10, 20-ю болѣе, чѣмъ старшины. О другихъ сельскихъ урядникахъ говорить нечего; они еще ничѣмъ не выразились и остаются въ тѣни...

Теперь о волостномъ судѣ. Волостному суду, по положенію, дано важное значеніе и если это учрежденіе разовьется правильнымъ путемъ, то имъ вполнѣ обезпечено будетъ народное самоуправленіе. Но теперь трудно сказать—какая его будущность. Положеніе, избавляя волостной судъ отъ всякихъ постороннихъ вліяній, имѣло въ виду тѣмъ самымъ дать суду полный просторъ въ дѣйствіяхъ, т. е. положить въ основаніе его рѣшеній—народные обычаи. Теорія эта въ настоящее время прилагается къ дѣлу несовсѣмъ-то удовлетворительно; видно, что некому было сначала направить это дѣло. Прочитывая рѣшенія волостныхъ судовъ, нельзя не замѣтить въ нихъ какой-то однообразности, показывающей, что судьи—какъ рѣшили въ первый разъ дѣло, такъ рѣшаютъ и всѣ послѣдующія, не принимая во вниманіе разнообразія тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ совершается преступленіе. Такъ напр., если судъ какой-нибудь волости назначилъ за преступленіе розги, то и всѣ другія преступленія наказываетъ розгами же; написали въ первый разъ: «волостный судъ за такой-то проступокъ присудилъ упомянутаго NN наказать розгами, 20-ю ударами, въ чемъ онъ и остался довольнымъ», то уже то самое наказаніе присуждается и за послѣдующія преступленія, поступающія на рѣшеніе волостнаго суда. Какъ наказаніе, розги въ волостныхъ судахъ вообще употребительнѣе, чѣмъ штрафъ; должно быть, это послѣдствіе крѣпостнаго быта, въ которомъ розги, какъ наказаніе менѣе сложное, употреблялись почти безъ исключеній. Штрафы обращаются въ мірской капиталъ, а иногда—на церковь. Приложеніе народныхъ обычаевъ къ суду встрѣчается до-

вольно рѣдко, но все же встрѣчается; видно, что память народная не утратила ихъ еще, не смотря на крѣпостное право, которое вообще дѣйствовало разрушительно на юридическіе обычаи народа. Но если настоящее состояніе волостныхъ судовъ и не совсѣмъ удовлетворительно, то нельзя не надѣяться на ихъ хорошее будущее: теперешніе судьи выбраны народомъ почти зря; сказали: «выбирай»—и выбрали; а какъ что и зачѣмъ—народъ почти не понималъ; можно думать, что, въ этомъ году, уразумѣвъ уже дѣло, народъ выберетъ лучшихъ людей, которые поймутъ лучше прежнихъ свое назначеніе. Для образца, какъ разбираются дѣла въ волостныхъ судахъ, выписываемъ здѣсь два ихъ рѣшенія:

1) «1862 г., февраля 11 дня. Временно-обязанная крестьянка Гликерія В. принесла жалобу на зятя своего временно-обязаннаго крестьянина Григорія Г. за недопущеніе ко владѣнію имѣніемъ, принадлежащимъ ей, доставшимся отъ умершаго мужа ея, заключающемся въ постройкахъ, стойное цѣны 22 р. с. Вслѣдствіе чего волостный судъ, по разслѣдованіи сего дѣла, нашелъ, что такъ какъ жалобщица изъяснила, что она съ зятемъ своимъ Григоріемъ не хочетъ жить, а желаетъ перейти на жительство къ старшей дочери Евфимьѣ К., то имѣніе это чтобы раздѣлить на четыре части, изъ коихъ отдать одну часть жалобщицѣ; вторую—сыну отвѣтчика С., т. е. внуку жалобщицы; третью и четвертую—дочерямъ Матронѣ—калѣкѣ и Маринѣ, находящейся въ замужествѣ за временно-обязаннымъ крестьяниномъ Петромъ Б. Какъ же отвѣтчикъ согласился остаться въ томъ имѣніи жительствовать и принять на свое попеченіе прописанную калѣку Матрону, а прочимъ какъ-то: жалобщицѣ Гликеріи В. и дочери ея Маринѣ В. уплатить за половину того имѣнія 11 р. с., то поэтому волостной судъ приговорили: прописанныя 11 р. с. взыскать съ Григорія Г. и раздѣлить на Гликерію В. и дочь ее Марину Б. по ровной части и приговоръ этотъ зачислить конченнымъ.»

2) «1862 г., мая 6 дня. Въ Щ. волостное правленіе занесена была жалоба временно-обязаннымъ крестьяниномъ Пантелеймономъ В., на вр.-кр. Михайла В. въ чемъ сія жалоба заключается: Михаилъ В., за неимѣніемъ дѣтей, по добровольному соглашенію, уступилъ все свое движимое имѣніе, избу и другія постройки, находящіяся на жиломъ грунтѣ, также усадебную и полевую землю, родственнику своему Пантелеймону В., который обязался за нее по уставной грамотѣ или отбывать издѣльную повинность въ пользу помѣщика или платить оброкъ,

съ тѣмъ условіемъ, чтобы вышепрописанный Пантелеймонъ В. кормилъ до смерти, а въ случаѣ смерти Михайла В. похоронилъ бы христіанскимъ обрядомъ. Вслѣдствіе этого установлено было условіе настоящаго года, 8 января, подписанное Михайломъ В. при 3–хъ свидѣтеляхъ и засвидѣтельствовано Щ. волостнымъ правленіемъ и такимъ образомъ Пантелеймонъ В., который находился на степу помѣщика сторожемъ и получалъ рублей до 40 ежегодно пользы, перешелъ въ то же время къ Михайлу В., гдѣ и жилъ до сего времени спокойно. Однако Михаилъ В. по совѣту жены своей и также подстрекаемый со стороны другихъ, несмотря на уступку подписанную имъ самимъ добровольно, рѣшился нарушить условіе, а потому старался, дабы какимъ–нибудь случаемъ заставить удалиться изъ избы и также изъ грунта Пантелеймона В., который, претерпѣвая неоднократно дерзкіе поступки и непріятности со стороны Михаила В., рѣшился оставить его совсѣмъ, безъ всякаго вознагражденія и притомъ претерпѣвши значительные убытки. А посему въ волостномъ судѣ Щ—аго волостнаго правленія приговорено: такъ–какъ Михаилъ В. нарушилъ условіе, данное добровольно Пантелеймону В., а потому взыскать съ него штрафъ 15 р. въ пользу послѣдняго».

Кромѣ *книги приговоровъ* волостнаго суда, мы останавливались еще не разъ надъ «*книгой договоровъ и сдѣлокъ*», заключаемыхъ крестьянами какъ между собою, такъ и съ лицами другихъ сословій. Въ этихъ книгахъ обращаютъ на себя вниманіе собственно крестьянскія сдѣлки, изъ которыхъ лучше можно познакомиться съ юридическимъ бытомъ народа, чѣмъ изъ самыхъ рѣшеній волостнаго суда. Посредники принесли бы большую пользу народоизученію, если бы печатали, хоть въ губернскихъ вѣдомостяхъ, тѣ изъ этихъ сдѣлокъ, основаніемъ которыхъ служили юридическіе обычаи народа. Вотъ одна изъ нихъ: «1861 г., отября 2 дня. Временно–обязанный крестьянинъ Василій С. и жена его Анна, Касьянъ О. и жена его Параскевія заключили миролюбное условіе въ томъ, что С—ны, не имѣя у себя родныхъ дѣтей, съ добраго ихъ согласія, безъ всякаго отъ кого–либо принужденія, приняли О—хъ въ усыновленіе съ тѣмъ, чтобы сіи послѣдніе, распоряжая имуществомъ первыхъ и хозяйствомъ, призрѣвали

въ старости и болѣзни до смерти, а послѣ смерти, похоронили ихъ христіанскимъ обрядомъ и за сіе все С—ы вручили О—мъ все свое движимое и недвижимое имѣніе и имущество, такъ какъ-бы роднымъ своимъ дѣтямъ, въ вѣчное и потомственное владѣніе; въ замѣнъ чего О—ы должны С—хъ почитать и уважать, какъ родные дѣти своихъ родителей. Если же кто изъ нихъ поступитъ въ противность настоящаго условія, то долженъ отвѣчать по силѣ законовъ и никто изъ нихъ не долженъ другаго обижать и притѣснять всѣхъ находящихся со стороны С—хъ родственниковъ. Они, С—ы, отъ всего вручаемаго ими О—мъ имѣнія и имущества совершенно устраняютъ и никому никакого права касаться и тѣмъ дѣлать теперь и по смерти ихъ помѣху О—мъ во владѣніи и распоряженіи не оставляютъ и все таковое право свое *вливаютъ* (*) О—мъ. Но если со стороны сихъ послѣднихъ произойдетъ что-либо противное сему обязательному для насъ условію, то виновные должны отвѣтствовать по закону и по примѣру тому, какъ подвергаются отвѣтственности родные дѣти, виновные противъ своихъ родителей. Но во всякомъ случаѣ они, О—ы, не лишаются нисколько права на наслѣдство вручаемымъ ими С—ыми имѣніемъ и имуществомъ».

У насъ теперь, какъ извѣстно, кромѣ крестьянскаго дѣла, совершается другое тоже не послѣдней важности—межевое. Малороссія, такъ долго ждавшая межеванія, наконецъ, благодаря тому же крестьянскому дѣлу, дождалась его—и вотъ уже болѣе 3-хъ лѣтъ идетъ оно... довольно медленно. Гдѣ причины этой медленности,—мы сказать не умѣемъ. Люди, болѣе насъ знающіе, видятъ причину медленности въ неудачномъ выборѣ межевыхъ дѣятелей. Особенно какъ-то не удаются уѣздные; нѣкоторыя свѣдѣнія о послѣднихъ уже извѣстны читателямъ *Основы;* къ нимъ можно бы присоединить еще не мало, потому-что то и дѣло приходится слышать разные *межевые* анекдоты. Недавно еще, говорятъ, одинъ изъ этихъ дѣятелей, пріѣхавъ въ межевую коммиссію—«подписать журналы», вмѣсто межевыхъ,

---

(*) Употребленіе этого слова—здѣсь очень замѣчательно; оно указываетъ на связь этого обычая усыновлять съ *улиточнымъ правомъ*, извѣстнымъ по Украинѣ со времени Литовскаго Статута.

подмахнулъ журналы оспеннаго или какого-то другаго комитета, случившіеся тутъ же (межевая канцелярія помѣщалась вмѣстѣ съ предводительской) и тѣмъ задалъ не малую работу писцамъ послѣдней... Какимъ образомъ попадали подобные люди въ члены межевыхъ коммиссій? спрашиваешъ иногда у выбиравшихъ. Иначе быть не можетъ, отвѣчаютъ, потому что наши выборы основаны на интригахъ,—особенно выборы въ должности, подобныя межевымъ: жалованье большое, а дѣла можно совсѣмъ не дѣлать... Обыкновенно передъ выборомъ, сильнѣйшая партія сговаривается—кого и кого нужно выбрать; назначаются или люди дѣйствительно могущіе дѣло дѣлать или же—сильные міра сего, смотря по взгляду на вещи предводителя партіи. Открываются выборы,—сначала и пускаютъ *назначенныхъ;* но тутъ обыкновенно случается, что всѣ они прокачиваются *на вороныхъ*: всякій самъ себѣ не врагъ, видя въ послѣднемъ, хоть микроскопическій, но все же лишній шансъ къ тому, что быть можетъ онъ самъ попадетъ въ эту должность... Когда большинство прокатятъ на вороныхъ, тогда поневолѣ уже и случается, что на бѣлыхъ выѣзжаютъ разные уже инвалиды, остающіеся подъ конецъ, и часто совсѣмъ не гадающіе о такомъ благополучіи. Мѣсяца три назадъ еще выбранъ членомъ въ межевую коммиссію дворянинъ, бывшій передъ тѣмъ письмоводителемъ становаго пристава; должность эта лучше всего объясняетъ положеніе его въ уѣздномъ обществѣ...

На-дняхъ во всѣхъ уѣздахъ нашего околодка назначены были уѣздныя дворянскія собранія для обсужденія вопроса: не уменьшить ли жалованья межевымъ членамъ, какъ палаты, такъ и коммиссій. Предсѣдатели межевыхъ коммиссій у насъ почти все—предводители; говорить объ уменьшеніи ихъ жалованья—дѣло щекотливое для уѣздной братіи... Вездѣ опасались, что разсужденія эти кончатся ничѣмъ. Помогли богатые землевладѣльцы, которымъ нечего бояться, владѣя тысячами десятинъ; съ полнымъ присутствіемъ духа, они произнесли, что межевое жалованье—не въ коня кормъ. Дѣйствительно, судя по работѣ членовъ межевыхъ коммиссій, они получаютъ много: предсѣдатель—1500 р. и прогоны, а члены по 1200. Жалованье это тѣмъ болѣе чувствительно, что въ то же время идетъ сборъ и на мировыя учрежденія. Конечно, если бы дѣло дѣлалось какъ слѣдуетъ, то этихъ денегъ нечего было бы жалѣть, имѣя въ виду скорѣйшее размежеваніе; но, при настоящемъ его положеніи, когда люди свѣдущіе увѣряютъ, что межеваніе въ каждомъ уѣздѣ продолжится не менѣе 15-ти

лѣтъ, то лучше платить какъ можно меньше... Возгласы богачей-смѣльчаковъ увлекли и меньшую братію: сгоряча и они стали кричать что много, много!—нужно уменьшить! Почти вездѣ положено было уменьшить жалованье, какъ уѣзднымъ, такъ и губернскимъ межевымъ членамъ. Въ одномъ уѣздѣ рвеніе требовавшихъ уменьшенія, простерлось до того, что предсѣдателю назначили 525, а членамъ—по 360 р. Каковъ будетъ окончательный результатъ этихъ преній, еще неизвѣстно; онъ рѣшится въ губерніи, на основаніи большинства. Во всякомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что межевыя должности перестанутъ быть лакомыми кусочками, а это, быть можетъ, поведетъ къ тому, что современемъ ихъ займутъ люди лучшіе, которые возьмутъ на себя работу для дѣла, а не для денегъ. А такіе люди, хоть ихъ и не много, все же есть у насъ; но сообразуясь съ обстоятельствами, они стараются теперь держаться подальше, чтобъ напрасно и словъ не тратить...

Но что́ же представляетъ межеваніе, изъ-за котораго мы такъ бьемся, въ будущемъ?—Много выгодъ—крупнымъ собственникамъ и никакихъ—мелкимъ. Представимъ себѣ межеваніе фактомъ совершившимся и увидимъ, что тѣ землевладѣльцы, у которыхъ менѣе 50-ти дес., получатъ ее, какъ извѣстно, въ прежнихъ 3-хъ смѣнахъ, которыя, сравнительно съ настоящимъ, уменьшатся на все количество земли, которая отойдетъ отрубными кусками землевладѣльцамъ, имѣющимъ болѣе 50-ти десятинъ. Слѣдовательно, *толóка* (паръ) уменьшится значительно, а съ уменьшеніемъ ея должно уменьшиться и скотоводство мелкихъ собственниковъ, дворянъ, козаковъ и крестьянъ-собственниковъ, число которыхъ растетъ со дня на день. Вотъ первый, неоспоримый результатъ въ будущемъ. Богатствомъ земель наши козаки, какъ извѣстно, похвалиться не могутъ: большая часть изъ нихъ владѣетъ отъ 3 до 7 дес. на дворъ; а не мало есть и совсѣмъ безземельныхъ. Въ настоящее время пользуясь чрезполосицей и—результатомъ ея—значительной толóкою, козаки имѣютъ возможность держать достаточное количество скота, который даетъ имъ возможность пахать сосѣдскія зéмли *съ-половины* (*). Размежеваніе отниметъ у нихъ эту возможность и они должны будутъ обѣднѣть еще болѣе...

(*) У насъ очень часто можно встрѣтить безземельныхъ козаковъ, имѣющихъ паръ по пяти воловъ, да по десятку и болѣе лошадей. Кромѣ *спóльничества*, они занимаются ещé извозомъ и живутъ теперь безбѣдно.

На это возразятъ намъ, что нельзя же не признать настоящее пользованіе такихъ козаковъ толóкой—за пользованіе чужимъ! Да, это справедливо, какъ справедливо и то, что существовавшіе встарину, почти у каждаго села, общіе выгоны, въ настоящее время почему-то обратились въ левады и лу́ки тѣхъ, которые съ размежеваніемъ получатъ очень много выгодъ. Кто виноватъ? возразятъ намъ опять. Не разберешъ, кто виноватъ; извѣстно, сила солому ломитъ.

Утѣшаютъ мелкихъ собственниковъ тѣмъ, что размежеваніе дастъ средство покончить наконецъ съ трехпольнымъ хозяйствомъ и замѣнить его другимъ, болѣе современнымъ. Но и эта надежда слабѣетъ, какъ посмотришъ, что многіе крупные собственники, десятки лѣтъ уже пользующіеся отрубными дачами, и не заикнулись до сихъ поръ о замѣнѣ трехпольнаго хозяйства какимъ-либо другимъ. А кому же и начинать, какъ не имъ?.. Конечно, то было время, а теперь другое, заставляющее поневолѣ думать объ изысканіи новыхъ источниковъ для доходовъ. Но и при этомъ нужно ожидать скорой перемѣны въ нашемъ хозяйствѣ; сколько ни приходится слышать о томъ, что́ думаютъ дѣлать въ будущемъ наши богатые паны, всѣ преднамѣренія ихъ сводятся болѣе къ тому, чтобы увеличить табачныя плантаціи, да уничтожить овцеводство; другіе думаютъ о торговлѣ скотомъ. Объ агрономическихъ реформахъ никто и не думаетъ, слѣдовательно—*по́ки сонце зи́йде, роса́ о́чі ви́сть...*

ИЗЪ ЛУБЕНСКАГО УѢЗДА (Полтавской губ.)

(21 августа 1862).

Не могу не выразить сожалѣнія, что нѣкоторые землевладѣльцы до-сихъ-поръ еще не пришли къ ясному сознанію человѣческихъ правъ бывшихъ своихъ крѣпостныхъ, а нынѣ—временно-обязанныхъ крестьянъ; между этими двумя сословіями всё еще стоитъ стѣна непреоборимая:—это духъ панства и высокомѣрія однихъ и духъ недовѣрія и неразвитости другихъ; одни требуютъ рабской покорности и труда за ничтожную плату,—другіе желаютъ мгновенно обогатиться, соединяя

съ понятіемъ о свободѣ, удобства жизни; оба сословія питаютъ одно къ другому недовѣріе. Въ этомъ году большая часть земель Лубенскаго уѣзда была отдана землевладѣльцами въ обработку козакамъ, а въ Миргородскомъ уѣздѣ многія земли обработаны по найму квартирующими тамъ войсками, такъ-что предстоящая зима теперь, кажется, будетъ не очень благопріятна для временно-обязанныхъ крестьянъ. При этомъ весьма дѣйствуетъ на хозяйственный и семейный бытъ, на здоровье и нравственность крестьянъ—горілка. Въ Малороссіи чувствуется теперь особенная, настоятельная потребность въ чьемъ-либо нравственномъ вліяніи, направленномъ противъ пьянства. Г. Ге, въ превосходныхъ своихъ замѣткахъ (*Основа*, 1862 г.), чрезвычайно вѣрно выяснилъ, какимъ образомъ овладѣлъ нашимъ народомъ этотъ порокъ, сопровождающій каждое замѣчательное явленіе его повседневной жизни и, въ-особенности, тѣ, при коихъ присутствуетъ священникъ; напримѣръ—крестины, поминки, свадьбу... Поэтому, не естественнѣе ли, не удобнѣе ли всего духовнымъ сдѣлаться апостолами трезвости? До-сихъ-поръ мѣшалъ откупъ, а съ будущаго года—кто же помѣшаетъ? Вотъ тема для разработки въ нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ...

Съ перемѣною быта крестьянъ, здѣсь очень медленно улучшается хозяйство; обработка земли и прежде стóила очень дорого, а теперь, при наемномъ работникѣ, она еще дороже, такъ-что только при цѣнѣ за пудъ зерноваго хлѣба 50 коп. ср. вознаграждался бы трудъ земледѣльца. Земля обрабатывается, въ Лубенскомъ уѣздѣ, плугами, требующими упряжки каждый по три пары воловъ; не говоря уже о дороговизнѣ этой обработки, она не достигаетъ своей цѣли:—земля остается мало разрыхленною, ибо плугъ разбрасываетъ землю грудами, но не размельчаетъ ее и посѣянное зерно остается подъ вліяніемъ солнца и вѣтра; корень, при этихъ условіяхъ, не получаетъ той сочности и силы, какую бы могла дать здѣшняя почва при другой обработкѣ.

Въ Миргородскомъ уѣздѣ, въ Камышенской экономіи, дѣйствительный членъ общества сельскаго хозяйства, Иванъ Федоровичъ Зоринъ ввелъ обработку земли сохами; сначала мѣстнымъ крестьянамъ показалось это нововведеніе страннымъ, но опытный сельскій хозяинъ переселилъ нѣсколькихъ великорусскихъ землепашцевъ въ Камышну для обученія тамошнихъ крестьянъ великорусскому хозяйству, и соха такъ понравилась, что камышенцы стали забывать уже о плугѣ. Польза обработки камышенскихъ земель сохою оказалась въ томъ, что раз-

рыхленная земля лучше покрывала зерно, а это способствуетъ урожаю; притомъ, на одинакое количество земли и времени—вмѣсто 6 воловъ употребляли, при сохѣ, одного только вола, слѣдовательно такая обработка значительно дешевле плуговой.

Въ той же Камышенской экономіи постоянно вводятся работы машинами; изъ нихъ грабельная и молотильная изобрѣтены самимъ г. Зоринымъ. Въ камышенской сушильнѣ устроена печь, могущая отопить огромное зданіе самымъ незначительнымъ количествомъ топлива; это изобрѣтеніе, тоже принадлежащее г. Зорину, обратило на себя вниманіе спеціалистовъ, но, до полученія изобрѣтателемъ привиллегіи, остается для большинства недоступнымъ. Земля Малороссіи обильна и богата, да хозяйство въ ней плохо идетъ, и потому надобно желать, чтобы чаще и чаще появлялись въ ней люди, подобные г. Зорину.

Изъ заводовъ обращаетъ на себя вниманіе, по качеству выдѣлки, кожевенное заведеніе въ селѣ Березоточѣ, Лубенскаго уѣзда, въ экономіи Петра Васильевича Лейбина; кожи у насъ, въ городахъ, довольно плохо обработываются, несмотря на большую въ нихъ потребность; этотъ товаръ на нашихъ ярмаркахъ не залеживается, и усовершенствованіе кожевеннаго дѣла принесло бы существенную пользу краю. Но грустно подумать, что еще долго винокуренные заводы будутъ поглощать капиталы, которые могли бы послужить развитію другой промышленности, гораздо болѣе полезной для народнаго благосостоянія.

Василій Шевичъ.

ИЗЪ ГОРОДНЕЦКАГО УѢЗДА (Черн. губ.).

(25 іюля 1862).

Еще и до-сихъ-поръ наши селяне не покончили съ полемъ; значитъ, и жизнь ихъ все еще исполнена полевыхъ трудовъ, описывать которые—говорить о вещахъ общеизвѣстныхъ. Лучше пусть будетъ предметомъ моего настоящаго письма *городнецкое нарѣчіе*. Но прежде всего, я долженъ опредѣлить то мѣсто (или отдѣлъ), которое оно занимаетъ въ ряду нарѣчій Черниг. губерніи вообще. Для этого скажу кратко, въ общихъ чертахъ, и вообще о нарѣчіяхъ Черн. гу-

берніи. Это тѣмъ болѣе необходимо, что и о нихъ не составилось еще опредѣленнаго мнѣнія.

По языку, жители Черн. губ. раздѣляются на три нарѣчія: степовое (украинское), переходное и бѣлорусское (литовское). Причины такого раздѣленія лежатъ и въ исторіи, и въ географическихъ особенностяхъ губерніи. Оставляя историческія причины, напомню про ту географическую особенность Черн. губерніи, что она, относительно распредѣленія лѣса, раздѣляется на *лѣсистую часть* (сѣверъ губерніи), *переходную* (средина губ.) и *безлѣсную* (югъ). Этотъ-то тройственный характеръ природы Черн. губ. имѣлъ вліяніе на засѣвшія въ ней племена... Самый сѣверъ губерніи (уѣзды Сураж., Мглин., Стародуб. и Новозыбковскій) заняли Бѣлоруссы, извѣстные у жителей другихъ уѣздовъ губерніи подъ именемъ *литвиновъ*, *сіверянъ*, *полісцівъ* (*падзегунъ*, *ліцвінъ* въ укорительномъ смыслѣ). Югъ губерніи (Нѣж., Борзен., Конотоп., Кролевец. и Козелецкій уѣзды) населенъ Украинцами (степовиками). Во всѣхъ остальныхъ уѣздахъ (Городнецкомъ, Черниг., Сосниц., Новгородсѣверск. и Остерскомъ) нарѣчіе отличное и отъ бѣлорусскаго, и отъ украинскаго. Его можно назвать *переходнымъ* отъ одного къ другому. Жителей этой полосы степовики называютъ *перéвертнями*. Выраженіе характеристичное, потому что говоръ переходной полосы Черн. губ. есть не что иное, какъ перевернутый украинскій языкъ, иначе—его нарѣчіе, провинціализмъ. Это виднѣе всего будетъ изъ самаго изложенія его особенностей,—къ чему я прямо и перехожу (*).

Главная особенность переходнаго говора—это замѣна украинскаго *о* (безъ ударенія) на *а;* такъ моя будетъ *мая*; сторожа—*старожа*; по дорозі—*па дарозі* и т. д. Эта особенность переходнаго говора сближаетъ его съ велико–и бѣло–русскими языками. Украинскій звукъ *і* (съ удареніемъ) замѣняется звукомъ *у* или *ю*; такъ кінь—*кунь*; тітка—*тютка* и т. д. На этомъ основаніи и при склоненіи словъ замѣчаются слѣдующія измѣненія: творит. п. ед. числа вмѣсто *омъ* будетъ *амъ*. При этомъ замѣчу, что дат. ед. никогда не имѣетъ *ові*, но

(*) Я долженъ оговориться, что при распредѣленіи границъ говоровъ по уѣздамъ, происходитъ неточность; напр. въ сѣверной части Козелецк. уѣзда говоръ переходной, въ южной же степовой. Но иначе я не могъ поступить: я бралъ преобладающій говоръ въ уѣздѣ, и причислялъ его то къ тому, то къ другому. Ошибка будетъ невелика. Опредѣлить же естественныя границы говоровъ—не въ моей силѣ.

всегда *у—чаловіку*, а не чоловікові. Род. множ. ч. вмѣсто *івъ* имѣетъ *увъ* или *ювъ*, смотря по тому, требуетъ ли благозвучіе смягченія согласной. Дат. множ. вмѣсто *амъ*, *ямъ—умъ*, *юмъ*; напр. *серпувъ, канювъ, серпумъ*, канюмъ. Нѣкоторыя слова, какъ *жаба, птица*, имѣютъ род. множ. на *авъ—жабавъ, птицавъ*. Что же касается до другихъ падежей, то они измѣняются по тѣмъ же правиламъ, какъ и въ украинскомъ яз.; такъ предл. пад. ед. ч. въ словахъ муж. рода оканчивается на *у*, а въ женскомъ и среднемъ на *і*—о талану, о небі, объ окні и т. д. Полнозвучіе тоже соблюдается вполнѣ, такъ *дегать* и въ косвенныхъ падежахъ удерживаетъ *а—дёгатю*; *лобъ—лоба, левъ—лева* и мн. др.

Существительныя, кончащіяся, въ украинскомъ, на *я*, въ переходномъ нарѣчіи имѣютъ *е*, также и тѣ, которыя имѣютъ передъ *я* удвоенную согласную; напр. доля будетъ *доле*, прохання—*прахание*. Вообще звукъ *я* безъ ударенія произносится какъ *е*; поэтому *екй*, а не яки, *ерина́*, а не ярина и т. д.

Прилагат. имена, какъ въ ед., такъ и въ мн. числѣ, никогда не употребляются съ полнымъ окончаніемъ; кромѣ того, украинское мягкое *і* во множ. числѣ, въ переходномъ говорѣ, неизвѣстно; такъ: *чорни, чорна, чорне* и множ. ч. *чорни*, (а не чорні) и т. д.

Неопред. накл. глаголовъ всегда оканчивается на *ть*, а на *ти* только въ пѣсняхъ (и тогда выговаривается за *ті*) и въ тѣхъ глаголахъ, которые передъ *т* имѣютъ согласную; напр., *теґті, текті*. Возвратн. глаголы имѣютъ *це* (*се*), поэтому мѣст. *це* (*се* употребляется только въ 3-мъ лицѣ прош. врем.) употребляется во всѣхъ временахъ; такъ: *вунъ плачетце, плакавсе*. На основаніи кореннаго отличія переходнаго говора, тѣ глаголы, которые въ какомъ либо времени имѣютъ звукъ *і*, перемѣняютъ его на *ю*, утікъ—*утюкъ, стюгъ* (?) и т. д. Въ переходномъ говорѣ не уцѣлѣла старославянская форма будущ. времени; поэтому не говорятъ *казатиму*, но *буду казать*. Вмѣстѣ съ глаголомъ *співать* употребляется и *пьть*; этотъ послѣдній употребляется въ настоящ. времени такъ: *пею, пеёшъ, пеё, пеемо́, пеють*...

Вмѣсто частицы *чи* употребляютъ ті; напр., *ті ти, ті я*, а не чи ти, чи я. Послѣ частицы *ні* передъ мѣстоим. одинъ вставляется для благозвучія не *ж*, а *г—ні годного*, а не *ні жодного*. Предлогъ *від* замѣняется предлогомъ *од* (ад, ат).

Въ-заключеніе, предлагаю нѣсколько словъ, которыя отличаются

отъ украинскихъ: вмѣсто биття говорятъ *бу́йка*, биля—*ле*, бiлшъ—*бу́лей*; вищати—*верещáть*, волосся—*ко́сы*, вiдсiль—*атцуля́*, вiи—*вiки*; гойдатись—*калихáтьце на арéлi*; драгліти—*дрiтiть*, дукатъ—*личмáнъ*; звiтки—*аткуля́*, згага (сжога)—*печея*, зненацька—*знéтельки*; кадібъ—*кáдовба*; курча—*пиленя* (отъ зова: пили, пили!) *ципленя*, коміръ—*кавни́ръ*, курникати—*курнявкать*, кваша—*кулáга*; лаштунки (лѣси)—*рiштовáнне*, лушпина—*шалупáйка*; натравка—*пáновка*; обдіма жівітъ—*пу́шитъ жівутъ*, одягнутись—*напрену́тьце*, ополонка—*пéлька;* паслінъ—*пiсклю́нъ*, покволомъ—*спракволя*, разокъ—*разóра*, разокъ намиста—*стáлка*; станокъ полотна—*свýй* (отъ свивать), сумирний—*рахмáнни*; щілина—*шкарлýбина*. Вотъ еще нѣсколько словъ, которыхъ я не встрѣчалъ въ украин. языкѣ: *батовáть*—наложить много, *гайнó*—подстилка соломы для скота, *зачýпнасть*—родство по свойству, *маніжить*—сильно утомить; *натеребúтьце*—нажраться, *пáздерить*—лупить, бить; *плужить*—идти въ руку (*ёму въ усёму плужить*), *пóцатъ*—образецъ (одного поцату), *цавьё*—стебель у растенія (но не дерева) и мн. др.

Изъ сказаннаго видно, какое мѣсто занимаетъ переходное нарѣчіе и въ ряду безчисленныхъ нарѣчій русскаго государства: оно ни больше, ни меньше какъ провинціализмъ украинскаго языка. Я съ цѣлью говорилъ объ немъ такъ подробно: описывая его, я вмѣстѣ и разрѣшалъ вопросъ,—на какомъ языкѣ нужно учить жителей переходной полосы Черн. губерніи? Полагаю на томъ, который ближе, т. е. украинскомъ.

Многіе признали справедливость той истины, что народъ непремѣнно нужно учить на его природномъ языкѣ. Къ–сожалѣнію, эта истина на дѣлѣ не приводится въ исполненіе. Вотъ, напримѣръ, и у насъ въ Черниг. губ. почти въ каждомъ приходѣ причетники учатъ грамотѣ, но ни въ одномъ приходѣ не учатъ на народномъ языкѣ. Въ оправданіе нельзя сказать, что житель переходной полосы не понимаетъ украинскаго языка. Всякому на опытѣ легко удостовѣриться, что онъ очень хорошо понимаетъ украинскія книги, и даже сразу отличаетъ, на какомъ языкѣ онѣ написаны. »Це—говорятъ—по степови«... И понятно:—житель переходной полосы во многомъ близокъ со степовикомъ, и находится съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ: онъ каждый годъ ходитъ съ горшками на степь за хлѣбомъ, каждую ярмарку видитъ чумаковъ съ таранью и солью... И я вполнѣ увѣренъ, что грамотность у насъ до тѣхъ поръ будетъ *плестись ракомъ*, пока мы не станемъ

учить народъ на его нарѣчіи, или ближайшемъ языкѣ. При теперешнемъ своемъ устройствѣ наши сельскія школы не достигаютъ своей цѣли, и грамотность идетъ медленно. Я даже почти убѣжденъ, что въ этомъ году будетъ въ школахъ меньше учениковъ: народъ сталъ думать, что изъ теперешняго обученія не будетъ пользы. Грустно, что эти школы при первомъ появленіи уже внушили къ себѣ недовѣрчивость, но нельзя и народъ обвинять: крупныя причины породили эту недовѣрчивость. Старая система обученія, нерадѣніе наставниковъ и часто злоупотребленіе своею властью: нѣкоторые наставники изъ учениковъ дѣлали себѣ слугъ исполнявшихъ для нихъ всѣ работы. У насъ въ городн. уѣздѣ, у одного наставника ученики даже каждую недѣлю *мыли конюшню*... Жаль вѣдь, что бѣды нечѣмъ и поправить! Гдѣ взять другихъ наставниковъ? Наше панство, живущее по селахъ, и до сихъ-поръ считаетъ для себя неприличнымъ помогать народному образованію (*). А между прочимъ оно могло бы дать и средства и учителей. Не говоря о тѣхъ господахъ, которымъ названіе *коптители небесъ*, скажу, что у насъ, по селамъ, очень много дѣвицъ, ровно ничего не дѣлающихъ,—а какую бы громадную пользу онѣ принесли, еслибъ взялись за учительское дѣло... къ тому же онѣ во всякомъ случаѣ образованнѣе теперешнихъ наставниковъ народа, и поэтому могли бы повесть народное образованіе съ большимъ успѣхомъ... Стыдно и безнравственно—у кого есть силы и средства помогать народной нуждѣ, сидѣть ложа руки. Многія, пожалуй, боятся мелочныхъ придирокъ:—ведите свое дѣло безъ всякихъ заднихъ и дальнихъ видовъ, учите просто одной грамотѣ, и къ вамъ никто не придерется. Считаете неприличнымъ или неудобнымъ ходить въ сельскую школу, собирайте къ себѣ на домъ: отцы пошлютъ куда хотите своихъ дѣтей:—вы знаете, какъ сильно развита между ними потребность учить дѣтей своихъ грамотѣ. Но не взяться нашимъ панночкамъ-білоручкамъ за это благородное дѣло! а народу придется еще долго ждать для своихъ дѣтей хорошихъ учителей (по-крайней-мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока у насъ не устроятъ заведеній для приготовленія народныхъ учителей). Положимъ, вотъ къ осени, у насъ, въ городнецк. уѣздѣ, будетъ выстроено и открыто до пяти волостей временно-обязанныхъ крестьянъ; при нихъ будутъ открыты и

(*) Я знаю одинъ только утѣшительный примѣръ въ Черниг. уѣздѣ, гдѣ *генеральскія дочери* учатъ у себя въ домѣ до 15 мальчиковъ и при томъ учатъ по-украински.

училища; предполагаютъ, что учить въ нихъ будутъ волостные писаря. Но извѣстно, что это за волостные писаря: полуграмотные мѣщане или козаки, получившіе образованіе въ извѣстныхъ волостныхъ училищахъ... Плохая надежда!.. по-крайности, у насъ не очень-то хорошо показали себя теперешніе писаря: то люди извѣстной нравственности, то безграмотные... Нашлись бы дворяне, воспитанники университетовъ, но они стѣснены тѣмъ постановленіемъ, что получившему высшее образованіе нельзя быть волостнымъ писаремъ... И эти, хорошо устроенныя, волости будутъ удовлетворять только двумъ своимъ назначеніямъ: быть помѣщеніемъ для волостныхъ сходовъ и квартирою для пріѣзжающихъ чиновниковъ; третье же ихъ назначеніе—помѣщеніе сельской школы—останется не выполненнымъ, а если и выполнится, то—какъ будутъ учить теперешніе писаря—заранѣе можно угадать...

Леся—ій.

СВѢДѢНІЕ О ОБУЧЕНІИ КОЗАЧИХЪ ДѢТЕЙ ГРАМОТѢ И ЭКЗЕРЦИЦІИ ВЪ ГАДЯЧСКОМЪ ПОЛКУ.

(Изъ Гадячскаго полковаго архива).

Изъ отмѣтокъ въ вѣдомостяхъ 1781 года, видно, что одни изъ козачьихъ дѣтей обучались военной экзерциціи, грамотѣ и письму, другіе учили въ псалтыри такую-то,—напримѣръ, *первую-надесять*,—каоисму, въ часословцѣ, напримѣръ, утреню; твердили часословець; учили въ часословцѣ вечерню; твердили псалтырь, граматку; иные обучались одной экзерциціи.

Изъ 91 души 2-й сотни учились грамотѣ 42, отъ 8 до 16 лѣтъ, и письму, отъ 11 до 19; экзерциціи 49, отъ 19 до 25 лѣтъ.

Вѣдомости объ этихъ дѣтяхъ посылались ежемѣсячно въ полковую канцелярію.

С. Мітла.

ПОПРАВКА.

Въ статьѣ — *Историческая Неправда и Западно-Россійскій Патріотизмъ* (іюльская книжка 1862 г.) замѣчены авторомъ слѣдующія невѣрности: вмѣсто словъ—«Польша была самою вѣротерпимою и гуманною страною въ мірѣ,»—напечатано: «Польша была вѣротерпимою и гуманною страною.» Сверхъ того, въ началѣ статьи г. Костомарова: *О преподаваніи на южнорусскомъ языкѣ* (іюньская книжка) вставлено имя Марка Вовчка, о которомъ вовсе не упоминается въ рукописи автора.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ.»

XXXIX. *Молодиця* изъ мѣстечка Ичнѣ, Черниговской губ. Борзенскаго уѣзда. Платокъ на головѣ пунцовый; воротникъ—золотой парчи, съ малиновыми разводами; нарукавники—тоже; *ýсы*—тоже парчевые; *чоботы*—красные, на коркахъ.

XXXX. Внутренность хаты въ одной изъ Черноморскихъ станицъ; рисовано съ натуры и гравировано А. Е. Бейдеманомъ.

Л. Ж.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 8-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Ба́бки — бабочки.
Багню́ка — болото, грязь.
Балаку́чий — говорливый.
Безро́да — безродный.
Бе́зперечъ — раз-по-разъ; безпрестанно
Безсоромітно — безстыдно.
Бе́лебень — возвышенное мѣсто; площадь; жить на бе́лебні — значитъ жить на концѣ хутора, или села.
Бованіти — видѣться въ неопредѣленныхъ формахъ.
Брузуме́нтъ — позументъ.

Варува́тись — медлить.
Вбитьця въ колодочки́ — оперяться.
Вибува́ти — выходить; освобождаться.
Ви́лущити — (перен.) — поколотить кого.
Ви́рва — у три ви́рви (въ-за́шей) гнать кого — вервіе (?)
Вітки? — откуда.
Влеща́ти — уговаривать, поддѣлываясь къ кому.
Вовту́зигись — возиться.
Волоття — колосья.
Въ-прийма́хъ (жить); въ-прийми взять, — (жить) пріемышемъ; (взять) въ пріемыши.
Втра́пити — потрафить, попасть.
Вя́тіръ — ятерь.

Га́нити — хаять, хулить.
Гінки́й, — тонкій, гнучкой.
Гли́нище — мѣсто въ рѣкѣ, откуда берутъ рыбу.
Глодъ, або гле́дъ — небольшой кустарникъ на которомъ растутъ красныя ягоды съ косточками.
Гля — для.
Го́спідъ — Господь.
Гойда́тись — качаться.
Гробакъ — большой червякъ.
Гукну́ти — крикнуть.
Гуръ-гуръ! — междометіе звукоподражательное, выражающее шумъ взлета многихъ птицъ разомъ.
Гшпачо́къ — скворецъ.

Дівоцтво — дѣвичество.
Дзи́ga — юла; волчекъ.
Дзи́гликъ — табуретъ, стулъ.
Добре́зний — (срав степ.) добрый.
Довгъ пра́вить — долгъ требовать.
До́рошъ — Дорофей.
Доточи́тись — достичь, добраться, докатиться.
Дропака (дати) — дать драла.

Жо́втогаря́чий — яркожелтый.

Зага́та — гать.
Заздріти — завидѣть
За́питъ — спросъ.
Запомогти́ — помочь.
За́полочь — красныя бумажныя питки, употребляемыя преимущественно для вышиванія рубахъ.
Затокотіти — застучать.
Захистъ — уютное, скрытное мѣсто.
Заха́патись — засуетиться.
За́щипка — щеколда.
Згідді — имущество; угодье.
Зінька — Зиновія.
Злига́тись — сойтись, связаться.
Зъіжа — яство.

Каля́ти — пачкать, марать.
Катери́нщикъ — шарманщикъ.
Кахлі — (множ.) — израсцы.
Кісни́къ — лента, вплетаемая въ косу.

Кладови́ще — кладбище.
Клишоно́гий — колченогий.
Ковба́ня—глубокая природная яма наполненная водой грязью, и т. п.
Коліща́тка — колесообразный узоръ.
Коло́да — колоды, пни.
Костюкъ — сбившійся вмѣстѣ клочокъ волосъ.
Кре́мяшокъ — камушекъ; округленный черепочекъ.
Кри́хта — крошка.
Кро́пля — капля.
Кругля́къ — нераспиленный лѣсъ; бревно.
Кружкома́ — въ кружекъ.
Ку́холь — большой кувшинъ.

Лапа́стий — широко-листий.
Латахи́ —
Літня́къ — лѣтнее жилье.
Лайли́вий — сварливый.
Лентваре́вий — овчинный.
Ліщи́на — орѣховое дерево.
Ля́лечка — (ум.) — кукла; игрушка.

Мандри́ка — приготовленный въ видѣ булки сыръ (на Петра и Павла).
Мере́жчатий—узорчатый вышитый.
Мерці — (множ.)—мертвецы.

Навко́люшкахъ — на колѣнкахъ
Налаштува́ти — наладить, приготовить, послать.
Невідничити — не-вѣдь-что́ говорить; болтать.
Не до-чми́ги —недоладу некстати.
Надозоли́ти — надоѣсть. насолить,

Обере́мокъ — охапокъ.
Обреха́ти — облаять; осудить, оклеветать.
Оги́рь — жеребецъ.
Одчухра́ти — (перенос.) — высѣчь, отодрать.
Ожи́на — ежевика.
Омили́тись — сдѣлать ошибку; обмолвиться.
Опу́дало — пугало.
Осору́жний — противный, гадкій.
Ось-дечки — вотъ здѣсь.

Перезва́ — свадебное собраніе родственниковъ, или друзей, одинъ другого зазывающихъ къ себѣ въ гости.
Перепини́ти — остановить; задержать.
Печи́на — перегорѣвшій кусокъ кирпича.
Пи́вонь — піонія.
Півколіщатка — узоръ, имѣющій видъ половины колеса.
Підтюпцемъ — подбѣгая, легкой рысцой.
Підцу́пити — стянуть, унесть; поддѣть.
Пірну́ти — нырнуть.
Повзъ — возлѣ, около; подлѣ.
Пововту́зитись — повозиться.
Повстяни́й — шерстяной, сдѣланный изъ шерсти, изъ которой дѣлается полсть.
Поли́чка — небольшая полка.
Помо́вка — рѣчь, говоръ, пословица.
Полу́ни́ці — клубника
По́милка — ошибка; обмолвка.
Поняла́ вода́ якъ ски́нуть о́комъ— затопила вода, какъ глазомъ окинуть.
Пообшарпований — пообщипаный, пообдерганый.
Порічки — смородина.
Посмугова́ний — исписанный, исполосанный.
Почипи́тись — повиснуть.
Пошарпати — подрать, порвать.
Престаре́зний — очень старый.
Прийми(а)тъ — пріемышъ.
Прихми — прихоть.
Проварня́кати — прогугнить, невнятно сказать.
Пробелькота́ти — не внятно проговорить.
Про́лісокъ — прогалина.
Про́рва — проточина
Процинди́рити — спустить съ рукъ; промотать.
Путани́на — путаница.

Раіна — дерево.
Ре́мствовати — обижаться, варекать.
Риніти — скрыпѣть.
Різника(ъ) — мясникъ.
Розбу́рковати — (перен.) разбужывать.
Розвереди́ти — растревожить; растравить.

Сага́ — заливъ или рукавъ.
Се́льбище — по селеніе.
Серпа́нокъ — толстая кисея.
Сірёма — бѣднякъ (отъ сѣрой одежи.
Спина́тись — привставать на корточкахъ.
Спре́жду — прежде, первоначально.
Стерня́ — сжатая нива.
Стрівати — встрѣчать.
Строка́тий — пестрый, полосатый.

Стромля́ти — втыкать.
Стя́бло — зварить ри́би на стя́бло —
Суни́ці — степная земляника.
Сябро́ — сосѣдъ.

Течія — потокъ.
Тиліпа́тись — мотаться.
Ти́рса — ковыль-трава.
Тіки — только.
Товари́на — (един.)—рогатая скотина.
Токотіти — стучать.
Тринди́кати — выдѣлывать на язы-кѣ какъ будто на скрыпкѣ, играть.
Трусі́ти — обыскивать кого.
Турготіти —
Тяжи́на — простая набойчатая или тканая полосатая матерія, въ родѣ тика.

Уле́щання — уговариванія, убѣжде-ніе.
Уле́щувати — уговаривать.
Уподовшъ — вдоль.

Харци́зъ — разбойникъ.
Хай — пускай.
Хвалько́ — хвастунъ.
Хіть — охота.

Цу́пити — тянуть съ напряженіемъ.
Цу́цикъ — собаченка, щенокъ.

Чебрець — растеніе.
Чечу́га — названіе рыбы.
Чупурни́й — опрятный.
Чупуру́нъ — хозяйливый, бережли-вый, любящій порядокъ.

Шаланди́вщикъ — суловщикъ.
Шала́нда — названіе судна.
Шашли́къ —
Шевляга —
Шкурато́къ — кусохъ старой кожи.
Шмага́ти — (перен.) бить, бросать.
Шпурля́ти — бросить съ силой.
Шубо́вс(х)(т)нути—упасть въ воду съ шумомъ.

Юрки́й — вертлявый, живой.

Яломо́къ — шапка, сваленная изъ шерсти.

Украинскія слова́, записанныя въ Бирючскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи.

Ано́! — вона́!

Ба́нтина — перекладина, связываю-щая вверху стропилы.
Бискéти — горы, ущелья, вертепы.
Бри́ця — посторонняя примѣсь въ просѣ.

Ваць!-ваць! — ваці́! кличка на свиней (см. пацъ—пацъ—паці́!).

Годи́на — хорошая погода.
Гу́затись — копаться, медлить.

Дцузъ! — брысь!

Жадо́ба—рѣдкость, диковинка, жа-жда, жадность.
Жа́лощі — сожалѣніе.

Загада́ти — сказать, напомнить, велѣть.
Завперува́ти — заупорствовать, за-упрямиться.
Замуцёваний — закоснѣлый.
Зімни́чува́тий — нескороспѣлый, стоящій зеленымъ до зимы.
Зъ-уріку — съ глазъ.

Кавсікнути — (перен.) — умереть.
Кучъ! — вичъ (на ягнятъ).

Ла́скавець — родъ цвѣтовъ.
Лепі́сточка — лепестокъ (тонкій какъ листъ).
Ле́пъ — потная грязь.
Ле́шко — (ласк.) лушенька; употребляется преимущественно женщинами,—напр: Я тебе, лешко, ждала—ждала, а ти й не прийшла.
Ли́шки! — прочь (на теленка).

Ма́точина — колесная ступица.
Мі́токъ — мотокъ пряжи, имѣющій въ себѣ 40 пасмъ.
Морсну́ти — ударить, мазнуть.
Морду́ля — (гу́ля) — шишка, опухоль.

Навпослі — послѣ.
Надолу́жити — налечь, усилить.
Нащо́ка — накладка, которою пристегивается ярмо къ дышлу въ снасти, принадлежащей къ плугу.
Назло́гахъ — облокотившись (сидя).
Наро́ха — нора.
Нащéсерце — натощакъ.
Нё! — но!
Него́да — непогода.
Нéхтувáти — портить, уродовать; переводить ни на́ что.

Отго́нитця — отзовется чѣмъ-нибудь (о вкусѣ).
Отро́ба — поносъ.
Одки́нутись — отказаться отъ брака послѣ сговора; не признавать своего дитяти (о скотинѣ).
Оплі́нъ — подушка (въ телѣгѣ).
Осить — не мало времени, давно, теперь ли; напримѣръ: о́сить, якъ борщъ виняли зъ печі, а вінъ все ще гарячий.
Оступи́тись — заступиться, защитить кого либо.
Очерви́віти — опротивѣть, надоѣсть.

Па́синокъ — небольшая головка капусты, выросшая около большаго качана.
Па́смо — число чисмъ, составляющихъ мотокъ (10 чисмъ).
Пацьо!—пацьо, пацьо́!—кличка на поросятъ.
Пищéний — изнѣженный, избалованный.
Платтяни́й — холщевый.
Плохи́й — тихій, смирный.
Прикуко́бити — приготовить, пріготовить, пріобрѣсть, запасти.
Прока́тъ — (?) процентъ.
Пропія́ка — (увел.)—пьяница.
Пруги́ — покромки.
Пужина — пустая оболочка проса, безъ ядра.

Ри́нка, ри́ночка — плошка, плошечка.
Ри́хта — прибыль; пошлина; доходъ.

Свинірка — свиное стадо.
Сволочки́ — перекладины, на которыхъ держится потолокъ.
Сколо́здрий — скороспѣлый.

Трамъ! — вичъ! (на овецъ).

Убосо́нічъ — на босую ногу.
У вечéрнему(?)прузі — въ вечернее время послѣ полудня.
Уклякну́ти — присѣсть на ноги;
Урикти́ — сглазить.
Учака́ти — посѣщать, навѣдываться.
Ушаки́ — звенья, которыя стоятъ у дверей; притолоки.

Хря́кати — харкать.

Чаву́нъ — гунъ.
Чи́смо — число нитокъ, заключающихся въ пасмѣ (3 нитки).
Чіпъ! — прочь (на поросенка и на собаку).
Чю-чю! — прочь (на поросятъ).

Шагну́ти — загорѣться, разомъ вспыхнуть; охватить поломемъ.
Шапли́къ — обрѣзъ, въ которомъ мочать бѣлье.
Шулі́къ — капуста, невыросшая въ качанъ.

Ще́пина—балка, связывающая снизу стропилы.
Щеплува́тий — тощій, худощавый.

Эля́! — прочь (на свинью).

И. Свячченко.

Отъ представителей православныхъ Болгарскихъ Славянъ изъ Филиппополя, архимандрита Софронія и Іеромонаха Герасима.

Между многими древними православными святынями, которыя разорены Турками, или терпятъ отъ покушеній католиковъ и протестантовъ, вниманіе православныхъ христіанъ привлекаетъ святыня, находящаяся въ окрестностяхъ города Филиппополя, во Ѳракіи, близь деревни Арапово. Здѣсь былъ нѣкогда православный Болгаро-Славянскій монастырь во имя св. Великомученицы Киріакіи (по Болгарски Недѣли). На развалинахъ его съ давнихъ временъ собирались каждый годъ, въ день св. Великомученицы, 7-го іюля, окружные православные Болгары, зажигали на камняхъ свѣчи и молились Богу подъ открытымъ небомъ. Источникъ, текущій не далеко отъ разрушеннаго монастыря, прославился многочисленными исцѣленіями. Чудеса, тутъ происходившія, убѣдили даже Турка, владѣльца сей мѣстности, расчистить ее и уступить христіанамъ; съ-тѣхъ-поръ, все болѣе и болѣе, собираются сюда изъ всѣхъ окрестностей многіе поклонники, не только христіане, но и Турки. Видя все это, епархіальный архіерей, Паисій, и Болгарскіе старшины пожелали построить, на мѣстѣ стараго, новый монастырь съ церковью во имя св. Великомученицъ Киріакіи и Параскевы. Въ 1858 г. начали постройку и деньги на нее взяты въ долгъ съ процентами, въ прошломъ же году она окончена; но *тяжкое положеніе Болгаръ, обремененныхъ турецкими налогами*, препятствуетъ уплатить долгъ, еще увеличившійся отъ процентовъ, тѣмъ болѣе, что новая церковь до-сихъ-поръ не имѣетъ самой даже необходимой церковной утвари, св. облаченій, иконъ и богослужебныхъ книгъ. Такое печальное положеніе дѣла побудило Филиппопольскихъ православныхъ Болгаръ отправить въ Россію архимандрита Софронія и Іеромонаха Герасима, которые нынѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія Государя Императора и благословенія Святѣйшаго Правительствующаго

Синода, обращаются къ Русскимъ людямъ съ прошеніемъ о помощи и съ твердымъ убѣжденіемъ, что страна, представляющая нынѣ единственный сильный оплотъ Славянскому православію, *не откажетъ въ содѣйствіи своимъ бѣднымъ угнетеннымъ братьямъ. Чтобъ спасти молодыхъ людей*, которые нерѣдко, по неимѣнію своихъ, воспитываются въ латинскихъ школахъ, *Болгары желали бы учредить въ новомъ монастырѣ также семинарію и библіотеку.*

Добровольныя пожертвованія просятъ доставлять въ Москву: *на Тверской улицѣ въ С.-Петербургскомъ подворьѣ № 11*, Болгарамъ архимандриту Софронію и Іеромонаху Герасиму, а также *въ С.-Петербургъ, въ редакцію Основы*, для передачи по назначенію.

"СѢВЕРНОЕ СІЯНІЕ"

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ,

№№ 1—9. Ц. за годовое изданіе **6 р.** съ перес. **8 р.**

Передъ нами девять выпусковъ новаго періодическаго изданія «Сѣверное Сіяніе». Кромѣ нѣкоторыхъ благопріятныхъ, но очень поверхностныхъ, словъ, сказанныхъ въ нѣсколькихъ журналахъ и газетахъ, послѣ выхода перваго выпуска, мы не встрѣчали объ этомъ изданіи ни одной строки ни въ одномъ изъ нашихъ журналовъ. А, кажется, изданіе, которое такъ существенно различается отъ всѣхъ прочихъ, до-сихъ-поръ изданныхъ и издаваемыхъ у насъ, стоитъ того, чтобы о немъ поговорить обстоятельнѣе.

Цѣль изданія состоитъ въ томъ, чтобы представить въ гравюрахъ на стали: 1) копіи съ картинъ русскихъ живописцевъ, 2) сцены изъ русской исторіи, 3) рисунки къ сочиненіямъ русскихъ писателей и 4) виды замѣчательныхъ русскихъ мѣстностей съ объяснительнымъ текстомъ.

По первому отдѣлу въ девяти тетрадяхъ, вышедшихъ до сихъ поръ, представлены: «Нимфа», Неффа; «Явленіе Спасителя св. Маріи Магдалинѣ», А. Иванова; «Спаситель на Голгофѣ», А. Штейбена; «Пріѣздъ жениха», П. Ѳедотова; «Діана на крыльяхъ ночи», К. Брюллова; »Великая княгиня Софья Витовтона вырываетъ поясъ у князя Василія-Косого на свадьбѣ князя Василья-темного», П. Чистякова; «Партія арестантовъ на привалѣ», В. Якоби; «Овцы, загоняемыя вьюгою въ море», И. Айвазовскаго; «Янъ Усмочивецъ», Угрюмова. Что касается до выбора, можно бы, пожалуй, и поспорить съ издателемъ, зачѣмъ помѣщено то, а не помѣщено другое, но подобные споры ни къ чему не ведутъ и ничего не доказываютъ. Вопросъ заключается въ томъ: имѣли ли всѣ помѣщенныя копіи право на такое отличіе? О Неффе,

Ивановѣ, Штейбенѣ, Ѳедотовѣ, Брюловѣ и Айвазовскомъ, кажется, спорить нечего; они принадлежатъ къ лучшимъ нашимъ художникамъ и извѣстны всѣмъ, кто только интересуется отечественнымъ искуствомъ. Чистяковъ и Якоби имена хоть новыя, но произведенія ихъ, помѣщенныя въ «Сѣверномъ Сіяніи», получили первую золотую медаль на выставкѣ академіи художествъ и потому имѣютъ право на всеобщее вниманіе.

Второй отдѣлъ, посвященный отечественной исторіи, составленъ исключительно изъ оргинальныхъ рисунковъ, извѣстнаго нашего талантливаго художника–академика Адольфа Шарлемана. Въ этомъ отдѣлѣ до сихъ поръ помѣщены: «Пожарскій въ битвѣ подъ Москвою», «Крещеніе русскаго народа», «Послѣднія минуты Наполеона въ Москвѣ», «Ермакъ, покоритель Сибири», «Заложеніе петербургской крѣпости», «Марина Мнишекъ, возбуждающая калужанъ къ мести за смерть Тушинскаго–вора», «Суворовъ на С. Готардѣ», «Анна Іоанновна, принимающая самодержавіе, «Отреченіе царевича Алексѣя Петровича». Разобрать отдѣльно каждый рисунокъ нѣтъ возможности, это повлекло бы насъ слишкомъ далеко; скажемъ вообще, несмотря на нѣкоторые недостатки, неизбѣжные во всякомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе такомъ серьезномъ и трудномъ—г. Шарлемань исполнилъ свою задачу добросовѣстно, съ знаніемъ дѣла и доказалъ намъ, что онъ принадлежитъ къ лучшимъ нашимъ современнымъ талантамъ.

Третій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ исключительно рисунки къ поэтическимъ сочиненіямъ Пушкина Надъ этимъ отдѣломъ трудились гг. Микѣшинъ (2 рисунка), Бебедевъ (2 рисунка) и Трутовскій (4 рисунка), кромѣ того помѣщена копія съ картины Брюллова «Бахчисарайскій фонтанъ». Сцены, изображенныя художниками, взяты изъ Евгенія Онѣгина» (2 рис.) «Руслана и Людмилы», «Кавказскаго плѣнника», «Графа Нулина», «Бориса Годунова» «Цыганахъ» и «Братьевъ разбойниковъ». Микѣшинъ, Лебедевъ и Трутовскій—имена всѣмъ извѣстныя, и хотя мы не вездѣ и не во всѣхъ изображеніяхъ согласны съ художниками, однако нѣтъ ни одного рисунка, въ которомъ бы не былъ замѣтенъ опытный карандашъ талантливаго художника.

Въ четвертомъ отдѣлѣ мы находимъ богатую коллекцію видовъ Петербурга. На изданныхъ до сихъ поръ девяти листахъ находится 81 видъ, остальные три листа, которые будутъ въ послѣднихъ выпускахъ этого года, будутъ заключать въ себѣ еще 27 видовъ. Одна только гравюра на стали въ состояніи передать, въ такомъ маломъ форматѣ, такъ отчетливо и эфектно эти виды.

Гравировка всѣхъ этихъ рисунковъ исполнена за границей и вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ справедливымъ требованіямъ. Само собою, разумѣется, это не chefs-d'oeuvre гравировальнаго искуства, да кто же и потребуетъ за 6 руб. сорокъ восемъ листовъ безукоризненно-превосходныхъ гравюръ? Такія гравюры стоили бы вдесятеро дороже. Довольно, что онѣ не уступаютъ иностраннымъ изданіямъ такого рода.

Изъ объявленія издателя мы узнали, что въ послѣднихъ трехъ выпускахъ, встрѣтимъ еще слѣдующія гравюры; *а*) по первому отдѣлу: «Троица», Брюллова; «Нимфы въ гротѣ», Неффа; *б*) по второму отдѣлу: »Пиръ у князя Потемкина въ таврическомъ дворцѣ»; «Рѣчь Царя Іоанна IV на лобномъ мѣстѣ»; «Сожженіе разрядныхъ книгъ при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ 1682 г.»; *в*) по третьему отдѣлу: «Полтава», «Женихъ», «Русалка», рисованные г. Трутовскимъ и *г*) въ четвертомъ отдѣлѣ, какъ выше сказано, 27 видовъ Петербурга и окрестностей, на трехъ листахъ.

Обращаемся теперь къ тексту. Почти въ каждомъ выпускѣ встрѣчаются одни и тѣ же имена: П. Петровъ, І. Шишкинъ, В. Зотовъ, М. Хмыровъ и М. Михайловъ,—вотъ почти всѣ сотрудники «Сѣвернаго Сіянія». П. Петровъ принялъ на себя статьи, относящіяся до художественной критики и біографіи художниковъ; должно полагать, что онъ же пишетъ художественный фельетонъ. Статьи о русской исторіи написаны І. И. Шишкинымъ и М. Д. Хмыровымъ. Это не компиляціи, составленныя на скорую руку изъ общедоступныхъ книгъ, а серьезныя монографіи, отвѣчающія всѣмъ требованіямъ современной науки. При всемъ этомъ очерки читаются легко и пріятно, такъ что смѣло можно сказать: статьи эти составляютъ истинно замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ.

Критическія статьи о Пушкинѣ написаны однимъ изъ нашихъ современныхъ журналистовъ В. Р. Зотовымъ.

Наконецъ, описаніе Петербурга г. Михайлова не только знакомитъ съ этимъ городомъ тѣхъ лицъ, которыя не имѣютъ еще никакого понятія о немъ, но даже петербургскіе жители узнаютъ много для новаго и интереснаго въ этихъ очеркахъ.

Вотъ краткое обозрѣніе того, что «Сѣверное Сіяніе» до сихъ поръ представило своимъ подписчикамъ. Присовокупляемъ, что кромѣ двѣнадцати выпусковъ каждый подписчикъ получаетъ еще «премію», большую гравюру, для комнатнаго украшенія. Намъ удалось видѣть фотографическій снимокъ съ оригинала, нарочно для этой цѣли заказан-

ный издателемъ и исполненный однимъ изъ талантливыхъ нашихъ живописцевъ г. Бейдеманомъ. Сюжетъ гравюры заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Братья, будемъ любить другъ друга и трудиться на пользу и славу родной земли». Поводомъ къ этой картинѣ послужило важнѣйшее, современное отечественное событіе: освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Событіе это подало художнику мысль изобразить типы обитающихъ въ имперіи народовъ и сословій, соединенныхъ какъ братья для мирныхъ занятій. Надъ ними на высокомъ пьедесталѣ, украшенномъ гербами, «благословляющая Россія», женская фигура, въ старинномъ русскомъ нарядѣ, простирающая руки надъ своими сыновьями. За ней стоитъ молодой русскій крестьянинъ со знаменемъ въ рукахъ, на которомъ написаны вышеприведенныя слова. Внизу, подъ камнемъ съ надписью: «Императоръ Александръ II, 19-го февраля 1861 года, 23 мильона русскаго народа освободилъ отъ крѣпостнаго состоянія», изображены во мракѣ—символы уничтоженія рабства: сломанное ярмо, хомутъ, цѣпи, веревки и т. д., туда же летятъ брошенныя сверху оружія горцевъ, принимающихся за мирныя занятія и атрибуты уничтоженія откупа и водворенія обществъ трезвости. Группы разныхъ племенъ (слишкомъ 40 фигуръ) скомпанованы весьма разнообразно и красиво. За ними, на заднемъ планѣ символы промышленности, торговли, художествъ и пр.: корабли, паровозы, фабрики, церквы и хижины. Надъ всѣмъ радуга и бѣлый голубь съ оливковою вѣткою, символы мира. Мы убѣждены, что премія эта доставитъ удовольствіе всѣмъ подписчикамъ и будетъ служить достойнымъ украшеніемъ любаго кабинета.

Въ своемъ объявленіи издатель «Сѣвернаго Сіянія» сдѣлалъ еще слѣдующее обѣщаніе: «Если наши ожиданія на значительное число подписчиковъ оправдаются, то, въ концѣ года, мы отдѣлимъ часть своей прибыли на покупку оригинальныхъ картинъ современныхъ русскихъ художниковъ, въ особенности молодыхъ талантовъ, нуждающихся въ поддержкѣ, и раздадимъ эти картины по жребію, между своими подписчиками». Мы справлялись у издателя, осуществится–ли это предположеніе въ настоящемъ году, и, къ сожалѣнію, получили отрицательный отвѣтъ. Хотя число подписчиковъ и достигло значительной цифры (4,200), но расходы, въ особенности перваго года, были такъ велики, что о прибыли нѣтъ и рѣчи. Въ будущемъ году, при бо́льшей опытности, издатель надѣется сократить нѣкоторые расходы; конечно, не въ ущербъ самаго изданія, и тогда, если поддержка со стороны

публики продолжится въ томъ же размѣрѣ, какъ до сихъ поръ, проэктъ этотъ непремѣнно будетъ исполненъ,—но для этого нужно не менѣе 6,000 подписчиковъ. Мы не сомнѣваемся, что «Сѣверное Сіяніе» достигнетъ не только этого числа, но и гораздо бо́льшаго. Изящество и дешевизна этого изданія замѣчательны. Ничего подобнаго не было еще въ нашей журналистикѣ; рѣдкое изданіе началось съ такимъ успѣхомъ, и если оно будетъ поддержано также добросовѣстно (въ чемъ нѣтъ причинъ сомнѣваться), то кругъ подписчиковъ долженъ значительно увеличиться.

Вѣроятно, многія лица, недовѣрчивыя къ новымъ періодическимъ изданіямъ, остановились подпискою и ожидаютъ выхода всего годоваго изданія; замѣтимъ для нихъ, что премію будутъ получать только подписчики, а не покупатели полнаго тома. Въ этомъ и заключается значеніе преміи: вознаградить тѣхъ, которые, посредствомъ внесенія денегъ впередъ, поддержали это предпріятіе.

Подписка на 1862 годъ продолжается до 1 декабря, а на 1863 годъ открыта съ 15 сентября. Адресовать: Въ редакцію Сѣвернаго Сіянія въ С.-Петербургѣ, у Пѣвческаго моста, въ д. Утина, кв. № 46.

16183

СПИСКИ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ,

СОСТАВЛЕННЫЕ И ИЗДАВАЕМЫЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫМЪ СТАТИСТИЧЕСКИМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

НОВЫЕ ТРИ ВЫПУСКА ЭТОГО ИЗДАНІЯ, заключающіе въ себѣ списки населенныхъ мѣстъ:

Цѣна въ С.-Петербургѣ.

I. ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ. 1862 г. Въ большую 8-ку, XXXIII и 262 стр., съ хромолитографированною картою . . . . . 1 р. 75 к.

(Вѣсовыхъ за 2 фунта, укупорочныхъ 10 коп.)

II. ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ. 1862 г. Въ большую 8-ку XLIII и 454 стр. съ хромолитографированною картою . . . . . 2—50—

(Вѣсовыхъ за 2 фунта, укупорочныхъ 10 коп.)

III. ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ. 1862 г. Въ большую 8-ку XLIV и 192 стр. съ хромолитографированною картою . . . . . 1—50—

(Вѣсовыхъ за 2 фунта, укупорочныхъ 10 коп.)

Продаются

Въ книжныхъ магазинахъ Д. Е. Кожанчикова, И. П. Анисимова (бывшемъ Лоскутова) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.